

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

Записки Н. Г. Залѣсова.

Членъ военнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Николай Гавриловичъ Залѣсовъ родился 25-го мая 1828 года. По окончаніи курса въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ въ прапорщики 28-го марта 1848 г. съ назначеніемъ въ Оренбургскій линейный № 3 баталіонъ. Черезъ два года Николай Гавриловичъ поступилъ въ императорскую Военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), былъ произведенъ за отличные успѣхи въ наукахъ въ поручики и 20-го ноября 1853 года переведенъ въ генеральный штабъ. Командированный въ штабъ командовавшаго 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ корпусами, Залѣсовъ, оказавъ отличіе во время осады Силістріи и въ сраженіи 13-го февраля 1855 года, былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта въ управленіи генераль-квартирмейстера. Въ маѣ 1856 года Николай Гавриловичъ былъ командированъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ, исполнялъ тамъ послѣдовательно обязанности старшаго адъютанта, дивизионнаго квартирмейстера 23-й пѣхотной дивизіи и находился въ составѣ миссіи, отправленной въ 1856 году въ Хиву и Бухару. По возвращеніи въ Россію, Залѣсовъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Оренбургскаго корпуса. 7-го мая 1859 года онъ произведенъ въ подполковники, а 9-го марта 1864 г. за отличіе въ полковники. Въ августѣ 1865 года онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа, а 20-го апрѣля 1869 г. былъ произведенъ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ штаба того же округа. Въ этомъ званіи Николай Гавриловичъ принималъ участіе во введеніи новаго положенія въ Киргизской степи и въ ноябрѣ 1870 г. отчисленъ отъ занимаемой имъ должности съ зачисле-

ніемъ по генеральному штабу. Въ январѣ 1876 г. Залѣсовъ былъ прикомандированъ къ Главному штабу съ назначеніемъ членомъ вновь учрежденнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистическаго совѣта и въ ноябрѣ того же года назначенъ командующимъ 27-ю пѣхотною дивизіею. Въ августѣ 1878 г. Николай Гавриловичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1888 г. назначенъ командиромъ 17-го армейскаго корпуса, и 30-го августа 1892 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ ноябрѣ того же года онъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. 2-го февраля 1896 года Н. Г. Залѣсовъ скончался на 68-мъ году отъ роду.

Р е д.

I.

Дѣтство.—Отроческіе годы.—Отецъ и мать.—Первоначальное обученіе.—Жизнь въ Уфѣ и Белебеѣ.—Поступленіе въ училище.—Начальствующія лица и содержаніе въ училищѣ.

Я родился 25-го мая 1828 года на поташномъ заводѣ моего отца въ 35 верстахъ отъ г. Бугульмы Оренбургской (нынѣ Самарской) губ. Земля, на которой стоялъ заводъ, была временно уступлена отцу сосѣдней помѣщицей, родственницей по мужѣ моей матушкѣ, Евгеніей Степановной Угличиной, рожденной Аксаковой. Мужъ ея, ветеранъ Суворовскихъ временъ, отставной полковникъ Угличининъ, былъ дядей моей матери и моимъ крестнымъ отцомъ. О четѣ этой любопытныя свѣдѣнія можно найти въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова, которому Евгенія Степановна приходилась родною теткою.

Отецъ мой былъ маленькій чиновникъ земской полиціи въ родѣ нынѣшнихъ становыхъ приставовъ, впоследствии служилъ стряпчимъ въ Белебеѣ и этою должностію окончилъ свою служебную карьеру. Онъ не получилъ никакого воспитанія, но былъ отъ природы одаренъ здоровымъ умомъ, сильнымъ характеромъ и, что для тогдашняго времени удивительно, самымъ честнымъ взглядомъ на свои обязанности. Когда онъ оставилъ уже службу и я, будучи мальчикомъ лѣтъ 10-ти, сопровождалъ его въ различныхъ поѣздкахъ по губерніи, то почти въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались кормить лошадей, мнѣ приводилось слышать у разноплеменныхъ нашихъ домохозяевъ: башкирь, чувашъ, мордвы, вотяковъ и пр. почти одинъ и тотъ же разговоръ съ отцомъ.

— Ай, совсѣмъ правды теперь не стало—говорили они. При тебѣ былоно хороша было, Гавриль Иванычъ, къ тебѣ всякій человекъ хо-

диль, никого ты не обижаль, а теперь совсѣмъ народъ кончалъ: писарь тащить, становой тащить, исправникъ тащить—совсѣмъ разоренье, а дѣла не кончаютъ.

Такъ разсуждали эти дѣти природы, толпами собираясь къ отцу посоветоваться о своихъ дѣлахъ и усердно угощая насъ всѣмъ, что у нихъ было. Этотъ неподкупленный отзывъ народа служилъ лучшимъ вознагражденіемъ отцу за его прежнюю честную дѣятельность.

Будучи самъ человѣкомъ мало образованнымъ, отецъ однако вполнѣ цѣнилъ образованіе и, не смотря на скудные средства, ничего не жалѣлъ на наше ученіе. Два старшихъ моихъ брата, получивъ солидное домашнее воспитаніе, были отданы въ Казанскую гимназію, перешли въ университетъ, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ, а другой окончилъ курсъ юристомъ.

Матушка моя была изъ стариннаго дворянскаго рода Лаптевыхъ; отъ природы добрая и кроткая женщина, она не получила никакого образованія и даже не умѣла читать и писать. Домовитая хозяйка, высоко честная и религіозная женщина, она вносила въ нашу семью миръ и покой, иногда страдавшіе отъ излишней пылкости ея мужа. Матушкѣ было 15 лѣтъ, когда она вышла замужъ за отца, а послѣдному 17 лѣтъ. Свадьба ихъ была, кажется, года за два или за три до отечественной войны, ибо въ 1813 году отецъ уже въ качествѣ избраннаго дворянами чиновника отводилъ конскій ремонтъ съ губерніи въ крѣпость Брестъ-Литовскъ, о чемъ онъ иногда намъ разсказывалъ.

Матушка принесла въ замужество, какъ потомственная дворянка, небольшую деревеньку, тогда какъ отецъ, будучи личнымъ дворяниномъ, самъ не имѣлъ права владѣть крестьянами.

Первыя сколько-нибудь опредѣленные и связныя воспоминанія о лѣтахъ дѣтства, должно быть, относятся къ 5-му или 6-му году моей жизни, когда разъ на заводѣ я пустился за какимъ-то гусемъ переходить по жердочкамъ рѣку; меня во-время успѣли схватить и порядочно поугади розгой въ видѣ небольшой вѣтки. Смутно помню нашъ переездъ въ Белебей, гдѣ отецъ получилъ мѣсто стряпчаго, и затѣмъ въ памяти моей опять все закрывается мглой до 1836 года. Этотъ годъ мнѣ памятенъ, во-первыхъ, потому, что всѣ кругомъ меня говорили о предстоящемъ въ этомъ году свѣтопреставленіи, всѣ охали и молились о грѣхахъ, а во-вторыхъ, меня начали учить грамотѣ. Но свѣтопреставленія почему-то не состоялось, а нанятый мнѣ въ учителя дьяконъ нашей церкви, начавшій со мною изученіе славянской азбуки, побившись мѣсяца два или три, объявилъ отцу, что я такъ тупъ, что онъ не видитъ никакой надежды на успѣхъ и потому, не смотря на получаемое имъ вознагражденіе по 2 рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ, рѣшительно отказывается меня учить. Рѣшеніе это очень опечалило отца, но не на

долго. Черезъ полгода къ намъ пріѣхала погостить тетка моя; она привезла съ собою русскую азбуку съ картинками и шутя выучила меня въ недѣлю читать по складамъ, а мѣсяца черезъ два найдено было возможнымъ приступить уже и къ письму. Къ сожалѣнію, тетка въ это время уѣхала, и я вновь поступилъ къ дьякону. Пошло безконечное писаніе отдѣльныхъ буквъ и такъ шло до тѣхъ поръ, пока наконецъ отецъ, не видя успѣховъ, не прогналъ учителя и не принялся самъ за мое чиstopисаніе. Но отецъ оказался еще хуже дьякона, онъ часто отрывался отъ дѣла и былъ очень горячъ и нетерпѣливъ.

Помню около этого же времени весьма важное происшествіе, случившееся у насъ въ домѣ. Въ одинъ день вся наша крѣпостная прислуга ушла, и мы остались безъ людей, такъ что матушкѣ самой пришлось идти въ кухню готовить, а сестрамъ убирать комнаты. Причиною этого было слѣдующее: къ людямъ, полученнымъ за матушкой, отецъ давно уже прикупилъ еще нѣсколько семей и поселилъ ихъ въ матушкиной деревнѣ, но по какому-то закону людьми этими мы не имѣли права владѣть, они жаловались, а глядя на нихъ, стали искать воли и родовые люди матушки. Уѣздныя и губернскія власти, взявъ съ людей порядочную взятку, распорядились отобрать ихъ отъ матушки впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла Сенатомъ и такимъ образомъ разжаловали ее изъ помѣщицъ. Отецъ сталъ хлопотать; одна изъ его знакомыхъ посовѣтовала ему съѣздить въ Петербургъ и обратиться тамъ къ проживающему въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ купцу 2-ой гильдіи Блинову. Отецъ живо слеталъ въ столицу, познакомился съ Блиновымъ, заплатилъ ему 500 руб. ассигнаціями, и мигомъ все дѣло было перерѣшено Сенатомъ, и всѣ безъ исключенія люди возвращены матушкѣ.

Лѣта шли, и изъ меня формировался худощавый рослый мальчикъ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. У меня была сильная золотуха, и кромѣ того я страдалъ припадками лунатизма, отчего меня хотя и лѣчили разными домашними средствами, но безъ успѣха. Я былъ совершенно отданъ на руки проживавшей у насъ старой тетки, которая не чаяла во мнѣ души и на убой кормила меня всякими сластями. Взаимная наша привязанность была такъ сильна, что когда тетка задумала переселиться въ Бугульму, мы оба такъ плакали, что отецъ рѣшился отпустить меня съ ней, и съ этого времени я долженъ считать начало моего серьезнаго обученія. Въ Бугульмѣ мнѣ наняли довольно порядочнаго учителя изъ уѣзднаго училища, и я принялся за грамматику, ариметику и законъ Божій. Не смотря однако же на это, успѣховъ я оказалъ не много по причинѣ баловства тетки и развившейся оттого во мнѣ лѣности, что не ускользнуло отъ отца, и онъ черезъ два года перевезъ меня изъ Бугульмы въ Уфу.

Въ Уфѣ меня поселили въ домѣ дальней родственницы матери—Угличиной, вмѣстѣ съ сыномъ ея гимназистомъ и стали готовить во 2-й классъ гимназіи. Ко мнѣ приходилъ особый учитель, и я зубрилъ съ нимъ латынь, къ которой чувствовалъ однако же особое отвращеніе. Одиннадцать мѣсяцевъ я пробылъ въ Уфѣ и если изъ меня не сдѣлался окончательно негодяй, то за это я обязанъ Богу и честному своему отцу, успѣвшему уже поселить во мнѣ добрыя правила нравственности, которыя не могла сломить и уфимская жизнь. Дѣло въ томъ, что сожитель мой, молодой Угличининъ, былъ старше меня и при томъ отъявленный лѣнтяй и повѣса. Находясь ежедневно съ нимъ, я невольно подчинился его влиянію и такъ же, какъ онъ, сталъ лѣниться. Старшіе въ домѣ на насъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, особенно на меня; мы постоянно проводили время среди лакеевъ и обширной дворни, которую содержала Угличинина, гоняли голубей, таскали изъ сосѣдняго сада Ломоносова овощи, и къ концу моего пребыванія Угличининъ познакомилъ меня даже съ водкой, отъ которой впрочемъ каждый разъ мнѣ дѣлалось дурно. Мнѣ давали ѣсть только по мѣркѣ, тогда какъ аппетитъ былъ у меня молодой, хорошей, и я вошелъ въ долги, набирая въ счетъ будущихъ благъ припасы у булочника и въ лавкѣ. Бережливый отецъ, хотя и одѣвалъ меня прилично, но лишннихъ вещей у меня не было; при безпутной же моей жизни и путешествіяхъ по заборамъ, чердакамъ и грязи одежда моя быстро изнашивалась, и я ходилъ постоянно оборванцемъ, совѣстясь показаться предъ порядочными людьми.

Къ счастью, отецъ пріѣхалъ самъ въ Уфу и, увидавъ, что дѣло плохо, увезъ меня опять къ себѣ въ Белебей.

Здѣсь я пробылъ полтора года, ничего не дѣлая, но во мнѣ стало сказываться самолюбіе, я начиналъ тяготиться своимъ положеніемъ, совѣстясь встрѣчаться съ сверстниками по играмъ, которые всѣ уже учились чему-нибудь. За недостаткомъ положительныхъ занятій, я бросился въ чтеніе, но бібліотека отца состояла всего изъ какого-то календаря съ описаніемъ борьбы Христиановъ съ Карлистами, что я выучилъ вскорѣ наизусть; тогда я сталъ ходить по городу и отовсюду брать книжки, глотая ихъ съ жадностью; романы, повѣсти, сказки, ученые сочиненія, стихи—все полѣзло безъ разбора въ мою голову, производя въ ней страшный ералашъ и разжигая безъ толку юное воображеніе. По временамъ къ намъ пріѣзжала изъ Бугульмы воспитательница моя, тетка, страшная охотница до таинственныхъ разсказовъ, и она меня заставляла по вечерамъ читать ей въ слухъ романы г-жи Радклифъ съ описаніемъ страшныхъ подземелій и привидѣній. Бывало, позднимъ вечеромъ съ одной сальной свѣчкой при страшной тишинѣ въ домѣ сидишь передъ дремлющей старушкой и читаешь всѣ эти

ужасы; волосъ у самого становится дыбомъ, голосъ дрожить, скрипеть гдѣ-нибудь ставень, раздастся шорохъ, такъ и ждешь, что вотъ появится страшный мертвецъ, внутри что-то замретъ, дыханье пріостановится, а старушка сейчасъ и понукаетъ: «читай, батюшка, читай самое интересное мѣсто, а ты остановился», и дѣлать нечего: читаешь какъ въ лихорадкѣ, пока не утомится слушательница. Но всему бываетъ конецъ, наступилъ онъ и для моего бездѣлья. Отца тогда сильно занимала мысль вывести насъ съ братомъ поскорѣе въ дворяне, и съ этою цѣлью братъ по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ былъ опредѣленъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ юнкеромъ, а меня осенью 1841 года отвезли тоже въ Оренбургъ и опредѣлили въ Оренбургское Неплюевское военное училище, вскорѣ преобразованное въ кадетскій корпусъ.

Наступила новая эра жизни. Меня, 13-ти-лѣтняго юношу, привели въ корпусъ вечеромъ часовъ въ шесть въ сентябрѣ мѣсяцѣ; въ тотъ же вечеръ мнѣ, какъ новенькому, успѣли надавать щелчковъ, вымазали платье, насыпали песку въ карманы и за галстухъ, дали какое-то прозвище, и я такимъ образомъ былъ посвященъ въ кадеты.

Я не буду подробно описывать тогдашніе кадетскіе порядки, они достаточно извѣстны. Насъ кормили плохо, держали въ холодныхъ комнатахъ, безсовѣстно воруя дрова, учили всему и ничему, т. е. верхушкамъ, налегали всѣми мѣрами на фронтъ, исправно сѣкли по субботамъ и выпускали въ офицеры на основаніи правъ происхожденія и познаній во фронтѣ, не обращая почти никакого вниманія на умственные способности. Директоромъ училища былъ тогда одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, подполковникъ Марковъ, но онъ былъ такъ лѣнивъ, что весь день не выходилъ изъ халата и къ намъ не заглядывалъ. Инспекторъ былъ статскій Дьяконовъ, человекъ умный, но грубый до послѣдней степени, онъ иначе не говорилъ съ кадетами, какъ сопровождая свою рѣчь словами, «ну ты, лошадь, дуракъ, скотина» и проч.

Для поддержки фронта великій князь Михаилъ Павловичъ распорядился прислать въ качествѣ ротнаго командира Павловскаго корпуса поручика Энгельке. Страшно толстый, небольшого роста человекъ, съ добрымъ въ сущности сердцемъ, онъ напускалъ на себя страшную строгость. День и ночь онъ кричалъ на насъ безъ умолку, обладая довольно сильнымъ голосомъ. У него не было даже другаго разговора, какъ крикъ; наказывалъ онъ за всякую малость и, когда только появлялся въ училищѣ, наступала гробовая тишина и все безмолвно тряслось со страха. Офицеры были взяты изъ Оренбургскаго линейнаго баталіона, ихъ было три: подпоручикъ Бибиковъ—грубый мужикъ, отличавшійся замѣчательною глупостью, Фигнеръ, внукъ знаменитаго партизана—доб-

рый человѣкъ, но отъявленный пьяница и кутила, приходившій на дежурство постоянно съ подбитой физиономіей, и Аничковъ, болѣе другихъ образованный, но не говорившій и десяти словъ въ день и болѣе пригодный по характеру смотрѣть за дѣвочками, чѣмъ за кадетами. Училище помѣщалось въ двухъ-этажномъ, мрачномъ вонючемъ домѣ напротивъ церкви св. Троицы и дѣлилось на два отдѣленія, азіатское для киргизовъ, башкиръ, и проч., и европейское. Программы и права отдѣленій были различны. Полный курсъ продолжался 6 лѣтъ и дѣлился на 3 класса по 2 года въ каждомъ. Учителя, по тому времени, были порядочные благодаря близости Казанскаго университета; появлялись, правда, и между ними пьянчуги или недоучившіеся студенты, но это было изрѣдка. Законоучителемъ былъ 70-ти-лѣтній старецъ, протоіерей Петропавловскаго военнаго собора Содальскій; онъ всегда дремалъ въ классѣ. Французскій учитель Дандевилль и нѣмецкій Фенколь были взяты изъ гувернеровъ у мѣстныхъ помѣщиковъ. За шести-лѣтнее мое пребываніе въ корпусѣ фельдфебелями были: Дандевилль ¹⁾, Ивановъ, впоследствии помощникъ интенданта Варшавскаго округа, и Халецкій умеръ въ молодыхъ годахъ въ чинѣ полковника и дежурнаго штаб-офицера Оренбургскаго корпуса.

День нашъ распредѣлялся такъ: въ 6 часовъ вставали и пили по стакану горячаго сбитня съ кускомъ пшеничнаго хлѣба, отъ 8 до 11 часовъ классы, отъ 11 до 1¹/₂ фронтное ученіе, гимнастика и прогулка на дворѣ, не смотря ни на какую погоду, въ половинѣ втораго обѣда изъ трехъ блюдъ: щи, жареное и каша; отъ 3 до 6 классы, полчаса отдыха и отъ половины седьмаго до 9-ти приготовленіе уроковъ; въ 9 ужинъ изъ 2 блюдъ, въ 9¹/₂ спать. По субботамъ послѣ утреннихъ классовъ была баня, затѣмъ приносили отпускной списокъ отъ инспектора съ отмѣткой, кто сколько уроковъ не зналъ въ недѣлю; незаписанныхъ отпускали на воскресенье по домамъ, а записанныхъ подвергали наказанію: не знавшихъ свыше 4—5 уроковъ сажали въ карцеръ, а записанныхъ свыше 6 уроковъ по большей части изъ младшихъ классовъ отводили наверхъ въ умывальную, гдѣ Энгельке съ удовольствіемъ знатока этого дѣла наказывалъ ихъ розгами, всегда приносимыми съ ледника.

---

¹⁾ Нынѣ членъ военнаго совѣта.

II.

Классныя занятія, фронтъ, награжденіе петлицами.—Переименованіе училища въ корпусъ.—Болѣзнь.—Выпускъ.—Характеристика Энгельке.—Жизнь въ Белебѣ.—Производство въ офицеры.

Не зная хорошенько, какъ распредѣлять время для приготовленія уроковъ, не имѣя программы и курсовъ, при незнакомствѣ съ требованіями учителей, я первое время въ корпусѣ былъ постоянно записанъ за незнаніе уроковъ и даже не былъ уволенъ въ отпускъ въ день именинъ моихъ, т. е. 6-го декабря. Дядя мой однако же выпросилъ меня на первый разъ, но, придя домой, крѣпко стыдилъ за лѣность. Выговоръ дяди, насмѣшки товарищей, взысканія начальства на меня, какъ на мальчика самолюбиваго, сильно подѣйствовали. Я сталъ успѣшно заниматься и скоро такъ вошелъ въ свою роль, что ученіе показалось для меня весьма легкимъ, и я безъ особаго труда всталъ въ разрядъ отличныхъ, чтó продолжалось во все время моего пребыванія въ корпусѣ.

Лѣтомъ насъ отпускали по домамъ на 1¹/₂ мѣсяца, и это было самое пріятное время жизни; мы, какъ птицы небесныя, мгновенно разлетались по роднымъ, кто на чемъ могъ, не помня себя отъ радости. Во время первой вакаціи единственная моя сестра вышла за мужъ за плацъ-адъютанта Лузгина, переѣхала въ Оренбургъ, и я къ ней сталъ ходить въ отпускъ.

Черезъ два года меня послѣ экзаменовъ перевели въ средній классъ и дали въ награду за отличные успѣхи книгу и похвальный листъ. Публичные экзамены производились тогда съ особою торжественностью: играла музыка и собирався весь синклитъ во главѣ съ тогдашнимъ корпуснымъ командиромъ Обручевымъ. Насъ одѣвали въ новые мундиры и отпускали въ этотъ день по домамъ. Въ бытность мою въ среднемъ классѣ пріѣхалъ къ намъ инспекторъ военно-учебныхъ заведеній генераль-лейтенантъ Годейнъ; онъ ревизовалъ фронтъ, хозяйство и учебную часть. Для отвѣтовъ ему вызывали лучшихъ учениковъ, и два изъ нихъ такъ ему понравились, что онъ наградилъ ихъ серебряными петлицами на воротникъ. Эта награда, которую я не получалъ потому только, что меня не спросили, такъ взбудоражила весь классъ, что онъ бросился тотчасъ же къ Энгельке и сталъ просить не обижать меня напрасно, что я гораздо лучше учусь, чѣмъ получившіе и проч. Къ вечеру того же дня мнѣ были даны петлицы и, что всего дороже, я ихъ получилъ по рекомендаціи товарищей.

Сколько помню, въ 1845 году училище было переименовано въ кадетскій корпусъ, и намъ дали казачью форму съ сіяющимъ полумѣсяцемъ на киверахъ; въ это время бѣдной страдалицы моей сестры (она

очень дурно жила съ мужемъ) въ Оренбургѣ уже не было, и я ходилъ въ отпускъ къ нашему офицеру Фигнеру. Нерѣдко тогдашній начальникъ Оренбургскаго края Обручевъ посѣщаль корпусъ и каждый разъ подымалъ крикъ хуже Энгельке, распекая начальство особенно за воровство дровъ, отчего мы зимою положительно мерзли.

Въ то время, когда у меня классы шли такъ успѣшно, фронтъ тогдашній, наоборотъ, мнѣ вовсе не давался, и я стоялъ постоянно въ разрядѣ слабыхъ, что приносило много непріятностей. Особенно я былъ не мастеръ дѣлать ружейные приемы съ темпомъ, какъ это тогда требовалось, и маршировать тихимъ учебнымъ шагомъ. Слабость по фронту отозвалась при переводѣ въ старшій классъ и, не смотря на отличные баллы по ученію и поведенію, я сдѣланъ былъ только младшимъ унтеръ-офицеромъ.

Надо сказать, что лѣто передъ переводомъ мы провели первый разъ въ лагерѣ, и все это время я болѣлъ страшною оренбургскою лихорадкою. Едва оправясь отъ нея, я сталъ усиленно готовиться къ переводному экзамену, а когда онъ кончился, чувствовалъ себя уже не хорошо, но, желая освѣжиться, искупался въ Уралѣ въ концѣ сентября, когда вода была страшно холодна. На другой день послѣ купанья со мной сдѣлался жаръ и бредъ, къ вечеру меня отвезли въ лазаретъ, и я потерялъ сознание, со мной разыгрался страшный пятнистый тифъ или, какъ говорили тогда, нервная горячка. Я безсознательно пролежалъ отъ сентября до Рождества и только, когда ко мнѣ пріѣхала на праздники матушка, которой дозволено было и ночевать въ лазаретѣ, началъ кое-что сознавать. Но положеніе мое было все-таки отчаянное, меня нѣсколько разъ причащали, раны мои гноились, я лишился употребленія ногъ: онѣ совершенно высохли и были сведены, на бокахъ образовались глубокіе пролежни, и меня ворочали на простыняхъ. Докторъ потерялъ голову, и я обратился въ предметъ общаго любопытства; заѣзжали въ лазаретъ генералы и доктора, чтобы посмотрѣть на такую упорную борьбу въ моемъ тѣлѣ жизни съ смертью. Привозили нарочно въ лазаретъ пріѣзжавшихъ тогда по разнымъ случаямъ въ Оренбургъ флигель-адъютантовъ, и они обозрѣвали меня, какъ какой-нибудь интересный предметъ музея, не стѣсняясь нисколько деликатностью въ отношеніи чувствъ смотрѣвшей на это позорище моей страдальцы-матери. Наконецъ, послѣ долгихъ опытовъ надо мною, Богъ внушилъ нашему доктору мысль прописать мнѣ декоктъ сасапарели, и почти мгновенно раны мои стали заживать, я сталъ бодрѣе, и въ ногахъ явилось чувство. Не даромъ простой нашъ народъ зоветъ это растеніе «дорогою травою»; она дала мнѣ силы перенести недугъ, и къ веснѣ я сталъ ходить на костыляхъ, а въ іюнѣ меня уже отпустили на поправку въ Белебей, гдѣ горный воздухъ и свобода жизни у родныхъ поставили меня окончательно

на ноги. Не смотря, однако же, на исцѣленіе, болѣзнь эта навѣки подорвала мое здоровье, наградивъ меня страшнымъ потрясеніемъ нервовъ, чувствительностью къ простудѣ и нѣкоторымъ сведеніемъ ногъ въ колѣнахъ.

Въ августѣ я былъ опять въ Оренбургѣ, но цѣлый годъ ученія былъ совершенно пропущенъ и какого ученія!—самаго труднаго, въ послѣднемъ классѣ. Оставалось одно—пройти въ годъ то, что другіе прошли въ два, и я началъ къ каждому классу готовить по два урока: старый и новый. Кончилось тѣмъ, что я сдалъ выпускные экзамены превосходно и вышелъ въ разрядѣ отличныхъ, третьимъ по выпуску, такъ что слушавшій мои отвѣты, Обручевъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы я былъ именно тотъ воспитанникъ, который почти годъ пролежалъ безъ движенія.

Что же доставили мнѣ подобныя труды въ корпусѣ? Достигъ ли я цѣли, къ которой стремился? Къ несчастью, нѣтъ. По правамъ корпуса отличные воспитанники изъ потомственныхъ дворянъ выпускались офицерами въ казачью артиллерію Оренбургскаго войска, которая намъ замѣняла гвардію. Кромѣ хорошаго производства (тамъ нѣтъ чиновъ подпоручика и штабсъ-капитана) въ артиллеріи сравнительно съ другими войсками корпуса было и общество офицеровъ лучше и мундиръ наряднѣе, а главное обращеніе начальниковъ съ подчиненными офицерами было гораздо благообразнѣе и носило характеръ товарищества. Все это притягивало къ артиллеріи лучшихъ воспитанниковъ; къ ней стремился и я всею душою. Хотя я по правамъ рожденія могъ только выйти въ линейный баталіонъ, но, имѣя въ виду выходившіе изъ ряда вонъ мои успѣхи въ наукахъ, я былъ увѣренъ, что меня произведутъ въ артиллерію, и я избавлюсь отъ той страшной помойной ямы, которую представляли тогда Оренбургскіе линейные баталіоны и куда изъ столичныхъ корпусовъ выпускали только отъявленныхъ лѣнтяевъ. Кадетское мое начальство такъ и представило меня, а пребываніе Обручева въ Петербургѣ давало надежду, что и онъ поддержитъ такое ходатайство, но судьба рѣшила иначе. Послѣ публичныхъ экзаменовъ насъ распустили по домамъ впредь до производства, и я, награжденный опять книгами и похвальнымъ листомъ, съ радостью помчался въ родной своей Белебей.

Не смотря на тяжелое тогда положеніе кадетъ, я съ грустью разставался съ стѣнами нашего мрачнаго корпуса, а также съ большинствомъ учителей. Среди мрака и темноты, царствовавшихъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, все-таки много свѣтлыхъ отрадныхъ минутъ было прожито мною въ эти 6-ть лѣтъ съ добрыми товарищами и съ такими наставниками, какъ Ѳедоровъ-математикъ, добрякъ Рейхенбахъ, дежурный офицеръ Рамбахъ и другіе. Только съ однимъ Энгельке мы разстались безъ сожалѣнія, ибо къ концу нашего пребыванія въ

корпусѣ взяточничество его достигло небывалыхъ размѣровъ. Онъ бралъ всѣмъ: помѣщики везли куръ, масла, варенья; купцы дарили товаромъ и деньгами, а уральцы запрудили его икрой, рыбой, и сообразно этимъ приношеніямъ онъ не стѣсняясь сталъ оказывать протекцію дарившимъ его воспитанникамъ, что возмущало всѣхъ остальныхъ. Къ этому прибавлялось и другое обстоятельство, уничтожившее въ насъ всякое уваженіе къ Энгельке. Разъ вечеромъ въ корридорѣ корпуса на нашихъ глазахъ онъ поссорился съ полупьянымъ нашимъ экономомъ, отставнымъ маіоромъ изъ фельдфебелей Артемьевымъ, котораго мы всегда называли Максимкой, и этотъ послѣдній обругалъ Энгельке воровомъ и мошенникомъ; не смотря, однако же, на это, на другой день нашъ главный воспитатель дружески расхаживалъ по корпусу и разговаривалъ съ тѣмъ же Максимкой. Такой скандалъ сейчасъ же былъ увѣковѣченъ въ паразитной по своему сходству картинѣ нашимъ отличнымъ рисовальщикомъ, кадетомъ Шуленкинымъ, которая въ снимкахъ ходила у всѣхъ по рукамъ, тогда какъ взяточничество въ свою очередь было воспѣто въ стихахъ другимъ нашимъ кадетомъ Бунинымъ, весьма острымъ и наблюдательнымъ мальчикомъ. Пѣсня Бунина была тотчасъ же разучена, положена на голоса, и мы пѣли постоянно ее хоромъ, когда проходилъ мимо насъ Энгельке, но на него это не дѣйствовало. Привожу для характеристики оставшіеся у меня въ памяти отрывки этой довольно длинной пѣсни:

Плохо намъ житье настало
 Съ командиромъ не отцомъ,
 Съ лихоимцемъ, какихъ мало,
 Съ криводушнымъ наглецомъ.
 Изъ Германіи проклятой
 Онъ пожаловалъ сюда,
 Шутъ былъ, шельма, полосатый
 И какъ нѣмецъ безъ стыда.
 Судить деньгами онъ вини,
 Деньги для него законъ,
 Сребра, золота, платины
 Ожидаетъ также онъ.
 И мѣдъ тоже не въ презрѣнн.
 Не откажется отъ ней,
 Любитъ персики, варенье,
 Уважаетъ и гусей.
 Если знать, друзья, хотите
 Пожирѣлъ онъ отчего,
 То уральцевъ вы спросите:
 Ураль кормитъ вѣдъ его.

Сообщенія тогда между Оренбургомъ и Петербургомъ были ужасныя, дѣлопроизводство всегда медленное, а потому мы смѣло могли расчи-

*

тывать пожить дома до производства въ офицеры мѣсяца три-четыре. Приѣхавъ въ Белебей, я засталъ тамъ брата, который послѣ шестилѣтней службы въ Минскомъ полку, по желанію отца, вышелъ въ отставку и теперь пріискивалъ себѣ гражданскую должность. Особого дѣла у насъ не было, и мы вполнѣ зажили зимнею жизнью маленькихъ уѣздныхъ городковъ, т. е. играли безъ устали въ преферансъ, танцовали подъ разстроенное фортепіано и ухаживали за разными барышнями. На святки появились въ Белебей двѣ сосѣднія помѣщицы—княжны Чегодаевы, дѣвушки весьма образованныя, и наша жизнь пошла еще веселѣе. Беззаботно проводилъ я время, когда получилъ письмо изъ Оренбурга о томъ, что мнѣ отказали въ производствѣ въ артиллерію и возвратили представленіе назадъ. Ударъ былъ тяжкій для моихъ ожиданій, но я не переставалъ еще надѣяться, такъ какъ кадетское начальство вновь ходатайствовало объ исполненіи прежняго своего представленія. Между тѣмъ, какъ нарочно, въ это время пришли артиллерійскія офицерскія вещи, которыя отецъ выписалъ мнѣ изъ Москвы, и онѣ еще болѣе расправили во мнѣ желаніе поступить въ артиллерію.

Проведя весело масляную, отецъ рѣшился отправить постомъ меня съ матушкой въ Оренбургъ, чтобы ко времени производства быть мнѣ на мѣстѣ.

Въ Оренбургѣ уже собрались почти всѣ выпускные кадеты, весна была ранняя, сухая, и мы по вечерамъ цѣлою толпою ходили по Сакмарской почтовой дорогѣ, чтобы встрѣчать петербургскую почту. Всѣ радовались, всѣ ждали, а у меня только скребло на сердцѣ, и предчувствіе меня не обмануло: пришла почта, и я былъ произведенъ 28-го марта 1848 года въ прапорщики въ 3-й Оренбургскій (потомъ 7-й Туркестанскій) линейный баталіонъ, расположенный въ Оренбургѣ. Первое тяжелое разочарованіе постигло меня,—я ненавидѣлъ всѣми силами души линейные баталіоны и теперь долженъ былъ служить въ нихъ. Богъ знаетъ, какъ это мнѣ было горько; я плакалъ, какъ ребенокъ, передо мною лежала мрачная, грязная дорога. Я былъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ и только благодаря ласкамъ матери и сестры кое-какъ пришелъ въ себя, но далъ тутъ же себѣ честное слово во что бы то ни стало наверстать свою потерю и выѣсть съ тѣмъ дополнить свое образованіе въ Академіи генеральнаго штаба, что и исполнилъ.

III.

Оренбургъ въ 1848 году.—Линейные баталіоны.—Генералы Толмачевъ и Обручевъ.—Первый дебютъ на службѣ.—Башкиры и ихъ служба.—Баталіонные командиры.

Расположенный на песчаной, возвышенной равнинѣ прѣваго берега Урала, совершенно открытой для юго-восточныхъ вѣтровъ, Оренбургъ нестерпимъ лѣтомъ по своимъ жарамъ, а окружавшія его въ то время крѣпостныя стѣны, не допуская надлежащаго движенія воздуха, дѣлали изъ города какое-то пекло, въ которомъ зачастую не было возможности дышать.

О соблюденіи какихъ-либо гигиеническихъ правилъ между жителями и даже въ войскахъ, разумѣется, тогда не было помину. Вода находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожія мѣста своевременно не чистились, а падалъ сваливали за крѣпостью подъ самыми валами. Казармы были тѣсны, имѣли самую первобытную вентиляцію, рѣдко освѣжались и были полны всевозможными міазмами, такъ что мы, новички, войдя въ первый разъ въ роту, не знали, куда дѣваться отъ зловоннаго запаха, и только спустя недѣли двѣ освоились съ этимъ ароматомъ.

Оренбургскіе линейные баталіоны того времени составляли 22-ю пѣхотную дивизію и, не смотря на армейское положеніе, въ глазахъ высшаго начальства и мѣстнаго общества стояли на одинаковой ногѣ съ баталіонами гарнизонными, пользуясь наравнѣ съ послѣдними значительнымъ пренебреженіемъ. Хорошо помню и теперь, какъ поразило насъ обращеніе оренбургскихъ дамъ въ первый же разъ, когда мы рѣшились явиться въ клубъ на танцевальный вечеръ: на насъ или вовсе не смотрѣли, или бросали презрительный взглядъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отвернуться. Мы вынесли это и все-таки рѣшились танцевать, попросивъ дежурнаго старшину представить насъ дамамъ. Долго мы бродили по залѣ, получая только одни отказы, пока не нашлось нѣсколько перезрѣлыхъ барышень, которыя, вѣроятно, за немѣніемъ другихъ кавалеровъ, согласились танцевать съ нами кадрили, но и тутъ не безъ злости, такъ какъ, становясь въ кругъ, онѣ на вопросъ своихъ подругъ, съ кѣмъ ты танцуешь? нисколько не стѣняясь, отвѣчали въ слухъ: «съ 22-мъ номеромъ» и при этомъ дѣлали самую кислую гримасу.

Нельзя однако же строго винить тогдашнее общество: оно само было весьма мало развито, чтобы проникнуться къ незнакомому человѣку достаточнымъ чувствомъ вѣжливости; къ тому же большинство линейныхъ офицеровъ было таково, что дѣйствительно порядочные люди могли

сторониться его. Такъ баталіоны, въ которые мы поступили, имѣли всѣхъ ротныхъ командировъ и значительное число младшихъ офицеровъ изъ фельдфебелей или изъ неучей-юнкеровъ, отличавшихся самыми смутными понятіями объ общественной жизни; между ними было много людей добрыхъ и по-тогдашнему честныхъ, но они посвящали большую часть времени на фронтную службу, знаніе которой, ограничиваясь исключительно уставомъ, доводилось до величайшаго педантизма; свободные же часы проводили или въ компаніи съ писарями разныхъ управленій корпуса или въ кутежахъ съ женщинами легкаго поведенія, при чемъ весьма часто попойки кончались дракой. Они имѣли свой нравственный кодексъ, и битые другъ-друга не влекло за собой дуэли, а всегда кончалось мировой. На вопросы наши, отчего не бываютъ въ хорошемъ обществѣ, они всегда съ сарказмомъ отвѣчали: «куда намъ, дуракамъ, чай пить, это вы ужъ пользайте къ аристократію».

Съ перваго же появленія нашего на службѣ эти офицеры прямо начали говорить намъ «ты», и холостые—звать вечеромъ на выпивку. Они же сочли долгомъ немедленно познакомить насъ съ баталіонными командирами.

— Третьимъ баталіономъ,—говорили наставники наши,—командуетъ маіоръ Лепехинъ: ругается не сильно, но при этомъ всегда плюется, такъ что близко стоять нельзя; впрочемъ, старикъ добрый и по ночамъ любить, по-нашему, пропустить за галстукъ; а вотъ ужъ во второмъ—подполковникъ Чигирь,—это дантистъ, мало что разбранить тебя всячески, шкуру, кажется, готовъ содрать во фронтъ, службу знаетъ отлично и при томъ любимецъ дивизионнаго, такъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Такая обстановка и рассказы были тяжелы нашей молодой натурѣ, но, что было дѣлать, надо было служить.

Явившись къ маіору Лепехину и, кромѣ кивка головы, не получивъ отъ него ни единого привѣтствія, мы отправились на другой день къ бригадному и дивизионному начальникамъ. Бригаднымъ командиромъ былъ тогда генераль-маіоръ Логинъ Ивановичъ Федяевъ—человѣкъ неимовѣрной толщины, который въ 30-ти градусный морозъ ходилъ не иначе, какъ въ одномъ сюртукѣ, и ежедневно, не исключая зимы, обливался въ холодныхъ сѣныхъ ледяной водой. Федяевъ былъ добрякъ, отличался, даже въ то извѣстное своимъ казнокрадствомъ время, безукоризненной честностью, но, какъ бригадный командиръ, не имѣлъ почти никакого значенія по службѣ. Онъ принялъ насъ ласково и, разумѣется, говорилъ намъ «ты», такъ какъ это мѣстоименіе употреблялъ постоянно даже въ разговорѣ съ дамами. Отъ бригаднаго перешли къ дивизионному. Послѣ часоваго ожиданія въ пріемной къ намъ быстро вышелъ видный съ ястребинымъ носомъ генераль въ сюртукѣ на распахку и, не кланяясь, началъ спрашивать по очереди наши фамилии. Это былъ

генераль-лейтенантъ Аванасій Емельяновичъ Толмачевъ. Обойдя всѣхъ, онъ бойкимъ голосомъ и весьма отрывисто сказалъ намъ:

— Смотрите, служить хорошо!.. Тутъ пьяницъ много, не балуйтесь, въ караулѣ не спать.

Въ заключеніе обратившись къ баталіоннымъ командирамъ, сказалъ имъ, чтобы они насъ подтянули хорошенько, повернулся и ушелъ.

Толмачева въ дивизіи не любили, главнымъ образомъ, за то, что онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ сторону баталіонныхъ командировъ, позволяя имъ дѣлать чтò угодно и обращаться съ офицерами самымъ грубымъ образомъ. Изъ числа такихъ начальниковъ особою дерзостью даже въ то время славилась командиры: 2-го баталіона подполковникъ Чигирь и 10-го баталіона въ Уфѣ подполковникъ Аванасьевъ, большіе любимцы Толмачева, такъ что никакая претензія на нихъ не имѣла въ глазахъ его значенія и не получала дальнѣйшаго хода.

Командиромъ, какъ тогда называли, отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ генераль-отъ-инфантеріи Владиміръ Аванасевичъ Обручевъ. Средняго роста, юркій, подвижный человекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, Обручевъ составилъ себѣ репутацію боеваго генерала въ кампаніи 1828—1831 гг. въ Турціи и Польшѣ, а затѣмъ, посвятивъ себя дѣятельности мирной, къ качеству начальника дивизіи, прославился какъ одинъ изъ самыхъ исправныхъ фронтовыхъ командировъ, о которыхъ даже современники не безъ проишія говаривали, что они всякую ошибку въ фронтѣ подчиненнаго считаютъ за личное для себя оскорбленіе.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь всѣ заслуги, которыя оказалъ Владиміръ Аванасевичъ Обручевъ Оренбургскому краю особенно по устройству степи; многія изъ его начинаній принесли прекрасные плоды и до сихъ поръ пользуются благодарною памятью у мѣстныхъ жителей, но эта видная сторона дѣятельности не можетъ, однако же, заставить меня отказаться отъ сообщенія свѣдѣній о нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертахъ его характера, насколько, конечно, это будетъ необходимо для ясности и полноты моего разсказа.

Я не знаю подробно, каковъ былъ генераль Обручевъ прежде; въ бытность же въ Оренбургѣ онъ пользовался репутаціей человека честнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ деспотическаго, мелочнаго и крайне раздражительнаго, такъ что вскорѣ по его прибытіи въ городъ слова «Обручевъ» и «распеканка» сдѣлались синонимами. Вездѣ, гдѣ только ни появлялся генераль, какъ оффиціальное лицо, вездѣ раздавался крикъ и шла головойка. Кричалъ онъ на ученыхъ, кричалъ къ кадетскомъ корпусѣ, кричалъ въ институтѣ, кричалъ даже на базарѣ, куда изрѣдка ходилъ пробовать провизію. Подобное раздраженіе доходило иногда до смѣшнаго: такъ присутствуя разъ на парадѣ, которые лѣтомъ назначались

на городской площади по воскресеньямъ и собирали массу народа, Обручевъ замѣтилъ въ числѣ зрителей окружнаго начальника государственныхъ имуществъ и, вспомнивъ, что въ одномъ мѣстѣ уѣзда пробѣжалъ по дурной дорогѣ, обрушился на этого чиновника.

— Я тебя выгоню вонъ, сослать велю!—закричалъ генераль въ изступленіи.

Онъ такъ озадачилъ бѣднягу, что послѣдній, не понимая сдѣланнаго на него нападенія, испугался и началъ прятаться въ народъ, а Обручевъ за нимъ, пока не прижалъ, наконецъ, къ какому-то препятствію и, тутъ только разразясь опять крикомъ, высказалъ, что распекаетъ за неисправность дорогъ. Народъ хохоталъ, любуясь такою гонкой, а несчастнаго чиновника даже вечеромъ того дня, когда я его видѣлъ, трясла лихорадка, при чемъ оказалось, что нагоняй онъ получилъ даромъ замѣнь исправника.

Физиономія Обручева отличалась тѣмъ, что она всегда имѣла самое разобитое выраженіе: нерѣдко къ нему являлись люди, только-что прибывшіе въ край, и тѣ, выходя отъ него, задавали своимъ знакомымъ вопросъ: «скажите, пожалуйста, чѣмъ мы могли обидѣть генерала, что онъ встрѣтилъ насъ съ такимъ лицомъ?» Замѣчательно, что такое же выраженіе физиономія Владиміра Афанасьевича сохраняла даже въ церкви, во время службы, при поклонахъ священниковъ, какъ будто и тутъ онъ готовъ былъ распечь ихъ за какую-нибудь неисправность. Были, однако же, минуты, когда и на этомъ суровомъ лицѣ появлялось что-то въ родѣ ласки—это именно на тѣхъ болѣе, чѣмъ скромныхъ вечеринкахъ, которыя Обручевъ иногда устраивалъ у себя дома. Тогда онъ выглядывалъ какъ-то добрѣе особенно, когда онъ говорилъ съ дамами или ласкалъ своихъ дѣтей, но и тутъ подобныя измѣненія были мгновенны, и лицо его тотчасъ же принимало всѣмъ знакомое выраженіе.

Вступивъ въ управленіе краемъ послѣ генераль-адъютанта Василія Алексѣевича Перовскаго, этой въ полномъ смыслѣ слова широкой славянской природы, со всѣми ея качествами и недостатками, Обручевъ, какъ это часто бываетъ на Руси, отнесся съ большимъ предубѣжденіемъ къ тому, что было сдѣлано его предшественникомъ, поэтому тотчасъ же началась въ краѣ перетасовка чиновъ, отмѣна разныхъ распоряженій, проектированныхъ Перовскимъ, и строгая критика того, чего нельзя уже было измѣнить.

Самое главное, чѣмъ прежде всего задался Владиміръ Афанасьевичъ, это сокращеніемъ во что бы то ни стало расходовъ казны по краю, но, приступивъ къ нему безъ полнаго знакомства съ мѣстными потребностями, онъ достигъ успѣшнаго результата лишь въ мелочахъ. Будучи самъ скупымъ до крайности, онъ хотѣлъ, казалось, привить то же качество и къ служащимъ къ краѣ и пріучить ихъ къ умѣренной жизни, а

потому совсѣмъ прекратилъ выдачу производившихся изъ экстраординарныхъ суммъ пособій особенно достойнымъ офицерамъ и чиновникамъ и сократилъ отпускъ въ долгъ казеннаго лѣса на постройки недостаточныхъ людей. По ходатайству его былъ раскассированъ прекрасный Уфимскій казачій полкъ, который могъ быть такъ полезенъ для всѣхъ послѣдующихъ нашихъ походовъ въ степи и развитія строеваго образованія среди уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ, для чего впоследствии выписывались изъ арміи кавалерійскіе офицеры. Значительныя башкирскія суммы, состоявшія въ распоряженіи оренбургскаго губернатора, и на которыя можно было много сдѣлать полезнаго для башкиръ, были представлены въ государственное казначейство, а несчастный башкирскій народъ, такъ страдавшій и при Перовскомъ, былъ совершенно обращенъ въ негровъ-работниковъ, производя по наряду за самую ничтожную плату всѣ казенныя сооруженія въ краѣ, на которыхъ ежегодно умирали чуть не тысячами и башкиры и ихъ лошади. Всѣ протесты на такое обращеніе съ населеніемъ командовавшаго башкирскимъ войскомъ Николая Петровича Беклемишева, личности въ высшей степени гуманной и симпатичной, оставались тщетными. На обязанности башкиръ же состояла тогда вырубка изъ казенныхъ башкирскихъ дачъ лѣса, сплавъ его въ Оренбургъ и выгрузка здѣсь въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда начинались заморозки и полунатіе башкиры должны были работать, стоя цѣлый день въ ледяной водѣ ¹⁾. Доставленные такимъ образомъ дрова шли на отопленіе казенныхъ зданій Оренбурга и Орска, а большею частью на вольную продажу, и вырученные отъ нихъ огромные барыши, такъ какъ дрова заготавливались чуть не даромъ, поступали въ полное распоряженіе военнаго губернатора, и отчета въ нихъ онъ не отдавалъ даже высочайшей власти.

Результатомъ всѣхъ такихъ мѣръ, не говоря уже о безпорядочномъ истребленіи лѣсовъ и обмеленіи рѣкъ, было страшное разореніе Баш-

---

¹⁾ Для характеристики этихъ тяжелыхъ занятій по сплаву и того грустнаго положенія, въ которомъ вообще находились башкиры на работахъ, всего лучше можетъ служить сочиненная кѣмъ-то башкирская пѣсня, которую зналъ тогда весь Оренбургъ.

Моклашка, моклашка (отрубокъ дерева),
 Ты куда плывишь (плывешь),
 Ты плыви, моклашка, на родимый сторува,
 Ты скажи, моклашка, мой татишка (отецъ),
 Ты скажи, моклашка, мой матишка (мать),
 Что ихъ сына (сынъ), что ихъ сына,
 Больнй мудрина (очень мудренъ) сталь,
 Желѣзна лопатка (желѣзной лопаткой) навозъ чпстѣть,
 Худой арба песка (песокъ) возить и проч.

кириі, послужившее впоследствии, какъ извѣстно, причиною удаленія изъ края генерала Обручева и замѣною его вновь В. А. Перовскимъ.

Послѣ представленія начальству, я поселился вблизи казармъ 3-го баталіона на квартирѣ сестры моей, а затѣмъ сталъ нести дѣйствительную службу, открывъ ее весьма тяжелымъ дебутомъ.

Въ первомъ же вечернемъ приказѣ по баталіону, который принесли мнѣ, значилось, что моя рота назначается на слѣдующій день для производства за казармами экзекуціи, для чего ей надлежало быть на мѣстѣ въ 5 часовъ утра. Надобно сказать, что до тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого понятія объ экзекуціяхъ и никогда на нихъ не присутствовалъ; всѣ представленія о самомъ сильномъ взысканіи складывались въ моей головѣ въ наказаніи розгами, существовавшемъ въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, но котораго я, благодаря Бога, не испыталъ, а потому я сталъ ожидать исполненія новаго рода службы съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ.

На другой день къ 5-ти часамъ я былъ уже къ казармѣ. Выстроили роту, разсчитали и повели на плацъ, гдѣ развели шеренги на разстояніе шаговъ пяти, обернули лицомъ одну къ другой и дали каждому солдату по длинной палкѣ толщиною въ палецъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ флангу роты приблизились подъ конвоемъ пять человѣкъ, истомленныхъ до-нельзя и оборванныхъ башкиръ; вынырнулъ откуда-то аудиторъ, раздалась команда «на караулъ», и началось чтеніе конфирмаціи. Сколько можно было разслышать, башкиры за конокрадство и другія мелкія воровства, а нѣкоторые за побѣги приговаривались корпуснымъ командиромъ къ наказанію штуцрутенами черезъ 500—1.500 человѣкъ.

По окончаніи чтенія, несчастныхъ раздѣли, всунули каждому въ связанныя руки по прикладу ружья, другой конецъ котораго держалъ унтеръ-офицеръ; раздалась вновь команда, въ рукахъ солдатъ появились палки, уныло забилъ барабанъ, и осужденные, ведомые на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, двинулись по живой улицѣ солдатъ. Свистнули палки, пронесся крикъ, сердце невольно у меня сжалось, и я закрылъ было глаза, какъ вдругъ вблизи раздалось хлопъ, хлопъ по чьему-то лицу; я взглянулъ и увидалъ ротнаго командира, производившаго надъ однимъ солдатикомъ своеручную расправу.

— Ахъ, ты такой, сякой,—кричалъ ротный, употребляя самую непечатную брань,—еще жалѣть вздумалъ, бей, во всю руку, а не то я тебя самого разложу!

Обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А ты, братъ, что спишь? твое дѣло ходить по рядамъ и смотрѣть, чтобы хорошенько били. Ступай же!

Нечего дѣлать, пошелъ я позади шеренги, но, разумѣется, не для того, чтобы исполнять приказаніе ротнаго.

Вотъ каковъ былъ мой служебный дебютъ. Съ страшнымъ озлобленіемъ противу начальства возвратился я домой и пережилъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней моей жизни; впоследствии, когда подобную службу пришлось исполнять весьма часто, я уже не закрывалъ глазъ, но постоянно испытывалъ то же чувство омерзѣнія, какъ и при первой экзекуціи.

Такъ притуплялись въ ту пору даже въ мирное время всѣ мягкія юношескія чувства у людей военныхъ, и надобно было имѣть слишкомъ доброе сердце, чтобы, пробывъ въ такой службѣ нѣсколько лѣтъ, не загрубѣть окончательно. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о наказаніи бѣдныхъ башкиръ. Этотъ несчастный народъ считался тогда въ военномъ вѣдомствѣ, исполняя кое-какія полицейскія обязанности, а главное замѣняя на казенныхъ работахъ въ краѣ негровъ, и за такую собственно службу пользовался удовольствіемъ подлежать за проступки военному суду. Какъ народъ полукочевой, имѣвшій только смутныя понятія о гражданской жизни, башкиры считали вполне естественнымъ и даже молодечествомъ воровать другъ у друга и соседнихъ русскихъ крестьянъ лошадей, таскать изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, отбивать забираемые у нихъ весьма часто грабительскимъ способомъ земли и т. д. И когда за подобныя же поступки рядомъ жившій съ ними крестьянинъ отдѣлывался штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, розгами,—башкиры судились военнымъ судомъ.

Въ знаменитыхъ тогда военно-судныхъ комиссіяхъ царилъ полный произволъ аудитора, произведеннаго изъ писарей, ибо ни презусъ, ни члены, назначаемые попеременно изъ фронта, не имѣли да и не могли имѣть надлежащей подготовки къ разбору и рѣшенію военно-судныхъ дѣлъ, состоявшихъ всегда изъ массы перепутанныхъ слѣдствій, допросовъ и очныхъ ставокъ, въ которыхъ, какъ въ мутной водѣ, только и могъ одинъ аудиторъ ловить рыбу. Всѣ члены этого судилища безпрекословно подписывались подъ приговорами на мѣстахъ, гдѣ были заранѣе уже намѣчены карандашомъ ихъ фамиліи. Оба оберъ-аудитора Оренбургскаго корпуса, къ которымъ поступали на окончательное разсмотрѣніе дѣла, были тоже изъ писарей, нажили себѣ дома и горой стояли за своихъ подчиненныхъ. Послѣдствіемъ такого суда было то, что почти всякій зажиточный башкиръ выходилъ правъ, а бѣдняка наказывали. Я зналъ одного эсаула, который прославился своими грабежами на весь край, судился по 7-ми важнымъ дѣламъ и, не смотря на полное желаніе генерала Обручева наказать грабителя, онъ былъ оправданъ и даже получилъ вскорѣ чинъ маіора. Дѣло это ему стоило около семи тысячъ рублей.

Кромѣ экзекуцій, назначенія черезъ 2—3 сутокъ въ городскіе караулы, парадовъ и разводовъ, которые до страсти любилъ Обручевъ, и другихъ нарядовъ на службу, мы ходили еще ежедневно по два раза на ученья: утромъ отъ 6—9, а вечеромъ отъ 6—8 часовъ.

Офицерскихъ карауловъ въ то время содержалось въ Оренбургѣ четыре: 1) на главной гауптвахтѣ, помѣщавшейся на площади въ подвальномъ этажѣ зданія 2-го эскадрона Неплюевского кадетскаго корпуса, 2) при городскомъ тюремномъ замкѣ, 3) при Сакмарскихъ воротахъ крѣпости, чрезъ которыя проходилъ Петербургскій трактъ и 4) на Мѣновомъ дворѣ (только лѣтомъ) въ 1½ верстахъ отъ города; во всѣхъ другихъ мѣстахъ и выѣздахъ стояли посты унтеръ-офицерскіе. Караульные комнаты были низки, грязны, и въ каждой помѣщалось нѣсколько арестованныхъ офицеровъ, которые, большею частью, судились за проступокъ, дающій всегда немаловажный процентъ для нашихъ военныхъ судовъ—промотаніе казенныхъ денегъ. Горе было воститься съ этими господами: рассчитывая на нашу неопытность, они постоянно пьянствовали и позволяли себѣ такія безчинства, что другой разъ у насъ допалось терпѣніе, и мы приказывали связывать ихъ и держать въ кроватяхъ, пока не проснутся. Тяжело было также при 30—40° лѣтнаго жара въ Оренбургѣ стоять въ караулѣ затянутымъ въ тогдашній мундиръ съ высокимъ воротникомъ, имѣя на головѣ массивную каску съ застегнутыми чешуями. О кителяхъ, снятіи галстука, бѣлой фуражкѣ, какъ это теперь допускается въ жаркихъ мѣстахъ, тогда и помину не было; даже внѣ службы ходили не иначе, какъ въ сюртукахъ и каскахъ.

Ко всему этому на главной гауптвахтѣ и Сакмарскомъ выѣздѣ присоединялось непрерывное писаніе рапортчекъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ крѣпости и выбѣганіе на платформу для отданія чести не только чинамъ комендантскаго правленія и ближайшимъ начальникамъ, но и всѣмъ генераламъ. За одну опозданную минуту даже въ выскакиваніи людей, особенно же въ командѣ: «слушай на караул!»—слѣдовала отъ всѣхъ и каждаго головомойка и часто арестъ. Особенно намъ былъ тяжелъ комендантъ, генералъ Лифляндъ, имѣвшій тройку рысаковъ. Поднесется, бывало, къ караулу изъ-за угла во всю прыть, продѣлать церемонію не успѣешь, ну, и подъ арестъ. Только и былъ отдыхъ, когда принесутъ обѣдъ или чай, и велѣшь снять барабанъ съ платформы, но и тутъ сейчасъ явится дежурный по карауламъ или плацъ-адъютантъ узнать, не спитъ ли офицеръ.

Кромѣ карауловъ насъ истомляли еще непрерывные парады и разводы, до которыхъ, какъ сказано, корпусный командиръ былъ великій охотникъ. Не говоря о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, Обручевъ придирался къ каждому обыкновенному празднику, напр. взятіе Па-

рижа русскими, день Полтавской битвы, престольный праздник военно-учебныхъ заведеній и т. п., чтобы назначить разводъ или парадъ, а это въ свою очередь вело къ мукѣ нашей репетиціями, чтобы достойнымъ образомъ предстать на такую церемонію. Особенное вниманіе обращалось на равненіе и салютовку, которыя служили истиннымъ наслажденіемъ для корпуснаго командира. Людей при тогдашней стойкѣ заставляли выпячивать всѣми мѣрами грудь впередъ, а груди старались вытянуть въ одну совершенно прямую линію. Выравниваніе шло, бывало, часа полтора до пріѣзда главнаго начальника, и Боже сохрани потерять его; возмездіе за это слѣдовало извѣстное: кулакъ въ зубы и палка въ спину.

Генералъ Обручевъ обыкновенно пріѣзжалъ на парады въ казачьей формѣ, которую очень любилъ. Еще чуть покажется вдали его экипажъ, какъ махальные на площади, или зимой у дверей манежа, закричатъ во все горло: «корпусный командиръ изволить ѣха-а-ать». Все вздрогнетъ въ строю, лица баталіонныхъ командировъ вытянутся, поблѣднѣютъ, и разомъ водворится такая гробовая тишина, что стоишь, бывало, вдалекѣ, а слышишь, какъ хруститъ въ манежѣ песокъ подъ ногами какого-нибудь повертывающагося генерала. Вотъ раздалась команда «на караулъ», грянула музыка, и корпусный командиръ, выслушавъ рапортъ и поздоровавшись съ людьми, идетъ по рядамъ. Выраженіе лица его по обыкновенію разобиженное; онъ грозно смотритъ по линіи равненія, на солдатъ, ихъ стойку; слѣдующаго сзади его баталіоннаго командира пробираетъ дрожь, и даже самъ начальникъ дивизіи, идущій около Обручева, держа руку подъ козырекъ, начинаетъ сѣменить ногами и обдергиваться: словомъ, всѣ ждуть чего-то и при томъ страшнаго. Но обходъ конченъ: все обошлось благополучно, повели являться офицеровъ. Подошелъ первый: молніей блеснула въ рукахъ его сабля, плавно, ровно скользнула въ самый разрѣзъ плеча и мгновенно легла плашмя къ носку лѣвой ноги; офицеръ отрапортовалъ, также ловко взявъ саблю въ плечо, повернулся направо и, сдѣлавъ выдержку, замаршировалъ въ сторону. Лицо Обручева просвѣтлѣло; онъ взглянулъ на начальника дивизіи, и что-то въ родѣ улыбки мелькнуло на его губахъ. Начальникъ дивизіи съ сіяющей фізіономіей низко поклонился, бригадный вздохнулъ всею грудью, а баталіонный позволилъ себѣ даже улыбнуться... Дѣло, значитъ, хорошо. Пошли построенія, маршировка, тихимъ, потомъ скорымъ шагомъ, прошли на «ура!» Сошло все и затѣмъ всѣ довольные, веселые разошлись по домамъ.

Но такіе свѣтлые дни бывали не часто; не понравится салютовка, равненіе или шагъ, проваливайся тогда сквозь землю: крикъ и гвалтъ пойдутъ на весь плацъ и конецъ концовъ: офицеры засажены на гауптвахту, баталіонный выбраненъ слико возможно, а бригадный и диви-

зіонный стоять красные, какъ раки, передъ корпуснымъ, держа руку у шляпы и слушаая, какъ онъ съ пѣною у рта кричитъ на нихъ:

— Ваше превосходительство, такъ служить нельзя. Это не солдаты, а бараны, я не могу смотрѣть за всѣмъ, такъ служить нельзя...

Независимо отъ другихъ нарядовъ насъ, молодыхъ офицеровъ, постоянно назначали визитирь-рундами для повѣрки карауловъ. Лѣтомъ еще было туда-сюда: проходишь всю ночь, роспишешься въ постовыхъ книгахъ и только; но зимою въ страшные оренбургскіе бураны такое назначеніе было чистою бѣдою: своихъ лошадей не было, а объ извозчикахъ тогда въ Оренбургѣ никто и не слыхалъ, поэтому приходилось пробираться вездѣ пѣшкомъ. На улицахъ ни души, ни огня, въ двухъ шагахъ вичего не видно, и только молишь Бога, какъ бы не заплутаться и не замерзнуть, особенно идя въ госпиталь, стоявшій въ степи въ полуверстѣ отъ крѣпости ¹⁾,

Ученья, какъ я говорилъ, производились два раза въ день; иногда на нихъ присутствовалъ бригадный командиръ, не вступаясь впрочемъ ни во что. На ученьяхъ постоянно шли крикъ и драка, особыхъ дисциплинарныхъ правилъ тогда не было, а потому не было и той градаціи наказаній, какая установилась впоследствии. Дѣло взысканія велось проще; сначала слѣдовала непечатная брань, затѣмъ тычки въ лицо, въ спину, въ бокъ и пр., потомъ битье по физикѣ и, наконецъ, рѣзки или палки и держаніе на часахъ подъ ружьемъ въ ранцѣ, набитомъ пескомъ. Въ первое время мы практиковались поротно: продѣлывали ружейные приемы, ломку фронта, застрѣльщицье ученіе, но главнымъ образомъ налегало на церемониальный маршъ.

---

¹⁾ Въ лѣтнюю пору при Перовскомъ, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, второстепенные караулы занимались башкирами, про которыхъ у старыхъ офицеровъ сохранилось множество разсказовъ, въ томъ числѣ относительно приема рунда, къ которому тогда назначались отъ караула до караула ефрейторъ и два рядовыхъ въ прикрытіе. Для характеристики совершенно несвойственной башкирамъ гарнизонной службы привожу одинъ изъ этихъ разсказовъ. При подходѣ ночью рунда (изъ башкиръ же) къ платформѣ караула между рундомъ и часовымъ обыкновенно завязывался слѣдующій разговоръ:

Ч а с о в о й. Кимъ кия (кто идетъ?)

Р у н д ѣ. Рундъ кия (рундъ идетъ)

Ч а с о в о й. Кайсы рундъ (Какой рундъ?)

Р у н д ѣ. Зоръ рундъ (большой рундъ)

Ч а с о в о й. Рундъ тохта (рундъ стой). Караульный турсигисъ. Ша-рышка или Ахметка (ефрейторъ) впередъ, два коршіи людя впередъ (караульные проснитесь). Ефрейторъ впередъ, два фланговыхъ челоуѣка впередъ). Когда же рундъ входилъ на платформу, то часовой отдавалъ ему честь саблей въ два приема, приговаривая: на тебѣ, вотъ тебѣ, гуляй (проходи) дальше—и, спокойно затянувъ уныло свою пѣсню, начиналъ расхаживать по платформѣ.

Ротный мой командиръ бранился довольно изрядно, но, конечно, ему далеко было до извѣстнаго тогда въ оренбургскихъ войскахъ одного капитана полевой артиллеріи, командовавшаго казачьей батареею, котораго многіе ставили себѣ за образецъ и всѣми мѣрами старались подражать ему. Казачья батарея въ тотъ годъ стояла лагеремъ подъ Оренбургомъ, и я знаю, что нѣкоторые изъ офицеровъ нарочно ѣздили туда на ученья, чтобы только хоть разъ послушать, какъ распекаютъ казаковъ. Капитанъ дѣйствительно былъ артистъ въ своемъ родѣ; онъ бранился такими непопозволительными словами, которыя, конечно, не раздавались ни въ одномъ изъ самыхъ развращенныхъ кабаковъ въ Россіи; каждая брань его длилась весьма долго и отличалась изумительнымъ подборомъ неслыханныхъ названій и изображеніемъ самыхъ циничныхъ и отвратительныхъ дѣйствій чловѣка. Брань эту онъ произносилъ громко, съ разстановкой, какъ бы самоуслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ, и затѣмъ немедленно слѣдовали немилосердные побои казаковъ собственноручно, кулакомъ, шашкой или же при помощи другихъ лицъ—нагайкою. Капитанъ и въ побояхъ достигъ замѣчательнаго совершенства: такъ, въ пѣшемъ строю онъ рѣдко дрался кулакомъ, а большею частью давалъ виновному такую жестокую пощечину правою ногою, что у казака всегда оказывалось лицо въ крови, а фуражка далеко отлетала въ сторону. Подобное искусство капитана нравилось многимъ офицерамъ его батареи и нерѣдко служило темою разговоровъ ихъ съ нами.

Въ маѣ мѣсяцѣ начались баталіонныя ученія; нашъ командиръ маіоръ Лепехинъ бранился скороговоркой, но при этомъ страшно брызгался слюнями. Главнымъ предметомъ ученій были ломки фронта, при чемъ употреблялись такія сложныя построенія, какихъ даже не было въ уставѣ, а затѣмъ церемоніальный маршъ. Маіоръ большею частью расправлялся собственноручно, не прибѣгая къ палкамъ; то и дѣло раздавались во фронтѣ удары по чьей-нибудь физикѣ, не исключая унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Офицеровъ Лепехинъ бранилъ мало, можетъ быть, по совершенному недостатку дара слова, за то непрерывно сажалъ на гауптвахту, крича при этомъ: «поручикъ или прапорщикъ такой-то пошелъ-те подь арестъ». Но если такъ сравнительно мирно шли ученья въ третьемъ баталіонѣ, то не то было во второмъ, гдѣ, независимо битья нижнихъ чиновъ, подполковникъ Чигирь нисколько не стѣснялся и съ офицерами. Какъ теперь помню, у него въ баталіонѣ младшимъ штабъ-офицеромъ былъ маіоръ Иванъ Макаровичъ Фофановъ, чловѣкъ простой и мало образованный; рѣдкое ученье проходило, чтобы въ числѣ прочихъ Чигирь не разругалъ передъ фронтомъ своего помощника, говоря ему: «эхъ маіорина, маіорина, какъ тебѣ не стыдно», а когда Фофановъ рѣшался иногда возражать, то онъ прямо кричалъ

ему: «молчи ты, Иванъ-дуракъ, Макаръ-дуракъ и Фофановъ-дуракъ, такъ тебѣ и нечего говорить». Самою мягкою бранью у Чигиря считалось, когда онъ говорилъ офицеру: «ну, куда ты завелъ свой взводъ, поди братъ лучше утопись въ Уралѣ, чѣмъ такъ срамиться»...

Такое обращеніе не возбуждало, однако же, протеста, ибо всѣ офицеры служили изъ куска хлѣба, и жаловаться начальству было немислимо, а какъ тогдашніе законы не ограждали вполне правъ офицеровъ, то понятно, при такихъ условіяхъ и нравственный уровень ихъ долженъ былъ понизиться и дѣйствительно дошелъ у многихъ чуть не до нуля.

Къ веснѣ общественныя развлечения, состоявшія изъ танцевальныхъ вечеровъ въ клубѣ и собраній въ частныхъ домахъ, прекратились, а лѣтнихъ увеселеній не было. Театръ тогда вовсе не существовалъ. Караванъ-Сарайскаго сада не было и въ поминѣ, а на берегу Урала, гдѣ въ послѣднее время, говорятъ, устроенъ бульваръ, валили со всего города навозъ, дохлыхъ кошекъ и собакъ, какъ разъ передъ окнами дома, занимавшагося Обручевымъ, и въ промежуткѣ двухъ соборовъ зимняго и лѣтняго. Изрѣдка въ царскіе дни посылалась военная музыка въ зауральскую рошу, грязную и вонючую, и тогда туда шелъ весь городъ, направляясь по пѣшеходному мостику, наводимому черезъ рѣку передъ губернаторскимъ домомъ.

Сообщила Н. Н. Длусская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. Г. Залѣсова.

IV ¹⁾.

Холера 1848 года. — Исчезновеніе начальства. — Майдель и Содальскій. —
Служба во время холеры.

Весна 1848 года началась рано, и сразу пошли жары, если не ошибаюсь, уже въ маѣ мѣсяцѣ достигавшіе 30°. Духота въ стѣнахъ крѣпости была неимовѣрная, но мы ходили и учились, затаенные въ сукно и съ неизмѣнной каской на головѣ, о другомъ костюмѣ и думать было нечего, такъ какъ тогда малѣйшее отступленіе отъ формы влекло жестокое наказаніе. Такъ жили мы потихоньку, когда начали доходить до Оренбурга неясные слухи о появленіи въ Россіи холеры, говорю неясные по той причинѣ, что въ то благословенное время единственными органами печати для насъ служили «Русскій Инвалидъ» и «Сѣверная Пчела», сообщавшія самыя краткія новости и часто безъ точнаго указанія мѣста дѣйствія, но и эти печальныя газеты доходили въ Оренбургъ черезъ 16 дней по выходѣ, а весной въ распутицу черезъ мѣсяць и болѣе.

Въ настоящее время эпидеміи въ родѣ холеры утратили уже отчасти свой острый характеръ, и паника, производимая ими, далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какъ бывало въ старыя годы. Желѣзныя дороги, телеграфы задолго еще до появленія болѣзни въ извѣстномъ мѣстѣ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

успѣютъ не только познакомить жителей съ ея характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даютъ имъ время свыкнуться съ мыслью о приближающейся опасности, а слѣдовательно и встрѣтить ее съ болѣшимъ хладнокровіемъ; наконецъ, сама медицина, все болѣе и болѣе знакомясь съ эпидеміями, не теряется уже, какъ прежде, при появленіи болѣзни, и почти сразу принимаетъ радикальныя противу ея мѣры. Не то было въ 1848 г., когда эпидемія упала среди какого-нибудь населенія, какъ снѣгъ на голову и когда многіе медики не только не оказывали надлежащей помощи страждущимъ, но нерѣдко сами прятались отъ болѣзни, не зная, какъ справиться съ нею.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ мысль о близкой опасности намъ вовсе не приходила въ голову, когда разъ въ концѣ мая или началѣ іюня, не помню хорошенько, принесли мнѣ приказъ немедленно явиться въ казармы, гдѣ я узналъ, что баталіонъ чрезъ полчаса выступаетъ въ лагерь за 3 версты отъ города, въ бараки бывшего Уфимскаго казачьяго полка, на Маячной горѣ; причиной такого спѣшнаго выхода была появившаяся въ городѣ холера. Черезъ полчаса мы дѣйствительно выступили въ томъ, въ чемъ были; баталіонъ шелъ какъ-то разбродѣ, начальство казалось растеряннымъ, на улицахъ встрѣчались вытянутыя лица—словомъ, ясно было, что холера застала всѣхъ врасполохъ и всѣ сразу перепугались. Придя въ лагерь, мы вступили въ деревянные старые бараки, которые не были даже порядочно отремонтированы, и потому часть солдатъ должна была расположиться на землѣ, а мы, молодые офицеры, вовсе не получили помѣщенія, проведя первую ночь безъ ѣды и сна, и только спустя сутки навяли на собственный счетъ у киргизъ кибитки, въ которыхъ и расположились по нѣскольку человѣкъ. На другой день прихода насъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вывели въ 6 часовъ утра на шереножное ученіе. Солнце пекло уже сильно, и мы принялись за ружейныя пріемы, когда вдругъ стала разыгрываться эпидемія между солдатами. То въ той, то въ другой шеренгѣ почти внезапно блѣднѣлъ человѣкъ, черезъ минуту ружье валилось изъ рукъ, и затѣмъ онъ падалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ съ почернѣвшимъ уже лицомъ. Эти первыя жертвы холеры были поражены ею такъ сильно, что ихъ едва успѣвали доносить до бараконъ, какъ они умирали. Ученье принуждены были прервать и донесли объ этомъ начальству, которому однако же до такой степени было тяжело помириться съ мыслью о совершенномъ отдыхѣ войскъ, что только на третій день, когда число жертвъ холеры страшно увеличилось—разрѣшено прекратить всѣ строевыя занятія.

Батальоны, находясь въ лагерѣ, и безъ ученій несли тяжелую службу. При жарѣ, достигавшей 40 и болѣе градусовъ, помѣщаясь на горѣ, лишенной всякой зелени и тѣни, вдали отъ воды, войска должны

были черезъ двое сутокъ, а иногда и черезъ одиѣ, ходить въ городъ для карауловъ, чтѣ составляло взадъ и впередъ около 7 верстъ, а на мѣнновой дворъ—до 10, конвоировать арестантовъ, назначавшихся для рытья могилъ, и помогать лазаретной прислугѣ при уходѣ за больными и уборкѣ мертвыхъ.

Къ концу іюня эпидемія достигла ужасающихъ размѣровъ. Не только военный госпиталь на 300 человекъ, градскія больницы, но и большая часть огромнаго зданія караванъ-сарая, отведеннаго подъ заболѣвающихъ, были переполнены холерными. Кроватей, бѣлья и другихъ госпитальныхъ вещей на такое число, разумѣется, взять было неоткуда, и потому большая часть страждущихъ валялась на полу, въ корридорахъ, сѣняхъ, сараяхъ, въ той одеждѣ, въ которой была доставлена въ госпиталь, а какъ одежда эта мгновенно пачкалась и перемѣнять ее было нечѣмъ, то больной даже съ легкими приступами холеры, въ самомъ скоромъ времени, переходилъ въ безнадежное состояніе. Вообще на удаленіе нечистотъ и освѣженіе воздуха не было средствъ.

Съ развитіемъ холеры Оренбургъ постигли и другія несчастія; исчезло вдругъ высшее начальство, сократились доктора, пропало духовенство. Корпусный командиръ повезъ свое семейство въ лѣтнюю свою резиденцію, на такъ называемую кочевку въ Башкирію за 120 верстъ отъ города, откуда, кажется, ѣздилъ еще въ Уфу, и потому первое время, холеры его въ Оренбургѣ не было; начальникъ дивизіи отправился инспектировать инвалидныя команды, заболѣлъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ обыкновенною болѣзнію и вызвалъ къ себѣ на смѣну бригаднаго командира, чтѣ при тогдашнихъ сообщеніяхъ заняло много времени. Единственный человекъ, начавшій было энергически распоряжаться въ городѣ, комендантъ генералъ Лифляндскъ, заболѣлъ самъ холерой и вскорѣ умеръ; отъ той же болѣзни скончался и директоръ Неплюевскаго корпуса И. М. Марковъ, въ холерѣ же лежалъ нашъ баталіонный командиръ маіоръ Лепехинъ.

Въ разгарѣ болѣзни, докторовъ не было возможности дозваться, горожане положительно были брошены на волю Божію и лѣчились одними домашними средствами, изъ коихъ главное составляла перцовка. Часть военныхъ медиковъ сразу отправилась на тотъ свѣтъ, другіе же до такой степени были обременены военными больными, что о частной практикѣ не могли и думать; были однако же и такіе, у которыхъ своихъ паціентовъ было не много, но они все-таки къ постороннимъ ни за что не ѣхали и даже сами рапортовались больными. Гражданскіе врачи тоже исчезли, и только какъ единственное отрадное исключеніе изъ всего докторскаго персонала Оренбурга составлялъ молодой гражданскій врачъ, прозванный населеніемъ Ангеломъ-хранителемъ,—докторъ Майдель. Онъ день и ночь разъѣзжалъ по больнымъ, не отказывая просьбѣ

даже самаго послѣдняго бѣдняка, и сплошь лѣчили недостаточныхъ людей на собственный счетъ. Истомленіе доходило до такой степени, что, прописавъ рецептъ въ одномъ мѣстѣ, онъ тутъ же засыпалъ на нѣсколько секундъ, пока его не будили крики посыльныхъ, слѣдовавшихъ за нимъ изъ дома въ домъ, чтобы позвать къ другимъ страдальцамъ.

Одновременно съ докторами какъ бы скрылось и духовенство. Какой процентъ дѣйствительной болѣзненности и смертности былъ между этими лицами, не знаю, но фактъ тотъ, что населеніе города въ самый разгаръ холеры было совершенно лишено возможности получить исповѣдь и причастіе. Къ счастью, и здѣсь явился второй Майдель—это 70 лѣтній протоіерей военнаго Петропавловскаго собора—Содальскій. Этотъ почтенный старецъ, не смотря на жаръ и свои лѣта, день и ночь развѣзжалъ со Святыми Дарами по больнымъ. Помнятся мнѣ и теперь длинныя, простыя дроги въ одну лошадь, на которыхъ развозили Содальскаго два солдата-причетника, держа его подъ руки; помню его кроткое, въ высшей степени красивое для старика лицо и его развѣвающіеся сѣдые волосы, такъ какъ онъ, везя Св. Дары, изъ почтенія къ нимъ или за суетою забывалъ надѣвать шляпу. Истомленіе отца Содальскаго доходило еще до большей степени, чѣмъ Майделя: старикъ дремалъ, когда его везли, а входя въ домъ, просилъ окачивать себя холодной водой и, только освѣжившись, принимался за послѣднее напутствіе. Сколько знаю, подвиги этихъ лицъ, особенно Содальскаго, не обратили вниманія начальства; дѣйствія ихъ даже не проникли въ тогдашнюю печать, но благодарность оставшихся живыми горожанъ, которымъ они подали помощь, существуетъ въ сердцахъ ихъ, какъ мнѣ извѣстно, до сихъ поръ и конечно сойдесть съ ними въ могилу.

Я говорилъ уже, что мы жили въ лагерѣ по 3, 4 человѣка въ кибиткѣ. Не смотря на все ужасы холеры, молодость брала свое, и мы постоянно находились въ веселомъ настроеніи духа, что конечно лучше всего спасало отъ страшной болѣзни, тѣмъ болѣе, что мы не принимали никакихъ предохранительныхъ мѣръ и только въ воду для питья подбавляли краснаго вина.

Служба въ лагерѣ день отъ дня становилась труднѣе, ибо численность наша, за смертью и болѣзнью нѣсколькихъ старыхъ офицеровъ, уменьшилась. Обыкновенно въ 6 часовъ утра мы выступали изъ лагеря въ полной парадной формѣ въ городской караулъ; съ приближеніемъ къ госпиталю и караванъ-сарая воздухъ становился все тяжелѣе, а со входомъ въ крѣпость мы попадали въ какую-то въ высшей степени душливую, разгоряченную атмосферу. Городъ представлялъ совершенную пустыню; не только все, что могло уѣхать вдаль, исчезло, но даже лица, не имѣвшія права по служебнымъ обязанностямъ отлучаться, и тѣ, пользуясь общимъ разстройствомъ высшей администраціи, разбре-

лись по сосѣднимъ деревнямъ и хуторамъ. На улицахъ—никого, кромѣ посыльныхъ съ лѣкарствами или людей служащихъ; ставни въ домахъ закрыты во избѣжаніе жара, а въ нѣкоторыхъ и отъ поголовной смерти хозяевъ и прислуги; кое-гдѣ на тротуарахъ встрѣтятся валяющійся въ судорогахъ холеры прохожій, котораго некому прибрать и отъ котораго сторонятся всѣ здоровые люди. Наконецъ, достигаешь гауптвахты и вступаешь въ караулъ; солнце начинаетъ припекать немилосердно; часовые валятся и непрерывно приходится ихъ смѣнять, а тутъ еще какъ нарочно захваченные на улицѣ холерою прохожіе кое-какъ доползаютъ до той же гауптвахты и Бога-ради просятъ отправить ихъ на квартиры или въ госпиталь. Часамъ къ 8 вечера выйдешь на платформу посидѣть на воздухѣ. Проходящихъ является болѣе, но отъ нихъ не легче; то и дѣло слышишь, что заболѣлъ такой-то, умеръ такой-то, нѣтъ возможности поймать ни одного доктора, мертвые по суткамъ и болѣе валяются неприбранными, некому дѣлать гробовъ, нѣтъ лошадей, чтобы отвозить умершихъ и т. д.

Стоять однако же на главной гауптвахтѣ и у Сакмарскаго вѣзда было еще сносно; офицерскія комнаты были прохладны, находясь въ подвальномъ этажѣ, и при томъ эти караулы отстояли сравнительно недалеко отъ госпиталей.

Не то было, когда доставалось идти на мѣнковой дворъ или въ тюремный замокъ.

При назначеніи на эти посты офицеры обыкновенно прощались, какъ передъ смертью, съ караульнымъ начальникомъ, въ виду весьма слабой надежды увидеть его на другой день. До мѣнковаго двора приходилось дѣлать отъ лагеря до 5 верстъ въ одинъ конецъ; до обѣда тамъ еще бывали таможенные чиновники и кое-какой народъ, хотя по случаю холеры торговля почти вовсе прекратилась, но съ трехъ часовъ дворъ этотъ представлялъ совершенную пустыню и въ немъ оставались только сторожа и караульные. Заболѣвшіе холерой конечно не могли здѣсь рассчитывать на какую-либо помощь; отвезти ихъ въ госпиталь было не на чемъ, и проходили сутки и болѣе прежде, чѣмъ приискивалась подвода, чтобы отправить страдальца. При такой обстановкѣ на офицера и караульныхъ находила какая-то тоска, особенно съ наступленіемъ ночи, когда запирались ворота, и если бы не протяжные крики «слушай» часовыхъ на бастіонахъ, то мѣнковой дворъ смѣло можно было принять за мертвый домъ. Сюда рѣдко ѣздили дежурные по карауламъ, а с рундахъ мы и не слышали, такъ что не съ кѣмъ было даже вѣсть послать въ городъ, если бы случилось заболѣть; но еще ужаснѣе считалось назначеніе въ городской тюремной замокъ, оправданіемъ чего можетъ служить подробное описаніе, какъ проводился здѣсь караульный день и что встрѣчали офицеры въ продолженіе

почти мѣсяца, когда свирѣпствовала особенно сильная холера въ городѣ.

Оренбургскій тюремный замокъ въ то время состоялъ изъ каменнаго съ высокими стѣнами 4-хъ-угольнаго зданія, внутренность котораго дѣлилась особою стѣною на двѣ неровныя половины. Въ одной большой было расположено 9 или 10 казематовъ для русскихъ арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, въ другой же, меньшей, помѣщались казематы для киргизъ. Въ русской половинѣ имѣлся посреди небольшой дворъ,—въ азіатской же никакой площадки не было. Лицевая сторона замка была двухъ-этажная: внизу находились комнаты для караула и офицера, а вверху помѣщался лазаретъ и квартира смотрителя. Весьма понятно, что если въ настоящее время наши тюрьмы представляютъ грязь и заразу, то въ 1848 году онѣ отличались такою тѣсною, смрадомъ и безобразіемъ, что непривыкшій человѣкъ конечно могъ задохнуться, войдя въ любой изъ казематовъ, особенно каторжныхъ арестантовъ, которые тутъ же и испражнялись. Число заключенныхъ нисколько не сообразовалось съ помѣстительностью зданія, мытье бѣлья производилось тутъ же, между мужскою и женскою половинами и въ продолженіе дня не было никакого разобщенія.

Съ первыхъ дней холеры въ замкѣ открылась смертность, достигшая въ послѣдствіи ужасныхъ размѣровъ. Она однако же не очистила зданія, ибо на смѣну умершихъ непрерывно поступали новые живые субъекты и если при нормальномъ состояніи замокъ представлялъ заразу, то можно судить, что было тамъ въ холеру, при обильныхъ изверженіяхъ арестантовъ.

Вступивъ часовъ въ 7 или 8 утра въ караулъ, новый офицеръ приступалъ къ повѣркѣ заключенныхъ, для чего и входилъ внутрь замка на площадку, но первое, что ему представлялось—это были уложенныя рядкомъ на землѣ вдоль стѣнъ казематовъ тѣла умершихъ, такъ что каждый изъ насъ принималъ отъ стараго караульнаго офицера столько живыхъ и столько-то мертвыхъ арестантовъ, о чемъ и вносилось во всѣ рапорты. Тѣла эти не были обмыты, одежда не перемѣнена; лежали они съ искривленными и почернѣвшими лицами. Разложеніе труповъ шло самымъ быстрымъ образомъ, особенно на жгучемъ солнцѣ, и своимъ смрадомъ они наполняли всю внутренность замка. Чтобы объяснить такую пріемку живыхъ и мертвыхъ, нужно припомнить, что хотя при замкѣ и былъ лазаретъ, но весьма небольшой, и потому онъ съ первыхъ же дней наполнился холерными, затѣмъ остальныхъ больныхъ слѣдовало отправлять въ госпиталь, но въ разгарѣ эпидеміи они всегда успѣвали умереть, прежде чѣмъ были исполнены всѣ обрядности, требовавшіяся для ихъ отправки, ибо тутъ распоряжались два разныхъ вѣдомства: ордонасъ-гаузъ и полиція. Главною, конечно, задержкою въ

вывозъ мертвыхъ изъ зѣмка былъ недостатокъ лошадей въ градской полиціи, на обязанности которой тогда лежала поставка повозокъ подъ заболѣвающихъ гражданскихъ арестантовъ. Сколько помню, при полиціи состояли для этой цѣли особыя лошади, но потребность въ нихъ для разныхъ лицъ и надобностей въ городѣ до такой степени была велика, что считали небольшой бѣдой, если тѣло какого-нибудь негодяя повалится въ зѣмкѣ нѣсколько лишнихъ дней. Напрасно мы жаловались дежурнымъ по карауламъ, а они доносили въ ордонансъ-гаузъ, но распоряжаться было некому. Комендантъ умеръ, плацъ-маіоръ лежалъ больной, а высшаго строеваго начальства въ городѣ не было. Сосчитавъ живыхъ и мертвыхъ, офицеръ входилъ въ казематы, наполненные страшнымъ смрадомъ, для осмотра арестантскаго имущества, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ немъ ножей, подпилковъ и т. п. желѣзныхъ вещей, могущихъ служить для убійства или побѣга. Окончивъ эту процедуру, измученный морально, въ одеждѣ, пропитанной всеми возможными мѣазмами, онъ отправлялся наконецъ въ свою комнату составлять начальству рапортъ о благополучномъ приѣмѣ, но и здѣсь не было покоя. Караульному начальнику приходилось непрерывно писать донесенія о болѣзни или смерти солдата или арестанта и заниматься ихъ отправкою, если на счастье присылалась откуда-нибудь лошадь; кромѣ того отдыху его мѣшала тогдашняя форма и приѣзды дежурнаго по карауламъ и плацъ-адъютантовъ, хотя эти господа во дворъ не входили, а посмотрѣвъ черезъ форточку внутрь зѣмка и спросивъ, все ли благополучно, старались скорѣе удрать подальше. Вечеромъ бывало отправляешься опять считать заключенныхъ, осматривать ихъ и снова ведешь счетъ живымъ и мертвымъ, при чемъ часть живыхъ назначаешь подъ особымъ конвоемъ на кладбище для рытья могилъ и похоронъ умершихъ въ госпиталяхъ. Посылка преступниковъ въ темныя оренбургскія ночи для работъ за городъ дѣлалась тогда, какъ говорили, во избѣжаніе дурнаго вліянія на жителей отъ погребенія той массы умершихъ, какая свозилась по ночамъ на кладбище, но странно было хлопотать объ удаленіи дурныхъ впечатлѣній, когда въ то же время обезображенные трупы валялись зачастую на улицахъ города безъ всякой помощи или уборки. Вожденіе арестантовъ по ночамъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось катастрофой: однажды часть ихъ, воспользовавшись темнотою, сдѣлала побѣгъ, за что въ послѣдствіи конвойнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ отдали подъ судъ и перваго разжаловали, а послѣднихъ прогнали сквозъ строй; за то преступниковъ, послѣ побѣга, стали уже посылать на кладбище днемъ.

Наконецъ, наряды окончены, казематы заперты, часовые на своихъ мѣстахъ, располагаешься въ караульной комнатѣ по-домашнему, такъ какъ извѣстно, что никто ночью не пріѣдетъ въ зѣмокъ, да и пріѣхать

некому, хочешь отдохнуть какъ слѣдуетъ; не тутъ-то было. Едва задремлешь въ креслѣ, какъ старшій унтеръ-офицеръ толкаетъ въ плечо и говоритъ: «Ваше благородіе, такой-то рядовой заболѣлъ—отправки просить» или: «арестантъ умеръ въ казематѣ, вытащить надо»; если же нѣтъ заболѣвшихъ, то, въ свою очередь, шумъ и стукъ по лѣстницѣ въ лазаретѣ, которая проходила мимо самыхъ дверей караульной комнаты, все равно не дадутъ уснуть покойно. На этой лѣстницѣ шло постоянное тасканіе арестантовъ взадъ и впередъ.. Вверхъ шли подь конвоемъ вновь заболѣвшіе, если были тамъ мѣста; внизъ тащили умершихъ, при чемъ лазаретная прислуга, не смотря на приказаніе, спускала ихъ по просту, т. е. взявъ за голову или руку, волокла внизъ, при чемъ ноги трупа бились о каждую ступеньку. Такимъ образомъ, только дождавшись разсвѣта, вздремнешь немножко; часовъ съ шести начинаешь уже ждать съ нетерпѣніемъ смѣны и, обойдя съ новымъ караульнымъ офицеромъ всѣ казематы, торопишься поскорѣе въ лагерь.

Повѣряя свои впечатлѣнія, я долженъ откровенно сказать, что мнѣ случалось въ послѣдствіи дѣлать подь жгучимъ солнцемъ въ сыпучихъ пескахъ безводные тяжелые походы, день и ночь ѣздить, не слѣзая съ коня, стоять подь непріятельскимъ огнемъ, но ни откуда, рѣшительно, я не выходилъ съ такимъ нравственнымъ и физическимъ истомленіемъ, какъ послѣ сутокъ, проведенныхъ въ караулѣ въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ, и только Богъ да молодость сохранили меня отъ эпидеміи.

Спустя недѣли двѣ по выходѣ въ лагерь, мнѣ вздумалось навѣстить нѣкоторыхъ городскихъ знакомыхъ и взглянуть на сестру. Какъ теперь помню, я побывалъ въ трехъ домахъ, но вездѣ неудачно: въ одномъ я засталъ лишь дѣтей—отца и мать унесла уже холера; два другихъ были наглухо забыты, и только какой-то прохожій объяснилъ мнѣ, что жильцы одного дома уѣхали въ деревню, а въ другомъ поголовно перемерли: и господа, и прислуга. Пришелъ къ сестрѣ. Ходъ къ ней велъ черезъ кухню, и при первомъ шагѣ въ домъ я наткнулся на страшную картину: положивъ голову на порогъ, распростертая на полу, съ запекшеюся пѣной у рта, валялась кухарка, женщина среднихъ лѣтъ. При моемъ проходѣ, она слабымъ движеніемъ руки показала на ротъ, я понялъ, что ее томитъ жажда, и принесъ ковшъ воды, положивъ туда изъ случившагося у меня пузырька штукъ 40 мятныхъ капель. Питье видимо освѣжило больную, она съ благодарностью посмотрѣла и закрыла глаза; въ послѣдствіи женщина эта выздоровѣла и положительно считала меня своимъ спасителемъ. Изъ кухни дверь вела въ маленькую переднюю, гдѣ на широкой лавкѣ ложала блѣдная, истомленная горничная, дѣвушка лѣтъ 18, а въ слѣдующей комнатѣ къ закрытыми ставнями сидѣла и сама сестра.

Сестра и ея мужъ несказанно мнѣ обрадовались; за эти двѣ недѣли они страшно похудѣли, осунулись, жаловались на совершенное отсутствіе аппетита и передали, что уже дней десять, какъ питаются только однимъ чаемъ и не видятъ никого изъ постороннихъ, кромѣ сосѣдки-солдатки, приносящей имъ разъ въ день воду и хлѣбъ, и при этомъ, конечно, рассказывающей такія страсти о холерѣ, что они едва не сошли съ ума. Изъ дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что съ кухаркой была холера, но потомъ перешла въ какую-то другую болѣзнь, лишившую эту женщину силъ, что же касается горничной, то съ ней выпелъ весьма странный случай. Заболѣвъ сильной холерой, она, въ безнадѣжномъ состояніи, была отвезена въ караванъ-сарайскій госпиталь; ее свалили на полъ въ какомъ-то корридорѣ, гдѣ въ страшныхъ судорогахъ корчились уже десятки другихъ больныхъ; затѣмъ она лишилась чувствъ и не знаетъ, долго ли находилась въ такомъ состояніи; когда же очнулась, была ночь и страшная тишина; попробовала она приподняться, но ее давило что-то очень тяжелое, а рядомъ все было мокро. Дождавшись первыхъ лучей солнца, она съ ужасомъ увидѣла, что находится въ каменномъ сараѣ, и что съ одной стороны вплотъ къ ней лежали полѣвницей покойники, а на нее положена мертвая старуха. Собравъ всѣ силы, какія только можетъ придать отчаяніе, горничная кое-какъ выдѣла изъ-подъ своей страшной ноши и ползкомъ дотащилась до выхода; утренній воздухъ освѣжилъ ее и придалъ силы, тогда она побрела къ городу; къ счастью, ее подсадилъ въ телѣгу проѣзжій крестьянинъ, гдѣ она опять лишилась чувствъ. Затѣмъ вѣроятно мужичекъ положилъ ее на тротуаръ, такъ какъ, придя въ себя, она очутилась на одной изъ близкихъ къ своему дому улицъ, откуда уже и приползла домой. Рассказъ горничной можно было принять за вполне достоверный, ибо во время сильнаго разгара эпидеміи такіе случаи бывали нерѣдко, и многихъ заболѣвшихъ послѣ сильнаго припадка холеры принимали за умершихъ и зачастую относили въ сарай для покойниковъ, чтобы очистить мѣсто новымъ паціентамъ. Утѣшивъ и ободривъ на сколько возможно сестру, я оставилъ ей пузырекъ съ мятными каплями и на прощанье обѣщалъ навѣщать каждую недѣлю, чѣмъ она осталась очень довольна.

V.

Появленіе начальства.—Пожары.—Разборъ одежды.—Возвращеніе въ городъ.—
Зимнія занятія офицеровъ.

Время шло, стало наконецъ появляться начальство, возвратился корпусный командиръ и поселился въ какомъ-то домикѣ въ зауральской *

рощѣ; пріѣхалъ начальникъ дивизіи и занялъ двѣ комнатки вверху на дачѣ Шапошникова (нынѣ Короваева) вблизи нашего лагеря. Съ появленіемъ высшихъ лицъ, хотя и не въ городѣ, откуда-то стали вы-ползать и второстепенные чины: показался плацъ-маіоръ, увидали мы и командира 2-го баталіона, подполковника Чигиря, занявшаго между да-чей Шапошникова и нашимъ лагеремъ одинъ изъ офицерскихъ бара-ковъ казачьей артиллеріи. Между тѣмъ холера не переставала уносить жертвы, и въ одинъ прекрасный день я получилъ приказаніе вступить въ исправленіе должности баталіоннаго адъютанта и казначея и, слѣ-довательно, носить ежедневно начальнику дивизіи рапортчики о числѣ больныхъ и умершихъ въ баталіонѣ.

Замѣчательно, что въ то время, когда у насъ въ баталіонахъ сви-рѣпствовала холера, у стоящихъ рядомъ въ лагерѣ артиллеристовъ-казачковъ болѣзненность была весьма незначительна, а у кадетъ всего 3 или 4 умершихъ, чтó показывастъ, что и при хорошемъ довольствіи можно было значительно сберечь солдатъ, когда начальникъ заботился о хорошей пищѣ людей и поддержкѣ между ними бодрого духа и опрятности. Дѣйствительно, когда въ нашемъ лагерѣ царствовала гро-бовая тишина, у сосѣдей казачковъ и кадетъ постоянно раздавались пѣсни, музыка, и неся веселый крикъ разныхъ игръ, которыми они занимались при всякомъ удобномъ случаѣ.

Къ бѣдствіямъ холеры присоединилась вскорѣ другая невзгода для бѣдныхъ жителей Оренбурга, вѣроятно по пословицѣ, что бѣда одна не приходитъ. Невыносимый жаръ, отсутствіе дождей, беспорядокъ въ хозяйствѣ и въ присмотрѣ за огнемъ въ особенности, причиненный въ каждомъ домѣ холерой—все это послужило къ появленію пожаровъ. Вскорѣ по возвращеніи корпуснаго командира, произошелъ довольно сильный пожаръ въ казачьемъ форштадтѣ, а какъ средства полиціи были ничтожны, жителей, по случаю холеры, явилось для тушенія мало, то вся надежда на прекращеніе огня сосредоточилась на войскахъ, ко-торыя однако же прибыли весьма поздно, за чтó присутствовавшій на пожарѣ Обручевъ страшно разбранилъ войсковыхъ начальниковъ.

Прошло съ недѣлю, и разъ, часа въ четыре послѣ обѣда, мы уви-дѣли изъ лагеря сильный дымъ въ старой слободкѣ; не было сомнѣнія, что тамъ начинался большой пожаръ. Только лишь мы велѣли людямъ одѣваться, какъ пріѣхалъ ординарецъ съ приказаніемъ баталіонному адъютанту явиться немедленно къ начальнику дивизіи. Прицѣпивъ по-лусаблю, я бѣгомъ направился на дачу Шапошникова, гдѣ по какой-то боковой лѣсенкѣ взобрался на мезонинъ, но, войдя въ пріемную, не-волью остановился. По комнатѣ изъ угла въ уголъ, расхаживалъ или, лучше сказать, бѣгалъ начальникъ дивизіи, въ одномъ бѣльѣ съ страшно

встревоженнымъ лицомъ; тутъ же, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ лакей, держа въ рукахъ генеральское платье.

— Горить?—подскочилъ ко мнѣ съ вопросомъ генераль, страшно вращая глазами.

— Горить, ваше превосходительство.

— Горить, горить,—передразнилъ меня начальникъ дивизіи, сдѣлавъ гримасу. И безъ тебя знаю, что горить, а люди посланы?

— Сейчасъ собираются.

— Какъ собираются, что же ты смотрѣлъ? И генераль чуть не съ кулаками налетѣлъ на меня. Баталіонный командиръ боленъ, а ты спишь, да я тебя вонъ выгоню, въ солдаты разжалую!—кричалъ онъ въ изступленіи съ пѣной у рта и потомъ, точно вспомнивъ что-то, бросился въ другую комнату. Черезъ мгновеніе онъ летѣлъ уже назадъ, бормоча: Боже, Боже мой, какъ горить, а людей нѣтъ. Что скажетъ корпусный командиръ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на диванъ.

Прошла минута, и генераль, схвативъ себя за волосы, крикнулъ лакею: «Давай одѣваться, я самъ поѣду, самъ», но едва онъ успѣлъ надѣть шаровары, какъ весь пылъ его прошелъ,—онъ заговорилъ слабымъ голосомъ: «нѣтъ, рѣшительно не могу, я боленъ... докторъ запретилъ», и потомъ, обратясь ко мнѣ, добавилъ съ ласкою: «ты видишь... я не въ состояніи, бѣги къ подполковнику Чигирю и скажи, что я нездоровъ». Уходя, я еще слышалъ голосъ генерала, повторявшаго: «Боже мой, какъ горить-то»...

Здѣсь въ первый разъ мнѣ удалось видѣть, какъ человекъ, неоднократно отличавшійся въ сраженіяхъ, можетъ растеряться и даже струсить, попавъ между двухъ огней, при другой обстановкѣ жизни. Всѣ мы знали, что болѣзнь генерала, если она только существовала, нисколько не мѣшала ему выѣзжать и была самая обыкновенная, но также хорошо было всѣмъ извѣстно, что онъ очень боялся заразительности холеры и, наравнѣ съ нею, корпуснаго командира. Очутясь такимъ образомъ между холерою и Обручевымъ, онъ не зналъ, что дѣлать, пока наконецъ любовь къ жизни не пересилила боязни грознаго начальника.

На обратномъ пути, я передалъ исправлявшему должность бригаднаго командира, подполковнику Чигирю, стоявшему на крыльцѣ своей дачи, приказаніе генерала и затѣмъ, отойдя нѣсколько шаговъ въ направленіи лагеря, встрѣтилъ одного юнкера—своего корпуснаго товарища, съ которымъ и поздоровался по-дружески. Но только успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ слышу голосъ Чигиря:

— Эй, прапорщикъ, какъ вы смѣете такъ здороваться съ нижнимъ чиновомъ и позволяете ему стоять въ фуражкѣ! Я васъ, сударь, заморю

на гауптвахтѣ. Ступайте прочь, а ты, братъ, закричалъ Чигирь юнкеру, грозя кулакомъ,—пошелъ подь арестъ!

Такъ возвратился я въ лагерь, получа двѣ невѣжественныхъ нахлобучки, но тогда это было въ порядкѣ вещей.

Сколько помню, въ июлѣ мѣсяцѣ холера стала значительно утихать, появились выздоравливающіе, а у нѣкоторыхъ она начала переходить въ тифъ; въ городѣ отслужили съ водосвятиемъ молебень, обошли съ хоругвями крѣпостные валы, и народъ появился на улицахъ. Я не имѣю подь рукою цифры жертвъ, но полагаю, что немного ошибусь, если скажу, что холера уничтожила около половины всего населенія Оренбурга, считая и войска. По крайней мѣрѣ по всѣмъ имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ она, за исключеніемъ еще одного какого-то пункта въ южной Россіи, нигдѣ не свирѣпствовала такъ, какъ въ Оренбургѣ. Всякій согласится, что цифра этой страшной смертности несомнѣнно была бы гораздо менѣе, если бы были во-время приняты хотя какія-нибудь раціональныя гигиеническія мѣры и была бы оказана надлежащая медицинская помощь заболѣвшимъ, но повторяю вновь: о гигиенѣ тогда никто не думалъ, а врачевныя средства почти исключительно сосредоточивались въ одномъ докторѣ Майделѣ.

Опасность миновала, войска стали готовиться къ выступленію изъ лагеря, когда случай привелъ нѣкоторыхъ изъ насъ столкнуться еще разъ съ оставлявшею Оренбургъ эпидеміей. Дѣло въ томъ, что солдатъ отправляли въ госпиталь караванъ-сарая, въ той одеждѣ, въ которой они заболѣвали, а хоронили неизвѣстно въ чемъ; только съ прекращеніемъ холеры, отъ каждаго баталіона по нѣсколько офицеровъ съ капитанмусами получили приказаніе отправиться въ караванъ-сарай разобрать по баталіонамъ и ротамъ оставшіяся послѣ умершихъ вещи. Прибывъ на мѣсто рано утромъ, мы нашли солдатскую одежду, преимущественно шинели, наваленную горами вдоль стѣны, окружающей зданіе, и немедленно приступили къ разборкѣ. Шинели и мундиры оставались въ томъ видѣ, какъ ихъ снимали съ умершихъ, т. е. выпачканные разными изверженіями, и хотя они лежали на открытомъ воздухѣ, тѣмъ не менѣе, когда тронули эту массу и стали разворачивать платье, чтобы убѣдиться, какой части оно принадлежитъ, насъ обдало такими миазмами, что съ нѣкоторыми сдѣлалась дурно, и только съ великимъ трудомъ и томленіемъ мы окончили кое-какъ свою работу къ вечеру. Замѣчательно, что не только командиры частей, даже высшее начальство не подумали продать или сжечь эту одежду, напротивъ, она, какъ показанная въ отчетахъ исключенною на умершихъ, доставила порядочную прибыль баталіоннымъ командирамъ, и безъ того впрочемъ получавшимъ огромные барыши отъ постройки одежды и вообще отъ всего баталіоннаго хозяйства.

Съ переходомъ въ городъ вмѣсто отдыха началось навестываніе того, что было пропущено въ холеру, и подтягиванье распутившихся, какъ тогда говорили, во время двухмѣсячнаго бездѣлья, войскъ. Ученья пошли утромъ и вечеромъ безъ перерыва; стали готовиться къ смотрамъ, и милая палка съ начальническимъ кулакомъ безъ устали загуляла по солдатскимъ спинамъ и лицамъ. Офицерство обругивалось, безъ очереди посылалось въ карауль и наполняло гауптвахты; словомъ, все вошло въ свою обычную колею, и снова стало все благополучно; прошла гроза, смерть перестала пугать своимъ призракомъ, и начальство съ азартомъ принялось за обычную роль грознаго инспектора, какъ бы стараясь строгостями изгладить изъ памяти подчиненныхъ воспоминаніе о своей трусости и бездѣтельности въ холеру. Начались слѣдствія, разысканія за нераспорядительность во время холеры, того или другаго лица, конечно, изъ маленькихъ чиновъ; кое-кого распекли, а другихъ смѣнили, въ томъ числѣ и нашего добряка, баталіоннаго командира маіора Лепехина, на мѣсто котораго былъ назначенъ изъ арміи подполковникъ Сварчевскій. Послѣ долгой муштровки смотры, наконецъ, были сданы благополучно, особенно подполковникомъ Чигиремъ, баталіономъ котораго корпусный командиръ остался отмѣнно доволенъ, и затѣмъ мы перешли къ обыкновеннымъ зимнимъ занятіямъ, сначала на дворѣ, а съ наступленіемъ холодовъ—въ казармахъ и манежѣ.

Потянулась грустная жизнь: ученья, парады, разводы съ грубостью начальства, недостатокъ содержанія (прапорщикъ за вычетами на библиотеку, офицерскій капиталъ и проч., получалъ тогда въ треть пятьдесятъ съ чѣмъ-то рублей),—вотъ что наполняло нашу службу въ Оренбургѣ, и единственнымъ средствомъ отдыха отъ всѣхъ этихъ дрягъ оставалось чтеніе, благо дивизионная библиотека находилась подъ рукою. Библиотека начала составляться нѣсколько лѣтъ назадъ при штабѣ дивизіи на деньги, вычитавшіяся у офицеровъ изъ жалованья, и въ мое время помѣщалась въ казармахъ 3-го баталіона. Не знаю, сколько платили въ нее высшіе чины, но съ прапорщиковъ вычитали по два рубля въ треть, и за исключеніемъ сочиненій Михайловскаго - Данилевскаго, Лукьяновича о кампаніи 1828—1829 годовъ въ Турціи, въ библиотекѣ не было ни одного военного изданія, считая въ томъ числѣ и учебныя военныя руководства, но зато она была наполнена всевозможными повѣстями и романамъ, особенно же бывшими тогда въ модѣ сочиненіями Дюма, Сю, Февала и др. На иностранныхъ языкахъ не было ни одной книги. Всѣ офицеры зачитывались тогда, чуть не до сумасшествія «Вѣчнымъ жидомъ», «Монте-Кристо» и т. под., а изъ русскихъ произведеній, кромѣ Загоскина и Лажечникова, страшнѣйшій фуроръ производилъ Лермонтовъ своимъ «Героемъ нашего времени», ибо рѣдкій изъ

офицеровъ не находилъ въ себѣ нѣкотораго сходства съ Печориннымъ или не желалъ бы подражать ему. Начинали также почитать и Го-голя, но какъ-то нерѣшительно, цѣня его исключительно, какъ юриста. Изъ стихотвореній читали того же Лермонтова, Пушкина, Грибоѣдова, Козлова, особенно Бенедиктова, стихи котораго: «Кудри дѣвы чародѣйки», и «Блаженъ, кто могъ на ложѣ noci», Языкова вся молодежь знала наизусть; старики же напротивъ декламировали Давыдова: «Бурцевъ, ёра забіяка». Но къ чему была особенная страсть у тогдашнихъ офицеровъ, даже женатыхъ—это къ непозволительнымъ сочиненіямъ, какого бы то ни было содержанія, общаго или политическаго; почти у каждаго была тетрадь непозволительныхъ стиховъ Борзова, Пушкина и пр., которые хранились, какъ драгоценность, и списывались другъ у друга; у болѣе же развитыхъ людей имѣлись тетрадки съ поэмами Рылѣева и стихотвореніями, подобными извѣстному тогда «Спору Польши съ Россіей»: «Сбирайтесь, слуги и вассалы, на кроткій господина зовъ».

Ежегодно осенью, всѣ офицеры собирались въ бібліотеку, подъ предсѣдательствомъ Чигиря, чтобы рѣшить, какія книги выписать на будущій годъ. Обыкновенно сначала утверждался тотъ списокъ книгъ, которыя выбиралъ самъ Чигирь, затѣмъ—назначали уже офицеры, останавливаясь почти всегда на романахъ и въ рѣдкихъ случаяхъ на сочиненіяхъ объ охотѣ. Таковъ былъ въ то время запасъ печатныхъ свѣдѣній, которыми мы могли пополнять свое образованіе изъ нашей бібліотеки, но спасибо и за это; все же лучше было провести время за романами, чѣмъ въ пьянствѣ и карточной игрѣ, какъ это дѣлали многіе изъ старыхъ офицеровъ.

Въ Дворянскій клубъ хотя нѣкоторые изъ насъ и являлись, но только для того, чтобы смиренно постоять въ залѣ, ибо, какъ я уже говорилъ, съ нами мало кто танцевалъ; даже изъ офицеровъ, носившихъ другой мундиръ, всякій, какого бы онъ ни былъ чина, считалъ возможнымъ отворачиваться и смотрѣть на «гарнизонъ», какъ тогда звали линейные баталіоны, чуть не съ презрѣніемъ; одни только казаки и отчасти топографы не пренебрегали нами.

Въ продолженіе зимы были два или три бала у Обручева, и одинъ у нашего дивизионнаго начальника, имѣвшаго тогда двухъ взрослыхъ дочерей-невѣстъ. Я ничего не зналъ о послѣднемъ балѣ, когда разъ вечеромъ принесли ко мнѣ изъ баталіона книгу приказовъ и, просматривая ее, я прочиталъ: «поручику и прапорщику такимъ-то завтрашняго числа, въ 9 часовъ вечера, прибыть въ квартиру его превосходительства начальника дивизіи въ мундирахъ безъ шарфовъ». Недоумѣвая, что бы это значило, я только на другой день узналъ, что поименованные офицеры «назначаются» на балъ къ генералу Толмачеву, и то только

потому, что умѣютъ танцевать польку. По веснѣ и подполковникъ Чигирь далъ роскошный балъ, на которомъ присутствовало все начальство, не исключая Обручева; сюда тоже были назначены только тѣ офицеры, которые хорошо танцевали польку.

VI.

Перовскій и оренбургскія дамы.—Ксендзь Зеленко.—Командировка въ Бугульму.—Сергѣевскія воды.—Возвращеніе въ Оренбургъ.—Зима съ 1849 на 1850 годъ.

Упомянувъ выше объ оренбургскихъ балахъ, нельзя пройти молчаніемъ и тогдашняго дамскаго общества Оренбурга.

При предмѣстникѣ Обручева, Перовскомъ, человѣкъ холостомъ, любившемъ хорошенькихъ женщинъ, для оренбургскихъ дамъ было открыто обширное поле интригъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ расположеніе красиваго корпуснаго командира. Чтобы извинить отчасти мѣстныхъ дамъ за такія поползновенія, надо составить себѣ предварительное понятіе о томъ, какое значеніе имѣлъ тогда для Оренбургскаго края главный его начальникъ. Если въ настоящее время внутри Россіи генераль-губернаторъ окруженъ особымъ почетомъ и блескомъ, пользуется большою властью надъ подчиненными и средствами привлечь ихъ къ себѣ, то что же слѣдуетъ сказать о главномъ начальникѣ, дѣйствовавшемъ на далекой окраинѣ въ старые годы, облеченномъ, по самой отдаленности страны, чрезвычайною властью и имѣвшемъ въ безотчетномъ распоряженіи громадныя денежныя и матеріальныя средства. Такой начальникъ, если только онъ хотѣлъ, могъ вполнѣ играть роль султана въ своей области. Достаточно было, не говоря почерка пера, но слова его, чтобы карьера подчиненнаго была сразу уничтожена, или наоборотъ довольно было простаго приказанія, прихоти, чтобы какому-нибудь лицу немедленно отглустилась изъ состоящихъ въ распоряженіи начальника средствъ болѣе или менѣе значительная сумма. А блестящіе балы Перовскаго, попасть на которые для людей, живущихъ въ захолустѣ, развѣ не было особымъ счастіемъ, а роскошные подарки, которые онъ со всею свѣтскою любезностью подносилъ дамамъ, пользовавшимся даже самымъ незначительнымъ его вниманіемъ, не составляли притягательной силы? Къ этому надо добавить казенныя помѣщенія, дрова и сѣно, которыя онъ раздавалъ по произволу, и при томъ, напримѣръ, дрова за самую ничтожную цѣну, что при недостаткѣ хорошихъ квартиръ въ Оренбургѣ и дороговизнѣ топлива играло значитель-

ную роль въ жизни служащихъ. Словомъ, отъ главнаго начальника, такъ сказать, зависѣла вся нравственная и матеріальная обстановка подчиненнаго.

Поятень будетъ послѣ этого и тотъ образъ жизни, который вело большинство хорошенькихъ дамъ высшаго оренбургскаго общества; онѣ веселились до упаду на балахъ Перовскаго, дома жили привольно, благодаря его же милостямъ и въ силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о томъ, чтобы сойтись съ нимъ поближе. Къ сожалѣнію, желающихъ было много, а избранныхъ мало, и потому многія удовлетворились тѣмъ, что отдали свои симпатіи кому-либо изъ близкихъ Перовскому лицъ изъ той блестящей толпы свѣтской молодежи, которую привезъ онъ съ собою изъ Петербурга. Но разъ почувшій свободу конь, какъ говорятъ, несется далѣе, такъ было и здѣсь ко времени пріѣзда въ край Обручева: половина молодыхъ дамъ изъ высшаго круга была уже замѣшана въ разныя интригахъ.

Аскетъ по жизни, имѣя женою женщину, весьма сдержанную нѣмку, Обручевъ ужаснулся распущенности оренбургскаго общества, напоминавшей ему вѣроятно времена Людовика XV, и сразу захотѣлъ повернуть его на болѣе нравственную дорогу. Напрасно однако онъ устраивалъ свои вечера съ самою простою обстановкою, отличалъ особымъ вниманіемъ дамъ, пользовавшихся безукоризненной репутаціей, и не пускалъ въ домъ тѣхъ, которыя слишкомъ явно вели интриги—ничто не помогало; напротивъ, давленіе его произвело какъ бы противное дѣйствіе, и въ мое время большая часть молодыхъ замужнихъ женщинъ высшаго круга, имѣвшихъ хотя тѣнь красоты, вела довольно свободную жизнь.

Независимо отъ баловъ въ Оренбургѣ тогда изрѣдка устраивались благородные спектакли обществомъ бѣдныхъ, предсѣдательницей котораго состояла супруга генерала Обручева, и ближайшимъ ея помощникомъ и распорядителемъ мѣстный ксендзь Зеленко, личность въ своемъ родѣ весьма замѣчательная.

Ксендзь Зеленко былъ сосланъ въ Оренбургъ за какія-то преступленія еще при Перовскомъ, но какъ послѣдній весьма снисходительно относился къ ссыльнымъ, то ксендзу не только вскорѣ позволили отправлять службу, но и сдѣлали дивизионнымъ капелланомъ 22-й дивизіи. Воспитанникъ іезуитовъ, человекъ, одаренный большимъ умомъ, неизмѣрною терпѣливостью въ достиженіи своихъ цѣлей, заискивавшій у всѣхъ и каждаго, со всѣми ласковый и обходительный, Зеленко уже при Перовскомъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла края, прикрывая свои дѣйствія маской благотворительности и помощи всѣмъ людямъ безъ различія религіи и національности. Онъ съ утра до ночи разъѣзжалъ по городу на своей неизмѣнной рыжей лошаdkѣ съ просьбами

за какое-нибудь лицо, и для оренбургскаго жителя показался бы тотъ день необыкновеннымъ, въ который онъ не увидѣлъ бы на улицѣ ксендза.

Вступивъ въ управленіе краемъ, Обручевъ отнесся ко всѣмъ сосланнымъ полякамъ весьма строго; послѣдовали разныя ограниченія ихъ свободной жизни, и казалось, такая же участь ожидала и Зеленко, но хитрый ксендзъ восторжествовалъ и тутъ. Всѣмъ извѣстно, что жены главныхъ начальниковъ въ провинціи чрезвычайно любятъ брать на себя, хотя бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ,—роль попечительницъ бѣдныхъ того края, которымъ управляетъ мужъ; такъ было и здѣсь. Но супруга генерала Обручева слишкомъ высоко была поставлена, чтобы лазить по грязнымъ лачужкамъ и удостовѣряться въ бѣдности просителя, ея нервы не выносили вида разныхъ страданій, которымъ преимущественно подвергается бѣдное человѣчество; наконецъ, она сама не могла производить лично всѣхъ выдачъ и собирать деньги, не знала, какъ вести счеты и пр., а потому на первыхъ же порахъ ей понадобился человѣкъ, который сѣумѣлъ бы все это сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ бѣдныхъ городскихъ жителей убѣжденіе, что ангеломъ-хранителемъ ихъ служить исключительно супруга главнаго начальника. Для подобныхъ условій подходящимъ лицомъ въ Оренбургѣ только и могъ быть одинъ Зеленко, пользовавшійся уже и прежде репутаціей общаго благодѣтеля, и потому выборъ генеральши, конечно, остановился на немъ; она взяла его въ секретари по дѣламъ бѣдныхъ, сдѣлавъ въ то же время милостыне-раздавателемъ. И не такихъ людей, какъ супруга Обручева, Зеленко умѣлъ прибрать къ рукамъ, а здѣсь съ неопытной женщиной дѣло шло еще успѣшнѣе; пользуясь служебными сношеніями съ генеральшей, имѣвшей сильное вліяніе на крикуна мужа, Зеленко вошелъ въ милость и къ послѣднему и такимъ образомъ получилъ возможность еще болѣе вліять на дѣла администраціи подъ покровомъ той же маски безкорыстнаго благодѣтеля человѣчества. Значеніе его дошло до того, что къ нему стали постоянно обращаться съ просьбами не только бѣдные или искавшіе мѣста чиновники, но даже военные и крестьяне. Такъ, я помню офицеры одной изъ казачьихъ батарей, стоявшей въ Вугурусланѣ или Стерлитамакѣ, побили кого-то изъ служащихъ тамъ и вообще устроили въ мѣстномъ клубѣ публичный скандалъ; они тотчасъ же обратились съ письмомъ къ Зеленко, прося замять эту исторію, и дѣйствительно дѣло кончилось пустяками. Но, работая для всѣхъ, ксендзъ не упускалъ изъ виду и главной своей цѣли—быть прежде всего добрымъ католикомъ и помогать своимъ. Его стараніями выстроены въ Оренбургѣ хорошенькій костелъ съ особымъ домикомъ для священника, и по подпискѣ заведенъ прекрасный органъ; при его же участіи стали миловаться сосланные поляки

и понемногу втираться на разные военные и гражданскія мѣста въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ.

Безобразный лицомъ до отвращенія, Зеленко тѣмъ не менѣ имѣлъ огромное вліяніе на женщинъ и если не соблазнялъ открыто перейти въ католичество, то несомнѣнно владѣлъ душою и помысломъ многихъ православныхъ своихъ почитательницъ. Такъ хозяйка его, вполнѣ русская женщина, вдова казачьяго офицера, у которой онъ жилъ лѣтъ 25 и дочь которой, вѣрнѣе свою, онъ же выдалъ замужъ за офицера изъ сосланныхъ поляковъ, боготворила своего постояльца. Всѣмъ извѣстна была также его дружба съ одною замужнею богатою барыней въ Илецкой Зацитѣ, два сына которой воспитывались въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ. Зеленко души не слышалъ въ этихъ мальчикахъ, и по странной игрѣ случая они имѣли разительное сходство съ ксендзомъ.

Когда холера такимъ образомъ дѣлала свое дѣло и Оренбургъ вымиралъ, жизнь губерніи вообще и Башкиріи въ частности шла своею чередою, не обращая никакого вниманія на бѣдствіе, постигшее центральный пунктъ администраціи. Башкиры по-прежнему воровали лошадей, считая это вполнѣ законнымъ, таскали чужой дѣсь, принимая его за свой. Какъ дѣти природы и свободы, они находили вполнѣ естественнымъ удрать изъ грязныхъ вонючихъ тюремъ въ родныя свои степи и за эти поступки точно также по-прежнему массами шли подъ военный судъ, нисколько не сознавая своей вины.

Завзятые грѣховодники аудиторшкіи, притихшіе было передъ страхомъ смерти, проводивъ теперь холеру, съ жадностью бросились вознаграждать потерянное время, и дѣятельность въ военно-судныхъ комиссіяхъ загорѣлась съ небывалою силою. Немедленно послѣдовало распоряженіе пополнить всѣ военно-судныя комиссіи недостававшими въ нихъ членами, т. е. командировать туда строевыхъ офицеровъ. Въ Оренбургѣ выборъ начальства палъ на меня и товарища моего по корпусу—Бунина, и мы въ сентябрѣ мѣсяцѣ—два совершенно неопытныхъ и въ жизни и въ службѣ юноши, отправились въ г. Бугульму, въ тамошнюю комиссію судить и наказывать бѣдныхъ башкиръ.

Пробывъ нѣсколько дней по дорогѣ въ Белебѣй, я поспѣшилъ потомъ въ Бугульму. Презусомъ комиссіи тогда былъ капитанъ изъ фельдфебелей Плюсиинъ (его заѣлъ впоследствии въ фортѣ-Казалѣ тигръ), старикъ до неимовѣрности ограниченный и едва умѣвшій подписать свою фамилію, воротилой же всего дѣла состоялъ аудиторъ изъ писарей Северьянъ Тимошеевичъ Дибайловъ (впоследствии оберъ-аудиторъ Оренбургскаго казачьяго войска), личность не глупая, но до такой степени искусная во взяткахъ, что не было, кажется, того оборванца-голыша башкира, съ котораго онъ не ухитрился бы взять хоть что-нибудь. Съ первыхъ же засѣданій мы съ Бунинымъ убѣдились, что

помочь правдѣ дѣла не можемъ и, скрѣпя сентенціи, будемъ противу всякаго желанія прикрывать чужое мошенничество. Что же оставалось намъ дѣлать: проситься вонъ—нельзя, мы только лишь прибыли, донести начальству, но кто бы повѣрилъ тогда двумъ прапорщикамъ, да развѣ и подь силу намъ было бороться съ правильно и твердо организованной шайкой мошенниковъ-аудиторовъ. На этомъ основаніи мы рѣшили до поры, до времени ходить въ комиссію только для подписи фамилин и совершенно устранить себя отъ всякаго сближенія съ презумсомъ и аудиторомъ, но и эти господа не дремали. Видя наше отчужденіе, они втихомолку донесли въ Оренбургъ, что мы службою не занимаемся, ведемъ себя неприлично и вообще не радивы, и только благодаря заступничеству нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ и родныхъ это предствленіе не имѣло для насъ особо дурныхъ послѣдствій, но за то подобная подлость еще болѣе укрѣпила во мнѣ мысль избратся на другую дорогу въ службѣ.

Наступила весна 1849 года, въ воздухѣ запахло войною, и изъ нашихъ баталіоновъ послали нѣсколько офицеровъ для пополненія армейскихъ войскъ, а затѣмъ начали отправлять и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Въ маѣ мѣсяцѣ я заболѣлъ, и медикъ мнѣ посовѣтовалъ проситься на Сергіевскія минеральныя воды, куда обыкновенно отправляли всѣхъ офицеровъ, страждущихъ золотухою и ревматизмомъ.

Въ Сергіевскѣ я пріѣхалъ ночью, прямо въ госпиталь, но какъ тамъ все спало и некому было указать помѣщенія и свободной кровати, то я провелъ эту ночь въ приемной комнатѣ на лавкѣ; на другой же день меня помѣстили въ офицерскую палату, прописали питье сѣрной воды и приемъ утромъ и вечеромъ горячихъ ваннъ.

Мѣстность, окружающая минеральные источники, отличается замѣчательною живописностью, а тѣнистый паркъ, расположенный при р. Сургутѣ, служитъ прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ больныхъ, но за то источники до такой степени пропитаны сѣрою, что запахъ ея слышится верстъ за 12 отъ Сергіевска, не говоря уже о самомъ мѣстечкѣ. Въ палатѣ, въ которую меня положили, насъ оказалось шесть человѣкъ: два казачьихъ артиллериста, комиссаріатскій офицеръ и два аудитора, неизвѣстно почему принимавшіе горячія ванны; остальные офицеры только числились въ госпиталѣ, а жили на вольныхъ квартирахъ.

Жизнь наша текла очень однообразно, не смотря на то, что на Сергіевскихъ водахъ проводили время не такъ, какъ теперь. Тогда была пора, боярская пора, когда крѣпостное право царило еще въ полной своей неприкосновенности и когда самый маленькій помѣщикъ считалъ долгомъ сорить деньги безъ разбору. Ѣздить въ то время за границу, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и затруднительности полу-

ченія паспорта, рѣшались немногіе, а потому помѣщики по преимуществу проводили лѣто на какихъ-либо ближайшихъ къ нимъ минеральныхъ водахъ. Въ этомъ отношеніи Сергіевскъ, лежащій не вдалекѣ отъ Волги, между губерніями Оренбургскою, Самарскою, Казанскою и Симбирскою, гдѣ сосредоточивались крупные землевладѣльцы, представлялъ именно желанный пунктъ для нашего дворянства и наполнялся посѣтителями въ продолженіе курса до такой степени, что не оставалось ни одной свободной лачужки, не говоря уже о дачахъ. Независимо отъ сосѣднихъ жителей, сюда много стекалось больныхъ даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, напр. Нижняго, Владиміра и Москвы, а коммерческіе дома высылали постоянно на воды свои магазины, въ которыхъ съ особою бойкостью шла торговля дамскими модными вещами и нарядами. Богатые помѣщики ближайшихъ губерній пріѣзжали обыкновенно цѣлымъ дворомъ: за недѣлю или за двѣ до ихъ прибытія, являлась толпа прислуги, мебель, экипажи, и все это везлось на крестьянскихъ подводахъ, которыя въ то же время доставляли фуражъ, масло, яйца и всякую другую потребность для жизни господъ; многіе имѣли даже на водахъ собственныя дачи.

Для развлеченія публики кромѣ оркестра, игравшаго ежедневно утромъ и вечеромъ около минеральныхъ источниковъ, служилъ весьма хорошій по составу труппы театръ, еженедѣльные танцевальныя вечера въ вокзалѣ, балы, задаваемые богатыми помѣщиками, и наконецъ пикники на такъ называемомъ Голубомъ озерѣ, замѣчательномъ глубиною и прозрачностью своей бирюзоваго цвѣта воды. Какъ водится, во время сезона шли здоровыя попойки, проигрывались и пріобрѣтались карты состоянія, мѣнялись на собакъ дѣвки, случались подчасъ скандалы, драки, но всего чаще здѣсь между молодежью завязывались тѣ узы, которыя послѣ сезона завершались бракомъ.

Я часто ходилъ на танцевальныя вечера, куда съѣзжалась масса публики; живо тутъ возникали мимолетныя знакомства, весело и долго шли танцы; кромѣ того, мнѣ разъ удалось попасть и на большой частный балъ къ извѣстному тогда своимъ гостепріимствомъ богатому помѣщику и откупщику—Стобеусу. Возможно блестящая на водахъ обстановка бала и любезность хозяина доставили каждому изъ гостей много удовольствія, а для любителей выпивки это былъ сущій рай, ибо для нихъ была поставлена въ саду особая палатка, въ которой каждый могъ требовать сколько угодно всякаго вина и гдѣ весь вечеръ шампанское лилось рѣкою.

Во время пребыванія моего на водахъ туда пріѣзжалъ начальникъ Казанской комиссаріатской комиссіи, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Сергіевскій госпиталь; но его инспекція, при господствѣ въ то время взятки, нисколько не улучшила скуднаго нашего содержанія;

завернул также и генераль Обручевъ съ женою; онъ обошелъ палаты и казенныя ванны, покричалъ вездѣ, какъ слѣдуетъ, и затѣмъ, дня три еще гулялъ на водахъ въ казачьемъ мундирѣ на распахку, съ Владимирскою лентою по бѣлому жилету. Главное же вниманіе воднаго общества сосредоточивалось совсѣмъ на другомъ. Телеграфовъ не было, и потому листки «Инвалида», сообщавшіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Венгріи, съ жадностью читали вездѣ, такъ какъ, независимо отъ національнаго чувства, почти у каждаго посѣтителя былъ въ арміи родной или знакомый. Всѣ восторгались тогда смѣлостью полковника Хрулева, критиковали дѣйствія Паскевича и славили Ридигера, при чемъ однако же большинство судей отличалось крайне плохимъ знаніемъ географіи и преспокойно считали Трансильванію, Молдавію и Валахію за Венгрію. Удивляться впрочемъ этому нечего; географію у насъ плохо знали и позже. Я хорошо помню, въ 1853 году, одного начальника дивизіи, который, получивъ отъ пріятеля письмо о движеніи Перовскаго въ Хиву, какъ называли многіе тогда походъ его на Сырь-Дарью, и занятіи имъ крѣпостцы Акъ-Мечети (нынѣ г. Перовскъ), на другой день съѣхавшимся къ нему по случаю праздника гостямъ объявлялъ о побѣдѣ русскаго оружія и, помня только, что мѣсто, куда пошелъ Перовскій, носить короткое названіе, поздравилъ торжественно всѣхъ присутствовавшихъ со взятіемъ Уфы.

По возвращеніи изъ Сергіевска, я пробылъ въ Бугульмѣ до ноября мѣсяца и затѣмъ былъ переведенъ въ Оренбургъ. Въ этотъ годъ корпусный командиръ устроилъ линейнымъ батальонамъ и казакамъ маневры, форсировали переправу черезъ Уралъ, атаквали уральскую рощу. Это, сколько знаю, была первая попытка въ такого рода занятіяхъ въ Оренбургскомъ корпусѣ, и войска были очень благодарны за нее генералу Обручеву. Здѣсь кстати замѣтить, что у тогдашняго нашего начальства былъ крайне своеобразный взглядъ на образованіе войскъ, особенно офицеровъ, отъ которыхъ кромѣ изученія устава рѣшительно ничего не требовали и даже какъ будто боялись, когда у нихъ являлось желаніе пополнить свои познанія. Такъ было со мною.

Природа, а потомъ болѣзнь въ корпусѣ надѣлили меня небогатымъ здоровьемъ, впалою грудью и слабостью ногъ, тѣмъ не менѣе я не пропускалъ ни одного ученія, зналъ уставъ и вообще исправно несъ службу и прекрасно велъ себя. Чего бы, казалось, болѣе, но, къ сожалѣнію, вышло не такъ. Прослуживъ два года и заявивъ желаніе готовиться къ экзамену въ военную академію, я просилъ освободить меня отъ нѣкоторыхъ обязанностей службы, и этого было довольно, чтобы на меня воздвиглись гоненія. Старые офицеры начали сторониться, говоря мнѣ, какъ бы въ шутку: вы ученые, куда намъ съ вами тягаться, а баталіонный командиръ, подполковникъ Сварчевскій, при всякомъ случаѣ язвительно

смѣялся надо мною передъ фронтомъ. Такъ зимою занимаясь почти каждый день съ офицерами осьмиряднымъ ученьемъ, салютовкой на церемониальномъ маршѣ, Сварчевскій требовалъ, чтобы при пальбѣ взводами въ командѣ офицеровъ непремѣнно слышна была гармонія, т. е. въ то время, когда оканчивается команда предыдущаго взвода, начиналась бы въ тонъ ей послѣдующая, при салютовкѣ же на тихомъ шагу, чтобы колѣно вытягивалось въ струнку, а грудь колесомъ. Я не могъ исполнить ни того, ни другаго; по недостатку музыкальнаго слуха, гармоніи, какую требовалъ баталіонный командиръ, не выходило; больныя же ноги и впалая грудь, при всѣхъ усиліяхъ, не могли быть выправлены, поэтому, каждый разъ, крича на меня, Сварчевскій съ усмѣшкой произносилъ: «Еще въ академію собирается, а ногу вытянуть не умѣетъ», или, обращаясь съ замѣчаніемъ къ кому-нибудь изъ старыхъ офицеровъ, говорилъ: «Мы, братъ, съ тобой, въ академію не идемъ, мы должны знать уставъ». Подобнаго же рода взглядъ на мое желаніе учиться высказало и высшее начальство, когда разъ я былъ дежурнымъ по баталіону на Пасху, въ тотъ день, когда въ казармы долженъ былъ пріѣхать корпусный командиръ. Собралось все начальство, явился Обручевъ, и я, какъ слѣдуетъ по уставу, отрапортовалъ ему, а начальникъ дивизіи назвалъ мою фамилію; корпусный командиръ, къ удивленію всѣхъ, стоялъ молча и суровыми глазами осматривалъ меня съ головы до ногъ. Второстепенные командиры, не зная, чтó дѣлать, переминались съ ноги на ногу, я растерялся; наконецъ, Обручевъ заговорилъ: «Хорошъ, очень хорошъ; развѣ такъ стоять, а гдѣ у тебя грудь? Это онъ собирается въ академію?», и на утвердительный мой отвѣтъ захохоталъ, повторяя: «хорошъ академикъ, очень хорошъ» и потомъ, обратясь къ начальству, добавилъ уже на ходу: «Прошу выучить мнѣ его». Досталось же тогда мнѣ бѣдному: распекъ меня начальникъ дивизіи, побранилъ бригадный и разругалъ баталіонный.

Зима прошла у насъ въ такихъ же занятіяхъ, какъ и въ минувшемъ году. Обращеніе баталіоннаго командира Сварчевскаго съ офицерами день ото дня становилось грубѣе и дерзче. Раздраженію его конечно не мало способствовало то обстоятельство, что онъ не сошелся съ начальникомъ дивизіи и самъ испытывалъ много неприятностей, доведшихъ его впоследствии до сумасшествія. Общественныя удовольствія шли тоже по-прежнему: избранная публика веселилась въ клубахъ, на балахъ у начальства и у себя на дому.

Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, интересовавшихъ общество и нѣсколько нарушившихъ его обыкновенную жизнь я могу указать только на четыре: во-первыхъ, благородные спектакли. Представленій состоялось нѣсколько; ихъ дали послѣ Пасхи и, дѣйствующими лицами были

адъютанты, офицеры генеральнаго штаба, инженеры и дамы высшаго круга. Изъ числа игравшихъ оказалось весьма много людей, способныхъ къ сценѣ и отличавшихся несомнѣннымъ талантомъ. Такъ въ драматическихъ роляхъ выдался болѣе другихъ адъютантъ Обручева, Габбе, а въ легкихъ опереткахъ родственница одного инженернаго офицера m-elle Винтеръ. Вообще спектакли были новинкою и принесли много удовольствія оренбургскому обществу, за что оно исключительно обязано супругѣ генерала Обручева, при содѣйствіи которой только и можно было устранить обыкновенныя, въ провинціи, пререканія дамъ при раздачѣ ролей; вторымъ былъ пріѣздъ зимой для наблюденія за наборомъ мѣстнаго землевладѣльца, флигель-адъютанта, Тимашева ¹⁾, котораго приглашали на всѣ балы съ цѣлью посмотрѣть, какъ танцуетъ онъ польку, а Обручевъ измучилъ до послѣдней степени, возя его по всѣмъ заведеніямъ и карауламъ, чтобы показать существующіе у него порядки; третьимъ были дѣйствія и работы на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ морскихъ офицеровъ, капитанъ-лейтенанта Краббе ²⁾ и лейтенанта Бутакова. Молодой, образованный А. И. Бутаковъ много положилъ труда и здоровья на изслѣдованіе Аральскаго моря и образованіе Аральской флотиліи; Краббе же ухаживалъ за барынями, рыскалъ верхомъ и пріѣзжалъ единственно для полученія награды; и въ 4-хъ, привозъ въ Оренбургъ, служившій тогда однимъ изъ главныхъ мѣстъ ссылки, малороссійскаго поэта Шевченко. Съ послѣднимъ мнѣ удалось познакомиться, хотя, къ сожалѣнію, не на долго, ибо Обручевъ, найдя пребываніе его въ Оренбургѣ почему-то не безопаснымъ, отправилъ Шевченко въ заброшенный въ пустыню Александровскій фортъ, куда даже офицеровъ посылали въ видѣ особаго наказанія.

Сообщ. Н. Н. Длусская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ.

Записки Н. Г. Задѣсова.

VII ¹⁾.

Экзамены.—Отѣздъ въ Петербургъ.—Поступленіе въ академію.—Стефанъ и Сухозанетъ.—Составъ курса.—Профессора.—Выпускъ и пребываніе въ образцовыхъ войскахъ.—Отѣздъ въ дѣйствующую армію.

Въ веснѣ я перешелъ жить на квартиру къ Аничкову ²⁾, чтобы вмѣстѣ съ нимъ готовиться въ академію, и мы поселились на небольшомъ чердакѣ, который онъ занималъ въ домѣ тестя своего брата—бывшаго корпуснаго эконома Артемьева. Я просилъ было освободить меня отъ службы, но объ этомъ и слышать не хотѣли до тѣхъ поръ, пока директоръ Неплюевскаго корпуса полковникъ Шиловъ не выхлопоталъ о прикомандированіи меня къ корпусу въ качествѣ дежурнаго офицера. Обручевъ, встрѣчая насъ съ Аничковымъ въ обществѣ, очень былъ недоволенъ, что мы не во фронтѣ и велѣлъ экзаменовать насъ со всею строгостью. Наконецъ, наступило время экзаменовъ. Предсѣдателемъ былъ оберъ-квартирмейстеръ Бларамбергъ, впослѣдствіи директоръ военно-топографическаго депо, а членами капитаны Шульцъ и Гернъ (впослѣдствіи генераль-маіоры въ отставкѣ) и штабсъ-капитаны Ромишевскій (былъ потомъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи) и Макшеевъ (впослѣдствіи профес-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

²⁾ Впослѣдствіи генераль-маіору и профессору Академіи генеральнаго штаба.

сорь академіи). Экзаменовали насъ строго; Аничковъ былъ смѣлѣе меня, служба его была хороша, онъ былъ со всѣми экзаменаторами знакомъ; я же былъ приготовленъ хуже, забить службою и начальствомъ, а потому и болѣе робокъ. Въ результатѣ вышло, что оба мы экзаменъ выдержали, но Аничковъ гораздо лучше меня. Какъ бы то ни было, дорогая мечта моя отчасти исполнилась: я вырвался изъ ненавистной службы въ линейныхъ баталіонахъ и уѣзжалъ въ Петербургъ, а тамъ что Богъ дастъ; во всякомъ случаѣ, если бы не попалъ въ академію, я рѣшилъ не возвращаться въ Оренбургъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ отправление. За мной пріѣхали братъ и мать, чтобы довести до Белебея, тамъ я простился съ ними и отцомъ и, напутствуемый слезами и благословеніями, въ легкой повозкѣ помчался въ Петербургъ, полный страха и надеждъ. Желая заблаговременно до экзаменовъ быть въ Петербургѣ, я ѣхалъ день и ночь, отчего моя повозка совсѣмъ разсыпалась, и я, продолжая путь на перекладной, нигдѣ не останавливаясь, на 13 день послѣ выѣзда изъ Белебея, вѣзжалъ въ 11 часовъ ночи въ какой-то громадный городъ, освѣщенный (какъ мнѣ тогда казалось) фантастическимъ огнемъ фонарей и магазиновъ. Подорожную мою отобрали на заставѣ, другаго вида со мной не было, а въ Петербургѣ тогда только лишь послѣдовало приказаніе безъ вида никого въ номера не принимать.

Будь я опытенъ, я бы могъ сперва занять номеръ, а потомъ потолковать о видѣ, но я вездѣ на первый спросъ швейцара, гдѣ мой видъ, отвѣчалъ, что его нѣтъ, и меня никуда не пускали. Такъ странствовалъ я до 3-хъ часовъ ночи; ямщикъ отказался возить и сталъ выкладывать вещи мои на Невскомъ тротуарѣ. Слезы отчаянія на безпріютность мою въ такомъ городѣ стали уже прошибать меня, когда я увидѣлъ на крыльцѣ большаго зданія дремавшаго дворника и, растолкавъ его, спросилъ, не отдаются ли въ этомъ домѣ номера. Велика была моя радость, когда въ отвѣтъ услышалъ: «есть, батюшка, есть, пожалуйста», и ни слова о паспортѣ. Мигомъ я занялъ номеръ, рассчитался съ извозчикомъ, рухнулъ въ постель и проснулся только къ 6-ти часамъ вечера. Тутъ только я узналъ, что занимаю номеръ въ Пассажѣ.

Явись въ канцелярію Академіи узнать о началѣ экзаменовъ и переговоривъ со встрѣтившимися тамъ офицерами, я къ ужасу увидѣлъ, что въ Оренбургѣ я многое училъ, чего не слѣдовало, и наоборотъ вовсе не читалъ тѣхъ руководствъ, которыя были излюблены профессорами академіи. Немедленно я бросился въ книжный магазинъ Крашенинникова и К^о, забралъ тамъ нужныя книги и тотчасъ же перенесся изъ дорогаго Пассажа въ какую-то мансарду на Пантелеймоновской улицѣ.

День и ночь я читалъ, на сколько доставало моихъ глазъ; наконецъ,

наступили экзамены, и къ 9-ти часамъ утра я пѣшкомъ добрался до академіи. Офицеровъ, желающихъ поступить въ академію, оказалось— 30 и по большей части гвардейцы; изъ гарнизона же, какъ тогда называли линейные баталіоны, явилось только два (я и Клугинъ). Надобно было видѣть, какъ насъ осматривали не только гвардія, но и армія, сколько презрѣнія было въ этомъ взглядѣ, который въ то же время какъ бы говорилъ: «вы-то, несчастные, куда дѣзете?»

Предубѣжденіе экзаменаторовъ противу гарнизоннаго мундира, понятная робость моя, а главное неудачная подготовка къ экзамену по оренбургскимъ книгамъ были причиною, что первые экзамены у меня прошли весьма неудовлетворительно, и я написалъ уже къ отцу о своей неудачѣ.

Хожденіе каждый день пѣшкомъ отъ Пантелеймона къ Николаевскому мосту и обратно весьма меня утомляло, а отъ бессонныхъ ночей страшно разболѣлись глаза; къ счастью, къ половинѣ экзаменовъ подѣхалъ изъ Оренбурга Аничковъ и сталъ по ночамъ читать мнѣ вслухъ руководства. Экзамены кончились, и я съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи; наконецъ, намъ прислали пріемный списокъ, и благодареніе Богу и вниманію ко мнѣ добраго вице-директора генерала Стефана я, хотя и послѣднимъ, но былъ принятъ; всего же насъ поступило изъ 30 человекъ только 20. Я успѣшилъ обрадовать этою вѣстью напуганныхъ моихъ родныхъ, и съ радости мы отправились съ Аничковымъ въ Малую Морскую въ бывший тамъ трактирчикъ «Парижъ», гдѣ издержали на обѣдъ послѣдніе оставшіеся у насъ въ карманѣ два рубля.

Съ поступленіемъ въ академію намъ пришлось встать къ ней поближе, и мы наняли двѣ комнатки въ подвальномъ этажѣ дома Розеншильдъ-Паулина на углу Средней Подъяческой улицы, у Харламова моста за 12 рублей въ мѣсяць. Столъ же брали изъ кухмистерской самый мерзостный за 6 рублей въ мѣсяць на брата; согрѣвали комнаты по большей части самоваромъ и только благодаря чаю не умирали съ голода.

Началось ежедневное хожденіе въ академію; я во весь годъ не пропустилъ ни одной лекціи и, имѣя подъ рукою необходимыя руководства, поправилъ свою репутацію на столько, что былъ переведенъ въ практическое отдѣленіе среднимъ изъ числа экзаменовавшихся офицеровъ. Въ теоретическомъ отдѣленіи тогда читали лекціи: извѣстный П. С. Лебедевъ, А. П. Карцовъ, гроза академіи старикъ генераль Болотовъ, Шульгинъ и другіе. Штабъ-офицерами нашими были Дитрихсъ и добрѣйшій К. О. Багговутъ (потомъ гатчинскій комендантъ). Питаясь воздухомъ, мы однако же не забывали развлеченій и каждую копѣйку несли въ театръ, особенно въ Италіанскую оперу, занимая конечно за

50 коп. мѣста въ райкѣ. Тогда пѣли Гризи, Маріо, Тамберликъ, Тамбурины, Персіани, Віардо и Демерикъ,—было кого послушать; въ Александринку же насъ привлекалъ Каратыгинъ-трагикъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Григорьевъ и красавицы-сестры Самойловы.

Главными начальниками въ академіи были тогда: вице-директоръ генераль-маіоръ Стефанъ и директоръ, безногій, генераль-адъютантъ Сухозанетъ. Венгерець родомъ, бывший офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба, проспавшій вмѣстѣ съ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ Ваграмское сраженіе, Стефанъ былъ образованный, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. За свою доброту онъ даже былъ обойденъ нѣсколькими чинами; дѣло въ томъ, что товарищъ, съ которымъ онъ ѣхалъ однажды въ командировку, побилъ дорогой станціоннаго смотрителя и, будучи женихомъ, уговорилъ Стефана принять этотъ грѣхъ на себя, увѣривъ, что все дѣло кончится только арестомъ, но послѣдствія оказались гораздо серьезнѣе.

Пугаломъ академіи былъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Деспотъ до мозга костей, онъ былъ назначенъ директоромъ академіи Императоромъ Николаемъ съ цѣлью школить хорошенько будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба и не позволять имъ сильно умничать и либеральничать. Вѣчно больной, раздражительный, страшный картежникъ, Сухозанетъ былъ помѣшанъ на мелочахъ и приходилъ въ академію только для распекавій. Мы по очереди являлись къ нему каждый день по вечерамъ съ рапортомъ и часа два всегда дежурили у него въ пріемной, пока онъ не выспится. Принималъ же онъ рапортъ чаще всего при выходѣ своемъ, чтобы сѣсть въ карету и ѣхать играть въ карты. Въ такихъ случаяхъ за нимъ всегда несли небольшую шкатулку съ деньгами. Разъ помню, я былъ дежурнымъ въ скверный осенній день и, порядочно продрогши, пріѣхалъ къ Сухозанету съ рапортомъ. Въ пріемной горѣлъ въ каминѣ огонь, кругомъ мертвая тишина; я усѣлся на диванъ и, согрѣтый огонькомъ, крѣпко, крѣпко заснулъ, какъ въ просонкахъ слышу громкій голосъ: «что съ тобой, ты боленъ?» Открываю глаза; передо мною Сухозанетъ въ мундирѣ. Съ просонокъ я не могу встать, не могу найтись, что отвѣчать, но новый вопросъ: «ты боленъ?» спасаетъ меня, и я самымъ слабымъ голосомъ говорю: «точно такъ, мнѣ дурно».— «Мундиръ разстегнуть, шарфъ, за докторомъ поскорѣ!»—кричитъ Сухозанетъ прислугѣ и самъ уѣзжаетъ, а я, напившись холодной воды—тоже давай Богъ ноги. Счастье, что Сухозанетъ не могъ и въ мысляхъ допустить такой дерзости со стороны офицера: спать на дежурствѣ, и потому самъ надоумилъ меня, какъ ему отвѣчать; иначе, конечно, меня сейчасъ же исключили бы изъ академіи съ самой дурной аттестаціей.

Когда на другой день я откровенно рассказалъ объ этомъ про-

исшествіи нашему доброму Багговуту, такъ онъ присѣлъ даже отъ ужаса и нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова.

Требованіе чиновочитанія и дисциплины у такихъ людей, какъ Сухозанеть, доходило тогда почти до безумія. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ окончившаго уже курсъ въ академіи конно-артиллерійскаго прапорщика на обѣдъ и на другой день, призвавши его дежурнаго штабъ-офицера, обругалъ послѣдняго елико возможно, сказавъ ему при этомъ:

— Когда блаженной памяти графъ Аракчеевъ удостоилъ меня пригласить къ себѣ на обѣдъ, то я, бывши прапорщикомъ гвардейской артиллеріи, весь обѣдъ просмотрѣлъ ему въ глаза, а вчера я, генералъ-аншефъ (такъ любилъ называть себя Сухозанеть), позвалъ къ себѣ обѣдать армейскаго прапорщика, и что же, братецъ, онъ сдѣлалъ?.. Онъ весь обѣдъ ѣлъ! Нѣтъ, такъ служить нельзя, у тебя, братецъ, въ отдѣленіи нѣтъ никакой дисциплины...

Лѣто мы провели на Бронной горѣ на съемкѣ, а на зиму наняли новую квартиру у того же Харламова моста, въ домѣ Фохтса въ нижнемъ этажѣ. Въ практическомъ отдѣленіи мои занятія шли еще успѣшнѣе, и начальство академіи стало ко мнѣ очень благоволить. Въ практическомъ отдѣленіи читали у насъ лекціи полковникъ М. И. Богдановичъ и Д. А. Милютинъ (нынѣ графъ и фельдмаршалъ); послѣдній читалъ чрезвычайно увлекательно.

Слѣдующее лѣто мы опять провели на съемкѣ въ прелестномъ имѣніи Потемкина—Гостилицахъ, гдѣ Аничковъ познакомился съ будущей своей женой, дочерью управляющаго Потемкина—Крымовой.

Выпускной экзаменъ я сдалъ прекрасно, но, къ сожалѣнію, у меня не достало одного балла, чтобы получить чинъ за отличіе. Тогда баллы въ академіи ставились по особой системѣ, и полные баллы составляли цифру 470. Сильно горевалъ я по этому случаю, сочувствовали мнѣ и всѣ добрые мои товарищи, но пособить было нельзя. Наступилъ публичный экзаменъ. Съѣхался генералитетъ, приѣхалъ военный министръ князь Чернышевъ, и начался экзаменъ. Меня вызвали изъ военной исторіи и стратегіи, и я отвѣчалъ такъ хорошо, что Чернышевъ не далъ мнѣ и кончить. На другой день утромъ неожиданно явился въ нашей бѣдной квартирѣ Багговутъ въ мундирѣ и, обнявъ меня, объявилъ, что Чернышевъ добавилъ мнѣ одинъ баллъ, и я получаю чинъ за отличіе.

По окончаніи курса насъ немедленно откомандировали въ образцовыя войска, и мы сначала поехали въ Павловскъ въ кавалерійскій полкъ. Окончившихъ курсъ офицеровъ оказалось всего 16 человекъ.

Въ минуту, когда я пишу свои записки, насъ остается на службѣ, спустя 23 года по выходѣ изъ академіи, ровно половина, то есть 8 человекъ.

Окончивъ экзаменъ, я покотилъ съ Аничковымъ въ Гостилицы, вы-

*

сваталъ ему невѣсту и затѣмъ съ Клугинымъ и Полторацкимъ поселился на одной квартирѣ въ Павловскѣ. Кавалерійскимъ полкомъ тогда командовалъ полковникъ Курдюмовъ; онъ, какъ и всѣ тогдашніе образцовые командиры, съѣлъ по фронту собаку, но дальше этого, конечно, не шелъ. Мы ходили каждый день на ученіе, дежурили и къ веснѣ перебрались въ Царское Село, въ образцовую пѣшую батарею, которой командовалъ полковникъ Салтыковъ. Съ этою батареею перешли мы въ Красносельскій лагерь, тамъ насъ перевели въ конную батарею подъ начальство полковника Милюкова. Этимъ лѣтомъ мы были въ качествѣ офицеровъ генеральнаго штаба два раза на маневрахъ—на одномъ подъ команду Н. Н. Муравьева, а на другомъ подъ команду Ридигера. Миѣ особенно осталось памятнымъ невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Муравьевъ распоряжался на маневрахъ и встрѣчалъ императора Николая.

Въ августѣ насъ перевели въ образцовый пѣхотный полкъ къ знаменитому генералу Полешкѣ, который началъ намъ немедленно выпривлять кости, дѣлать груди, тянуть ноги и проч. Строгости пошли большія, но мы терпѣли въ ожиданіи скорой перемѣны къ лучшему.

Еще въ началѣ 1853 года мы знали уже о недоразумѣніяхъ, возникшихъ у насъ съ Турціею, послыскѣ князя Меншикова и Непокійчицкаго въ Константинополь и вступленіи князя Горчакова въ княжества. Такъ тянулось время, когда въ половинѣ сентября Полешко получилъ приказаніе отобрать трехъ особенно знающихъ фронтъ офицеровъ и выслать немедленно въ Петербургъ. Выборъ палъ на Клугина, меня и Глиноецкаго. На другой день мы были уже у генераль-квартирмейстера Берга, а черезъ недѣлю тащились съ Клугинымъ въ Бухарестъ, въ распоряженіе князя Горчакова.

Бѣдный отецъ мой ждалъ меня нетерпѣливо въ отпускъ; самъ я день и ночь рисовалъ себѣ картину свиданія съ моиими стариками, и вотъ вмѣсто родины пришлось увидать Витебскъ, Житомиръ, Яссы и Бухарестъ.

Въ отвратительнѣйшій осенній день 23-го сентября мы выѣхали на перекладной изъ Питера и по невылазной грязи тянулись до Яссъ. Здѣсь въ первый разъ увидали солнышко и въ началѣ октября прибыли въ Бухарестъ. Намъ отвели квартиру у какой-то старой боярыни Путкуляско, которая ежедневно являлась къ намъ браниться по-валахски за то, что мы ложимся позже 9 часовъ и много изводимъ дровъ на камины. Мы, въ свою очередь, бранили ее въ глаза на русскомъ языкѣ, котораго она также не понимала ни слова, и изъ этой перебранки выходили всегда забавныя сцены, и мы отъ души хохотали. По прибытіи, меня сейчасъ взяли въ управленіе генераль-квартирмейстера, а Клугина командировали въ 12-ю дивизію къ Лиранди. Вслѣдъ за нами пріѣхали въ Бухарестъ еще Лавровъ и Мефендорфъ.

VIII.

Краткая характеристика главных начальниковъ арміи. — Зима съ 1853 на 1854 годъ въ Бухарестѣ.

Главномандующимъ войсками на Дунаѣ состоялъ князь Горчаковъ. Высокаго роста, худой старикъ, Горчаковъ былъ высоко честный человѣкъ и недюжинный генераль, но отнюдь не главнокомандующій.

Начальникъ штаба у Горчакова, какъ бы для контраста, по росту былъ колибри, генераль-адъютантъ Коцебу. Весьма дѣятельный и способный канцелярскій чиновникъ, Коцебу былъ въ то же время человѣкъ безсердечный, эгоистъ съ головы до пятокъ и, забравъ вскорѣ Горчакова въ свои руки, дѣлалъ, что хотѣлъ въ арміи.

Генераль-квартирмейстеромъ былъ генераль Бутурлинъ, бывшій конно-гвардейскій офицеръ, а потомъ адъютантъ Паскевича. Онъ имѣлъ весьма малое понятіе о своемъ дѣлѣ, но писалъ не дурно; Бутурлинъ былъ остроумный, веселый собесѣдникъ и дома ходилъ всегда одѣтый à l'enfant.

Дежурный генераль Ушаковъ, креатура Паскевича, авторъ описанія его подвиговъ въ Азіатской Турціи, былъ весьма обыкновенный труженникъ.

Генераль-интендантъ Затлеръ, бывшій адъютантъ штаба артиллеріи Паскевича, интендантъ его въ Венгерскую кампанію, всѣмъ обязанный фельдмаршалу, представлялъ единственно даровитую личность среди главнаго штаба арміи, ибо выжившаго изъ ума отъ старости начальника артиллеріи Сергѣевова и не имѣвшаго способностей начальника инженеро-бухмейера считать, конечно, нечего.

Бытописателемъ арміи, составителемъ всѣхъ реляцій былъ тоже креатура Паскевича еще съ Венгерской кампаніи подполковникъ Меньковъ.

Онъ состоялъ какъ бы согладатаемъ при князѣ и постоянно доносилъ о всемъ Паскевичу, прямо отъ себя.

Среди такихъ лицъ, близкихъ Паскевичу, долженъ былъ распоряжаться князь Горчаковъ, зная, что каждый его шагъ извѣстенъ въ Варшавѣ и что, не смотря ни на что, онъ все-таки подчиненъ и будетъ еще болѣе подчиненъ тому же Паскевичу. Мудрено тутъ было дѣйствовать и самому рѣшительному человѣку, а Горчакову тѣмъ болѣе, когда у него вся самостоятельность давно уже была убита фельдмаршаломъ.

Для полноты картины главной квартиры сюда надо еще добавить графа Орлова-Денисова, походнаго атамана арміи, человѣка не лишеннаго смекалки, но большаго кутилу. У него каждый вечеръ производились попойки, тамъ напивался постоянно его закадычный другъ Меньковъ, предсѣдательствуя и ораторствуя въ этихъ собраніяхъ. Впослѣд-

ствіи Меньковъ издалъ въ Лейпцигѣ особую книгу «Нѣмцы и Дунай», гдѣ упоминаетъ объ этихъ собраніяхъ и бранитъ на чемъ свѣтъ Коцебу.

Я не буду описывать первыхъ шаговъ своей службы у Бутурлина, гдѣ, состоя помощникомъ Менькова по составленію журнала военныхъ дѣйствій, я въ то же время былъ помощникомъ адъютанта строеваго отдѣленія и вѣдалъ всю дислокацію арміи.

Вскорѣ по пріѣздѣ я такъ хорошо изучилъ дислокацію арміи и маршрутную карту княжествъ, что помнилъ ихъ наизусть и постоянно диктовалъ маршруты безъ карты забѣгавшимъ къ намъ ежедневно интендантскимъ чиновникамъ. Вѣроятно, это качество и моя скромность послужили къ тому, что Бутурлинъ сталъ меня вездѣ возить съ собою, хотя при его скупости я положительно едва не умиралъ съ голоду, разѣзжая съ нимъ въ его допотопной каретѣ. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ я побывалъ съ нимъ въ Бойлештахъ и подъ Калафатомъ, гдѣ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Модловитой; затѣмъ весной 1854 г. я перешелъ подъ Силистрію, гдѣ участвовалъ въ траншейной войнѣ и въ отбитіи вылазки турокъ подъ руководствомъ нашего добраго полковника Герсеванова (впослѣдствіи генераль-квартирмейстеръ кн. Меншикова въ Крыму), за что и получилъ орденъ Анны 3-й степени съ мечами. Съ Бутурлинымъ я отступилъ отъ Силистріи и въ его же колымагѣ возвратился въ Россію на зимовья квартиры въ Кишиневъ. Здѣсь однако же судьба сжалилась надо мною. Бутурлинъ уѣхалъ съ Горчаковымъ въ Крымъ, а я остался въ штабѣ Лидерса.

Наша кампанія за Дунаемъ не повела ни къ чему рѣшительному, а тутъ еще появился Паскевичъ и напустилъ такихъ страховъ Австріи, что ничего не оставалось дѣлать, какъ убираться восвояси. Никакихъ выдающихся распоряженій Паскевича мы не видали, и даже самая контузія его подъ Силистрію, воспѣтая Меньковымъ, была не болѣе, какъ предлогомъ для его удаленія изъ арміи, ибо вовсе не была серьезна.

Въ продолженіе цѣлой зимы съ 1853 на 1854 годъ главная квартира князя Горчакова всего только два раза выѣзжала изъ Бухареста: въ Калафатъ и Браиловъ; остальное же время мы постоянно проводили въ пресловутой столицѣ Валахіи. Трудно найти другой городъ, расположенный на мѣстности болѣе безжизненной, чѣмъ Бухарестъ. Ни горки, ни порядочной рѣки, ни чистаго воздуха: грязь, вонь, нечистота во всѣхъ возможныхъ видахъ—вотъ, что поражало всякаго пріѣзжавшаго тогда въ Бухарестъ. На огромный городъ (слишкомъ 100 т. жителей), на столицу княжества, въ Бухарестѣ не было ни одной чистой и прямой улицы, не исключая и главной изъ нихъ Подъ-Могошой, на которой жилъ господарь Стирбей. Надобно было имѣть особенную способность примѣняться

къ мѣстности и жить въ городѣ по худой мѣрѣ года два, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ этимъ лабиринтомъ вонючихъ законченныхъ улицъ и переулковъ. Отсутствие всякой гармоніи въ размѣщеніи зданій, площадей и церквей невольно поражало съ перваго взгляда. Единственнымъ общественнымъ гуляньемъ, куда обыкновенно, начиная съ 12 и до 3-хъ часовъ зимой и по вечерамъ лѣтомъ съѣзжалась валахская аристократія, было Киселевское шоссе, обыкновенное, какія у насъ въ Россіи тянутся на тысячу верстъ—обсаженное по бокамъ деревьями на разстояніи 2-хъ верстъ. Да и это мѣсто, гдѣ совершались румынскіе parties de plaisir, устроено весьма недавно на деньги, собранныя съ цѣлой Валахіи въ память управлявшаго въ 1829 году княжествомъ П. Д. Киселева (впослѣдствіи графа), даровавшаго валахамъ конституцію и пользующагося у нихъ огромною любовью и популярностью.

Кромѣ шоссе въ самомъ городѣ было два мѣста, куда иногда собиралась лѣтомъ публика: это Чюшменджи и Вармбергъ—два весьма небольшихъ садика; въ послѣдній особенно привлекалъ публику скрипачъ и дирижеръ оркестра Вистъ. Вообще жизнь въ Бухарестѣ не могла похвалиться своимъ разнообразіемъ. Главнѣйшее развлеченіе составляла конечно италіанская опера: представленія ея шли по три раза въ недѣлю въ новомъ довольно миленькомъ театрѣ. Въ труппѣ были довольно сносный баритонъ, басъ и одна примадонна-англичанка, пожилая женщина, но съ довольно еще свѣжимъ голосомъ. Удовольствіе слушать оперу стоило не дорого: всего три цванцигера. Былъ тогда въ Бухарестѣ и маленькій балетъ, царицей котораго слыла Эмилія Петровичъ. Замѣчательность этого балета состояла въ томъ, что всѣ танцы его представительницъ ничѣмъ не отличались отъ канкана, на что впрочемъ валашки отнюдь не жаловались.

Странную смѣсь эполетъ русскихъ и валахскихъ, бородокъ и фраковъ представляла всегда италіанская опера. Въ буфетѣ слышалась бездна нарѣчій. Впослѣдствіи великимъ постомъ открылся и французскій театръ, но весьма грязный по своему помѣщенію и постоянному запаху чеснокомъ. Главнѣйшимъ же мѣстомъ для развлеченій русскихъ и валаховъ служили маскарады: изъ нихъ даваемые въ Италіанскомъ театрѣ отличались нѣкоторой официальнойностью и считались за лучшіе; тутъ всегда собиралась изысканная публика, платя за входъ 3 цванцигера, но обыкновенно мужчины оставались въ театрѣ не болѣе какъ до 2-го часа, а потомъ отправлялись въ «Hôtel de prince» въ маскарады, даваемые ея содержателемъ. Тамъ публика вела себя совершенно безцеремонно, домино самыя фантастическія, самыя прозрачныя являлись во всѣхъ видахъ; шампанское лилось рѣкой между офицерами, и каждая кадрили, каждая полька здѣсь была не что иное,

какъ самый отчаянный канканъ, кончавшійся тѣмъ, чѣмъ кончаются всѣ канканы. Изъ всѣхъ женщинъ, съ которыми преимущественно любила вести знакомство наша молодежь, особенное вниманіе тогда обращала одна дѣвушка Марица, очень недурная собой, обладавшая какою-то чарующею силою. Офицеры безумѣли отъ ея ласкъ. Сколькихъ я зналъ молодыхъ и образованныхъ людей, которые едва не сходили по ней съ ума. Но не только юное поколѣніе теряло голову, даже старики и люди женатые не избѣгли ея вліянія. Генералъ-штабъ-докторъ арміи ходилъ отъ нея какъ помѣшанный. Родомъ венгерка, по несчастію семейному отвергнутая отцомъ, Марица, по увѣренію знавшихъ ее, принадлежала къ хорошему дому и носила по документамъ фамилію Comtesse d'Ail.

Что касается до другихъ общественныхъ удовольствій, то надобно сказать по правдѣ, что большіе вечера съ танцами были у валаховъ какъ-то не въ большомъ ходу—или, можетъ быть, общее безденежье бояръ было тому причиною. Въ продолженіе зимы было только два официальныхъ бала: одинъ данъ княземъ Горчаковымъ, а другой полномочнымъ комиссаромъ Россіи Будбергомъ для встрѣчи Нового года. Первый изъ этихъ баловъ отличался удивительной роскошью, и о немъ говорили почти цѣлый мѣсяцъ. Балъ былъ данъ въ домѣ военно-административнаго совѣта. Самый домъ и всѣ прилежащія къ нему строения были великолѣпно иллюминированы, на лицевой сторонѣ его горѣлъ во весь вечеръ огромный бриллиантовый вензель государя. Самый подъѣздъ былъ залитъ огнемъ; съ первой его ступени и до втораго этажа вились самыя тонкіе роскошные ковры, окаймленные самыми рѣдкими экзотическими растеніями, наполнявшими и самыя комнаты, тысячи люстръ, три оркестра музыки добавляли все это. Но самымъ лучшимъ украшеніемъ бала были конечно женщины. Все, что Валахія могла собрать и создать самаго лучшаго и роскошнаго—все было на этомъ балѣ. Богатство костюмовъ доходило до сумасшествія. Золото и брилліанты блистали почти на каждой. Блонды, самый прозрачный газъ и тюль господствовали въ нарядахъ. Лифы у платьевъ были самыя ужасныя, ибо они только поддерживали, но не скрывали формъ женщинъ. Балъ съ великолѣпнымъ ужиномъ обошелся въ 3.000 червонцевъ; всѣхъ особъ было до 400.

Не говоря о новыхъ интригахъ, завязавшихся съ нынѣшнимъ бытіемъ русскихъ въ княжества, много было на этомъ балѣ людей, знакомыхъ еще по 1848 году. Вообще надо замѣтить, что прекрасныя валашскія дамы не отличаются слишкомъ строгой нравственностью; вотъ почему здѣсь счастливый бракъ въ томъ смыслѣ, какъ вообще принято это, составляетъ анахронизмъ. Очень часто можно было встрѣтить въ Бухарестѣ, что жена, пользуясь всѣми средствами содержанія

отъ мужа, живетъ однако же въ особой половинѣ дома, принимаетъ, кого хочетъ, не обращая никакого вниманія на мужа.

IX.

Выходъ изъ княжествъ.—Стоянка въ Кишиневѣ и Одессѣ.

Перейдя Дунай, мы побрели къ границамъ Трансильваніи, спустились затѣмъ къ Журжѣ и отсюда 15-го іюля отправились восвояси, сжигая повременамъ свои корабли, т. е. запасы провіанта и фуража, заготовленнаго съ избыткомъ по распоряженію фельдмаршала.

Простоявъ по дорогѣ двѣ съ половиною недѣли въ Фокшанахъ и уничтоживъ здѣсь значительное количество одобештскаго вина, главная квартира 4-го сентября послѣ великихъ трудовъ и боевыхъ подвиговъ благополучно перешла изъ Яссы въ Скуляны къ родному очагу и расположилась затѣмъ въ Кишиневѣ.

Съ приходомъ въ Кишиневъ собственно Дунайская кампанія окончилась, ибо все вниманіе далѣе обратилось на Крымъ. Туда, какъ въ бездонную бочку, начали двигаться отъ насъ подкрѣпленія, туда полѣзли и всѣ наши авантюристы.

Наступилъ февраль 1855 года, грозная драма подъ Севастополемъ разыгрывалась все сильнѣе, а мы преспокойно проживали въ Кишиневѣ, куда наѣхала масса офицерскихъ женъ, и усердно посѣщали театръ и танцевальныя вечера. Въ двадцатыхъ числахъ февраля жида первые принесли намъ вѣсть о кончинѣ императора Николая, а чрезъ нѣсколько дней пришло и официальное объ этомъ сообщеніе. Вскорѣ князь Горчаковъ былъ переведенъ въ Крымъ, а я съ бранными остатками Южной арміи и вопреки просьбѣ князя Меншикова—прислать меня въ Крымъ—былъ оставленъ подъ командою Лидерса.

Недолго Лидерсъ просидѣлъ въ Кишиневѣ, любовныя дѣла влекли его въ Одессу. Тотчасъ явились на сцену разныя стратегическія причины, требовавшія этого перехода, и весною мы дѣйствительно перенбрались въ столицу Новороссійскаго края. Тяжела была моя служба, ибо, какъ говорится, изъ огня я попалъ въ полымя. Отъ Бутурлина я перешелъ подъ команду генераль-квартирмейстера Глѣбова, въ полномъ смыслѣ слова мужика, съ которымъ чуть не ежедневно пошли у меня столкновенія. Но время шло, союзники громили Севастополь, а мы въ Одессѣ устраивали смотры и парады для развлечения Лидерса. Въ сентябрѣ мы потянулись въ Николаевъ на смотръ новаго государя, гдѣ я выслушалъ кучу любезностей отъ генераль-квартирмейстера барона

Ливена, а затѣмъ поселились опять въ Одессѣ. Къ веснѣ Лидерсъ съ своими домочадцами отъѣхалъ въ Крымъ, а къ намъ явился Сухозаветъ съ княземъ Васильчиковымъ и Козляниновымъ. Время службы съ этими послѣдними было для меня самое отрадное во всю кампанію, ибо въ тогдашнее время рѣдко приходилось встрѣчать людей столь вѣжливыхъ, благородныхъ и такъ горячо относившихся къ своимъ подчиненнымъ, какъ князь Васильчиковъ и Козляниновъ. Подъ конецъ кампаніи появился снова у насъ Коцебу, въ качествѣ командира 5-го корпуса. Онъ усиленно сталъ звать меня съ собой въ Варшаву, обѣщая чинъ капитана, но я положительно отъ этого отказался, за чтò и нажилъ въ немъ себѣ большаго врага. Весною 1856 года судьба еще разъ бросила меня подъ команду Лидерса, Непокойчицкаго и въ руки милаго Глѣбова, въ качествѣ начальниковъ 2-й арміи, но къ счастью не надолго; я послалъ уже письмо къ барону Ливену съ настоятельною просьбою о переводѣ изъ Одессы.

X.

Переводъ изъ Одессы въ Оренбургъ. — Жизнь въ Белебей. — Братья Тевкелевы. — Глушилинь. — Приѣздъ въ Оренбургъ. — Перовскій и его управление. — Женитьба.

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялся приказъ о переводѣ моемъ въ Оренбургъ, и я немедленно сталъ готовиться къ отъѣзду. Добрый Россицкій (нашъ интендантъ) подарилъ мнѣ на дорогу старенькій тарантасъ, и я совершенно счастливый отправился откланиваться начальству. Глѣбовъ принялъ меня на этотъ разъ ласково и, официальнымъ предписаніемъ разблагодаривъ меня за службу, выхлопоталъ мнѣ у главнокомандующаго 150 руб. на путевыя издержки. Приемъ Непокойчицкаго, жившаго въ то время на дачѣ Картаци, былъ особенно любезенъ. Поблагодаривъ меня за службу, онъ сказалъ:

— Я всегда сочту за особое удовольствіе служить съ вами и если вы когда-либо вздумаете перейти къ намъ, пишите ко мнѣ; я всегда буду радъ вамъ.

Пообѣдавъ послѣдній разъ въ кругу добрыхъ товарищей въ «Европейской гостиницѣ», я на другой день распростился съ моими сожителями Глиноецкимъ и Лаврентьевымъ ¹⁾ и, провожаемый плачущимъ моимъ старшимъ писаремъ Назаровымъ, выѣхалъ 23-го мая 1856 года

---

¹⁾ Впослѣдствіи редакторъ „Военнаго Сборника“ и „Русскаго Инвалида“.

часа въ три послѣ обѣда черезъ Херсонскую заставу по дорогѣ въ Оренбургъ.

Я не помню въ жизни своей болѣе отраднато чувства, какъ то, съ которымъ послѣ шестилѣтней разлуки и тяжкихъ трудовъ кампаніи возвращался къ роднымъ. Я чувствовалъ себя на свободѣ, и это сознаніе полнаго простора еще болѣе скрашивало мое положеніе, и безъ того представлявшееся въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Полной грудью я вдыхалъ свѣжій полевой воздухъ, и сердце было полно любовью ко всемъ и ко всему, а чудная майская природа еще болѣе поддерживала такое настроеніе. Издивши весь свой вѣкъ на перекладной, я теперь съ особеннымъ наслажденіемъ покачивался въ казанскомъ тарантасѣ и незамѣтно доѣхалъ до Николаева. Здѣсь встрѣтивъ двухъ братьевъ Ризенкампфовъ, ѣхавшихъ въ отпускъ въ Петербургъ, я подвезъ ихъ до Кременчуга, откуда, повернувъ на сѣверо-востокъ, направился уже одинъ въ свою дорогу Башкирію.

Мнѣ предстояло сдѣлать до 3.500 верстъ по всевозможнымъ дорогамъ и, не смотря на это, я рѣшилъ ѣхать день и ночь. Быстро прокатилъ я до Бѣлгорода, гдѣ на станціи любовался гогартовскими картинами, но отсюда, при поворотѣ на малый почтовый трактъ къ Пензѣ, пошла задержка въ лошадяхъ, на каждой станціи валялись въ повалку по нѣскольکو человекъ офицеровъ, застрявшихъ тутъ за весьма малымъ исключеніемъ или вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, а чаще по случаю безпробуднаго кутежа.

Переваливъ въ Симбирскѣ черезъ Волгу, я уже началъ чувствовать себя какъ дома и черезъ три дня былъ въ Бугульмѣ, такъ много напомнившей мнѣ о лѣтахъ моей юности. Отсюда оставалось только 100 верстъ до Белебея, гдѣ жили мои старики, и я конечно немедленно пустился въ путь. Проѣхавъ еще засвѣтло мимо мѣста моей родины, заросшаго уже въ то время бурьяномъ, я часовъ въ 5 утра, когда благовѣстили къ заутренѣ, въѣхалъ въ Белебей. Что было у меня на сердцѣ, трудно передать. Съ жаднымъ вниманіемъ всматривался я въ каждый уголокъ родной земли, въ cadaго прохожаго, а ихъ было много на улицахъ—день былъ базарный. Наконецъ, я дома, стучу въ дверь, выходитъ отецъ, и мы замерли, обнявши другъ друга; вслѣдъ затѣмъ я бросился прямо въ спальню матушки; она испугалась отъ неожиданности и безмолвная отъ радости крѣпко прижала къ себѣ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь вновь не отнял меня у нея. Только послѣ долгихъ рыданій старушка едва-едва могла заговорить со мною.

Чистый, горный воздухъ Белебея, беззаботность послѣ тяжкихъ трудовъ, ласка родныхъ—все это такъ благодѣтельно подѣйствовало на меня, что черезъ мѣсяць я сталъ замѣтно поправляться и даже полнѣть къ великой радости моей старушки. Большую часть времени я по-

свящаль на прогулки съ братомъ по прекраснымъ окрестностямъ Белебея и разъѣздамъ по роднымъ; въ промежуткахъ мы слушали новости отъ мѣстнаго почтмейстера, кажется по фамилиі Ветошникова — бывшаго фельдъ-егеря, который вполне былъ гоголевскимъ почтмейстеромъ, ибо, кромѣ газетъ, зачастую прочитывалъ и письма, въ чемъ искренно намъ сознавался. Братъ служилъ тогда по выборамъ дворянства, а потому ему приходилось иногда заѣзжать и къ мѣстнымъ тузамъ-помѣщикамъ, изъ коихъ однако же въ Белебеевскомъ уѣздѣ жили въ своихъ деревняхъ только Тевкелевы и Глумилины.

Тевкелевыхъ было, кажется, три брата; они были татары и владѣли большими имѣніями въ 3-хъ губерніяхъ. Старшаго Александра Петровича я зналъ давно; лихой когда-то гусарь и кутила Павлоградскаго полка. Теперь онъ былъ въ отставкѣ, съѣздилъ въ Мекку и, сдѣлавшись хаджи, облекся въ костюмъ муллы; впоследствии онъ занялъ мѣсто уфимскаго муфтія. Второй братъ былъ когда-то командиромъ лейб-гвардіи Крымскаго эскадрона, вышелъ въ отставку полковникомъ и женился на дочери Букей-хана, сестрѣ Чингизовѣ. Третій братъ служилъ въ лейбъ-казакахъ. У Тевкелевыхъ была сестра, замѣчательная въ свое время красавица, она влюбилась въ гувернера-француза Коко, бѣжала съ нимъ, но, бывъ поймана до вѣнчанія, заявила, что желаетъ принять православіе и поэтому была помѣщена въ Уфимскій женскій монастырь; въ концѣ концовъ однако же она рѣшилась остаться магометанкой и впоследствии возвращена братьямъ; послѣдующая судьба ея мнѣ не извѣстна.

Михаилъ Михайловичъ Глумилинь былъ сынъ Михаила Васильевича Глумилина, друга моего отца, съ которымъ онъ началъ вмѣстѣ службу въ Уфимскомъ губернскомъ правленіи и жилъ на одной квартирѣ; впоследствии Михаилъ Васильевичъ женился на Софьѣ Тимофеевнѣ Аксаковой (о нихъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своей семейной хроникѣ), сдѣлался богатъ, но, не смотря на это, сохранилъ до конца жизни доброе расположеніе къ бѣдному моему отцу. Михаилъ Михайловичъ Глумилинь былъ женатъ на Леонтьевой, сестру которой Донаурову я зналъ очень хорошо, а двѣ младшихъ сестры Глумилина были замужемъ: одна за профессоромъ Бутлеровымъ, а другая за извѣстнымъ спиритомъ Юомъ. Въ Белебей я познакомился также съ пріѣзжавшимъ туда уфимскимъ губернаторомъ Потуловымъ, съ которымъ впоследствии служилъ въ Вильнѣ, и съ двумя братьями Левашовыми, о старшемъ братѣ которыхъ Николаѣ я уже говорилъ прежде.

Въ началѣ сентября я съѣздилъ съ отцомъ на ярмарку въ Бугульму, чтобы повидаться съ родными и посмотреть на городокъ, гдѣ каждый уголокъ былъ близокъ моему сердцу, а 21-го сентября выѣхалъ къ мѣсту службы въ Оренбургъ. Въ бытность въ Белебей старику отцу ужасно

хотѣлось меня женить на помѣщицѣ, и онъ указывалъ мнѣ на многихъ дѣвушекъ, но мнѣ такъ хорошо жилось на волѣ, что я рѣшительно отказался отъ брака, не подозрѣвая, что черезъ четыре мѣсяца женюсь самъ по своей охотѣ.

23-го сентября часа въ 4 послѣ обѣда я, послѣ 6-ти-лѣтней отлучки, подѣхалъ къ мѣсту моего воспитанія, Оренбургу, и съ понятнымъ замѣраніемъ сердца всматривался въ каждую улицу, въ каждый домъ, какъ въ старыхъ добрыхъ знакомыхъ. Къ моему изумленію, городъ нисколько не измѣнился, только по манію волшебнаго жезла или лучше сказать по прихоти Перовскаго возникъ около Караванъ-Сарая обширный паркъ, созданный на песчанои равнинѣ трудами башкирѣ.

Я остановился у дяди своего, ветерана польской и турецкой кампаній, майора Балагурова, служившаго тогда смотрителемъ госпиталя, и, отдохнувъ немного, поѣхалъ съ теткою въ крѣпость, чтобы повидаться съ родными. Подѣзжая къ воротамъ, мы встрѣтили запряженную парой въ дышло огромную долгушу или по-оренбургски «карандасъ», на которой сидѣло нѣсколько дамъ и адъютантовъ—это каталось семейство начальника штаба корпуса генерала Бутурлина. Посмотрѣвъ съ интересомъ на курьезный экипажъ, я поѣхалъ далѣе, не подозрѣвая, что въ числѣ другихъ на этой долгушѣ сидѣла тогда и будущая моя жена. Живо я устроился въ Оренбургѣ и нанялъ квартиру рядомъ съ институтомъ.

Оберъ-квартирмейстеромъ былъ тогда мой товарищъ по курсу, полковникъ Дандевилъ, привявшій меня какъ стараго коллегу по-родственному; отъ него я поѣхалъ къ Бутурлину. Олицетвореніе доброты и полной русской патріархальности, генералъ принялъ меня чуть не въ одной рубашкѣ, не зная, куда дѣваться отъ жара при своей страшной полнотѣ; я сразу почувствовалъ себя какъ дома и тотчасъ же познакомился съ его супругой, урожденной донской казачкой Власовой.

Прошло нѣсколько дней—былъ посланъ особый докладъ къ Перовскому, въ которомъ испрашивалось, когда ему будетъ угодно принять меня, и въ назначенный день и часъ я предсталъ предъ корпуснымъ командиромъ. То, что я увидѣлъ, было уже одною тѣнью когда-то бывшаго красавца. Перовскій сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, одѣтый въ фантастическій, имъ же придуманный башкирскій сюртукъ, дышалъ тяжело и едва говорилъ. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о Крымской кампаніи, онъ мановеніемъ руки отпустилъ меня такъ же сурово и сухо, какъ и принялъ. Перовскій помѣщался тогда въ бель-этажѣ губернаторскаго дома, а внизу жила родственница его, графиня Толстая, съ перезрѣлой дочерью, братъ которой, извѣстный Плушка Толстой, былъ начальникомъ штаба Оренбургскаго казачьяго войска ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи начальникъ пограничной стражи и сенаторъ.

Правителемъ канцеляріи при Перовскомъ былъ тогда Кудрявцевъ (впослѣдствіи директоръ департамента министерства финансовъ), но всѣми дѣлами по гражданской части орудовали уфимскій губернаторъ, позже сошедшій съ ума Яковъ Ханьковъ, и предсѣдатель пограничной комиссіи, бывшій профессоръ Петербургскаго университета (впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) В.В.Григорьевъ. Послѣдній писалъ почти всѣ важныя бумаги Перовскому, который на старости лѣтъ до такой степени сдѣлался педантомъ въ служебной перепискѣ, что ни одной бумаги не оставлялъ безъ собственноручной поправки. Всѣми военными дѣлами заправлялъ дежурный штабъ-офицеръ майоръ Рейтернъ (братъ министра финансовъ) и, признаться сказать, дѣлалъ по этой части все, что хотѣлъ. Комендантомъ былъ тогда генералъ Ладыженскій — старый офицеръ генеральнаго штаба, первый проникшій съ нашею духовною миссіею въ Китай и снявшій единственный въ свое время планъ Пекина.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Оренбургъ, я сталъ какъ свой среди радушной и доброй семьи Бутурлиныхъ, гдѣ мы всегда бывали съ товарищемъ по генеральному штабу — Лаптевымъ. Черезъ два мѣсяца я сдѣлалъ предложеніе старшей дочери Бутурлина, а въ январѣ 1857 года была наша свадьба. Женившись, мы поселились въ 2-хъ небольшихъ комнаткахъ во дворѣ казеннаго дома, занимаемаго моимъ тестемъ, что было очень кстати, такъ какъ мы начали семейную нашу жизнь съ 16 рублями въ карманѣ. Каждое утро я работалъ въ штабѣ, гдѣ былъ старшимъ адъютантомъ, а вечера большею частью проводилъ въ бесѣдѣ съ тестемъ, человѣкомъ любознательнымъ и неистощимымъ рассказчикомъ. Болѣзнь жены заставила меня наступившею весною ѣхать на Сергіевскія минеральныя воды, что было легко устроить, такъ какъ я въ то же время получилъ приказаніе заняться составленіемъ военно-статистическаго описанія Самарской губерніи.

Сообщ. Н. Н. Длуская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРШИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1903.

ЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

Записки Н. Г. Залѣсова.

XI¹⁾.

Генераль-адъютантъ Катенинъ.—Поѣздка въ Самару и знакомство съ К. К. Гротомъ.—В. И. Катенина. — Миссія въ Хиву и Бухару.—Цѣли мисси.—Отношенія наши къ Англіи.—Поѣздка Катенина въ степь и Петербургъ.—Экспедиція Бутакова и Дандевіля.

В

ъ концѣ 1856 года разнесся положительный слухъ, что на мѣсто Перовскаго назначается Катенинъ, а въ январѣ мѣсяцѣ Катенинъ былъ уже въ Оренбургѣ, пріѣхавъ туда не надолго для предварительнаго знакомства съ краемъ.

Александръ Андреевичъ Катенинъ, красивый собою господинъ съ прекраснымъ даромъ слова, съ придворными мягкими любезными манерами, мѣнялъ свой постъ дежурнаго генерала на мѣсто оренбургскаго и самарскаго генераль-губернатора.

Если эта мѣна происходила отчасти по желанію военнаго министра, знаменитаго Сухозанета, то въ такой же степени и по желанію самого Катенина. Любимецъ императора Николая, всегдашній партнеръ его за картами, Катенинъ, командуя Преображенскимъ полкомъ, умѣлъ такъ ловко представлять свою часть покойному царю, что полкъ этотъ постоянно оказывался лучше всѣхъ.

Катенинъ встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно, объявивъ, что получилъ самые отличные обо мнѣ отзывы отъ друга своего, генераль-квартирмейстера барона Ливена.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1903 г.

Въ концѣ мая мы, сопутствуемые кузеномъ жены Касьяновымъ (впослѣдствіи извѣстный интендантъ Кауфмана во время похода его въ Хиву) отправились изъ Оренбурга въ Белебей, но на грѣхъ поѣхали въ каретѣ и были жестоко за это наказаны, двигаясь по проселкамъ на башкирскихъ и чувашскихъ лошадахъ; карету мы бросили и вѣхали въ городъ на чувашскихъ дрогахъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Белебей, мы черезъ Бугурусланъ передвинулись на Сергіевскія воды, гдѣ, благодаря любезности самарскаго губернатора К. К. Грота, была уже готова мнѣ казенная квартира. Жена немедленно приступила къ лѣченію, а я бродилъ по живописнымъ окрестностямъ водъ, вспоминая, какъ я гулялъ здѣсь въ годы моей молодости. На этотъ разъ съѣздъ на водахъ былъ незначительный сравнительно съ 1849 годомъ; всѣ помѣщики притихли, да и крупныхъ изъ нихъ никого не было за исключеніемъ Мордвинова, прелестная жена котораго служила украшеніемъ воднаго сезона.

Такъ какъ мнѣ при настоящей поѣздкѣ поручено было приступитъ къ составленію военно-статистическаго описанія Самарской губерніи, чѣмъ тогда постоянно занимали офицеровъ генеральнаго штаба, то я и отправился дня на три за справками въ Самару, но на возвратномъ пути, проѣзжая на перекладной, уснулъ; ночью сдѣлался морозъ, что въ Башкиріи не рѣдкость въ іюнѣ мѣсяцѣ, фуражка съ головы у меня спала, и голова покрылась инеемъ. Проснувшись, я почувствовалъ страшную боль въ головѣ и, пріѣхавъ на воды, въ тотъ же день слегъ воспаленіемъ въ мозгу, пролежавъ три недѣли. Спасибо доброму военному доктору Ильину, который спасъ меня отъ смерти. Оправившись отъ болѣзни и побывавъ въ театрѣ, гдѣ тогда производилъ фуроръ провинціальный трагикъ Милославскій, я повезъ жену домой и на границѣ Оренбургскаго уѣзда въ станицѣ Сергіевской, сдавъ ее выѣхавшему навстрѣчу Касьянову, самъ отправился въ Самару составлять свою статистику. Здѣсь я познакомился съ Гротомъ, будущимъ творцомъ акцизной системы. Онъ принялъ меня весьма любезно, оказалъ полное во всемъ содѣйствіе, и мнѣ было весьма пріятно бесѣдовать съ нимъ, какъ съ человѣкомъ весьма пріятнымъ и умнымъ. Изъ Самары я сталъ дѣлать свои экскурсіи во всѣ стороны, чтобы лично познакомиться съ губерніей и на мѣстѣ собирать нужные матеріалы.

Возвращаясь въ Самару, я, по просьбѣ К. К. Грота, каждый разъ сообщалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ. Такъ я объѣхалъ всю губернію отъ Симбирска до границы Казанской губерніи и отъ Сергіевскихъ водъ до Новоузенска, посвятивъ особое время на обзорѣніе нѣмецкихъ колоній вдоль Волги. Въ сентябрѣ всѣ матеріалы были собраны, и я съ массою замѣтокъ и разныхъ документовъ черезъ Бугульму и Белебей возвратился въ Оренбургъ, гдѣ приступилъ къ обработкѣ собраннаго.

Въ это время я познакомился съ супругой генерала Катенина, рожденной Вадковской. Она сохранила еще остатки замѣчательной красоты. Рѣдко я встрѣчалъ въ нашемъ высшемъ кругѣ женщину столь привлекательную, развитую и съ такимъ огромнымъ тактомъ, какъ покойную Варвару Ивановну Катенину. Она всѣхъ принимала равно, любезно, безъ малѣйшаго намека на свое высокое положеніе, со всѣми умѣла говорить о тѣхъ предметахъ, которые были близки представлявшемуся ей лицу, и вся эта бесѣда велась такъ мило, просто, что говорившій съ Катениной сразу чувствовалъ себя какъ дома. Такъ и со мной она тотчасъ перешла къ разговору о Самарской губерніи и, признаюсь, обнаружила при этомъ такія, хотя и общія, свѣдѣнія по статистикѣ, какихъ не имѣлъ и самъ генераль-губернаторъ, ея супругъ. У Катениныхъ были на зиму назначены вторники, гдѣ всѣ собирались запросто и веселились безъ стѣсненія, чему примѣръ подавали сами хозяева, усердно танцовавшіе всѣ кадрили.

Послѣ Святокъ я поѣхалъ на недѣлю на свадьбу къ брату въ уфимскую его деревню и на обратномъ пути простудилъ себѣ ногу; жестокія ревматическія боли продержали меня въ постели два мѣсяца, но лежа я все-таки работалъ надъ своей статистикой, а по вечерамъ мнѣ представляли къ кровати столикъ, и мы усаживались въ ералашь, при чемъ постояннымъ партнеромъ моимъ былъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, въ то время назначенный въ распоряженіе Катенина. Я былъ всегда радъ Черняеву, мы не видались съ нимъ со времени Калафатскаго обложенія; съ той поры онъ однако же нисколько не измѣнился: то же огромное самолюбіе, та же пылкость въ рѣшеніяхъ и та же ненасытная жажда новыхъ оцущеній и славы. Вскорѣ Черняевъ былъ командированъ на Сыръ-Дарью въ распоряженіе командующаго линіею генерала Данзаса, и не трудно было предвидѣть, что эти два пылкихъ, честолюбивыхъ чловѣка при первомъ же столкновеніи перегрызутся между собою.

Въ концѣ зимы были утверждены предположенія Катенина о послыскѣ особой миссіи въ ханства Хиву и Бухару, о которыхъ мы тогда имѣли самыя смутныя понятія, а къ веснѣ послѣдовало уже назначеніе въ эту миссію лицъ. Начальникомъ миссіи былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Игнатьевъ ¹⁾, нѣсколько дипломатическихъ чиновниковъ, фотографъ, два топографскихъ офицера и два офицера генеральнаго штаба. Не мало было мое огорченіе и даже оскорбленіе, когда я узналъ, что оба послѣдніе офицера штабсъ-капитаны Салацкій и баронъ Зеделеръ назначены изъ Петербурга. Я бросился сейчасъ же къ Дандевиллю и

¹⁾ Николай Павловичъ, нынѣ графъ и генераль-адъютантъ.

просилъ его доложить генералу Катенину, что считаю себя нисколько не хуже этихъ офицеровъ и что отстраненіе меня отъ такой командировки безъ всякой причины наноситъ мнѣ обиду тѣмъ болѣе, что запасъ моихъ свѣдѣній о ханствахъ и знаніе мѣстныхъ условій похода даютъ мнѣ преимущество передъ назначенными. Докладъ Дандевила подѣйствовалъ, и Катенинъ, несмотря на расположеніе свое къ Зеделлеру, какъ преображенцу и лицу, которому протезировалъ баронъ Ливенъ, выхлопоталъ о назначеніи въ миссію вмѣсто Зеделлера—меня.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Богъ далъ мнѣ первую дочь; жена была тяжело при этомъ больна, самъ я едва всталъ съ постели, походъ нашъ назначался не менѣе года по безводнымъ страшнымъ степямъ, въ варварскія совершенно страны, которыя въ то время ни въ грошъ не ставили Россію и гдѣ жизнь и смерть всякаго европейца зависѣла отъ пустой прихоти хана. Все это было причиной, что и молодая моя жена и всѣ родные упрашивали меня отказаться отъ этого похода, но я настоялъ на своемъ и хотя съ страшной болью сердца, но пошелъ съ миссіей. Начальника миссіи я зналъ еще въ академіи молодымъ гвардейскимъ гусарскимъ поручикомъ.

15-е мая было назначено днемъ нашего выступленія изъ Оренбурга. Отрядецъ нашъ, состоявшій изъ 3-хъ десятковъ людей, взятыхъ по ровну отъ линейной пѣхоты, оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, былъ подобранъ на славу, особенно же были хороши уральцы, о выборѣ которыхъ такъ усердно хлопоталъ бывший тогда атаманомъ флигель-адъютантъ Столыпинъ, котораго казаки боготворили.

Рано утромъ 15-го мая на полянкѣ за Ураломъ мы отслужили молебенъ и двинулись въ нашъ невѣдомый и страшный путь. Въ это утро я едва успѣлъ взглянуть и благословить свою спавшую еще малютку, а бѣдная моя жена, прощаясь со мной окончательно, когда я уже сидѣлъ верхомъ, безсознательно уцѣпилась за мое стремя и безъ чувствъ повисла на немъ, такъ что только силой могли разжать ей руки и отнести въ экипажъ. Тяжелыя минуты! не дай Богъ никому переживать ихъ.

Теперь позволю себѣ сказать о секретной цѣли нашей миссіи. Мы тогда, т. е. въ 1858 году, рѣшили вести себя съ англичанами похрабрѣе, вѣроятно подъ вліяніемъ бунта сипаевъ.

При поддержкѣ Географическаго общества рѣшено было изслѣдовать и снять теченіе Аму-Дарьи до ея верховья, изслѣдовать и открыть пути съ этой рѣки въ Кабуль и Герать, куда одновременно изъ Персіи должна была направиться Географическая экспедиція подъ начальствомъ Ханькова, и съ которой мы должны были соединиться, и наконецъ заключить съ ханами Кабула, Хивы и Бухары договоры, конечно благопріятные для насъ и зловредные для англичанъ, и полу-

чить отъ двухъ послѣднихъ разрѣшеніе на свободное плаваніе нашихъ пароходовъ по Аму-Дарьѣ и содержаніе въ ихъ столицахъ нашихъ агентовъ. Всего этого мы должны были добиться отъ хановъ, которые тогда ни во грошъ не ставили силу Россіи.

Исполняя свою секретную задачу, Игнатъевъ вошелъ въ хивинскія владѣнія близъ устій Аму-Дарьи, именно въ г. Кунградѣ, но тутъ, съ перваго же шага, почувствовалъ всю тяжесть своей миссіи. Хивинцы и слышать не хотѣли, чтобы мы двигались вверхъ по берегу Аму-Дарьи, ссылаясь на разливъ рѣки, и выѣхавшіе навстрѣчу намъ ихъ сановники сразу заговорили тономъ старшаго съ младшимъ. Игнатъевъ принужденъ былъ уступить и, не дождавшись подхода изъ Арала судовъ Бутакова, согласился на раздѣленіе отряда: лошадей и часть конвоя отправилъ кружной дорогой по берегу рѣки къ городу Ханки, а самъ со свитою направился въ хивинскихъ лодкахъ по Аму-Дарьѣ къ тому же городу. Такимъ образомъ наша миссія разбилась на три части.

18 сутокъ мы плыли въ камышахъ Аму-Дарьи при жарѣ 30—45°, отданные на съѣденіе москитамъ, и наконецъ остановились въ Ханки, гдѣ къ удивленію лошадей нашихъ не нашли. Тогда вновь прибывшій хивинскій сановникъ не стѣсняясь уже объявилъ, что мы можемъ идти въ Хиву пѣшкомъ или плыть туда на лодкахъ, а лошадей получимъ тамъ.

Это возбудило среди насъ всеобщій шумъ, и хивинскій сановникъ, видя такое возбужденіе чиновъ миссіи, сейчасъ же сбавилъ тонъ и началъ упрашивать всѣхъ плыть въ Хиву. Насъ доставили къ Хивѣ прямо къ отведенному намъ дворцу, а лошади пришли черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно задержанныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разливами, и все дѣло кончилось благополучно. Хивинскій ханъ, какъ и слѣдовало ожидать, обошелся съ нами высокомѣрно, ни о какихъ условіяхъ и слышать не хотѣлъ. Въ августѣ мы вышли изъ Хивы, ничего не получивъ отъ хана, и направились въ Бухару по неизвѣданнымъ до толѣ путямъ. Черезъ страшныя Каракумы добрались мы до Бухары, но грознаго эмира Музафара, не застали дома: онъ громилъ въ это время Коканъ и упоенный побѣдою жилъ тамъ. Въ Бухарѣ заперли насъ въ глиняный дворецъ, окруженный сплошною стѣною, и держали подъ строгимъ надзоромъ. Прошло около мѣсяца. Эмиръ не возвращался, и вотъ однажды Н. П. Игнатъевъ призываетъ меня къ себѣ и говорить:

— Николай Гавриловичъ, чиновники бухарскіе говорятъ, что эмиръ, можетъ быть пробудетъ и зиму въ Коканѣ,—я къ нему не поѣду, а пошлю васъ отвезти ему высочайшія грамоты и подарки; вы съ нимъ и переговорите, что нужно. Я выбираю васъ потому, что вы знаете лучше всѣхъ Среднюю Азію и при томъ, сколько я могъ замѣтить, вы больше имѣете характера, не трусите, какъ другіе мои господа, и ко-

нечно будете говорить съ эмиромъ съ должнымъ для Россіи достоинствомъ.

Я поблагодарилъ за дѣлаемое мнѣ довѣріе и сказалъ, что всегда готовъ исполнять приказанія.

Здѣсь кстати объяснить, что Н. П. Игнатьевъ лично ко мнѣ былъ весьма благорасположенъ, за чтѣ я ему и понинѣ благодаренъ. Я у него былъ въ родѣ отряднаго начальника штаба, и всѣ военныя распоряженія шли черезъ меня; онъ выслушивалъ благосклонно мои совѣты и до конца похода оставался со мною въ хорошихъ отношеніяхъ и потомъ долго еще спустя, по отѣздѣ въ Петербургъ и затѣмъ въ Константинополь, дружески со мною переписывался.

Спустя недѣлю послѣ приведеннаго разговора эмиръ неожиданно возвратился въ Бухару, и мы были приняты имъ весьма благосклонно. Эмиръ по виду согласился даже на всѣ наши желанія и отпустилъ нашихъ плѣнныхъ. Говорю по виду, потому что впоследствии ни одинъ пунктъ заключеннаго нами съ Бухарой условія не былъ исполненъ, ибо плавать по Аму-Дарѣ намъ не позволилъ хивинскій ханъ. Консула въ Бухару мы сами не посылали, зная его безпомощное тамъ положеніе, а сборъ огромныхъ пошлинъ съ купцовъ и захватъ нашихъ плѣнныхъ эмиръ удержалъ въ прежней силѣ.

Въ началѣ октября эмиръ, позволивъ (говорю буквально) намъ нанять верблюдовъ и выйти изъ Бухары, отправилъ съ нами своего отвѣтнаго посла. На Джаны-Дарѣ мы встрѣтили конвой, высланный намъ съ Сыръ-Дарьи, и въ ноябрѣ, почернѣвшіе отъ похода, обросшіе бородами, прибыли въ фортъ № 1, откуда Игнатьевъ, взявъ меня съ собой, довезъ на верблюдахъ и почтовыхъ до Оренбурга. Дорогой мы едва съ нимъ не замерзли въ голой степи, и только Провидѣніе сохранило насъ въ страшную снѣжную бурю. Итакъ начавъ походъ при 40—45° тепла и бивакируя постоянно въ степи, я возвратился домой при 30—35° мороза на вѣтру и 6-го декабря ночью вѣхалъ въ Оренбургъ, славя Бога за Его ко мнѣ милосердіе.

Радостно было свиданіе съ женою, много она бѣдная нагоревалась безъ меня, особенно за время пребыванія миссіи въ Хивѣ, когда наша почта нерѣдко перехватывалась. Я исполнилъ свою службу добросовѣстно, мнѣ дали за этотъ походъ Владимира 4-ой степени и полугодовое жалованье, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тягостей и лишеній похода я окончательно разстроилъ свое небогатое здоровье.

Съ возвращеніемъ въ Оренбургъ я встрѣтился съ новымъ для меня начальствомъ; тесть мой, генераль Бутурлинъ, былъ назначенъ оренбургскимъ комендантомъ, и на мѣсто его прислали начальникомъ штаба генераль-маіора Дрейера.

Весною 1859 года рѣшено было послать двѣ экспедиціи въ Сред-

нюю Азію: одну подъ начальствомъ Бутакова (имѣя Черняева съ десантомъ) въ Кунградъ для поддержки возставшихъ противу хивинскаго хана кунградцевъ, съ цѣлью окончательно изслѣдовать устья Аму, и другую подъ начальствомъ Дандевила для описи и изслѣдованія восточнаго берега Каспійскаго моря. Десантъ Черняева постоялъ у Кунграда, Бутаковъ на маленькомъ пароходѣ успѣлъ пробраться въ устья Аму, а Дандевиль побѣдилъ туркменъ и освободилъ часть персидскихъ плѣнныхъ.

XII.

Служба съ Катенинымъ.—А. Л. Данзасъ.—Работы по переустройству штаба, степи и кордонной линіи. — Кончина Катенина. — Приѣздъ А. П. Безака и первое съ нимъ знакомство.

За отъѣздомъ Дандевила оберъ-квартирмейстеромъ остался полуумный полковникъ Шульцъ, но, къ счастью, съ возвращеніемъ Катенина изъ Петербурга Шульца отстранили и передали должность эту мнѣ. Здѣсь я имѣлъ возможность лично вести работу съ Катенинымъ, и моими трудами онъ остался очень доволенъ. Вообще въ это время Катенинъ держалъ себя очень доступно и часто пускался со мной въ разсужденія, для того времени весьма либеральныя.

Вскорѣ я долженъ былъ вновь поѣхать на Сергіевскія воды, чтобы поправить немножко здоровье, разстроенное степнымъ походомъ, и Катенинъ далъ мнѣ 150 рублей пособія изъ экстраординарныхъ суммъ. Любезность его ко мнѣ проявилась и въ другомъ случаѣ, а именно: когда у меня родилась вторая дочь, то на другой же день я получилъ отъ него собственноручное поздравленіе съ приложеніемъ на «зубокъ» 150 рублей изъ тѣхъ же суммъ, что онъ впрочемъ дѣлалъ и въ отношеніи другихъ состоявшихъ при немъ лицъ.

Къ осени этого года опять произошла перемѣна въ начальствѣ. Дрейера уволили, а на мѣсто его назначили начальникомъ штаба генералъ-майора Данзаса, замѣнивъ послѣдняго въ командованіи Сыръ-Дарьинскою линіею генералъ-лейтенантомъ Дебу.

Александръ Логгиновичъ Данзасъ принадлежалъ къ числу людей весьма умныхъ и при обширномъ образованіи и начитанности отличался сильнымъ, энергическимъ характеромъ и большою волею. Онъ сразу увидалъ всѣ недостатки тогдашняго военнаго управленія краемъ и, энергически потребовавъ отъ Катенина реформъ, круто повелъ ихъ. Дѣйствительно, штабъ корпуса представлялъ какой-то хаосъ, въ кото-

ромъ отдѣленія переписывались другъ съ другомъ бумагами за №№, управление и снабженіе степи производилось по какой-то письменной инструкціи Перовскаго, давно утратившей всякое значеніе, и потому отличалось полнымъ произволомъ; правильности въ инженерныхъ работахъ въ степи никакой не было; словомъ, всякій начальникъ дѣлалъ, что хотѣлъ, и только норовилъ вытребовать побольше отъ казны денегъ, конечно безъ контроля, о которомъ тогда никто и не думалъ. Судная часть въ корпусѣ была вертепомъ взяточничества, въ которомъ ворочали всеѣми дѣлами аудиторы изъ писарей. Преобразованиемъ судной части Данзасъ занялся самъ и настоялъ на назначеніи въ Оренбургъ старшаго оберъ-аудитора изъ людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Составленіе точныхъ законоположеній о степи было поручено статскому совѣтнику Шубину, который выработалъ прекрасный уставъ о Сырь-Дарьинской линіи, служившій долгое время основой для степныхъ снабженій. Составленіе доклада о преобразованіи корпуснаго штаба, управленія Аральской флотиліей и производствѣ инженерныхъ работъ въ степи Данзасъ поручилъ мнѣ, а для опредѣленія цѣли и характера дѣйствій въ Средней Азій была подъ предсѣдательствомъ самого Катенина образована особая коммиссія, въ составъ которой вошли: Данзасъ, Григорьевъ, Галкинъ, Арцимовичъ, Дандевиль, я, капитанъ Мейеръ и инженеръ Старковъ. Намъ приказано было составить каждому свои предположенія и представить въ коммиссію.

Окончивъ работы, мы собрались у Катенина, и здѣсь началось чтеніе и обсужденіе записокъ. Коммиссія раздѣлилась на двѣ партіи: одни, имѣя во главѣ Данзаса, настаивали на соединеніи Сырь-Дарьинской линіи съ Сибирской, значить, на дѣйствіяхъ къ сторонѣ Кокана; Дандевиль же и я, допуская пользу соединенія этихъ линій, требовали энергическаго дѣйствія по линіи на озеро Дау-Кара, къ устьямъ Аму-Дарьи, чтобы, ставъ твердою ногою на этой рѣкѣ, господствовать посредствомъ флотиліи надъ ханствами Хивою и Бухарою. Катенинъ согласился съ большинствомъ, и тогда же рѣшено было построить укрѣпленіе Джулекъ, первый этапъ нашъ къ сторонѣ Ташкента.

Къ веснѣ я кончилъ свой проектъ о реформировкѣ управленія корпуса и, будучи знакомъ вполнѣ со всеѣми производившимися здѣсь безпорядками, не пожалѣлъ красокъ, чтобы выставить все ихъ безобразіе, опираясь на факты. Самъ сознаю теперь, что докладъ былъ рѣзокъ и желченъ, но онъ понравился Данзасу и былъ переданъ Катенину, который вскорѣ заболѣлъ и, какъ говорили тогда, отъ тревоги, произведенной докладомъ. Черезъ нѣсколько времени меня потребовали къ корпусному командиру. Катенинъ принялъ меня въ постелѣ, говорилъ много о моей работѣ, проводилъ мысль, что за всеѣмъ въ краѣ трудно усмотрѣть, что надо быть свисходительнымъ къ людямъ и проч., и затѣмъ отпу-

стиль, поблагодаривъ за работу. Къ чести Александра Андреевича я долженъ сказать, что, несмотря на многіе рѣзкіе въ докладѣ отзывы о его личныхъ распоряженіяхъ по управленію краемъ, онъ не только на меня не претендовалъ, но съ того времени относился ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ, чему конечно много способствовалъ Александръ Логгиновичъ Данзасъ.

Вообще я долженъ сознаться, что работа съ Данзасомъ была для меня весьма полезна; она заставила меня основательно познакомиться съ нашими военными законами, дала устойчивость моимъ взглядамъ на обязанности военной администраціи и еще болѣе развила во мнѣ отвращеніе ко всякому произволу. На основаніи моего доклада былъ преобразованъ корпусный штабъ, и по примѣру штаба арміи въ немъ прибавили два отдѣленія: морское для завѣдыванія Аральской флотиліей и инженерно-артиллерійское для завѣдыванія этими частями въ степи. Данзасъ ежедневно ходилъ къ намъ въ штабъ и бесѣдовалъ съ нами, какъ старшій товарищъ. Онъ же подтолкнулъ меня къ разработкѣ историческихъ и дипломатическихъ свѣдѣній о ханствахъ, слѣдствіемъ чего былъ рядъ моихъ статей въ «Военномъ Сборникѣ» о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Хивью и Бухарою въ царствованіе императора Николая.

Зимою съ 1859 на 1860 годъ Катенинъ опять ѣздилъ въ Петербургъ на какой-то праздникъ въ Преображенскомъ полку, а весною предпринялъ поѣздку по осмотру Уральской кордонной линіи, взявъ съ собою Данзаса и Галкина. Наступившее лѣто особенно въ Уральской землѣ было необыкновенно жаркое;—Катенинъ, слѣдуя Николаевской манерѣ, являлся на всякій кордонъ не иначе, какъ въ мундирѣ, и при страшной жарѣ производилъ смотры. Все это вмѣстѣ съ почетными встречами въ Уральскѣ истомило его. Подъѣзжая къ Оренбургу, онъ уже чувствовалъ себя нездоровымъ, и въ первую же ночь по приѣздѣ его не стало—онъ скончался отъ удара.

Смерть Катенина произвела тяжкое на всѣхъ впечатлѣніе: онъ былъ человѣкъ добрый, а пробывъ вѣсколько лѣтъ въ краѣ, вѣроятно современемъ постигъ бы и его нужды.

Съ занятіемъ Сыръ-Дарыи и устройствомъ укрѣпленій въ степи еще при Перовскомъ возникъ вопросъ о сокращеніи Оренбургской кордонной линіи, содержавшейся съ цѣлью охраны прилинейныхъ жителей отъ прорыва киргизъ и усиленія таможенной стражи. На кордоны эти назначалось ежегодно огромное число казаковъ и башкиръ съ лошадьми, и содержаніе ихъ, а равно зданій обходилось войскамъ очень дорого. Кордонная служба требовала постоянной реформы, но по важности и сложности вопроса и за недостаткомъ специальныхъ лицъ онъ годъ отъ году откладывался. При Катенинѣ потребность реформы возникла съ

новою силою, и Данзасъ работу эту возложилъ на меня, придавъ въ помощь инженернаго подполковника Вѣтринскаго. Объѣзжая кордонъ за кордономъ, мы осматрѣли съ Вѣтринскимъ все линію, и я составлялъ соображенія объ упраздненіи кордонной стражи, производилъ съемку окрестной мѣстности, составлялъ протоколы, а Вѣтринскій на основаніи моихъ рѣшеній составлялъ смѣты по исправленію или уничтоженію построекъ. Въ концѣ августа мы воротились въ Оренбургъ, и я приступилъ къ разработкѣ матеріаловъ. Поѣздка эта была для меня очень утомительна. Помимо тяжелыхъ трудовъ мы принуждены были питаться дорогой Богъ знаетъ чѣмъ и вести на каждомъ кордонѣ тяжелые споры съ казачьими командирами. Тѣ же споры я потомъ выдержалъ и въ Оренбургѣ и нажилъ себѣ много враговъ. Дѣло въ томъ, что кордонная стража, какъ бы для продовольствія своихъ лошадей, накапливала громадное количество сѣна около своихъ кордоновъ, изъ котораго только самая малая часть шла на стражу, остальная же продавалась киргизамъ и деньги поступали въ такъ называемую кордонную сумму, которая ежегодно распредѣлялась въ награду кордоннымъ начальникамъ и высшимъ казачьимъ чинамъ. Несмотря однако же на все препятствія, я проектировалъ сократить кордоны болѣе чѣмъ на половину, снявъ съ нихъ около 3-хъ тысячъ человекъ стражи, въ томъ числѣ всѣхъ башкиръ, что составило, помимо освобожденія людей, ежегодной экономіи Оренбургскому войску 36-тъ тысячъ рублей. Къ соображенію своему я приложилъ объяснительную записку, въ которой изложилъ все безобразія, допущенныя въ управленіи кордонами начальствомъ Оренбургскаго казачьяго войска; но все эти работы привелось уже представить не Катенину, а новому генералъ-губернатору Безаку.

Приѣхавъ въ Оренбургъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Безакъ, также какъ и Катенинъ, встрѣтилъ меня ласково и сказалъ, что имѣетъ обо мнѣ самыя отличныя рекомендаціи отъ барона Ливена и весьма радъ со мной познакомиться.

Александръ Павловичъ Безакъ былъ небольшого роста человекъ, въ парикѣ, весь накрашенный, наружность имѣлъ суровую, говорилъ всегда серьезно, отрывисто. Онъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе неблагоприятное. Вступивъ въ должность, Безакъ тотчасъ же сталъ вникать во все отрасли управленія, читать дѣла и знакомиться со всякимъ разумнымъ человекомъ, не обращая вниманія на чины и званія. Сразу почувствовалась во всѣхъ дѣлахъ рука дѣльнаго администратора, и вездѣ начала сказываться дѣятельность умнаго человека.

Я полагалъ, что за мои рѣзкіе, даже дерзкіе доклады объ устройствѣ штаба и кордонной линіи, которые Безакъ прочиталъ сейчасъ же, получу нагоняй, но къ удивленію онъ, испещривъ ихъ только резолюціями въ родѣ того, что къ людямъ надо относиться снисходительнѣе

что они не всегда бывают виноваты и т. д., одобрилъ всѣ мои предположенія, приказавъ тотчасъ же представить меня внѣ правилъ къ чину подполковника, несмотря на то, что капитаномъ я прослужилъ только годъ и 5 мѣсяцевъ.

Въ эту зиму, за смертью матушки жены, мы перешли отъ тестя на квартиру и вполне повели самостоятельную жизнь. Я работалъ по-прежнему въ штабѣ, но въ то же время по просьбѣ директора Неплюевского корпуса генерала Шилова читалъ зимою въ корпусѣ безвозмездно лекціи военной исторіи.

XIII.

Первая поѣздка въ Петербургъ въ 1861 году.

Въ Оренбургѣ съ давнихъ поръ практиковался обычай ежегодныя съемочныя работы въ краѣ отправлять съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ генеральнаго штаба, или корпуса топографовъ въ Петербургъ, чтобы дать возможность офицеру съѣздить на казенный счетъ въ столицу. На этотъ разъ очередь выпала мнѣ, и вотъ я, нагруженный планами и инструментами, въ небольшой рогожной кибиткѣ, 31-го января 1861 года, отправился въ путь. Въ страшные бураны я тащился до Москвы и только тамъ, сѣвъ въ вагонъ желѣзной дороги, вздохнулъ свободно. По приѣздѣ, я остановился въ номерахъ, близъ Казанскаго собора, но въ тотъ же вечеръ Аничковъ перетащилъ меня къ себѣ на квартиру въ Измайловскій полкъ, гдѣ я и поселился съ братомъ его жены, Крымовымъ. Очутившись въ Петербургѣ, я попалъ въ какой-то водоворотъ, и моя свѣжая провинціальная голова никакъ не могла понять того сумбура, который происходилъ тогда въ обществѣ даже въ такомъ интеллигентномъ, какъ окружавшіе меня профессора академіи генеральнаго штаба. Я засталъ петербургскую публику подъ давленіемъ двухъ событій: ожидавшагося освобожденія крестьянъ и польскаго возстанія. Проѣхавъ поль-Россіи и не замѣтивъ нигдѣ враждебнаго настроенія крестьянъ противу господъ, я былъ изумленъ раздававшимися около меня слухами въ родѣ того, что крестьяне тамъ-то и тамъ-то рѣшили перевѣшать помѣщиковъ, и необходимо послать туда вооруженную силу, что дворники домовъ въ Петербургѣ прямо пугаютъ своихъ господъ, что съ полученіемъ воли поколотятъ ихъ, что горничныя, лакеи и повара не хотятъ ничего дѣлать и грозятъ судомъ своимъ господамъ и проч. Вообще броженіе умовъ по этому поводу было огромное, и публика находилась въ тревогѣ.

Воскресныя школы въ Петербургѣ я засталъ въ полномъ разгарѣ. Читали въ академіяхъ, гимназіяхъ, училищахъ, читали и профессора, читали и люди, которымъ прежде всего слѣдовало самимъ научиться чему-нибудь, но за то какъ читали—вѣдалъ одинъ Богъ. Такъ, напри- мѣръ, читали рабочимъ о грамотѣ, о пользѣ труда и рядомъ о совре- менномъ разстройствѣ нашихъ финансовъ, о гуманности и проч.

Окончивъ дѣло съ представленіемъ картъ и плановъ благодушному Бларамбергу, директору военно-топографическаго депо, я едва могъ въ три недѣли поймать нашего генераль-квартирмейстера барона Ливена, такъ какъ онъ постоянно уѣзжалъ съ царемъ по Московской дорогѣ на охоту. Ливенъ принялъ меня, какъ всегда, чрезвычайно любезно, но главными воротилами въ то время въ департаментѣ были вице-дирек- торъ Скалонъ и правитель канцеляріи Анучинъ.

Получивъ исправленные инструменты и прогоны, я остался въ Пе- тербургѣ еще нѣсколько дней, такъ какъ наступила масляная и мнѣ хотѣлось побывать въ оперѣ и повидать еще нѣкоторыхъ знакомыхъ. Я направился къ добрѣйшимъ Симоновымъ. Симоновъ, по переводѣ изъ Оренбурга, занялъ мѣсто штабъ-офицера въ академіи генеральнаго штаба и жилъ тогда на Екатерингофскомъ проспектѣ. Онъ и милая жена его, англичанка, приняла меня совершенно какъ роднаго — они остались такими же тихими, скромными людьми, какими я зналъ ихъ и прежде. Пообѣдавъ у нихъ, я пошелъ съ Симоновымъ въ его кабинетикъ и сталъ разсматривать висѣвшіе на стѣнѣ портреты. Два довольно ум- ныхъ, энергичныхъ лица остановили мое вниманіе, и на вопросъ: кто это такіе? Симоновъ отвѣчалъ: да развѣ вы не знаете? это Герценъ и Огаревъ. Видя, что я интересуюсь ими, хозяинъ добавилъ: «ну, на васъ я могу положиться и потому, если хотите, я вамъ подарю нѣсколько такихъ портретовъ для раздачи въ Оренбургѣ; Герцена возьмите теперь, онъ литографированный, а за Огаревымъ заѣзжайте послѣ, я вамъ пе- ресниму его; признаться, я не успѣваю изготовлять портреты даже для добрыхъ друзей: такъ много на нихъ охотниковъ».

Что это такое, думалъ я, уѣзжая къ себѣ на квартиру: смиреннѣй- шій изъ людей, всегда легальный и робкій Симоновъ, и тотъ распро- страняетъ литографію Герцена и фотографируетъ у себя на квартирѣ портреты Огарева, не опасаясь за послѣдствія. Это ли еще не знаменіе времени?

Какъ разъ въ срединѣ масляной я выѣхалъ изъ Петербурга; на одномъ поѣздѣ со мной отправилось множество флигель-адъютантовъ для объявленія въ губерніяхъ манифеста о свободѣ крестьянъ. Проѣзжая въ послѣдніе дни масляной по Владимірской губерніи, я около каждой станціи встрѣчалъ толпы народа; онѣ гуляли днемъ и ночью по случаю праздниковъ и по случаю воли, но нигдѣ ни разу я не замѣтилъ ни шума,

ни особаго пьянства или драки; все веселилось прилично, отъ души, разспрашивая проѣзжающихъ о состоявшейся волѣ. И здѣсь сказался здравый смыслъ простаго нашего народа, и тутъ онъ пристыдилъ петербургскихъ клеветниковъ, кричавшихъ о неминуемомъ бунтѣ, рѣзнѣ помѣщиковъ и пр.

Около Симбирска меня застала распутица, и я принужденъ былъ бросить сани и ѣхать на колесахъ. Разбитый страшными ухабами, полуживой, я дотащился 12-го марта до Оренбурга, едва не утонувъ въ виду города въ рѣкѣ Сакмарѣ.

Когда я вошелъ къ женѣ, она долго смотрѣла на меня, прежде, чѣмъ признала мое лицо — до такой степени оно почернѣло и исхудало отъ мучительной дороги. Тысячу разъ блаженъ тотъ, кто началъ ѣзду съ желѣзныхъ дорогъ, и кого такимъ образомъ миновала горькая участь кататься по русскимъ почтовымъ трактамъ, да еще на перекладной.

XIV.

Составленіе отчета.—Работы по Эмбенскому посту.—Назначеніе оберъ-квартирмейстеромъ.—Назначеніе Черняева.—Сцена съ Безакомъ.—Ссора Безака съ Григорьевымъ и Черняевымъ.—Левковичъ.—Гюббенетъ.—Заслуги Безака.

Безакъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, долго разспрашивалъ о Петербургѣ и польскихъ дѣлахъ.

Къ веснѣ я былъ произведенъ въ подполковники и купилъ себѣ маленькій домикъ недалеко отъ церкви Петра и Павла, передѣлкой котораго и занимался въ продолженіе всего лѣта.

Къ осени Данзасъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и вскорѣ назначенъ генераль-провіантмейстеромъ главнаго штаба его величества, и мы временно остались безъ начальника штаба.

Зиму эту Оренбургъ провелъ очень весело; я былъ выбранъ старшиною дворянскаго клуба, и мы, новые старшины, повели хозяйственные дѣла собранія такъ удачно, что могли веселиться вволю, къ чему поощрялъ насъ и самъ Безакъ, посѣщая каждый разъ клубъ и даже устраивая вечера у себя дома.

Къ осени я перешелъ въ свой недостроенный домъ, такъ что въ октябрѣ мѣсяцѣ мы жили еще въ двухъ комнатахъ, рядомъ съ которыми другія стояли безъ оконъ и штукатурились.

Пришелъ Рождественскій постъ; скончался батюшка жены генераль Бутурлинь, и наступало время поѣздки Безака въ Петербургъ съ отчетомъ по краю. Однажды вечеромъ я получилъ отъ него записку съ приказаніемъ прибыть къ нему. Время призыва меня удивило, но я поѣхалъ.

— Я имѣю къ вамъ просьбу, Николай Гавриловичъ,—встрѣтилъ меня Безакъ,—вы хорошо пишете, знаете всѣ здѣшнія дѣла, и потому прошу васъ составить мнѣ всеподданнѣйшій отчетъ по военной части. Пользуйтесь всеми матеріалами, пріѣзжайте ко мнѣ, когда хотите, но пожалуйста будьте какъ можно кратки.

Я принялся за работу какъ всегда съ кипучей дѣятельностью; рядомъ со мной жилъ горный инженеръ Михайловъ, которому было поручено составить отчетъ по гражданской части, и мы старались работать какъ бы изъ соревнованія. Часто за это время я ѣздилъ къ Безаку, читалъ черновыя и всегда былъ радъ умной его бесѣдѣ; въ январѣ отчетъ мой былъ готовъ и умѣстился всего на 13¹/₂ листахъ крупнаго письма. Безакъ меня очень благодарилъ, хотя и замѣтилъ о нехорошемъ числѣ 13.

Безакъ прожилъ въ Петербургѣ до мая мѣсяца и передъ пріѣздомъ въ Оренбургъ остановился на нѣсколько дней въ Самарѣ. Я получилъ отъ него передовой высочайшій приказъ о назначеніи меня оберъ-квартирмейстеромъ на мѣсто Дандевила, назначеннаго еще на Пасху атаманомъ Уральскаго войска. Признаюсь, я былъ пріятно изумленъ этимъ.

За мѣсяць до пріѣзда Безака состоялось высочайшее повелѣніе о возведеніи Эмбенскаго укрѣпленнаго поста въ степи. Нужно было возвести его въ одно лѣто, свезти на Эмбу матеріалы изъ Оренбурга, выслать туда рабочихъ и гарнизонъ, дать имъ инструкціи на случай непріязненныхъ дѣйствій киргизъ и обезпечить людей всѣмъ довольствіемъ на годъ. Всякій пойметъ, какую это составляло работу, когда въ степь можно выслать людей не иначе, какъ снабдивъ ихъ буквально всѣмъ необходимымъ, начиная отъ иголки, кусочка ваксы, дратвы и кончая перцемъ, лукомъ, удочкой и всякой одеждой. Старикъ генералъ Ладыженскій, прочитавъ такое повелѣніе, только развелъ руками и, призвавъ меня (я исправлялъ уже должность Дандевила), сказалъ:

— Я тутъ ничего не знаю; поручаю все дѣло вамъ, Николай Гавриловичъ, и возлагаю всю отвѣтственность на васъ. Въ случаѣ какого-либо промаха, вы меня ужъ извините, я прямо донесу на васъ.

Хотя дѣло было для меня знакомое, но задача была очень обширна и требовала крайней осмотрительности при исполненіи. Я заперся на двѣ недѣли на своей квартирѣ, работая съ моимъ старшимъ писаремъ Ефремовымъ, и всѣ соображенія по движенію, снабженію и дѣйствіямъ команды были изготовлены, а данныя мною инструкціи послужили примѣромъ въ будущемъ для всѣхъ подобныхъ работъ.

Одновременно со мною послѣдовало и назначеніе начальникомъ штаба корпуса полковника Михаила Григорьевича Черняева, о которомъ Безакъ давно уже забиралъ справки и получалъ вездѣ весьма ле-

стные отзывы, но я, лично зная характеры обоихъ лицъ, былъ тогда же увѣренъ, что они долго не уживутся вмѣстѣ.

Лѣто Безакъ проводилъ на дачѣ въ зауральской рошѣ.

Въ половинѣ лѣта пріѣхалъ Черняевъ; мы съ нимъ встрѣтились по-прежнему дружески, и я старался познакомить его подробно съ характеромъ Безака, но едва-ли не напрасно: ихъ натуры были слишкомъ противоположны, чтобы ужиться. Безакъ принялъ Черняева чрезвычайно любезно и, какъ всѣ старые корпусные командиры, сказалъ ему:

— Поручаю вамъ, какъ ближайшему моему помощнику, всю военную часть; дѣлайте, что хотите, но только докладывайте мнѣ. Для меня лично будетъ достаточно гражданскихъ дѣлъ.

При такой широкой свободѣ можно было хорошо работать, но Черняевъ по своей горячности и крайней обидчивости все испортилъ. Черезъ мѣсяць уже начались неприятности по случаю недостатка провіанта въ степныхъ укрѣпленіяхъ. Безакъ упрекнулъ Черняева, отчего онъ не принялъ заблаговременно необходимыхъ мѣръ, а Черняевъ обидѣлся и взвалилъ всю вину на оберъ-провіантмейстера Левковича, что было не совсѣмъ справедливо; однако же Безакъ его поддержалъ. Онъ распекъ Левковича, и тотъ вскорѣ отказался отъ своей должности, наживъ въ Оренбургѣ порядочныя деньги своими подрядами по поставкѣ провіанта въ степь черезъ киргизъ.

Къ осени отношенія Черняева къ Безаку стали еще болѣе натянутыми, и кромѣ рѣзкой разницы во взглядѣ на дѣйствія отрядовъ въ Средней Азии къ этому присоединилась и другая причина. Съ пріѣздомъ Безака въ край фонды предсѣдателя областнаго правленія киргизами Василія Васильевича Григорьева, пользовавшагося такимъ авторитетомъ при Перовскомъ и Катенинѣ, очень упали, такъ какъ Безакъ не любилъ при себѣ вліятельныхъ людей. Пошли неудовольствія, которыя всѣми мѣрами разжигалъ правитель канцеляріи Безака Тарасовъ.

Получивъ доносъ на Григорьева, Безакъ назначилъ ревизію областнаго правленія. Вражда между Григорьевымъ и Безакомъ загорѣлась страшная, и Григорьевъ послалъ по этому дѣлу донесеніе министру Валуеву. На бѣду Черняевъ былъ очень друженъ съ Григорьевымъ еще со времени перваго пребыванія своего въ Оренбургѣ. Знакомство это продолжалось и теперь, что сильно не нравилось Безаку, который наконецъ сталъ просить Черняева официально прекратить знакомство съ Григорьевымъ, находя неудобнымъ при ссорѣ съ послѣднимъ, что начальникъ штаба его оставался въ близкихъ отношеніяхъ съ его врагомъ. Черняевъ, будучи честнымъ человѣкомъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказался отъ исполненія такого предложенія и по свойственному русскому человѣку состраданію къ угнетенному сталъ еще внимательнѣе къ Григорьеву. На святки Безакъ поскакалъ въ Петербургъ

*

и докладывалъ лично государю о правотѣ своей въ дѣлѣ съ Григорьевымъ. Кончилось тѣмъ, что Григорьева смѣнили. Поѣхалъ въ Петербургъ и Черняевъ, предчувствуя свою бѣду; тамъ они нѣсколько опять сошлись съ Безакомъ, и Черняевъ получилъ начальство надъ рекогносцировочнымъ отрядомъ къ сторонѣ Туркестана, съ приказаніемъ однако же отнюдь не брать этого города.

Раннею весною Черняевъ прибылъ въ Оренбургъ и спустя нѣсколько дней уѣхалъ на Сырь, сохранивъ за собою мѣсто начальника штаба, а спустя мѣсяць возвратился и Безакъ.

Къ осени я перешелъ въ казенный домъ оберъ-квартирмейстера, гдѣ остался и съ назначеніемъ начальникомъ штаба. Домъ этотъ находится въ Атаманскомъ переулкѣ, и я жилъ въ немъ до послѣдняго дня моего пребыванія въ Оренбургѣ.

До сихъ поръ мнѣ приводилось говорить большею частью о Безакѣ, какъ о начальникѣ военномъ, но долгъ справедливости заставляетъ упомянуть о дѣятельности этого умнаго человѣка и какъ гражданскаго администратора. Познакомившись съ краемъ, Безакъ обратилъ особенное вниманіе на безотрадное положеніе башкиръ и со свойственною ему энергіею провелъ въ Государственномъ Совѣтѣ положеніе объ обращеніи этого импровизированнаго войска въ мирныхъ гражданъ; онъ же первый ввелъ гражданское управленіе въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, насколько оно было возможно при обязанности войска нести военную службу, и въ этихъ видахъ соединилъ должность атамана съ должностію губернатора вновь образованной Оренбургской губерніи.

По обоимъ войскамъ были произведены обширныя хозяйственныя и межевыя работы, и ежегодно особая коммиссія, въ которой я былъ предѣвателемъ, повѣряла ихъ. Всѣ эти распоряженія были благодѣтельны для войскъ и гражданскаго преуспѣянія края, а реформа въ Оренбургскомъ войскѣ послужила для военнаго министерства примѣромъ для преобразованія по тому же образцу донскаго и кавказскаго казачьихъ войскъ. Строгая экономія во всѣхъ расходахъ послѣ размахистой дѣятельности Перовскаго и Катенина значительно сократила въ край всѣ расходы казны и въ то же время дала Безаку возможность значительную часть состоявшихъ въ его непосредственномъ распоряженіи средствъ употребить на общепользныя учрежденія въ Оренбургѣ. Такъ около 50 тысячъ рублей было имъ употреблено на устройство общественныхъ банъ въ Оренбургѣ, получившихъ названіе Александровскихъ, и значительныя суммы на проведеніе тротуаровъ и особенно на устройство въ городѣ водопровода, возведеніе котораго поручено было состоявшему при немъ полковнику Савину. Онъ же оздоровилъ Оренбургъ, срывъ его крѣпость и построивъ прекрасныя казармы. Безакъ не жалѣлъ также денегъ на выписку разныхъ машинъ для Сыр-

Дарьи, устройство тамъ плавучихъ мельницъ и проч. Ему обязанъ Оренбургскій институтъ своимъ расширеніемъ, и онъ же образовалъ комиссію, въ которой я былъ членомъ, для переустройства Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса. Безакъ охотно допускалъ на хозяйственныя мѣста мошенниковъ, ибо, какъ неоднократно говорилъ мнѣ, я допускаю ихъ потому, что они люди умные и ловкіе и всякое дѣло, какое я имъ поручу, они сдѣлаютъ хорошо, а если при этомъ и украдутъ, такъ вѣдь у насъ безъ этого нельзя.

Въ эту зиму пріѣхалъ въ Оренбургъ для набора свиты его величества генераль-маіоръ Тетенборнъ. Не желая его угощать дома, Безакъ постоянно обращался ко мнѣ съ просьбою почаще устраивать вечера въ клубѣ, говоря: «пусть его пляшетъ», и дѣйствительно полусѣдой уже Тетенборнъ лихо отплясывалъ мазурку. Онъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Базилевскаго, мать котораго, еще въ молодые мои годы, жила въ небольшомъ домикѣ въ г. Стерлитамакѣ, тогда какъ сынъ ея, составившій состояніе откупамъ, имѣлъ извѣстный всему міру отель Базилевскаго въ Парижѣ и жилъ на самую широкую ногу.

Сообщ. Н. Н. Длусская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. Г. Залѣсова.

XV ¹⁾.

Вторая поѣздка въ Петербургъ въ 1863 году.

Въ концѣ іюля мѣсяца во время самаго сильнаго разгара польскаго мятежа, когда разрывъ съ европейскими державами казался несомнѣннымъ, въ Оренбургѣ, напротивъ, ничто ни нарушило нашей покойной жизни.

Едва оправаясь отъ тяжкой болѣзни, я разъ вечеромъ преспокойно пилъ чай, пользуясь временнымъ прекращеніемъ служебныхъ занятій, когда вошедшій вѣстовой объявилъ о пріѣздѣ «штабъ-начальника» и желаніи его видѣть меня. Выйдя полудѣтый въ кабинетъ, я нашель исправлявшаго должность Черниева генерала Левенгофа, который съ неудомѣвающимъ лицомъ подалъ мнѣ телеграмму военнаго министра корпусному командиру и спросилъ, не знаю ли я, что она значитъ. Въ телеграммѣ было сказано: «вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія прошу немедленно командировать въ Петербургъ оберъ-квартирмейстера подполковника Залѣсова, если вы не встрѣчаете къ тому препятствій по службѣ».

Удивленный не менѣе Левенгофа, я отвѣчалъ, что не понимаю этого вызова, чему онъ видимо не повѣрилъ и съ улыбкою спросилъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1903 г.

— Корпусный командиръ, зная, что вы не здоровы, поручилъ узнать можете ли вы ѣхать и когда.

— Я переговорю съ докторомъ и немедленно дамъ знать о своемъ рѣшеніи генералу Безаку.

Проводивъ Левенгофа, я углубился въ догадки относительно своего вызова и, признаюсь, не могъ остановиться ни на одномъ предположеніи. На другой день докторъ разрѣшилъ мнѣ ѣхать черезъ три дня, и я немедленно отправился къ корпусному командиру съ этимъ отвѣтомъ. Генерала Безака я нашелъ въ сильномъ недоумѣніи насчетъ причины моего вызова, а бывшія тогда у него непріятности съ полковникомъ Черняевымъ заставляли, повидимому, думать, что я, какъ человѣкъ близкій Черняеву по расположенію и мундиру, едва-ли вызываюсь не для того, чтобы разъяснить эти неудовольствія военному министру. Поэтому онъ долго толковалъ со мною о безтактности дѣйствій Черняева на Сыръ-Дарьѣ и всѣми мѣрами старался представить свои распоряженія въ самомъ благонамѣренномъ видѣ.

Черезъ три дня раннимъ прекраснымъ іюльскимъ утромъ я былъ на перевозѣ черезъ Сакмару; здѣсь обнялъ я бѣдную жену, боявшуюся за мое здоровье, и курьерская тройка понесла меня въ Самару, откуда я тотчасъ же поплылъ вверхъ по рѣкѣ на пароходѣ Волжскаго общества. Духота въ каютахъ 2-го класса была страшная, купечество ѣхало въ Нижній на ярмарку; къ довершенію же всего, съ первымъ шагомъ на пароходѣ меня встряхнула жестокая лихорадка съ страшнымъ бредомъ, такъ что я какъ пласть лежалъ на нарахъ каюты до 11 часовъ вечера, т. е. до прихода въ Симбирскъ. Здѣсь, благодаря Бога, всѣ пассажиры отправились въ городъ смотрѣть на иллюминацію по случаю пріѣзда наследника Николая Александровича, а я, пользуясь прохладой въ каютѣ, очнулся и немного пришелъ въ себя. Лихорадка, слава Богу, больше не повторялась, и я черезъ 6 дней былъ въ Петербургѣ. Прежде всего я явился къ ближайшему своему начальнику, генералъ-квартирмейстеру Веригину, но къ совершенному моему удивленію поразилъ его своимъ пріѣздомъ, такъ какъ оказалось, что сей патріархальный человѣкъ и не вѣдалъ даже о моемъ вызовѣ. Немедленно послали записку къ военному министру съ докладомъ о моемъ пріѣздѣ и съ вопросомъ: когда будетъ угодно принять меня. Отвѣтъ послѣдовалъ: явиться на другой день прямо въ квартиру министра въ 11 часовъ утра.

Министръ жилъ тогда на Большой Милліонной. Ровно въ 11 часовъ я пріѣхалъ къ нему и немедленно былъ принятъ. Послѣ первыхъ пріѣтствій министръ сказалъ мнѣ:

— Вамъ конечно извѣстно, какъ натянуты теперь наши отношенія съ западными державами. Въ случаѣ войны мы ничѣмъ не можемъ вредить Англіи въ Европѣ—остается одна Азія. Вы знаете эту страну и

потому можете намъ въ случаѣ надобности устроить туда экспедицію, если не для вторженія въ Индію, то по крайней мѣрѣ для отвлеченія силъ англичанъ изъ Европы и нанесенія ихъ торговымъ интересамъ возможно бѣльшаго вреда. Явитесь къ генералу Игнатьеву, онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности по этому предмету, и вы составите по его указаніямъ соображеніе. Дѣло это требуетъ большой тайны, и потому о вашемъ порученіи никому ничего не говорите.

Такое приказаніе поставило меня въ исключительныя отношенія къ генераль-квартирмейстеру, который, какъ и всѣ другія начальствующія лица, засыпалъ меня вопросами насчетъ причины моего прѣзда, и я едва, едва отговорился тѣмъ, что вызванъ для министерства иностранныхъ дѣлъ съ цѣлью представить ему отчетъ о походѣ Черныяева и вообще разъяснить положеніе дѣлъ въ Средней Азіи.

На другой день я поѣхалъ въ Азіатскій департаментъ и явился къ директору его, генералу Игнатьеву. Онъ былъ мой старый знакомый и, дружески встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Что, батюшка, вытащилъ таки я васъ въ Петербургъ. Мы ѣхали съ военнымъ министромъ изъ Царскаго Села въ одномъ вагонѣ и толковали о томъ, какъ бы напакостить англичанамъ; тогда я ему указалъ на васъ, какъ на человѣка, который можетъ намъ придумать по этому хорошую штуку и исполнить ее. Министръ тотчасъ же согласился, послалъ телеграмму, и вотъ теперь извольте-ка работать у васъ.

Затѣмъ Игнатьевъ передалъ мнѣ суть предположеній; они состояли въ слѣдующемъ:

Съ открытіемъ войны сформировать изъ войскъ оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ отрядъ, направивъ эти войска изъ Красноводска и Оренбурга черезъ Хиву къ Аму-Дарьѣ и далѣе вверхъ по рѣкѣ, а потомъ на Кабулъ и въ то же время двинуть особый отрядъ кавказскихъ войскъ отъ Астрабада черезъ Гератъ и Хоросанъ тоже къ Кабулу. Начальство надъ кавказскимъ отрядомъ предполагалось поручить Хрулеву, а надъ сборнымъ—Черныяеву, къ которому я долженъ былъ поступить въ качествѣ начальника отряднаго штаба. Собственно моя работа должна была состоять въ опредѣленіи силы и направленія войскъ, слѣдующихъ къ Хивѣ, расчетѣ продовольствія и верблюдовъ, опредѣленіи мѣста и силы этапныхъ пунктовъ въ степи и количества боевыхъ припасовъ при отрядѣ и, наконецъ, въ опредѣленіи стоимости всѣхъ вообще издержекъ по экспедиціи въ продолженіе года, не считая разныхъ мелочныхъ соображеній.

Работа была не легкая, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ я не имѣлъ подъ рукою необходимыхъ мѣстныхъ данныхъ и долженъ былъ дѣй-

*

ствовать на память; кромѣ того, у меня не было такихъ спеціальныхъ по степнымъ дѣламъ помощниковъ, какихъ имѣлъ въ своемъ штабѣ въ Оренбургѣ. Къ счастью, ѣхавши въ Петербургъ, я захватилъ съ собою на всякій случай кое-какія интендантскія справки и степныя свѣдѣнія и при помощи своей памяти благословясь принялся за дѣло. Пять сутокъ я не выходилъ изъ своего номера въ «Hotel de France», и, наконецъ, черновое соображеніе было готово. Съ нимъ я отправился къ Игнатьеву, и, запершись въ директорскомъ кабинетѣ, мы занялись чтеніемъ проекта. Измѣнивъ кое-что изъ моихъ предположеній, Игнатьевъ велѣлъ мнѣ переписать своей рукою проектъ и отвезти его къ военному министру.

На этотъ разъ министръ принялъ меня рано утромъ, приказавъ явиться къ нему вмѣстѣ съ генераль-квартирмейстеромъ. Началось чтеніе, и Веригинъ, изумляясь, вѣроятно, такому неожиданному имъ проекту, хлопалъ отъ удивленія глазами, не сказавъ ни слова отъ себя. По окончаніи чтенія, министръ приказалъ сдѣлать нѣсколько поправокъ въ соображенія, поблагодарилъ меня за трудъ и велѣлъ исправленный проектъ передать генералу Игнатьеву.

— Мы думаемъ сдѣлать диверсію и со стороны Сибири,—сказалъ министръ,—и съ этою цѣлью вызванъ сюда подполковникъ Голубевъ (генеральнаго штаба); хорошо, если бы вы дождались его и сговорились насчетъ общаго плана дѣйствій.

— Дѣйствія со стороны Сибири, если и будутъ, то пойдутъ на далекомъ разстояніи отъ насъ, и потому ничего общаго между нами не будетъ, кромѣ опредѣленія времени движенія, чтѣ можетъ быть сдѣлано и по перепискѣ.

— Значить, вы хотите отправиться поскорѣе домой?

— Если позволите.

— Отъ васъ зависитъ пожить у насъ или ѣхать.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ теперь же откланяться вамъ.

— Оставьте у меня адресъ вашей квартиры, я пошлю съ вами письмо Александру Павловичу Безаку. Онъ ничего не знаетъ о цѣли вашего вызова.

И, простившись со мною весьма любезно, министръ приказалъ Веригину выдать мнѣ въ видѣ пособія при поѣздкѣ полугодное жалованье.

При свиданіи на другой день съ Веригинимъ я выслушалъ отъ него кучу любезностей.

— Повѣрьте,—говорилъ онъ,—вы у насъ на отличнѣйшемъ счету, и при предстоящемъ образованіи округовъ мы готовимъ васъ для занятія высшихъ должностей по генеральному штабу. Затѣмъ онъ подробно

разспрашивалъ меня объ управленіи генерала Безака и интересовался всѣми частностями его жизни.

Въ настоящую поѣздку въ Петербургъ я успѣлъ побывать только у двухъ знакомыхъ: у Аничкова, который жилъ тогда на Карповкѣ, принимая эту помойную лужу съ увлеченіемъ истаго петербуржца за дѣйствительную дачу, и у генераль-провіантмейстера Данзаса.

Помню очень хорошо одинъ изъ проведенныхъ у Аничкова вечеровъ. Судьбѣ угодно было созвать какъ разъ въ это время въ Петербургъ съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи большую половину нашего академическаго выпуска, и Аничкову пришла мысль позвать насъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ, тѣмъ болѣе, что онъ только лишь получилъ съ Кавказа отъ какого-то пріятели нѣсколько бурдюковъ съ кахетинскимъ. Изъ 11-ти человѣкъ выпуска, оставшихся въ живыхъ и на службѣ, собралось насъ 8, а именно: хозяинъ, я, Окольниковъ, Полторацкій, Быховецъ, Глиноецкій, Шевелевъ и Уфнярскій. Весело прошла наша бесѣда въ воспоминаніяхъ молодости и разказахъ моихъ объ Оренбургскомъ краѣ и управленіи Безака, дѣйствіями котораго въ стени тогда многіе интересовались.

У Данзаса я былъ два раза, въ томъ числѣ разъ обѣдалъ. Какой гастрономическій обѣдъ былъ приготовленъ! Казалось, всѣ помыслы, всѣ жизненныя стремленія хозяина сосредоточились только на ѣдѣ. Каждое блюдо подавалось по особымъ правиламъ: одно на холодныхъ тарелкахъ, другое на горячихъ, въ извѣстнаго рода посудѣ, то въ стеклянной, то фарфоровой, то мѣдной, а различныхъ приправъ было столько, что я потерялъ счетъ и въ простотѣ души, къ видимому неудовольствію собесѣдниковъ, часто бралъ себѣ такую приправу, какой, по мнѣнію ихъ, вовсе не слѣдовало. За обѣдомъ было насъ всего четверо: хозяинъ, я, Меньковъ и Шубинъ. Меньковъ, несмотря на то, что только лишь пріѣхалъ съ какого-то завтрака, даннаго биржей государю, ѣлъ за пятерыхъ и не говорилъ ни слова. Хозяинъ по временамъ только спрашивалъ его, хорошо ли, вкусно ли приготовлено и не надо ли прибавки; яства непрерывно запивались елисейскимъ виномъ. Въ 6 часовъ кончился обѣдъ, и я тотчасъ же распростился съ Данзасомъ.

Двѣ недѣли прожилъ я въ Петербургѣ и какую громадную разницу нашель въ настроеніи его общества сравнительно съ 1861 годомъ!

Тогда все кричало и тянуло за воскресныя школы, отказывалось отъ всего прирожденнаго русскаго и симпатизировало освобожденію Польши, открыто поощряло борьбу ея съ Россією въ ущербъ самимъ же себѣ.

Въ своемъ мѣстѣ я описаль тогдашнее свое пребываніе въ Петербургѣ, теперъ же скажу только, что въ настоящую поѣздку не только въ явь, но еслибы въ домашней бесѣдѣ рѣшился кто-нибудь замолвить слово за Польшу, то рисковаль получить прямо названіе измѣнника, безчестнаго человѣка.

Теперъ газеты читались нарасхватъ и съ такимъ горячимъ патриотическимъ чувствомъ, котораго и примѣра не было въ 1861 году. Теперъ печатались знаменитыя энергическія ноты князя Горчакова, такъ рѣзко отвергавшія всѣ поползновенія европейскихъ державъ на вмѣшательство въ наши дѣла съ Польшею. Ежеминутно ждалось появленіе непріятельскихъ флотовъ съ десантомъ, но ждалось съ какою-то особою увѣренностью, что дерзость союзниковъ не пройдетъ имъ даромъ. Патриотизмъ и преданность царю въ данную минуту вырывались наружу съ неудержимою силою, не зная границъ, и Горчаковъ мгновенно сталъ національнымъ героемъ, пророкомъ дня.

XVI.

Зима съ 1863 на 64 годъ въ Оренбургѣ.—Отъѣздъ Безака въ 1865 г.—Письмо Полторацкаго. — Тимашевъ. — Назначеніе Крыжановскаго. — Статья моя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

По возвращеніи въ Оренбургъ, я передалъ Безаку письмо военнаго министра и разсказаль о цѣли моего вызова въ Петербургъ, но, несмотря на полную откровенность, Безакъ, какъ видно, предполагаль, что вызовъ мой не былъ чуждъ размолвки его съ Черняевымъ.

Дѣйствительно въ это время отношенія ихъ достигли крайней напряженности. Черняевъ ропталъ, что Безакъ не довѣряетъ его способностямъ и помѣшалъ ему отличиться въ Туркестанѣ. Безакъ же ссылался на свое обѣщаніе министру иностранныхъ дѣлъ не завязывать при тогдашнихъ натянутыхъ нашихъ отношеніяхъ въ Европѣ никакихъ дѣлъ въ Средней Азійи и на то, что Черняевъ, не исполнивъ инструкціи, втянулъ его въ отвѣтственность предъ государемъ и т. д. Словомъ, ясно было, что этимъ людямъ служить вмѣстѣ нельзя, и Безакъ, не стѣсняясь временной командировкой Черняева въ Туркестанъ, не допустиль его по возвращеніи къ исправленію должности начальника штаба. Напрасно я уговариваль Черняева не горячиться и держаться строгой законности—онъ ничего не слушалъ и былъ въ такомъ раздраженіи, что свиданіе его съ Безакомъ грозило послѣдному большими непріятностями.

Переговоривъ съ Левенгофомъ о возможности скандала между Чер-

няевымъ и Безакомъ, мы отправились къ послѣднему и, описавъ ненормальное состояніе Черняева, просили Безака быть какъ можно мягче въ объясненіяхъ, тѣмъ болѣе, что отстраненіе отъ должности начальника штаба Черняевъ не можетъ не считать оскорбленіемъ.

Доводы наши подѣйствовали. Безакъ сталъ оправдывать свои дѣйствія и пригласилъ насъ присутствовать на другой день при свиданіи его съ Черняевымъ. Въ 10 часовъ утра мы были въ приемной Безака, вслѣдъ за нами вошелъ Черняевъ, и мы втроемъ вошли въ кабинетъ корпуснаго командира. Только лишь мы вошли, какъ Безакъ бросился къ Черняеву, схватилъ его за руки и заплакалъ. Признаюсь, такой комедіи я не ожидалъ.

— Не сердитесь на меня, любезный Михаилъ Григорьевичъ, я не могъ, не долженъ былъ иначе дѣйствовать, какъ настоящимъ образомъ. Я человекъ государственный и долженъ сообразоваться съ интересами всей Россіи, а не одного Оренбургскаго края, и за это дамъ отвѣтъ государю.

Черняевъ на все это отвѣчалъ очень кратко, оправдывая свои дѣйствія; разговоръ его былъ сухъ, безъ всякихъ любезностей; черезъ полчаса они разстались гораздо большими врагами, чѣмъ были. Черняевъ провелъ еще нѣкоторое время въ Оренбургѣ, ожидая какой-то помощи со стороны Полторацкаго, управлявшаго тогда азіатскимъ отдѣленіемъ въ главномъ штабѣ, но, не дождавшись ничего, уѣхалъ въ Петербургъ, а на мѣсто его окончательно былъ назначенъ Левенгофъ.

Съ огромнымъ самолюбіемъ, когда-то очень красивой наружности, любимецъ всецѣльнаго въ свое время генерала Политковскаго (инженера), Левенгофъ былъ въ то время согбенный полу-старикъ, страдавшій разными болѣзнями. Онъ пользовался большимъ расположеніемъ Безака.

Со времени возвращенія моего изъ Петербурга отношенія мои къ корпусному командиру однако же измѣнились. Безакъ по-прежнему цѣнилъ мою службу, но пересталъ меня приглашать къ себѣ обѣдать, и вообще онъ и жена его отдалялись отъ меня. Причину этого мнѣ вскорѣ разъяснилъ мой хорошій знакомый и кумъ, командующій Башкирскимъ войскомъ, генеральнаго штаба полковникъ А. П. Богуславскій; онъ передалъ мнѣ, что Безакъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ моего товарища по академіи Быховца, который передалъ ему съ разными украшеніями рассказъ мой про Безака на вечерѣ у Аничкова. Такъ какъ всѣ мои разговоры въ Петербургѣ относились къ страшной скупости Безака, то, не сознавая за собою особаго грѣха, я оставался совершенно равнодушенъ къ холодности корпуснаго командира и его супруги. Къ чести А. П. Безака слѣдуетъ однако же сказать, что онъ никогда не смѣшивалъ службы съ частными отношеніями и при всякомъ

удобномъ случаѣ представлялъ меня къ награждѣ и постоянно виѣ править.

Въ продолженіе зимы нѣсколько разъ устраивались въ нашемъ клубѣ литературные вечера въ пользу бѣдныхъ, и въ одномъ изъ нихъ я рѣшился принять участіе. У меня была заготовлена для «Искры» статейка, въ которой юмористическимъ образомъ въ самомъ безвредномъ однако же видѣ описывались нѣкоторые изъ нашихъ оренбургскихъ генераловъ. Эту статейку, процензурованную въ редакціи «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», я и прочелъ на одномъ изъ вечеровъ. Безакъ, какъ и другіе, слушалъ статью со вниманіемъ, хохоталъ чуть не до истерики, но за то генералы разобидѣлись на меня, вслѣдствіе чего на будущее время было рѣшено не пропускать въ литературныхъ вечерахъ ни одной рукописной статьи безъ предварительной цензуры самого Безака.

Въ концѣ лѣта 1863 года, я распростился съ своимъ добрымъ знакомымъ А. П. Богуславскимъ, котораго Безакъ не могъ вынести за самостоятельность его мнѣній. Мы задали Богуславскому прощальный обѣдъ и заставили тамъ танцовать хромаго Левенгофа. Богуславскій вскорѣ попалъ на Кавказъ, а послѣдствіемъ былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ казачьихъ войскъ.

Между тѣмъ правительство не оставляло однако же въ покоѣ дѣла въ Средней Азіи, и весною 1864 года были двинуты войска со стороны Сибири и Оренбурга съ цѣлью соединить нашу пограничную линію. Изъ Сибири пошелъ тотъ же полковникъ Черняевъ на Мерке и Ауліята, а съ Сыръ-Дарьи полковникъ Веревкинъ къ Туркестану; всѣ эти крѣпостенки вскорѣ пали, и первой военной жертвой съ нашей стороны былъ генеральнаго штаба капитанъ Каховскій, убитый при осадѣ Туркестана. Мы, офицеры генеральнаго штаба, сдѣлали подписку и поставили ему памятникъ около Туркестана, а престарѣлой его матери государь далъ въ пожизненную пенсію жалованье сына.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1864 года, я получилъ длинное секретное письмо отъ Полторацкаго, выдержки изъ котораго считаю интереснымъ привести здѣсь для характеристики той осторожности, съ которою военный министръ приступалъ къ рѣшенію того или другаго важнаго вопроса, а равно и взглядовъ его въ то время на средне-азіятскія дѣла.

Вотъ начало письма Полторацкаго:

«Дмитрій Алексѣевичъ (Милютинъ) поручилъ мнѣ просить васъ доставить ваше мнѣніе и сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія... но прежде всего позвольте оговориться; не думайте, что фраза, которую поставилъ я въ началѣ письма, равносильна выраженію, общепотребляемому каждымъ начальникомъ отдѣленія военнаго министерства: «по приказанію военнаго министра», мнѣ дѣйствительно поручено просить васъ

лично самимъ ¹⁾ Дмитриемъ Алексѣвичемъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы то, что вы сообщите, и вообще вся наша переписка по этому дѣлу оставалась полнѣйшимъ секретомъ для всего Оренбурга и Петербурга».

Далѣе излагалась суть представленій Безака и Дюгамеля о соединеніи Оренбургской и Сибирской линій и объ устройствѣ пограничнаго края, и выражался тотъ полный разладъ во взглядахъ на веденіе этого дѣла, который обнаружился между корпусными командирами. Взамѣнъ такихъ соображеній мнѣ сообщалось для разработки и критической оцѣнки слѣдующее предположеніе, составленное лично военнымъ министромъ.

1. Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Тобольскую и Томскую губерніи вовсе изъять изъ-подъ вѣдѣнія генераль-губернаторовъ, т. е. уничтожить оба генераль-губернаторства.

2. Устроить два военныхъ округа, Степной и Уральскій; границами между ними будутъ примѣрно Уральскій хребетъ и линія вдоль Мугоджарскихъ горъ къ Аральскому морю.

3. Въ составъ Степнаго округа войдутъ большая часть регулярныхъ войскъ Западной Сибири и Оренбургскаго края: Сибирское казачье войско, 8 полковъ Оренбургскаго, расположенные къ сѣверу отъ Орска, вся Сибирская степь, Аральская флотилія, восточная и средняя часть Оренбургской степи. На начальника округа будетъ возложено управленіе киргизами и всѣ сношенія съ Китаемъ и всѣми средне-азиатскими владѣльцами и охраненіе границъ.

4. Въ составъ Уральского округа войдутъ: Оренбургская, Уфимская, Самарская и Астраханская губерніи, казаки Уральскіе, Астраханскіе и четыре первыхъ полка Оренбургскихъ, киргизы Букѣвской орды и западная часть Оренбургской степи.

5. Затѣмъ Оренбургское войско можетъ быть упразднено. Первые четыре полка войдутъ въ составъ Уральского, остальные восемь—Сибирскаго войскъ.

Въ заключеніе говорилось, что всѣ мои мнѣнія будутъ представлены въ оригиналѣ военному министру.

Мнѣ въ это время было не привыкать къ запросамъ военнаго министра. Благодаря особой его любезности и несмотря на мой маленький чинъ, я постоянно получалъ изъ канцеляріи военнаго министерства (что продолжалось и впоследствии) на предварительный просмотръ тотъ или другой проектъ преобразованій по военному министерству и вообще устройству войскъ. Дѣло же, теперь предстоявшее моему обсужденію, меня въ особенности интересовало. Сожалѣю, что у меня

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

не сохранилось копии съ длиннаго моего отвѣта Полторацкому; на сколько помню, я не признавалъ тогда возможнымъ принять цѣликомъ проектъ военнаго министра и настаивалъ на необходимости сохранить до времени за Оренбургомъ управленіе какъ всею Оренбургскою степью, такъ равно и соединяемою по рѣкѣ Сыру Сибирско-Оренбургскою пограничною линіею.

Съ соединеніемъ линій, весною 1866 года Веревкинъ былъ назначенъ атаманомъ Уральскаго войска, а Черняевъ—начальникомъ вновь образованной Кокандской передовой линіи, подчиненной Оренбургу.

Къ осени 1864 года въ Оренбургѣ стали носиться слухи, что А. П. Безакъ думаетъ уйти изъ края. Вскорѣ самъ онъ началъ заявлять, что зимы въ Оренбургѣ очень суровы, что онъ уже старъ для управленія такимъ отдаленнымъ краемъ, требующимъ непрерывныхъ поѣздокъ въ степь и проч. Къ Рождеству же положительно стало извѣстно, что Безакъ переводится генераль-губернаторомъ въ Кіевъ на мѣсто умершаго Анненкова. У нашей публики пошла подписка на обѣдъ и балъ отъѣзжающему генераль-губернатору, и наконецъ на святкахъ—состоялись оба торжества. Неизвѣстно, почему-то въ городѣ разошелся слухъ, что я буду говорить прощальную рѣчь и при томъ въ весьма правдивыхъ выраженіяхъ. По этой причинѣ мнѣ дали мѣсто за столомъ противъ генераль-губернатора; въ продолженіе стола всѣ съ нетерпѣніемъ посматривали въ мою сторону; но я рѣчи не говорилъ, а рѣчь прочелъ по тетрадкѣ генераль Ладыженскій, на которую Безакъ отвѣчалъ похвалами всѣмъ и каждому, говоря въ патетическихъ мѣстахъ чуть не со слезами. Черезъ нѣсколько дней состоялся и балъ, на которомъ жена Безака, встрѣтивъ меня, сказала при всѣхъ:

— Вы, говорятъ, пишете пьесу, въ которой выводите на сцену насъ съ мужемъ только подъ другими именами.

— Я никакой пьесы не пишу,—отвѣчалъ я,—а для выраженія своихъ чувствъ не нуждаюсь ни въ пьесѣ, ни въ измѣненіи именъ, ибо, какъ человѣкъ откровенный, всегда и всѣмъ говорю прямо въ лицо то, въ чемъ убѣжденъ.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. За ужиномъ я пожелалъ Безаку отъ имени офицеровъ генеральнаго штаба всего лучшаго въ жизни, а на другой день послѣ завтрака въ собраніи мы съ нимъ простились, и при томъ навсегда, я его болѣе уже не видалъ. Но не забылъ Безакъ своего нерасположенія ко мнѣ и впоследствии, рекомендуя преемнику и племяннику своему генераль-адъютанту Крыжановскому разныхъ лицъ, служавшихъ въ Оренбургѣ, сказалъ про меня:

— Это отличный знатокъ края, человѣкъ способный, старайся привлечь его къ себѣ, но берегись въ то же время его, онъ человѣкъ умный, хитрый и имѣетъ въ высшей степени злой языкъ.

По отъздѣ Безака я опять сильно заболѣлъ. Сидя въ это время дома и по обыкновенію читая, я наткнулся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» на статью, подписанную «Генераль Фадѣевъ», которая, трактуя о будущихъ дѣйствіяхъ Кавказской арміи, въ то же время неосновательно разсуждала о способѣ дѣйствій оренбургскихъ войскъ въ Средней Азіи. Будучи близко знакомъ съ послѣдними дѣлами, я рѣшился написать возраженіе и, считая статью Фадѣева официальной, подписалъ и подъ своей статьей чинъ и фамилію. Статья моя была напечатана въ 47-мъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», 3-го марта 1865 года. Въ этой статьѣ на основаніи личнаго опыта и моихъ свѣдѣній о Средней Азіи я доказывалъ неосновательность предположеній Фадѣева и предлагалъ правительству обратить свое вниманіе на Аму-Дарью, не бояться англичавъ и, приводя ханства Хиву, Бухару и Коканъ къ покорности, отнюдь однако же не присоединять ихъ къ намъ, а, поставивъ тамъ нашихъ консуловъ, держать эти владѣнія подъ нашимъ протекторатомъ, имѣя постоянно подъ рукою военную силу съ цѣлью мгновенно наказать ихъ въ случаѣ какого-либо неисполненія нашихъ желаній.

Боже мой! Сколько эта статья вызвала криковъ въ Петербургѣ и надѣлала мнѣ непріятностей. Министръ иностранныхъ дѣлъ первый закричалъ, что я открылъ сокровеннѣйшія его тайны, что онъ самъ думалъ дѣйствовать на Аму-Дарьѣ именно такимъ образомъ, какъ я предлагалъ, а потому и просилъ военнаго министра взыскать съ меня. При этомъ меня заподозрили, что я составилъ статью на основаніи официальныхъ документовъ, которыхъ не имѣлъ права обнародовать. О всей этой кутерьмѣ мнѣ сейчасъ же сообщалъ изъ Петербурга Полторацкій. Получивъ такое извѣстіе, я немедленно написалъ письмо къ генералъ-квартирмейстеру Веригину, въ которомъ объяснялъ:

1) Что о тайныхъ помыслахъ и планахъ министра иностранныхъ дѣлъ, живя за двѣ тысячи верстъ отъ Петербурга, я ничего не зналъ да и не могъ знать, ибо въ имѣвшейся въ Оренбургѣ официальной перепискѣ не было даже и намека министерства на то, что я писалъ о будущихъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Средней Азіи. 2) Всѣ ссылки въ моей статьѣ сдѣланы или на мои же статьи и записки, въ разное время поданныя мною генералъ-губернаторамъ Катенину и Безаку, или основаны на личныхъ моихъ путешествіяхъ въ Средней Азіи. 3) Подъ статью я выставилъ свой чинъ, потому что и Фадѣевъ сдѣлалъ то же самое.

Но объясненія эти ни къ чему не повели, и я получилъ строгій выговоръ.

Замѣчательно, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я напечаталъ свою статью, назначенный туркестанскимъ генералъ-губернато-

ромъ генераль Кауфманъ буквально сталъ слѣдовать той системѣ, которую я рекомендовалъ, и какъ общественное мнѣніе, такъ и правительство вполнѣ одобрили такой способъ дѣйствій, за предложеніе котораго я получилъ строгій выговоръ.

Не мало мнѣ повредило и то, что издатель «Московскихъ Вѣдомостей», всеисильный тогда Катковъ, по поводу моей статьи напечаталъ въ томъ же номерѣ своей газеты передовую статью, въ которой, заподозрѣвая правительство въ желаніи дѣйствовать наступательно въ Средней Азій, не одобрялъ подобнаго намѣренія, а извѣстно, что тогда съ одобрительными или отрицательными отзывами Каткова сообразовалась вся наша высшая администрація, и стоило только Каткову выразить насчетъ чего-либо свое неудовольствіе, какъ у высшихъ нашихъ сановниковъ, къ вѣдомству которыхъ относились слова Каткова, подымался страшный переполохъ.

Мѣсяца черезъ три послѣ напечатанія статьи явился ко мнѣ проѣзжавшій въ Ташкентъ гвардейскій кирасиръ Г—ій и передалъ, что Катковъ глубоко извиняется передо мной за тѣ непріятности, которыя надѣлалъ мнѣ своими комментаріями, считая ошибочно статью за оффиціальную; при этомъ онъ просилъ убѣдительно продолжать писать въ его газету о Средней Азій, но я съ тѣхъ поръ ничего уже не посылалъ въ «Московскія Вѣдомости».

XVII.

Знакомство съ Н. А. Крыжановскимъ.—Повѣдка его на Сыръ.—Удаленіе Черняева и назначеніе Романовскаго.

Въ концѣ мая или іюня 1865 года пріѣхалъ, наконецъ, въ Оренбургъ и генераль Крыжановскій. На другой день было представленіе всѣхъ чиновъ. Подойдя ко мнѣ и поздоровавшись со всевозможною любезностью, Крыжановскій сказалъ:

— Очень, очень радъ съ вами познакомиться, мой любезный, я весьма дорожу вашей службой и вашимъ знаніемъ края, пожалуйста будете работать вмѣстѣ, помогите мнѣ.

Я замѣтилъ, что прежде личнаго знакомства уже имѣлъ неудовольствіе получить отъ него выговоръ.

— Не беспокойтесь объ этомъ,—отвѣчалъ Крыжановскій,—это все министерство иностранныхъ дѣлъ надѣлало; я уже говорилъ объ этомъ съ военнымъ министромъ, въ моихъ глазахъ это замѣчаніе не имѣетъ

никакого значенія, и увѣряю васъ, что вы ничего не потеряете отъ этого.

Вечеромъ того же дня онъ пригласилъ меня на свою дачу въ рощу, гдѣ мы съ нимъ вдвоемъ пили чай и протолковали весь вечеръ о дѣлахъ края, при чемъ онъ охотно соглашался со всѣми моими предположеніями по стени, не обижаясь нисколько рѣзкостью моихъ возраженій по поводу нѣкоторыхъ его мыслей.

Крыжановскаго я зналъ еще въ чинѣ полковника въ Бухарестѣ, куда онъ былъ назначенъ зимою 1853 года изъ штабъ-офицеровъ по искусственной части Кіевскаго арсенала начальникомъ штаба артиллеріи 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ. Онъ былъ человѣкъ солидно-образованный, способный и весьма добрый.

Съ переменной генераль-губернатора послѣдовала и переменна главныхъ административныхъ лицъ въ Оренбургѣ. Такъ, оренбургскимъ атаманомъ и губернаторомъ вновь открытой Оренбургской губерніи былъ назначенъ молодой полковникъ Боборыкинъ, а начальникомъ областного киргизскаго управленія полковникъ Балюзекъ. Правителемъ же канцеляріи былъ выбранъ служившій прежде въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Холодковскій.

Вслѣдъ за пріѣздомъ генераль-губернатора былъ открытъ въ Оренбургѣ округъ, и я былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба. Первое время отношенія Крыжановскаго къ военному министру были весьма дружественныя: онъ естественно долженъ былъ заискивать его расположенія, чтобы утвердиться на мѣстѣ, въ свою очередь военный министръ считалъ необходимымъ сблизиться съ Крыжановскимъ для того, чтобы установить между нимъ и Черняевымъ дружественныя отношенія. Все дѣло поэтому было устроено еще въ бытность Крыжановскаго въ Петербургѣ. Вслѣдъ за Крыжановскимъ пріѣхалъ въ Оренбургъ полковникъ Романовскій и немедленно былъ посланъ въ Уральскъ исправлять должность атамана, до пріѣзда Веревкина, а потомъ Крыжановскій взялъ его съ собою для обозрѣнія Коканской линіи. Романовскаго я зналъ еще въ академіи и помню его штабъ-капитаномъ егерскаго князя Чернышева полка. Онъ сначала служилъ въ инженерахъ, а потомъ, не знаю почему, перешелъ въ пѣхоту. По выходѣ изъ академіи генеральнаго штаба и будучи въ образцовомъ полку, Романовскій поссорился съ товарищемъ своимъ по академіи и далъ ему пощечину, за что былъ разжалованъ въ рядовые. Съ открытіемъ Крымской кампаніи, онъ опредѣлился въ войска Кавказскаго корпуса и попалъ въ милость къ князю Барятинскому. Для Барятинскаго было хорошо пользоваться вставленіями простаго рядоваго или офицера младшихъ чиновъ (Романовскому вскорѣ были возвращены чины), ибо никто не могъ заподозрить, чтобы всемогущій намѣстникъ могъ жить

умомъ такого маленькаго смертнаго, какъ Романовскій. Съ назначеніемъ редакторомъ «Русскаго Инвалида» Романовскій покинулъ Оренбургъ, но не на долго.

Не прошло и мѣсяца по прїѣздѣ новаго генераль-губернатора, какъ между нимъ и Черняевымъ вышли уже недоразумѣнія. Черняевъ хотѣлъ дѣйствовать независимо: штурмовалъ Ташкентъ, наложилъ арестъ на бухарскихъ купцовъ и просилъ Крыжановскаго секвестровать ихъ товары на Оренбургской линіи. Крыжановскій не зналъ, что дѣлать въ первую минуту. Я помню, въ полночь прискакалъ ко мнѣ на дачу казакъ съ убѣдительною запискою прїѣхать къ генераль-губернатору немедленно; записка была помѣчена 10-ю часами вечера. Не имѣя на дачѣ лошадей и живя за 8 верстъ, я отправился только въ 7 часовъ утра, но до моего прїѣзда Крыжановскій уже рѣшилъ арестовать бухарскіе товары и донесъ министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ, что вынужденъ это сдѣлать по настоянію Черняева. Сѣмя раздора между нимъ и Черняевымъ уже было брошено.

Черняеву нужны были на экспедицію и другіе расходы немалыя деньги и подарки, а деньги ему такъ же, какъ и подарки, высылали микроскопическими долями. Шла длинная переписка объ ассигновкѣ суммъ по новымъ контрольнымъ правиламъ, а событія не ждали. Черняевъ кругомъ задолжалъ, забралъ изъ всѣхъ казенныхъ мѣстъ вопреки контролю всѣ свободныя суммы, у подчиненныхъ часы и другія золотыя вещи на подарки азіятцамъ, безъ чего не мыслимо было управлять этимъ народомъ. Телеграфа тогда до Сыра не было, а между тѣмъ бухарскій эмиръ задержалъ отправленное къ нему посольство Татаринова и открылъ военныя дѣйствія. Черняевъ не падалъ духомъ. Безъ денегъ, безъ провіанта и подарковъ, съ тремя слабыми баталіонами, онъ держалъ край въ повиновеніи, воевалъ съ Бухарой и, окруженный молодежью, не думалъ о завтрашнемъ днѣ и не исполнялъ инструкцій, посылаемыхъ изъ Оренбурга. Тогда генераль-губернаторъ обратился съ телеграммой прямо къ канцлеру князю Горчакову съ просьбою удалить Черняева, если только министръ не хочетъ новой и общей войны въ Средней Азіи. Телеграмма подѣйствовала, и черезъ два дня канцлеръ отвѣчалъ, что высочайше повелѣно отозвать Черняева, о чемъ черезъ день сообщилъ и военный министръ. Такъ кончилъ свою боевую дѣятельность на Сырѣ М. Г. Черняевъ, человекъ храбрый, безукоризненной чести, но въ то же время плохой администраторъ, начальникъ до мелочности самолюбивый и постоянно дѣйствовавшій подъ первымъ впечатлѣніемъ.

Эту зиму я отдыхалъ, ибо должность моя помощника, какъ и всѣхъ вообще помощниковъ, не имѣла опредѣленнаго значенія, а какъ генераль Левенгофъ былъ самъ охотникъ до работы, то на мою долю только

и выпадало отдыхать и читать, чѣмъ я пользовался. Съ прїѣздомъ семейства Крыжановскаго у насъ оживились клубные вечера; жена его приняла на себя предсѣдательство въ благотворительномъ обществѣ и по этому случаю старалась сгруппировать около себя нашихъ женъ, а съ ними получали и мужья приглашеніе на вечера и обѣды къ генераль-губернатору.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда разыгралась исторія съ Черняевымъ, прїѣхалъ въ Оренбургъ бухарскій посланникъ съ жалобой на Черняева государю, и Крыжановскій поручилъ мнѣ встрѣтить посланника и привести къ нему въ домъ, гдѣ въ то время были собраны для вящаго парада чины всѣхъ управленій въ мундирахъ. Я исполнилъ это порученіе.

Вечеромъ въ тотъ же день я преспокойно сидѣлъ въ кругу своей семьи, когда получилъ отъ генерала Левенгофа записку прибыть на другой день по дѣламъ службы въ 9 часовъ утра къ корпусному командиру, а такъ какъ эти записки получались часто, то я и не придалъ ей особаго значенія.

Бду въ 9 часовъ утра и застаю у командующаго войсками Левенгофа. Крыжановскій встрѣтилъ меня очень любезно и, взявъ со стола телеграмму, сказалъ:

— Телеграмма канцлера, Черняевъ смѣненъ. Любезный Николай Гаврилычъ! вотъ мы съ начальникомъ штаба перебрали всѣхъ служащихъ въ краѣ и кромѣ васъ не нашли никого, кто бы могъ въ настоящее время замѣнить въ Азій Черняева. Я знаю вашу рѣшительный характеръ, васъ никто не проведетъ тамъ, вы отлично знаете страну—прошу васъ принять мѣсто Черняева.

Признаюсь, такое предложеніе меня озадачило. Съ слабымъ моимъ здоровьемъ, съ огромной семьей на рукахъ, ѣхать суровой зимой по голой степи за двѣ тысячи верстъ управлять краемъ, гдѣ не было ни войскъ, ни денегъ, ни сообщеній, ни опытныхъ администраторовъ, шла война и ежеминутно грозило общее возстаніе мусульманъ,—было большимъ рискомъ. Все это я тутъ же высказалъ Крыжановскому, но онъ возразилъ:

— Было бы съ вашей стороны желаніе, остальное все устроится: семью вашу оставьте до весны здѣсь, и я берусь самъ ее покоить. Недостатокъ войскъ вы замѣните вашей энергіей и рѣшимостью, денегъ, сколько у меня найдется свободныхъ, я вамъ дамъ, затѣмъ распоряжайтесь тамъ, какъ хотите. Еще разъ прошу васъ помочь мнѣ.

Я поблагодарилъ за довѣріе и, повторивъ, что я не искалъ этого мѣста, принялъ предложеніе. При мнѣ же была составлена телеграмма къ военному министру въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, въ которой испрашивалось о моемъ назначеніи съ производствомъ въ

генераль-маіоры по манифесту, несмотря на то, что я не болѣе полу-года былъ полковникомъ. На другой день я обѣдалъ у Крыжановскаго, когда онъ получилъ шифрованную телеграмму, съ которой и ушелъ въ кабинетъ; черезъ нѣсколько минутъ позвали туда и меня. Телеграмма была отъ военнаго министра, и въ ней значилось, что, такъ какъ я очень молодъ по службѣ, то военный министръ предлагаетъ выбрать на Сырѣ генераловъ Батезатула, Богуславскаго, Веревкина и еще кого-то. Крыжановскій отвѣчалъ, что Верекинъ необходимъ въ Уральскѣ, Богуславскій страдаетъ ипохондріей, а остальныхъ онъ не знаетъ и только за меня принимаетъ полную отвѣтственность и вновь просить о моемъ назначеніи. Прошло еще два дня въ ожиданіи, когда получила новая телеграмма отъ министра, что онъ остановился въ своемъ выборѣ на генералѣ Верекинѣ. Дѣлать было нечего, и Крыжановскому пришлось согласиться. Признаюсь откровенно, я душевно порадовался, что чаша эта миновала меня. Какъ ни лестно было въ мои годы и въ моемъ чинѣ получить такую команду, но дальняя поѣздка въ суровую зиму при моемъ здоровьѣ, хаосъ, царствовавшій на Сырѣ, и отсутствіе всякихъ связей въ Петербургѣ, безъ чего немислимо смѣло распоряжаться въ степи, всего этого достаточно было, чтобы охолодить и тотъ минутный порывъ военнаго честолюбія, который появился у меня при первомъ предложеніи Крыжановскаго.

Немедленно послѣ телеграммы министра, былъ вызванъ въ Оренбургъ Верекинъ, и начались распоряженія по его отъѣзду. Верекинъ собирался тоже съ величайшей неохотой и предлагалъ мнѣ хлопотать о занятіи его мѣста, говоря, что мнѣ будетъ очень хорошо въ Уральскѣ, но я былъ доволенъ и настоящимъ положеніемъ. Сборы Верекина приходили уже къ концу; онъ пригласилъ многихъ лицъ ѣхать съ собою, были отданы по поѣздкѣ его разныя приказанія, когда пришла новая телеграмма отъ военнаго министра, въ которой говорилось, что высочайше повелѣно впредь до особаго распоряженія командировать временно, для командованія войсками на Сырѣ, генерала Романовскаго, который выѣзжаетъ изъ Петербурга такого-то числа. Покорился я этому рѣшенію Крыжановскій. Верекина тотчасъ отправили въ Уральскъ, и начали готовить все для Романовскаго, который не заставилъ себя ждать.

Командующій войсками поручилъ ему составить для себя инструкцію, разспрашивалъ о планѣ его дѣйствій, на что Романовскій отвѣчалъ очень сбивчиво, видимо утайвая принятыя въ Петербургѣ рѣшенія, и затѣмъ вскорѣ отправилъ его на Сырѣ. Романовскій выпросилъ у меня и взялъ съ собою старшаго моего писаря Ефремова, человека разумнаго, отлично знавшаго степь и, сдѣлавъ правой своей рукойъ, при помощи его сталъ править страной.

Въ эту зиму я сталъ хлопотать о пріисканіи дѣтямъ гувернантки. Оренбургъ тогда былъ переполненъ сосланными польками, и по рекомендаціи одного офицера я пригласилъ очень образованную молодую литвянку по фамиліи Мисевичъ, воспитанницу Виленскаго института, одна сестра которой давно уже жила въ гувернанткахъ у начальника штаба Оренбургскаго казачьяго войска Зенгбуша, а другая у чиновника особыхъ порученій генераль-губернатора Левицкаго. Выбирать было не изъ чего, выписать же тогда гувернантку изъ столицы стоило огромныхъ издержекъ, а потому мы съ женой очень обрадовались такому случаю. Надо сказать, что собственно сосланы были въ Оренбургъ мать Мисевичъ и младшая дочь, жившая у Левицкаго, старшія же двѣ сестры, хотъ и были арестованы, но, по неимѣнію уликъ, были по собственному желанію отправлены въ Оренбургъ, для совмѣстной жизни съ матерью. Когда г-жа Мисевичъ поступила къ намъ, ей было только 17 лѣтъ, но она отличалась замѣчательно красивою наружностью. Ихъ подвергли въ Оренбургѣ самому страшному надзору: квартальный надзиратель постоянно обходилъ ихъ, читалъ письма и присутствовалъ при самыхъ интимныхъ разговорахъ; имъ запрещено было ходить въ концерты, клубы и театры и гулять въ общественной роцѣ.

XVIII.

Поѣздка въ Петербургъ съ Крыжановскимъ. Походъ противъ Бухары. Отъѣздъ въ Петербургъ генераль-губернатора и Романовскаго.

Съ пріѣздомъ Романовскаго на Сыръ, Черняевъ первое время оставаясь еще тамъ, но, видя, что Романовскій, несмотря на старое товарищество, держать себя въ сторонѣ и за совѣтами къ нему не обращается, рѣшился выѣхать изъ Ташкента, провожаемый самыми горячими напутствіями подчиненныхъ и туземцевъ, цѣнившихъ его честность и щедрость. Въ Оренбургѣ онъ пробылъ день и, побывавъ не надолго у Крыжановскаго, отправился въ Петербургъ.

Такъ кончилась дѣятельность Черняева въ степи. Безъ средствъ, безъ полномочій и особаго плана онъ покорилъ обширную область и грозно поставилъ русское имя среди азіатскихъ хищниковъ. Заносчиво и дерзко бросался онъ на непріятеля съ ничтожными силами, сорилъ, гдѣ могъ, деньгами, не давая никому отчета, и, пронесясь, какъ метеоръ, исчезъ съ Сыръ-Дарьи.

Между тѣмъ у Крыжановскаго вскорѣ пошла съ Романовскимъ та же исторія, что и съ Черняевымъ, т. е. мы писали и приказывали одно,

а Романовскій отписывался и дѣлалъ совсѣмъ другое, объясняя все измѣненіемъ обстоятельствъ и медленностью почты; кромѣ того, онъ не скрывалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, донося генераль-губернатору, онъ въ то же время пишетъ военному министру. Такой способъ дѣйствій не могъ считаться ненормальнымъ. Подошла Пасха, Левенгофъ тяжело заболѣлъ, просился въ заграничный отпускъ, и я, вступивъ въ исполненіе должности начальника штаба, сталъ ѣздить съ докладомъ. На Сырѣ готовились къ войнѣ съ Бухарой и до Крыжановскаго стали доходить слухи, что Романовскій составляетъ проектъ новаго управленія Сыр-Дарьинскимъ краемъ и хлопочетъ въ Петербургѣ о совершенномъ его отдѣленіи отъ Оренбурга.

Разъ въ концѣ апрѣля я поѣхалъ съ женой прокатиться по городу; выѣхавъ на главную улицу, мы какъ разъ столкнулись съ командующимъ войсками, прогуливавшимся съ правителемъ канцеляріи Холодовскимъ. Крыжановскій тотчасъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Я рѣшился съѣздить въ Петербургъ, чтобы разъяснить дѣло, и беру васъ съ собой; черезъ три дня мы ѣдемъ, сдѣлайте всѣ распоряженія.

Сборы были не долги. 1-го мая мы уже плыли въ лодченкѣ черезъ разливы Сакмары по дорогѣ въ Питеръ и, добравшись кое-какъ въ самую распутицу до Самары, немедленно сѣли на пароходъ. Крыжановскій остался на день у сестры въ Москвѣ, а я проѣхалъ прямо въ Петербургъ, гдѣ и остановился въ гостиницѣ Шухардина ¹⁾ на Литейной.

Дня четыре я былъ занятъ по приказанію Крыжановскаго довольно сложнымъ составленіемъ плана похода на Бухару и, окончивъ эту работу, понесъ къ нему. Мы заперлись въ кабинетѣ, и онъ вдругъ сказалъ:

— Мнѣ здѣсь говорили, что вы постоянно ведете переписку съ Полторацкимъ и что вы критикуете всѣ мои дѣйствія и недовольны мною. Правда ли?

— Вы знаете мой характеръ: ни любви, ни вражды я никогда не скрываю и, если бы видѣлъ въ вашихъ дѣйствіяхъ что-либо особенно дурное, то конечно прежде всего высказалъ бы это при докладѣ вамъ самимъ. Съ Полторацкимъ я переписываюсь, какъ съ старымъ товарищемъ по академіи, пишу ему только то, что извѣстно всѣмъ, и могу сейчасъ же принести вамъ всѣ мои письма—они у него цѣлы.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не надо—я вѣрю вамъ, любезный Николай Гавриловичъ; говорили...

— Сплетничать можно все, но надо доказать.

— Будетъ объ этомъ,—прервалъ меня Крыжановскій,—кстати воен-

¹⁾ Гдѣ теперь домъ г. Мурузи.

ный министр недоволенъ Полторацкимъ и просилъ меня переговорить съ вами, не согласитесь ли вы принять его мѣсто въ главномъ штабѣ?

— Позвольте спросить,—отвѣчалъ я,—это личное ваше желаніе сбыть меня—тогда конечно я сейчасъ же уйду—или же дѣйствительно желаніе военнаго министра?

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не хочу съ вами разстаться, говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, что это желаніе министра, вы можете сами убѣдиться въ этомъ, поѣхавъ сейчасъ къ нему и сказавъ, зачѣмъ я васъ прислалъ.

— Если это такъ, то прошу васъ отложить мой отвѣтъ до возвращенія въ Оренбургъ, дабы я могъ посоветоваться прежде съ женою.

Черезъ нѣсколько дней былъ рѣшенъ походъ самого Крыжановскаго противъ Бухары, и ему были ассигнованы большія деньги на снаряженіе.

Проживъ недѣли три въ Петербургѣ, я заболѣлъ и какъ дѣла подходили къ концу, то онъ и отпустилъ меня въ Оренбургъ, куда я немедленно и выѣхалъ. Болѣзнь моя дорогой такъ усилилась, что я вынужденъ былъ вызвать навстрѣчу къ себѣ по телеграфу жену, которая въ соупутствіи добраго нашего офицера генеральнаго штаба Г. И. Иванова и встрѣтила меня по дорогѣ въ Самару. Кое-какъ я дотащился до Оренбурга и тутъ только началъ медленно поправляться.

Недѣли черезъ три послѣ моего пріѣзда возвратился изъ Петербурга и Крыжановскій. Снаряженіе въ степь шло на широкую ногу, денегъ было много, и при томъ онѣ были даны безъ отчета въ видѣ экстраординарной суммы. Въ это время я подаль Крыжановскому записку, на какихъ условіяхъ я могу принять должность начальника Азіятскаго отдѣленія главнаго штаба, именно просилъ увеличенія содержанія и подчиненія отдѣленія прямо начальнику главнаго штаба или военному министру. Командующій войсками обѣщалъ сообщить условія военному министру въ своемъ письмѣ, и на этомъ все дѣло кончилось. Вскорѣ Крыжановскій объявилъ, что беретъ меня съ собой для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; поѣздка эта какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ служебномъ представляла для меня огромныя выгоды, ибо впоследствии всѣ участвовавшіе въ экспедиціи получили чины, ордена и въ томъ числѣ много георгіевскихъ крестовъ. Не давъ рѣшительнаго отвѣта и едва оправясь отъ болѣзни, я обратился прежде всего за совѣтомъ къ пользовавшему меня и Крыжановскаго доктору Лотину, но онъ и слышать не хотѣлъ о поѣздкѣ, доказывая, что я и половины дороги не сдѣлаю, особенно въ степи, гдѣ нѣтъ никакихъ удобствъ и даже станцій. Тогда я попросилъ Лотина заявить его мнѣніе Крыжановскому, дабы послѣдній ни на минуту не подумалъ, что я лично самъ могъ бы когда-нибудь отказаться отъ военныхъ дѣйствій, такъ страстно и всегда мною любимыхъ. Лотинъ исполнилъ

*

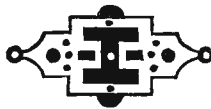
мою просьбу, а Крыжановскій съ величайшимъ сожалѣніемъ отказался отъ моей командировки.

Не прошло и мѣсяца, какъ были взяты Крыжановскимъ Джизакъ и Ура-Тюпе. Въ бытность еще нашу въ Петербургъ Романовскій разбилъ войска бухарскаго эмира, потерявъ не больше, кажется, 8 человекъ, за что однако же получилъ Георгія 3-й степени и былъ утвержденъ военнымъ губернаторомъ Туркестанской области, а затѣмъ взялъ Ходжентъ.

Въ началѣ ноября командующій войсками возвратился въ Оренбургъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Романовскій съ выборными жителями отъ Ташкента, ѣхавшими благодарить государя за принятіе ихъ въ подданство Россіи. Романовскій привезъ съ собою проектъ управленія областью, основанный на номинальномъ, такъ сказать, подчиненіи Ташкента Оренбургу и проводившій введеніе гражданскаго устройства въ покоренномъ краѣ на манеръ Кавказскаго. Отношенія Крыжановскаго къ Романовскому были холодно-вѣжливыми, и командующій войсками, проводивъ Романовскаго въ Петербургъ, счелъ необходимымъ для защиты своихъ интересовъ лично отправиться туда же съ своимъ правителемъ канцеляріи.

Сообщ. Н. Н. Длусская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1903.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

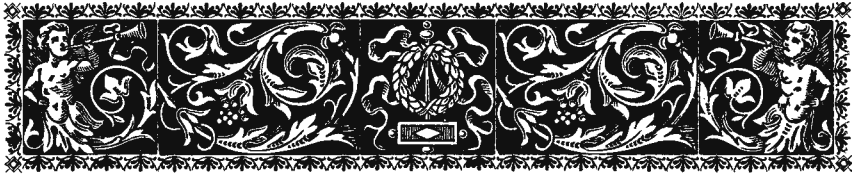

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“ Б Подъяч., № 39.

1903.

Записки Н. Г. Залѣсова.

XIX ¹⁾.

Поѣздка Крыжановскаго въ Петербургъ, — Боборыкинъ. — Образование Туркестанскаго генераль-губернаторства (1867 г.). — Кауфманъ. — Работы по Оренбургской желѣзной дорогѣ.

Прѣхавъ въ Петербургъ, Романовскій не преминулъ заявить, что власть изъ Оренбурга стѣсняетъ и парализуетъ всё его дѣйствія на Сырѣ и что за двѣ тысячи верстъ управлять краемъ изъ Оренбурга нельзя, и потому сталъ настаивать на совершенномъ отдѣленіи Ташкента отъ Оренбурга или о сохраненіи къ послѣднему только номинальнаго подчиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставилъ на видъ всю цѣлесообразность своихъ мѣропріятій по гражданскому устройству края, доказательствомъ чего служила прѣхавшая съ нимъ мѣстная депутація, которая при представленіи государю заявила, что жители вполне довольны управленіемъ Романовскаго и никого другаго не желаютъ. Надо сказать, что Крыжановскій при всѣхъ своихъ поѣздкахъ въ степь бралъ съ собой за переводчика учителя Неплюевской военной гимназіи Бекчуринъ, его же взялъ съ собой и теперь въ Петербургъ. Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ подучилъ), что они заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранѣе, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ государю жалобу на русское управленіе.

¹⁾. См. „Русскую Старину“ августъ 1903 г.

Такого сообщенія было достаточно для Крыжанскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнія наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребованы къ его высочеству и черезъ переводчика Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскій былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена. Была составлена особая коммиссія по новому устройству Туркестанской области и, несмотря на всѣ возраженія засѣдавшего въ ней Крыжановскаго, коммиссія признала необходимымъ отдѣлить отъ Оренбурга Ташкентъ и образовать изъ послѣдняго Туркестанское генераль-губернаторство, куда вскорѣ и былъ назначенъ генераль Кауфманъ, незадолго передъ тѣмъ удаленный изъ Вильны.

Съ отдѣленіемъ Туркестана Крыжановскій согласился въ Петербургѣ на уменьшеніе штата своего окружнаго управленія, и военное министерство такъ насъ обрѣзало, что лишило возможности правильно работать. По полученіи штатовъ, всѣ мы протестовали, и Крыжановскій тотчасъ же послалъ въ Петербургъ просьбу объ оставленіи прежняго состава управленія, но военный министръ отвѣчалъ, что штаты недавно утверждены, а потому измѣнять ихъ безпрерывно нельзя.

Во время пребыванія Крыжановскаго въ Петербургѣ мы мирно работали съ Боборыкинымъ, тѣмъ болѣе, что въ эту же зиму, за уничтоженіемъ въ Оренбургскомъ округѣ особой должности начальника мѣстныхъ войскъ, обязанности этого лица, а равно и инспектора госпиталей были возложены на начальника штаба, т. е. на меня. Такимъ образомъ и сдѣлался командиромъ всѣхъ регулярныхъ войскъ округа и начальникомъ госпиталей, почему нерѣдко писалъ самъ къ себѣ бумаги и самъ же на нихъ отвѣчалъ, разумѣется, по разнымъ управленіямъ, что всегда забавляло моего начальника штаба по мѣстнымъ войскамъ, полковника Петрушевскаго, впоследствии командира 4-го армейскаго корпуса.

Боборыкина я зналъ давно, наравнѣ съ Вережкинымъ (атаманомъ Уральскихъ казаковъ) и Балюзокомъ, управлявшимъ Оренбургскими киргизами, когда они въ молодыхъ еще чинахъ состояли въ штабѣ начальника артиллеріи Дунайской арміи. Боборыкинъ былъ человекъ хорошій, очень не глупый. Впоследствии онъ былъ съ графомъ Игнатьевымъ въ Китаѣ, состоялъ, кажется, консуломъ въ Ургѣ и, женившись на Кашкиной, искалъ скромнаго мѣста въ Россіи, когда судьба сразу вывела его послѣ 3-хъ лѣтъ службы въ полковничьемъ чинѣ въ званіе атамана Оренбургскихъ казаковъ, губернатора и въ чинъ генерала.

Между прочими дѣлами мы съ Боборыкинымъ усердно занимались снаряженіемъ войскъ и укомплектованій, слѣдовавшихъ въ этотъ годъ въ Туркестанъ въ значительномъ числѣ. Осмотрѣвъ прибывшія изъ Россіи команды, я доложилъ Боборыкину, что при стоящихъ холодахъ и при неимѣніи въ степяхъ жилья необходимо снабдить всѣхъ людей

полушубками и дать имъ юламейки и кошму на подстилку по примѣру прежнихъ лѣтъ. Боборыкинъ согласился. Сдѣлали представленіе военному министру, но отвѣта не было, а между тѣмъ подходило время отправлять людей, заключены были контракты съ возчиками, назначены числа для отправки транспортовъ, и измѣнить всю эту процедуру не представлялось возможнымъ иначе, какъ заплативъ контрагентамъ большую неустойку. Тогда я просилъ Боборыкина требовать разрѣшенія по телеграфу—послали двѣ телеграммы, но отвѣта также не было. Началась распутица, проволоки на Волгѣ порвались, почтовое сообщеніе прекратилось. Тутъ уже я подалъ письменный докладъ и требовалъ личнаго разрѣшенія Боборыкина на расходы изъ мѣстныхъ суммъ. Боборыкинъ позвалъ меня къ себѣ и выразилъ опасеніе подвергнуться отвѣтственности за такое распоряженіе.

— Ручаюсь вамъ,—отвѣчалъ я ему,—что мы поступаемъ хотя и не по закону, но совершенно резонно. Людей нельзя морозить и заставлять ихъ болѣть; наконецъ, мы теперь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, и вы, какъ главный начальникъ, имѣете право принять экстренныя мѣры.

Боборыкинъ взялъ перо и написалъ на докладѣ: «разрѣшаю», сказавъ:

— Ну, Николай Гавриловичъ, я этого дѣла не знаю и полагаюсь въполнѣ на вашу опытность, не введите меня въ отвѣтъ.

Въ тотъ же день онъ донесъ о своемъ разрѣшеніи по телеграфу, а я сдѣлалъ всѣ распоряженія по удовлетворенію войскъ теплыми вещами. Черезъ два дня были получены двѣ телеграммы отъ начальника Главнаго штаба съ увѣдомленіемъ, что отвѣтъ по нашему представленію посланъ такого-то числа по почтѣ; наконецъ, пришла и самая бумага, гдѣ говорилось, что военный министръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить наше ходатайство. Бѣдный Боборыкинъ испугался, но былъ настолько вѣжливъ, что ни словомъ не упрекнулъ меня; я же съ своей стороны взялся составить новый докладъ по этому дѣлу и испросилъ разрѣшеніе послать его къ военному министру и Крыжановскому. Черезъ недѣлю докладъ былъ готовъ, мое знаніе степи дало мнѣ средства написать его съ неотразимой логикой, и Боборыкинъ нѣсколько успокоился. Прошло недѣли двѣ, и мы получили новую бумагу изъ министерства, гдѣ говорилось, что послѣдняя телеграмма Боборыкина была внесена въ Военный Совѣтъ, но что онъ, не найдя возможнымъ утвердить сдѣланный Боборыкинымъ расходъ, положилъ взыскать съ него 50.000 р. съ чѣмъ-то. Боборыкинъ струхнулъ не на штуку, а возвратившійся въ это время Крыжановскій еще болѣе напугалъ его, сказавъ, что съ своей стороны ничего не могъ сдѣлать въ Петербургѣ. Прошли еще три мучительныя недѣли, когда получена была новая бумага, въ которой значилось, что Военный Совѣтъ, рассмотрѣвъ нашъ докладъ, призналъ его уважитель-

нымъ и въ видѣ исключенія разрѣшилъ расходъ въ 50.000 принять на счетъ казны.

Въ половинѣ лѣта пріѣхалъ въ Оренбургъ генераль Кауфманъ и началъ приемъ Туркестанской области. Пробывъ съ недѣлю въ Оренбургѣ, онъ отправился черезъ Омскъ въ Ташкентъ.

Возвратясь изъ Петербурга, Крыжановскій сильно сталъ хлопотать о проведеніи желѣзной дороги изъ Оренбурга въ Самару. Но трудно было хлопотать, когда не было сдѣлано никакихъ изысканій, а когда, наконецъ, дали на это земскія деньги, то явился вопросъ: кѣмъ и по какому именно направленію производить съемки и нивелировку да притомъ въ кратчайшій срокъ, такъ какъ генераль-губернаторъ по какимъ-то причинамъ желалъ во что бы то ни стало доставить всѣ эти работы въ Петербургъ до Рождества.

Между тѣмъ наступилъ сентябрь мѣсяць, и начались холода, когда собрали огромный комитетъ изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, чтобы рѣшить вопросъ о направленіи и изысканіяхъ пути. Крыжановскій, обративъ вниманіе на всю важность желѣзной дороги для края и необходимость теперь же воспользоваться расположеніемъ правительства къ этого рода постройкамъ, объявилъ, что деньги на изысканія есть, слѣдуетъ произвести ихъ скоро до наступленія зимы, но кѣмъ и какъ? Специалистовъ въ Оренбургѣ нѣтъ, особыхъ рабочихъ силъ тоже. Члены комитета молчали. Тогда Крыжановскій или правитель его канцеляріи Холодковскій, не помню хорошенько, сказалъ:

— Единственный человекъ, который можетъ намъ помочь—это Николай Гавриловичъ, если онъ согласится взять на себя это дѣло, то оно будетъ произведено и скоро и хорошо; надо, господа, намъ его просить.

Вся чиновная публика и купечество тотчасъ же обратились ко мнѣ съ просьбами. Сочувствуя вполне проведенію дороги, я предложилъ изъ состоявшихъ въ моемъ непосредственномъ распоряженіи топографовъ и офицеровъ немедленно выслать на работы 4-хъ нивелировочныхъ и 6 съемочныхъ партій подъ начальствомъ четырехъ офицеровъ генеральнаго штаба, а чтобы дѣло шло успѣшнѣе, дать имъ для работъ людей смѣтливыхъ и развитыхъ, для чего и распредѣлить по партіямъ состоявшую въ вѣдѣніи моемъ дисциплинарную команду, образованную изъ ссыльныхъ поляковъ. Деньги расходовать не мнѣ, а канцеляріи генераль-губернатора, согласно той смѣтѣ, которая будетъ представлена мною на утвержденіе командующему войсками; наблюденіе же за работами и за правильною отчетностью я принимаю на себя безвозмездно.

Поднялся гвалтъ, всѣ бросились меня обнимать и благодарить.

Чтобы понять такую благодарность, надо знать, что чины корпуса топографовъ и генеральнаго штаба имѣли тогда въ Оренбургскомъ краѣ свое спеціальное назначеніе и командировать ихъ на работы посторон-

нія допускалось лишь тогда, когда это признавало возможнымъ ихъ непосредственное начальство, а какъ въ Оренбургскомъ штабѣ постоянно производились огромныя срочныя картографическія и статистическія работы, то посылка помянутыхъ чиновъ исключительно зависѣла отъ меня, да кромѣ того и инструментовъ нигдѣ нельзя было достать, какъ только въ штабѣ. Конечно, командующій войсками могъ мнѣ дать предписаніе и я обязанъ былъ бы его исполнить, но въ такомъ случаѣ онъ рисковалъ, что въ штабѣ прекратятся всѣ военно-топографическія работы, вся отвѣтственность за ихъ неисполненіе падеть на него и работы своевременно не будутъ представлены на высочайшій смотръ.

По обыкновенію я живо приступилъ къ дѣлу; черезъ три дня чины дисциплинарной команды и топографы были одѣты въ отличные полушубки, снабжены хорошими кормовыми деньгами, а офицеры пособіями и порціонами, и всѣ были готовы къ выѣзду. Каждой партіи я назначилъ часть для отправленія и, чтобы слѣдить за точностью исполненія, вышелъ самъ на главную улицу города, по которой должны были слѣдовать командированные чины. Тройка за тройкой проносилась мимо меня, всѣ ѣхавшіе выглядывали бодро и весело. Высыпавшіе изъ лавокъ смотрѣть на эти поѣзды купцы отъ удивленія только хлопали руками, заявляя мнѣ свое удовольствіе, что все это дѣло такъ скоро и хорошо исполнилось. Черезъ полтора мѣсяца изысканія были окончены, съемки вычерчены, статистическія данныя собраны и вся работа отправлена Крыжановскимъ въ Петербургъ съ подполковникомъ путей сообщенія Сергѣевымъ. Дисциплинарные чины заработали большія деньги, вели себя прекрасно, бѣжавшихъ не было ни одного; офицеры мои и топографы, получивъ хорошія подъемныя и порціонныя деньги, были очень довольны и усиленными занятіями въ штабѣ вполнѣ наверстали пропущенное ими время. Впослѣдствіи наши работы послужили главнымъ основаніемъ всѣхъ правилъ и постановленій изысканій по Оренбургской желѣзной дорогѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я былъ, наконецъ, назначенъ высочайшимъ приказомъ исправлять должность начальника штаба, и затѣмъ опять пошла моя жизнь тихо, мирно.

XX.

Поѣздка Крыжановскаго въ Петербургъ въ 1868 году и возвращеніе въ Оренбургъ.—Балюевъ.—Веревицъ.—Поѣздка моя въ Петербургъ.—Введеніе новаго положенія у киргизовъ.

Бывая въ продолженіе 3-хъ лѣтъ постоянно на вечерахъ и обѣдахъ у Крыжановскихъ и ихъ приближенныхъ, мы съ женой рѣшили отпла-

тить имъ хоть разъ хлѣбомъ-солью и съ этою цѣлью пригласили всю высокую администрацію Оренбурга къ себѣ на обѣдъ; я пригласилъ также и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Обѣдъ вышелъ по-провинціальному парадный, гремѣла музыка. Крыжановскій пріѣхалъ въ мундиръ генеральнаго штаба и въ концѣ обѣда провозгласилъ тостъ за генеральный штабъ и меня, какъ его представителя, я отвѣтилъ тостомъ за его здоровье и благодарилъ за постоянное его расположеніе къ моимъ офицерамъ. Крыжановскій едва говорилъ, казался совершенно больнымъ, и жена его сказала мнѣ: «вы видите, какъ Николай боленъ, онъ никуда не выходитъ, но къ вамъ во что бы то ни стало захотѣлъ ѣхать».

Къ веснѣ Крыжановскіе уѣхали въ Петербургъ, а оттуда не на долго за границу, къ умиравшей дочери Тилло. Схоронивъ эту милую, симпатичную особу, самъ Крыжановскій долженъ былъ вернуться въ Оренбургъ, чтобы встрѣтить здѣсь путешествовавшего тогда по Россіи великаго князя Владиміра Александровича.

Во время отлучки Крыжановскаго, мнѣ привелось работать съ тургайскимъ губернаторомъ Балюзекомъ. Это былъ добрый, милый человекъ, большой музыкантъ, но не знавшій вовсе дѣла. Онъ безусловно соглашался со всѣми моими распоряженіями.

За нѣсколько дней до пріѣзда великаго князя возвратился Крыжановскій, и начались приготовленія къ приему. Великій князь пробылъ въ Оренбургѣ три дня, и Крыжановскій, проводивъ его, сдалъ должность уже не Балюзеку, а уральскому атаману Веревкину, и черезъ Уфу поѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за границу.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Крыжановскаго, мы должны были проститься съ нашей доброй г-жей Мисевичъ. Пользуясь амнистіей, подписанной въ минувшемъ году государемъ въ Вержболово, мать ея собралась переселиться въ Варшаву и взяла своихъ дочерей отъ насъ и Зенгбуша. За два года г-жа Мисевичъ привязалась къ намъ, какъ родная; утихъ въ ней польскій напускной энтузіазмъ, взглянула она на дѣло своихъ земляковъ болѣе здраво и серьезно, и сама созналась, что она, какъ 16-ти лѣтняя дѣвочка, подстрекаемая своей фанатичной матерью, дѣлала въ Вильнѣ иногда глупости, состоявшія въ томъ, что во время манифестацій пѣла вмѣстѣ съ другими непозволительныя гимны, къ чему впрочемъ ее побуждали и всѣ родные и знакомые. Мы въ свою очередь тоже привыкли къ добродушному, вѣчно ласковому обхожденію г-жи Мисевичъ, а дѣти теряли въ ней не столько наставницу, сколько друга или самую близкую родственницу, такъ она умѣла привязать ихъ къ себѣ; поэтому понятно, какъ тяжело было намъ разставаться. Въ день отъѣзда я пріѣхалъ со всей семьей съ дачи, и затѣмъ мы съ женой проводили г-жу Мисевичъ, версты за двѣ за городъ, гдѣ она пересѣла изъ нашего

экипажа въ кибитку своей матери и, не помня себя отъ горя, отправилась въ сопровожденіи солдата въ Бузулукъ.

Прошло недѣли двѣ, и я рѣшился поѣхать осмотрѣть войска и учрежденія въ округѣ, подчиненныя мнѣ по всеѣмъ тремъ моимъ должностямъ: начальника штаба, начальника мѣстныхъ войскъ и инспектора госпиталей. Осмотрѣвъ подробно баталіоны, расположенные въ Уфѣ, и найдя ихъ въ отличномъ порядкѣ, особенно губернской, которымъ командовалъ мой бывший ротный командиръ, подполковникъ Темниковъ, я черезъ Стерлитамакъ проѣхалъ въ Орскъ и тѣмъ закончилъ свою инспекцію на этотъ годъ. Въ Оренбургѣ бѣдный Веревкинъ умиралъ съ тоски, не зная, что дѣлать отъ скуки, когда получила телеграмма отъ Крыжановскаго, который требовалъ, чтобы ему выслали въ Петербургъ кого-либо изъ знающихъ край людей для завѣдыванія его канцеляріей. Веревкинъ остановился на Холодковскомъ и мнѣ, и дня черезъ два мы отправились въ Петербургъ, взявъ съ собой нашихъ женъ.

Въ концѣ сентября я дотащился до Питера и остановился, какъ всегда, въ «Hôtel de France», какъ разъ напротивъ Крыжановскаго, жившаго въ «Hôtel de la paix». Дѣла было немного, и мы могли считать свою поѣздку прогулкой.

Пробывъ недѣли двѣ въ Петербургѣ и почти не имѣя дѣла, мы съ женой рѣшили съѣздить въ Вильну къ сестрѣ ея m-me Мозель. Пробывъ тамъ дня два, мы прокатились и въ Варшаву, чтобы взглянуть на нашу бѣдную г-жу Мисевичъ, только лишь оправившуюся отъ тяжелой болѣзни. Какъ то, такъ и другое свиданіе было самое радостное; мы пробыли двое сутокъ въ Варшавѣ, уговорили г-жу Мисевичъ хлопотать о паспортѣ для возвращенія къ намъ, въ Оренбургъ, и вернулись черезъ Вильну же въ Петербургъ. Здѣсь дѣлать было нечего, и мы въ одинъ день съ Крыжановскимъ поѣхали восвояси съ тою разницею, что онъ предварительно хотѣлъ заѣхать къ дядѣ своему Безаку въ Кіевъ и къ матери въ Николаевъ. Проѣзжая черезъ Нижній, я встрѣтилъ тамъ на станціи старую свою знакомую, жену доктора Станиславскаго, бойкую барыню, сводившую когда-то съ ума весь Оренбургъ. Съ ней ѣхала какая-то барышня. Разговорясь съ Станиславской, я узналъ, что барышня эта ѣдетъ въ гувернантки къ уфимскому воинскому начальнику Стебуту, но не знаетъ, какъ ей добратся отъ Казани до Уфы. Не имѣя возможности по дороговизнѣ цѣны отыскать себѣ гувернантку въ Петербургѣ, мы съ женой рѣшили предложить этой барышнѣ мѣсто у себя съ тѣмъ, что все расходы, сдѣланные Стебутомъ, будутъ нами уплачены. У барышни оказалась въ Оренбургѣ близкая родственница, и она охотно согласилась промѣнять уфимское мѣсто на наше. Была вторая половина октября, но, несмотря на бурю и темноту ночей, капитанъ волжскаго парохода, на которомъ мы плыли, такъ промчалъ насъ по Волгѣ,

что мы въ срокъ поспѣли въ Самару, а оттуда въ два дня въ Оренбургъ. Проѣзжая послѣднюю ночь, жена простудила себѣ жестоко голову, что съ прежними ея болѣзнями значительно ослабило ея здоровье.

Въ началѣ ноября вернулся и Крыжановскій, а вскорѣ было получено вновь утвержденное положеніе объ управленіи киргизами, которое съ новаго года и слѣдовало ввести въ стени. Начались комитеты о томъ, какъ и когда вводить положеніе, но тутъ сразу оказалось, что оба губернатора, Вережкинъ и Балюзекъ, и не подумали подготовить народъ къ новой системѣ управленія, что объ этомъ если и знали нѣкоторые выборные изъ киргизъ, то очень смутно, между тѣмъ губернаторамъ откладывая введеніе положенія не хотѣлось, такъ какъ съ нимъ имъ назначено было отпускать гораздо большее содержаніе, чѣмъ они получали прежде. Я присутствовалъ на этихъ комитетахъ и удивлялся тѣмъ незатѣйливымъ пріемамъ, которые были утверждены по настоянію губернаторовъ для ввода положенія, точно все дѣло шло объ отдачѣ какого-нибудь пустаго приказа по войскамъ, а не о мѣрѣ, ломавшей весь строй киргизскаго управленія. Назначены были особые чиновники, которые должны были ѣхать въ степь, объявлять о новомъ положеніи киргизамъ и тотчасъ же вводить его и устанавливать мѣстные власти взамѣнъ существовавшихъ дотолѣ въ степи султановъ-правителей; вспомнили, наконецъ, что полезно было бы перевести положеніе на киргизскій языкъ и распространить его въ степи, но несмотря на то, что киргизскій шрифтъ былъ въ типографіи штаба округа, Балюзекъ распорядился послать положеніе для печатанія въ Казань, и это тогда, когда чиновники уже готовились ѣхать въ степь. Разумѣется, положеніе опоздало и было прислано въ Оренбургъ, когда въ степи начался уже мятежь. Какъ и всегда въ грубой толпѣ киргизъ, явились свои толкователи новаго закона, по преимуществу муллы, лишавшіеся съ новымъ положеніемъ доходной своей роли судей: начали рассказывать, что по новому положенію будутъ брать киргизъ въ солдаты, уничтожать магометанскую религію, отнимутъ земли и пр. Не чужды были всему этому и султанскіе роды, терявшіе отнынѣ надежду когда-либо занять мѣсто султановъ-правителей, и во главѣ недовольныхъ явился вскорѣ дѣйствительно челоуѣкъ султанской крови, бывшій воспитанникъ Неплюевского корпуса.

XXI.

Буить въ степи.—Высылка отрядовъ и возведеніе новыхъ укрѣпленій.—Приготовленія къ моему поѣздѣ въ Петербургъ.

Съ первымъ же шагомъ вновь назначенныхъ уѣздныхъ начальниковъ въ западную степь, обнаружилось, что даже ближайшіе къ ли-

ни киргизы не только не ознакомлены съ новымъ положеніемъ, но, напротивъ, оно истолковано имъ кѣмъ-то въ такомъ превратномъ видѣ, что они прямо объявили нашимъ чиновникомъ, что слушать ихъ не хотятъ и положеніе не принимаютъ.

Будь на мѣстѣ чиновниковъ люди болѣе энергическіе, они сумѣли бы по крайней мѣрѣ поддержать въ степи достоинство русской власти, такъ важное въ глазахъ азіатцевъ, но, къ сожалѣнію, выборъ ихъ былъ неудаченъ: посланный въ Илецкій районъ чиновникъ сейчасъ же бѣжалъ изъ степи, бросивъ тамъ все свои вещи, а посланный изъ Уральской области войсковой старшина по своему происхожденію былъ ненавидимъ киргизами, а потому тоже долженъ былъ ретироваться изъ степи. Вслѣдъ за изгнаніемъ такихъ лицъ начали формироваться въ степи шайки, и дѣло приняло оборотъ не шуточный.

Напрасно генераль Крыжановскій и Балюзекъ писали въ степь прокламаціи, высылали для уговора киргизовъ ихъ почетныхъ соотечественниковъ. Возмутившіеся ничего не слушали и взялись за оружіе. Положеніе было весьма печально: войскъ въ краѣ было всего 3 регулярныхъ баталіона. Тѣмъ не менѣе я и Боборыкинъ настояли на немедленномъ открытіи въ степи военныхъ дѣйствій тѣми силами, которыя имѣлись подъ рукою.

Первою заботою было обезпечить Эмбенское укрѣпленіе, совершенно отрѣзанное отъ линіи. Туда тотчасъ же, несмотря на страшную зиму, были направлены двѣ сотни казаковъ, которые, опрокинувъ шайки, благополучно достигли своего назначенія, затѣмъ представлены съ курьеромъ смѣты военному министру на возведеніе двухъ новыхъ укрѣпленій въ степи: на Акъ-Тюбе и Уилѣ, приступлено къ формированію 4-хъ отрядовъ для высылки раннею весною въ степь какъ для возведенія укрѣпленій, такъ и для разсѣянія шаекъ, и призванъ экстренно на службу одинъ баталіонъ пѣшихъ оренбургскихъ казаковъ. Дѣло въ штабѣ закипѣло съ тою энергію, какой требовали обстоятельства, и я нисколько не сомнѣвался, что собственно съ боевою силою мятежа мы скоро управимся, но что волненіе умомъ населенія пойдетъ непременно въ затяжку.

Наступила масляная, мятежь все развивался, и Верекинъ сталъ доносить, что и въ Уральской области онъ не знаетъ, какъ справиться съ киргизами. Доложивъ бумаги Верекина, я рѣшительно заявилъ генералу Крыжановскому, что ему необходимо лично побывать въ Уральскѣ, расшевелить атамана и своими прямыми приказаніями подвинуть все распоряженія по Уральской области.

Дѣло было устроено тотчасъ же, и въ чистый понедѣльникъ мы мчались въ Уральскъ.

Съ вѣздомъ въ Уральскія земли начались оваціи генераль-губер-

натору. Уральцы до тонкости изучили и знали процедуру встрѣчь начальства, соображая всегда весьма ловко степень угощенія и восторговъ съ выгодами, которыя можетъ принести имъ чествуемое лицо. Такъ было и теперь: на границѣ встрѣтила насъ особая депутація съ привѣтствіемъ отъ войска, на всѣхъ станціяхъ ждали почетные караулы, вездѣ былъ сервированъ чай, закуска, ужинъ, такъ что помню въ одной станціи въ 5 ч. утра насъ угощали супомъ, бифштексомъ, рыбой и блинчиками, и это почти въ глухой степи. Впереди насъ скакали уѣздный начальникъ и чиновникъ особыхъ порученій атамана, а сзади начальникъ кордонной стражи, и мы, несясь съ сумасшедшей быстротой, въ 4 часа послѣ обѣда подѣхали къ Уральску. Здѣсь новыя оваціи: у воротъ полицеймейстеръ съ рапортомъ, у дома почетный караулъ съ музыкой и массы народа безъ шапокъ. Окна затряслись въ домахъ, когда на привѣтствіе Крыжановскаго: «здорово, уральцы» грянуло: «здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство».

Насъ сейчасъ же развели по лучшимъ квартирамъ, гдѣ было уже все готово для пріема до самыхъ мелочей. Въ своей квартирѣ я нашелъ пѣхотныхъ и казачьихъ ординарцевъ, готовый чай, а черезъ пять минутъ явился полицеймейстеръ узнать, не угодно ли еще чего и съ просьбою: что бы ни понадобилось, сказать только ординарцу, и все будетъ сейчасъ же подано бесплатно на городской счетъ. Едва я успѣлъ умыться и отдохнуть, какъ пришли звать на чай къ атаману, куда я и отправился.

Атаманъ жилъ въ казенномъ домѣ, имѣя отъ войска всю сервировку и пай въ рыбной ловлѣ.

У атамана я нашелъ сервированный великолѣпнымъ серебромъ чайный столъ и самое радушное гостепримство со стороны молодой, годившейся ему во внучки. его супруги—моей старой знакомой. Все время пребыванія въ Уральскѣ милая m-me Вережкина хлопотала обо мнѣ, какъ о родномъ, кормила съ своей кухни и простирала свою заботливость до послѣднихъ мелочей. Съ благодарностью вспоминаю объ этой доброй женщинѣ.

Просидѣвъ часа два, я отправился домой спать, дабы собраться съ силами къ слѣдующему дню. Дѣйствительно, силы понадобились. На другой день было торжественное представленіе командующему войсками всѣхъ сословій Уральска, затѣмъ обѣдня и молебень въ соборѣ, молебень въ мечети, визиты, и въ 4 часа торжественный обѣдъ въ войсковомъ собраніи съ рѣчами, шампанскимъ и музыкою. Вечеромъ былъ раутъ у Вережкина, тамъ съ часъ мы протолковали о дѣлахъ, и рѣшили дѣйствовать вооруженной рукою противъ мятежниковъ. На слѣдующій день пошелъ осмотръ пожарной и мѣстной командъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, экзамены дѣвичьяго училища и пр., нако-

нецъ парадный обѣдъ у атамана съ шампанскимъ, рѣчами и пр., и затѣмъ вновь триумфiальное шествiе въ Оренбургъ чрезъ иллюминированныя станціи.

Возвратясь въ Оренбургъ, Крыжановскій силою обстоятельствъ окончательно былъ убѣжденъ въ томъ, что такъ разумно начато было еще Обручевымъ, т. е. въ необходимости возведенiя въ степи укрѣпленій, дабы держать ее въ постоянной покорности. Полетѣли настоятельныя представленiя военному министру о скорѣйшемъ отпускѣ суммъ, а необходимыя для сего смѣты велѣно отправлять въ Петербургъ съ курьерами. Съ однимъ изъ этихъ курьеровъ возвратилась къ намъ и наша добрая Мисевичъ. Надо сказать, что, получивъ отъ варшавской полиціи удостовѣреніе, что она ни въ какихъ политическихъ дѣлахъ не была замѣшана, и паспортъ на свободное проживаніе въ Россіи, гдѣ угодно, она сначала переѣхала изъ Варшавы въ Вильну къ сестрѣ моей жены г-жѣ Мозель, а потомъ вмѣстѣ съ нею отправилась и въ Петербургъ.

На Пасху 20-го апрѣля 1869 года я былъ произведенъ въ генералы съ утверженіемъ въ должности начальника окружнаго штаба.

Несмотря на всевозможныя кляузы контрольной палаты, намъ удалось, наконецъ, добыть деньги, и раннею весною мы двинули въ степь отряды: подполковника барона Штемпеля изъ Уральска для постройки укрѣпленія на р. Уилъ и флигель-адъютанта полковника графа Борха для постройки укрѣпленія на Акъ-Тюбе; а между ними для дѣйствiя въ полѣ отряды полковника графа Комаровскаго и подполковника Веревкина; весь же Орско-Казалинскій трактъ съ особымъ отрядомъ былъ порученъ начальнику артиллеріи округа генералу Кондратьеву. Главное дѣло было сдѣлано, оставалось только энергически вести его, и смѣло можно было надѣяться на ограниченіе мятежа; всѣ инструкціи отряднымъ начальникамъ были составлены мною, я же слѣдилъ и подталкивалъ ихъ къ дѣйствіямъ; пріемная моя въ это время незатворялась: все лѣзло ко мнѣ за разными разъясненіями, разрѣшеніями, деньгами и пр. Работалъ я безъ устали, живо, энергично, не справляясь уже съ приказаніями командующаго войсками, а только дорожа временемъ, и дѣло кипѣло. Отряды дѣйствовали удачно, мятежниковъ погнали къ Усть-Урту, прилинейная степь утихла, но въ такомъ дѣлѣ одною, и при томъ малою, военною силою всего не сдѣлаешь. Новая гражданская администрація не пользовалась довѣріемъ киргизъ, слѣдовало нанести ударъ мятежу въ самое сердце; т. е. на Усть-Уртѣ, гдѣ его поддерживала Хива; но на все это не имѣлось достаточныхъ средствъ подъ рукою: мало было войскъ и способныхъ начальниковъ, а главное: не доставало рѣшимости слишкомъ далеко засылать отряды на безводный Усть-Уртъ.

Высшее правительство сначала смотрѣло на мятежъ, какъ на вздоръ

ное дѣло, и, вѣроятно, ожидало мгновеннаго усмирения киргизъ; но когда прошла половина лѣта, а мятежъ еще не вездѣ былъ подавленъ и непрерывно требовались новые расходы, то къ намъ стали доходить изъ Петербурга слухи, что тамъ недовольны дѣйствіями генераль-губернатора, что онъ ввелъ въ заблужденіе правительство, увѣривъ, что степь съ готовностью приметъ новое положеніе и пр.

Между тѣмъ можно было ожидать, что съ весною потребуются новыя силы и расходы для успокоенія киргизовъ, и что въ Петербургѣ этотъ мятежъ во всякомъ случаѣ оставилъ непріятное впечатлѣніе. Вопросъ о томъ, чтобы подготовить почву для испрошенія новыхъ ассигновокъ, становился такимъ образомъ для генераль-губернатора на первомъ планѣ, и привести его къ благополучному разрѣшенію только и можно было или личнымъ его присутствіемъ въ Петербургѣ или посылкою туда довѣреннаго и знающаго страну человѣка, а какъ бросить взволнованный край было опасно, то Крыжановскій поручилъ мнѣ съѣздить въ Петербургъ и замѣнить его тамъ при различныхъ объясненіяхъ съ представителями власти.

Немедленно была отправлена телеграмма военному министру съ просьбою, за невозможностью генераль-губернатору отлучиться изъ края, испросить высочайшее соизволеніе на пріѣздъ мой въ Петербургъ для объясненія по весьма важнымъ дѣламъ службы, а черезъ два дня послѣдовалъ по телеграфу же и разрѣшительный отвѣтъ.

Порученія, возложенныя на меня генераль-губернаторомъ, были очень разнообразны и довольно серьезнаго характера. Мнѣ поручалось: 1) хлопотать о правѣ производить военные расходы по возведенію новыхъ укрѣпленій въ степи авансами, не обращая вниманія на контроль, которому сообщать отчеты лишь впоследствии, по окончаніи всѣхъ расходовъ; 2) о сохраненіи въ прежнемъ размѣрѣ экстраординарныхъ суммъ, отпущавшихся въ распоряженіе генераль-губернатора; 3) объ увеличеніи штата военной прогимназіи и ассигновкѣ для постройки ея 300.000 руб. сер.; 4) о проведеніи желѣзной дороги въ Оренбургъ и оттуда въ Ташкентъ, а не отъ Каспійскаго моря, какъ это тогда предполагалось; 5) объ отпускѣ добавочныхъ денегъ на окончательное устройство дачи генераль-губернатору; 6) объ ускореніи рѣшенія относительно поземельныхъ споровъ между киргизами и уральскими казаками; 7) о назначеніи начальника артиллеріи въ Оренбургъ и высылкѣ туда боевыхъ ракетъ; 8) объ ассигнованіи 19.000 р. на поѣздку генерала Крыжановскаго въ степь; 9) объ ассигнованіи денегъ на постройку зданія военно-исправительной роты; 10) объ отчисленіи 20.000 руб. изъ суммъ Букеевской орды на содержаніе Оренбургской гражданской гимназіи; 11) объ отдачѣ степныхъ станцій одному почто-содержателю и объ отпускѣ денегъ на постройку станціонныхъ домовъ и проч. и проч.

Передъ отправленіемъ моимъ Крыжановскій созвалъ особый комитетъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, съ участіемъ торгующихъ въ Туркестанѣ оренбургскихъ купцовъ, въ которомъ окончательно было рѣшено ходатайствовать о направленіи желѣзной дороги въ Среднюю Азію черезъ Оренбургъ, на основаніи чего и была составлена подполковникомъ Тилло особая записка, которая по напечатаніи вручена мнѣ для представленія высочайшимъ особамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Получивъ такую бездну порученій, я невольно долженъ былъ посвящать нѣсколько дней для ознакомленія съ ходомъ гражданскихъ дѣлъ и потому усердно занялся чтеніемъ переписки съ Петербургомъ по канцеляріи генераль-губернатора. Къ удивленію моему, во всѣхъ донесеніяхъ и телеграммахъ я вездѣ нашелъ увѣренія, что мятежъ въ степи окончательно подавленъ, что киргизы повсюду изъявили раскаяніе, словомъ, что вопросъ о бунтѣ есть вопросъ уже порѣшенный и сданный въ архивъ. Между тѣмъ, степь была въ это время далеко не усмирена, чему служить доказательствомъ, что четыре года послѣ того, т. е. до самой экспедиціи Кауфмана въ Хиву изъ Оренбурга, постоянно высылались отряды за Эмбу, и ни одно лѣто не прошло безъ грабежа киргизовъ и драки нашей съ ними. Поэтому я предложилъ написать рапортъ военному министру, въ которомъ обозрѣвалось настоящее положеніе дѣлъ въ степи, говорилось о ея видимомъ порядкѣ, но и заявлялось категорически, что за будущее спокойствіе въ степи нельзя поручиться ни въ какомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока прилегающее къ южной границѣ степи Хивинское ханство не будетъ обуздано или не будетъ разрѣшено выставлять на лѣто по этой границѣ особые наблюдательные отряды. Бумага эта была вручена мнѣ для личнаго представленія военному министру.

XXII.

Поѣздка въ Петербургъ въ 1869—70 гг.

20-го декабря 1869 года я пустился въ дорогу; выдержавъ сильный буранъ подъ Бузулукомъ, я перенесъ еще не малую пытку на Мстинской переправѣ. По случаю пожара моста, насъ вывели изъ вагоновъ передъ рѣкою Мстою, усадили на крестьянскія подводы и такимъ образомъ въ самую мерзѣйшую петербургскую оттепель перетаскивали на другую сторону рѣки. Какъ теперь помню одну даму съ двумя крошками-дѣтьми, изъ которыхъ одинъ грудной. Какихъ трудовъ ей стоило

перетащиться съ ними черезъ страшѣйшій оврагъ. Бѣдная женщина ѣхала изъ Иркутска хлопотать о переводѣ мужа и была уже въ дорогѣ пятый мѣсяць.

31-го декабря я былъ въ Петербургѣ и встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны сестры моей жены, madame Мозель, въ квартирѣ которой на Васильевскомъ островѣ я и остановился.

На другой день новаго года, я отправился въ Главный штабъ, и первое попавшееся мнѣ лицо былъ генераль Мещериновъ. Принявъ меня съ важностью, онъ сказалъ:

— Мы предлагали командующему войсками Одесскаго округа взять васъ въ начальники штаба, но генераль Коцебу не изъявилъ согласія. Что дѣлается у васъ въ степи? А мы здѣсь въ домашнемъ комитетѣ рѣшили взять Александровскій фортъ и восточный берегъ Каспійскаго моря изъ вѣдѣнія Оренбургскаго округа и передать ихъ въ управление Кавказскаго намѣстника.

Поговоривъ еще о разныхъ мелочахъ, я отправился къ начальнику Главнаго штаба. Пріемъ графа Гейдена былъ самый любезный; этотъ добрый человекъ съ участіемъ осведомился о моемъ здоровьѣ, пожалѣлъ, что сейчасъ не можетъ предоставить мнѣ другаго мѣста и, разспросивъ о положеніи степи, приказалъ ѣхать къ военному министру.

При представленіи военному министру, встрѣтившему меня съ извѣстной своей учтивостью, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ:

— Вы хотите оставить Оренбургскій край?

— Точно такъ, здоровье мое и жены не позволяетъ мнѣ дольше служить тамъ.

— Жаль, очень жаль.

— Я 13 лѣтъ прослужилъ въ степи, кажется, довольно...

— Вотъ потому-то и желательно, чтобы вы тамъ еще оставались; тамъ необходимы люди опытные, они только и могутъ принести пользу краю. Жаль, очень жаль.

Отпуская меня, военный министръ назначилъ мнѣ особую аудіенцію у себя на квартирѣ для объясненія по оренбургскимъ дѣламъ и приказалъ записку о желѣзныхъ дорогахъ отвезти къ редактору «Инвалида», генералу Менькову, для немедленнаго напечатанія ея, разумѣется, съ нѣкоторыми сокращеніями.

На другой день начались мои мытарства по городу, для объясненія съ начальствующими лицами по порученнымъ мнѣ дѣламъ.

Первый визитъ мой былъ къ генералу Чевкину. Онъ принялъ меня очень любезно, но положительно сказалъ, что никакъ не можетъ сохранить оренбургскому генераль-губернатору въ прежнемъ размѣрѣ экстраординарныя суммы и что государственная роспись прошла уже Государственный Совѣтъ и окончательно утверждена..

Отъ Чевкина я поѣхалъ къ директору азіатскаго департамента Стремоухову, который тотчасъ началъ развивать свои соображенія насчетъ устройства средне-азіатскихъ дѣлъ. Черезъ двѣ недѣли въ особомъ комитетѣ, собранномъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, Александровскій фортъ, какъ увидимъ, былъ отданъ намѣстнику Кавказа.

Отъ Стремоухова я отправился къ министру финансовъ. Принятый немедленно, я представилъ Рейтерну записку Крыжановскаго о желѣзной дорогѣ и изложилъ всѣ его ходатайства по денежнымъ дѣламъ. Министръ дѣлалъ по временамъ возраженія, обличавшія въ немъ знакомство съ общимъ ходомъ дѣлъ даже въ нашей далекой окраинѣ. Наконецъ, выслушавъ всѣ мои просьбы и доводы, онъ отвѣчалъ:

— Много изъ того, что вы сказали, полезно было бы сдѣлать, но у насъ есть нужды гораздо важнѣе вашихъ и какъ свободныхъ финансовыхъ средствъ нѣтъ, то передайте генералу Крыжановскому, что при всемъ желаніи я не могу исполнить его просьбъ.

На другой день новыя мытарства, ѣду къ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву, жду два часа въ пріемной, наконецъ, министръ выходитъ. Передаю ему ходатайства генераль-губернатора и получаю отвѣты: «не помню, справьтесь въ департаментѣ, не знаю, на чемъ остановилось дѣло» и т. д.

Спустя нѣсколько дней собрался, наконецъ, комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена, для рѣшенія вопроса объ Александровскомъ фортѣ. Въ числѣ приглашенныхъ лицъ находились также директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія, генералъ Гейнсъ, и начальникъ штаба Кавказскаго округа, генералъ Свистуновъ.

По открытіи засѣданія генералъ Гейнсъ, владѣющій хорошимъ даромъ слова, набросалъ передъ нами идиллическую картинку жизни кочевника, но не сказалъ ни слова объ Александровскомъ фортѣ. Съ первыхъ же словъ графа Гейдена было ясно, что вопросъ о присоединеніи форта къ Кавказу былъ уже вопросъ рѣшенный, и если насъ собрали потолковать объ этомъ предметѣ, какъ специалистовъ, то развѣ изъ одной служебной вѣжливости. При такой обстановкѣ разсуждать много было нечего, особенно, когда Свистуновъ заявилъ, что на присоединеніе форта къ Кавказу намѣстникъ изъявляетъ свое согласіе.

Видя, что дѣла не поправишь, я рѣшился предложить по крайней мѣрѣ, чтобы Кавказъ, присоединяя къ себѣ фортъ, принялъ на себя и обязанность оберегать южную границу Оренбургской степи отъ туркменъ и хивинцевъ, при чемъ сдѣлалъ бѣглый топографическій очеркъ Усть-Урты и сѣверной части Хивинскаго ханства. Сидѣвшій рядомъ со мною Мещеряновъ сказалъ:

*

— Что вы разсуждаете о Хивѣ и объ Усть-Уртѣ?—развѣ вы тамъ были?

— Значить, былъ, если говорю.

— Когда же?

— Тогда-то.

— А я этого не зналъ.

— Напрасно вы не спросили, прежде, чѣмъ возражать.

— Да я этого не зналъ.

Черезъ недѣлю былъ присланъ мнѣ журналъ, но я, не имѣя на передачу форта полномочій отъ Крыжановскаго, не согласился его подписать и подалъ особое мнѣніе.

Въ половинѣ января меня принялъ и военный министръ. Доложивъ подробно о дѣлахъ Оренбургскаго края, я только по нѣкоторымъ вопросамъ получилъ разрѣшеніе, остальные же или были отвергнуты или требовали предварительнаго разсмотрѣнія въ главныхъ управленіяхъ. Министръ былъ очень внимателенъ, возставалъ противъ стѣсненій, дѣлаемыхъ контролемъ, и просилъ, чтобы я доставилъ лично ему въ частномъ письмѣ свѣдѣнія о тѣхъ придирикахъ Оренбургской контрольной палаты, которыя не оправдывались никакимъ закономъ.

Въ заключеніе я коснулся своей дальнѣйшей службы, при чемъ министръ пожалѣлъ опять, что я оставляю Оренбургскій край, спросилъ, какое мѣсто я желалъ бы занять.

— Я былъ бы весьма благодаренъ, если бы мнѣ дали то же мѣсто, т. е. начальника штаба, но только внутри Россіи, а если этого нельзя, то хоть атамана какого-нибудь казачьяго войска.

— Мѣстъ начальника штаба теперь нѣтъ свободныхъ, и при томъ вамъ слѣдуетъ дать что-нибудь высшее, впрочемъ, по этому дѣлу вы поговорите подробнѣе съ графомъ Гейденомъ, а онъ передастъ послѣ мнѣ.

Когда же министръ услышалъ, что я черезъ двѣ недѣли ѣду опять въ Оренбургъ, то очень удивился и спросилъ:

— Развѣ вы не совсѣмъ еще пріѣхали, и семейство ваше въ Оренбургѣ? Я думалъ, что вы туда уже не вернетесь.

Вообще, разговоромъ съ министромъ я остался весьма доволенъ—онъ былъ постоянно любезенъ.

Съ непрерывными развѣздами по оффиціальнымъ дѣламъ я не могъ повидать и половины своихъ знакомыхъ и долженъ былъ отказываться почти отъ всѣхъ приглашеній. Мнѣ удалось только завернуть къ старымъ своимъ коллегамъ по академіи Клугину и Аничкову, изъ которыхъ послѣдній страдалъ уже болѣзнию, доведшею его впослѣдствіи до сумасшествія.

Кромѣ этихъ посѣщеній я провелъ одинъ вечеръ у стараго своего

товарища, полковника Лаврентьева¹⁾ и заѣхалъ къ бывшему своему начальнику генералу Данзасу. У Лаврентьева я нашелъ человѣкъ 10 офицеровъ генеральнаго штаба, съ которыми и проболталъ часа два; тамъ же я встрѣтилъ старую свою оренбургскую знакомую, дочь А. П. Бе-зака—княгиню Трубецкую. Княгиня была по-прежнему мила и любезна.

Приѣхавъ къ Данзасу, я не узналъ его: такъ онъ постарѣлъ физически и нравственно. Изящный нажъ двора императрицы Маріи Осодоровны, бравый полковой командиръ Екатеринославскаго полка, энергичный начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, человѣкъ, соединявшій съ замѣчательно наружною огромною начитанностью и блестящее остроуміе,—выглядѣлъ теперь совершеннымъ старцемъ.

23-го января я выѣхалъ въ Варшаву. Во всю поѣздку и во время пребыванія въ Варшавѣ стоялъ страшнѣйшій холодъ, не менѣе 23°. Вагоны 2-го класса, въ которомъ я ѣхалъ, тогда не топились, поѣздъ вслѣдствіе мороза непрерывно задерживался, и я едва, едва не замерзъ. По приѣздѣ въ Варшаву, остановясь въ «Европейской гостиницѣ», я тотчасъ же поѣхалъ къ роднымъ нашей доброй воспитательницы дѣтей г. Мисевичъ, гдѣ и встрѣтилъ самый радушный привѣтъ. Недѣлю я прожилъ въ Варшавѣ, и эти бѣдные люди не знали, гдѣ меня усадить и чѣмъ угостить.

На другой день я поѣхалъ къ начальнику штаба округа Минькицу и отъ него къ графу Бергу. Фельдмаршалъ встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково, долго толковалъ со мною и, узнавъ, что я началъ службу въ генеральномъ штабѣ подъ его начальствомъ и что онъ же отправилъ меня въ первый разъ въ бой въ 1853 г., сказалъ, что ему очень пріятно видѣть своего ученика въ такомъ чинѣ и занимающимъ такое высокое мѣсто. Затѣмъ фельдмаршалъ пригласилъ меня ѣхать въ соборъ на молебствіе по случаю какого-то праздника. Слѣдующіе три дня я посвятилъ подробному осмотру юнкерскаго училища, не оставивъ ни одного предмета безъ вниманія. Постановку занятій училища я нашелъ въ удовлетворительномъ состояніи, но ничего новаго не узналъ, и въ хозяйственномъ отношеніи оно было далеко ниже нашего, только лишь открывавшагося Оренбургскаго училища.

На другой день добрая г. Мисевичъ со слезами проводила меня на вокзалъ желѣзной дороги, а чрезъ сутки съ небольшимъ я вновь былъ въ Петербургѣ. Здѣсь madame Мозель встрѣтила меня ужасной новостью: телеграммой изъ Оренбурга извѣщали, что жена моя больна при смерти. Это извѣстіе послужило причиною, что я рѣшился въ два, три дня за-

¹⁾ Тогда помощника редактора „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“.

кончить свои дѣла и, не дожидаясь разъясненій нѣкоторыхъ вопросовъ, тотчасъ же выѣхать къ Оренбургу. Съ этою цѣлью я на другой же день испросилъ прощальную аудіенцію у военнаго министра, отдалъ ему отчетъ о поѣздкѣ въ Варшаву, повторилъ просьбу о переводѣ и былъ отпущенъ такъ же любезно, какъ и встрѣченъ. Затѣмъ, переѣхавъ къ Гейдену, я рѣшился окончательно переговорить съ нимъ о дальнѣйшей своей судьбѣ.

— Знаете, что я вамъ посоветую,—началъ графъ,—вы теперь отчисляетесь отъ вашей должности, мы сохранимъ вамъ содержаніе, а тамъ посмотримъ, какъ васъ устроить.

— Въ скоромъ времени едва-ли я могу получить что-нибудь?

— Отчисляетесь на 11 мѣсяцевъ.

— Но если и по прошествіи этого времени я не получу ничего, а я человекъ безъ состоянія и долго жить въ Петербургѣ не могу.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, для васъ всегда найдется мѣсто. Ну, наконецъ, годъ, самое большое полтора, а тамъ мы васъ непременно устроимъ.

— Захочетъ ли военный министръ дать мнѣ мѣсто?

— Помилуйте, вы у насъ на отличнѣйшемъ счету, военный министръ прекрасно о васъ отзывался, наконецъ, намъ нужны такіе боевые офицеры, какъ вы. Мы васъ сдѣлаемъ начальникомъ дивизіи.

— Много есть старше меня генераловъ, я произведенъ по манифесту.

— Это ничега не значить. Отчисляетесь и не бойтесь. Вы-то не останетесь безъ мѣста.

Я нарочно привелъ съ буквальною точностью этотъ разговоръ, чтобы показать, что, отчисляясь впослѣдствіи отъ должности начальника штаба, я дѣйствовалъ, не очертя голову.

Отъ Гейдена я заѣхалъ къ Мещеринову, который подъ страшнымъ секретомъ полупешотомъ передалъ мнѣ въ кабинетѣ своей квартиры, что мнѣ за усмиреніе киргизскаго возмущенія пожалована Станиславская лента.

Къ вечеру въ тотъ же день я уложился, обнялъ въ послѣдній разъ madame Мозель и помчался въ Москву на почтовомъ поѣздѣ, выходявшемъ тогда по случаю пожара Мстинскаго моста въ 11-ть часовъ вечера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. Г. Залѣсова.

XXIII ¹⁾).

Возвращеніе въ Оренбургъ.—Послѣдняя тамъ служба.—Увольненіе въ отпускъ и окончательный выѣздъ изъ Оренбурга.

Какъ разъ въ субботу передъ масляной возвратился я въ Оренбургъ, обрадованный встрѣчей за станціею отъ города со старшей моей дочкой, тогда 12-ти-лѣтней дѣвочкой, выѣхавшей ко мнѣ съ одною изъ нашихъ рождественницъ. На другой день я разсказалъ Крыжановскому подробно объ исполненіи всѣхъ порученій и былъ имъ весьма обласканъ. На прощаньи онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я радъ, какъ радъ, что вы возвратились, любезный Николай Гавриловичъ, я всѣ наряды войскъ въ степь и всѣ награды велѣлъ отложить до вашего пріѣзда, потому что не вѣрю вашему помощнику.

Я принялся за работу съ прежнимъ рвеніемъ. Степь, вопреки донесеніямъ, оказывалась далеко не успокоенною; потребовалось вновь высылать отряды, ассигновать суммы. Весною я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца за границу и просилъ дать мнѣ пособіе изъ казачьихъ суммъ по примѣру бывшихъ начальниковъ штабовъ, но отпускъ мнѣ разрѣшили, а пособія не дали, несмотря на то, что это былъ первый мой отпускъ за всю службу. Крыжановскому мой отпускъ очень не понравился, и онъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1903 г.

сталъ меня уговаривать отложить его, объясняя, что за отъѣздомъ въ степь ему положительно не на кого оставить край и что онъ сдастъ мнѣ должность командующаго войсками въ округѣ; я однако же не согласился на это и убѣдилъ Крыжановскаго не сдавать мнѣ этой должности, а поручить только предсѣдательство въ окружномъ совѣтѣ, давъ обѣщаніе до возвращенія его изъ степи не уѣзжать въ отпускъ.

Въ отсутствіе Крыжановскаго дѣла шли заведеннымъ порядкомъ; я именовъ его давалъ разрѣшенія, посылая къ нему каждую недѣлю нарочныхъ съ донесеніями о болѣе крупныхъ событіяхъ. Въ это же время я началъ распродажу своего небогатаго имущества, напечатавъ ему списокъ. Продавъ небольшой свой домикъ за полцѣны, я живо сбылъ и всѣ другія вещи, такъ что къ возвращенію начальства въ началѣ іюля мѣсяца былъ совсѣмъ наготовѣ къ выѣзду.

Сборы мои были коротки. Помолившись на могилѣ дѣтей, отслуживъ молебенъ и пообѣдавъ въ послѣдній разъ съ чинами моего штаба, я выѣхалъ изъ Оренбурга 16-го іюля, напутствуемый слезами сильно любимшей меня сестры.

Съ грустью я разстался съ Оренбургомъ, много испыталъ я здѣсь горя, но за то здѣсь же протекли лучшіе годы моей молодости. Здѣсь я воспитывался, здѣсь началъ службу бѣднымъ линейнымъ прапорщикомъ и чрезъ 22 года кончалъ ее генераломъ и начальникомъ штаба округа, прослуживъ въ этотъ разъ въ Оренбургѣ съ лѣта 1856 по лѣто 1870 года—14 лѣтъ. Съ чистою, безупречною совѣстью я покидалъ родной край, и если служба въ немъ выдвинула меня впередъ, то, въ свою очередь, и я послужилъ ему вполне добросовѣстно и принесъ посильную пользу. Пробѣгая дорогой въ Петербургъ мысленно всю свою службу въ край и опуская мелкія работы, я невольно воспоминалъ, сколько терпѣливаго и, смѣю сказать, честнаго труда было положено мною на систематическое обозрѣніе Самарской губерніи, на походы и ознакомленіе со степью и ханствами Хивой и Бухарою въ то время, когда мы еще не смѣли носу показать далѣе форта Перовскаго, на съѣмки Башкиріи и земель Оренбургскихъ и Уральскихъ казачьихъ войскъ и Киргизской степи при самыхъ ничтожныхъ расходахъ казны, на переустройство Оренбургской кордонной линіи, давшее войску ежегодно 36.000 руб. сбереженія; мною же были составлены новые штаты военнаго управленія краемъ и степью при генераль-адъютантѣ Безакѣ, произведены розысканія по Оренбургской желѣзной дорогѣ, розысканія каменнаго угля, устройство Оренбургскаго юнкерскаго училища, Аральской флотиліи, не считая ежегодной почти въ послѣднее время формировки новыхъ войскъ для Туркестана и другихъ работъ. Но самую дорогою жертвою, которую я только могъ принести краю—это была смерть 3-хъ моихъ дѣтей, похищенныхъ оренбургскими жарами, и наконецъ жертва моимъ здоровьемъ. Походы, разѣзды

климатъ убили его совершенно, и я выѣхалъ изъ Оренбурга полуразвалиной съ окончательно разбитыми силами, которыхъ уже не могли возстановить впослѣдствіи ни воды, ни петербургскіе и заграничныя доктора.

Я вель въ Оренбургѣ по преимуществу замкнутую жизнь, служебную и семейную, званыхъ обѣдовъ и вечеровъ не любилъ, въ карты не игралъ и потому обширнаго знакомства не имѣлъ, но тѣмъ не менѣе обязанъ сказать, что и въ небольшомъ кружкѣ, въ которомъ я вращался, я нашелъ людей истинно добрыхъ, память о которыхъ сохранится во мнѣ навсегда. Къ числу такихъ лицъ я долженъ отнести начальника инженеровъ Е. И. Биршерта, командира бригады генерала Федяя, начальника крѣпостной артиллеріи Найлакова, дежурнаго штабъ-офицера маіора Холецкаго, такъ рано похищеннаго смертью и др. Считаю долгомъ помянуть также добромъ бывшихъ моихъ начальниковъ генераловъ Данзаса и Дандевилля и почтеннаго секретаря штаба Г. Р. Семенова. Не могу также не вспомнить постоянного нашего дачнаго мѣстопробыванія—казацкаго селенія Берды, знаменитой когда-то резиденціи Пугачева. Тамъ каждое лѣто въ крайней къ рѣкѣ Сакмарѣ избушкѣ я размѣщался съ своей семьей, и сколько пріятныхъ дней и въ особенности полныхъ нѣги оренбургскихъ вечеровъ провели мы въ кругу пріѣзжавшихъ къ намъ изъ города знакомыхъ. Тамъ иногда по цѣлымъ днямъ мы рыбачили съ удочкой и бреднемъ, гуляли, катались и бѣгали, какъ дѣти, проводя постоянно вечера на открытомъ воздухѣ. И что это были за чудные вечера, что за безоблачное, вѣчно синее небо, подъ которымъ прямо передъ нами скользила быстрая Сакмара, окаймленная на противоположной сторонѣ густою зеленою рощи, какаа ласкающая теплота распространялась въ воздухъ послѣ заката солнца, какой миръ, тишина спускались въ это время на бѣдную деревушку, и какъ благотѣльно дѣйствовали они на покой моей души. Только въ дни семейныхъ нашихъ праздниковъ наша дачка оживлялась: пріѣзжала изъ города военная музыка, и любезные артиллеристы всегда появлялись къ намъ съ фейерверкомъ.

Но довольно будить дорогія воспоминанія, они болью отзываются въ моемъ сердцѣ, и прошлаго не вернуть.

Мы выѣхали изъ Оренбурга въ 11 часовъ и черезъ 20 минутъ были уже на Сакмарѣ, здѣсь я послѣдній разъ взглянулъ на городъ, на Маячную гору, гдѣ нерѣдко жилъ въ лагерѣ, поклонился церквямъ, и черезъ минуту густой лѣсъ скрылъ отъ меня на всегда все, что было дорого сердцу.

Черезъ полчаса мы были уже на первой станціи Чернорѣчья. Здѣсь, къ немалому изумленію, я нашелъ прекрасно сервированный столъ и радушнаго хозяина. Сюрпризъ этотъ устроилъ почтенный начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка

полковникъ Котовъ, съ которымъ мы открывали училище и жили въ большомъ согласіи. Несмотря на прекрасный обѣдъ, мы съ женою почти ничего не ѣли и, поблагодаривъ добраго Котова за его любезность, черезъ полчаса ѣхали уже дальше.

Въ Вузулукѣ мы остановились почевать и заняли одну изъ двухъ комнатъ станціи, въ другой же помѣстился еще раньше насъ проѣзжій изъ Ташкента офицеръ. Онъ пировалъ съ какимъ-то чиновникомъ, слышалось чоканье стакановъ, раздавались пѣсни. Я попросилъ черезъ смотрителя эту компанію не шумѣть въ уваженіе того, что рядомъ помѣщаются дамы и дѣти, но просьба осталась безъ вниманія. Покорившись несчастной необходимости терпѣть на станціяхъ всѣ невзгоды, я принялся за чай, когда дверь растворилась, и изъ сосѣдней комнаты вышелъ въ разстегнутомъ сюртукѣ съ красной фізіономіей офицеръ и прямо подошелъ ко мнѣ. Я былъ въ сюртукѣ безъ погонь, подорожная моя не была еще предъявлена, а обстановка моей семьи ничѣмъ не давала знать о моемъ служебномъ положеніи.

— Вы откуда ѣдете?—обратился ко мнѣ офицеръ.

— Изъ Оренбурга.

— Чортъ знаетъ, что у васъ тамъ за порядки! Просилъ денегъ на дорогу, да вашъ начальникъ штаба не далъ ни копѣйки.

— Вы лично просили?

— Вотъ пойду я къ нему... Онъ, говорятъ, меня сейчасъ выслалъ бы изъ города, а послѣ Ташкента, знаете, хотѣлось... Я докладную подавалъ.

— Вы гдѣ служите?

— Я въ интендантствѣ. А вы кто такой?

— Я начальникъ штаба Оренбургскаго округа.

Офицеръ оторопѣлъ и мгновенно исчезъ за дверью станціи; гдѣ онъ почевалъ,—не знаю, но ночь мы провели совершенно покойно. Впоследствии я узналъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ просвѣтителей Ташкента, которые явились изъ Россіи для насажденія европейской цивилизаціи между дикими народами Средней Азіи. Эти цивилизаторы, по большей части фантазеры и негодяи, такъ мѣтко очерченные Щедринымъ въ его сатирѣ «Господа Ташкентцы», проѣздомъ черезъ Оренбургъ всегда безобразничали и просили денегъ и конечно получали отказъ, а часто самыя энергическія съ моей стороны побужденія, въ образѣ арестовъ или жандарма, къ немедленному выѣзду изъ города.

Переночевавъ затѣмъ въ Самарѣ, мы живо добрались на «Самолетѣ» до Нижняго и затѣмъ, не останавливаясь въ Москвѣ, прибыли 25-го іюля въ 9 часовъ утра въ Петербургъ.

Еще изъ Оренбурга я списался съ Мозелемъ объ оставленіи его квартиры за мной и потому, переодѣвшись въ «Знаменской гостиницѣ»,

тогда же поѣхалъ на Васильевскій островъ и засталъ Мозеля выѣзжающимъ на желѣзную дорогу. Въ этотъ же день мы перебрались въ наше помѣщеніе, состоявшее изъ 4 маленькихъ комнатъ деревяннаго домика Александровскаго, во 2-й линіи, напротивъ академіи. Дурно и тѣсно намъ было тутъ послѣ 14 комнатъ казеннаго дома въ Оренбургѣ, а впоследствии зимою мы всѣ переболѣли въ этой квартирѣ и чуть не замерзли, но что дѣлать? Не имѣя средствъ, надо было обречь себя и на нужду, тѣмъ болѣе, что она приходила по собственной моей волѣ, и если эта лачуга-квартира отзывалась такою сильною болью въ моемъ сердцѣ, то главнымъ образомъ изъ опасенія за здоровье дѣтей и въ особенности доброй моей жены, которая такъ безропотно согласилась промѣнять прежнюю привольную нашу жизнь на неизвѣстную будущность и скитальчество.

XXIV.

Служба при штабѣ гвардіи въ 1871 году.—Болѣзнь.—Поѣздка за границу.—Изданіе памятной книжки для офицеровъ.—Командировка въ Финляндію въ 1872 г.—Обще-обязательная воинская повинность въ 1873 г.—Статья „Голоса“.—Вопросъ объ экспедиціи въ Хиву.

Устроившись на квартирѣ, первымъ моимъ дѣломъ было явиться начальству и хлопотать о пособіи на поѣздку за границу, изъ казачьихъ суммъ, по примѣру предшественника моего Левенгофа. Гейденъ принялъ меня любезно, но о какомъ-либо дальнѣйшемъ моемъ назначеніи ни полслова, сказавъ только: «живите здѣсь и отдохайте». О пособіи нужно было хлопотать у тогдашняго начальника главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ Карлгофа; я отправился къ нему на дачу въ Царское Село, но ничего не могъ добиться. Привелось остаться въ Петербургѣ.

Послѣ неустанной живой дѣятельности Оренбурга, страшно тяжело и тоскливо показалось мнѣ настоящее бездѣлье. Затерянный въ громадномъ городѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ, развѣхавшихся по дачамъ, я сразу какъ-то почувствовалъ всю тяжесть одиночества и весь тотъ жесткій эгоизмъ, которымъ такъ рѣзко отличается столичная жизнь отъ провинціальной. Подошла осень, я сталъ хлопотать объ опредѣленіи старшей дочери въ Смольный монастырь, ѣздилъ въ 4-е отдѣленіе, просилъ, но добился только того, что ее приняли на мой счетъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ кончился мой отпускъ, и въ Петербургъ приѣхалъ Крыжановскій. Еще изъ Оренбурга онъ писалъ ко мнѣ, прося возвратиться съ тѣмъ, что онъ сдастъ мнѣ на время поѣздки свою

должность, но я отклонилъ это желаніе. 16-го ноября я былъ отчисленъ отъ должности начальника штаба и на другой день поѣхалъ откланяться Крыжановскому. Онъ просилъ меня указать ему на преемника, и я посовѣтовалъ избрать на мѣсто мое генерала Звѣрева, что и было исполнено.

Отвратительная до крайности погода, а главное совершенное бездѣлье начало видимо гнесте мое здоровье, тщетно я просилъ какого-нибудь назначенія или работы, но графъ Гейденъ говорилъ постоянно:

— Вы живете въ Петербургѣ безъ службы, получаете все содержаніе и скучаете; тысячи лицъ только и мечтаютъ о такомъ положеніи, какъ ваше.

На Рождество добрый Гейденъ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 1.500 руб. на поѣздки за границу, но эта милость мало утѣшила меня, нравственное мое состояніе было уже сильно потрясено. Съ осени еще заболѣла жена, и болѣзнь ея принимала все болѣе и болѣе опасное положеніе; я платилъ огромныя деньги докторамъ, но толку не было; послѣ Рождества заболѣлъ опасно единственный мой сынъ, привелось опять тащить знаменитости. Наступили морозы, квартира оказалась до безобразія сырой и холодной, мы буквально мерзли день и ночь, все это, вмѣстѣ взятое, такъ подѣйствовало на меня, что наконецъ я и самъ слегъ, со мной сдѣлался сильный нервный припадокъ, отъ котораго я еле-еле поправился въ три мѣсяца. Не дай Богъ никому пережить такое время, какое я тогда прожилъ, и только неисчерпаемая милость Божія спасла меня отъ сумасшествія. Къ веснѣ наконецъ мы стали мало-по-малу поправляться, сынъ выздоровѣлъ, жену спасъ профессоръ Горвицъ, но за то дочка моя въ Смольномъ сильно заболѣла, и я взялъ ее оттуда. Доктора гнали насъ на воды. Я забылъ сказать, что еще передъ Рождествомъ вслѣдствіе моихъ просьбъ о службѣ, графъ Гейденъ выхлопоталъ мнѣ прикомандированіе къ 37-й дивизіи, стоявшей въ Петербургѣ, но какъ тамъ я тоже не имѣлъ никакого дѣла, то бывший тогда начальникъ штаба гвардіи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, весьма милостиво ко мнѣ отнесшійся, съ разрѣшенія великаго князя Николая Николаевича, прикомандировалъ меня къ гвардейскому штабу.

Въ маѣ мѣсяцѣ я взялъ заграничный отпускъ на 28 дней, а добрый графъ Шуваловъ разрѣшилъ мнѣ жить въ отпуску въ Россіи до самой осени, и въ началѣ іюня мы отправились на Друскеникскія воды. Пробывъ около мѣсяца на водахъ, мы поѣхали въ Вѣну, откуда, по совѣту докторовъ, переѣхали для купанья въ Триестъ. Неимовѣрно жаркое лѣто скоро однакожь погнало насъ назадъ, и черезъ мѣсяць мы опять были въ Друскеникахъ. Дачная сельская жизнь, путешествіе и хорошій воздухъ благодѣтельно подѣйствовали на всѣхъ насъ, и въ

половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ. Я возобновилъ свою просьбу о работѣ, и графъ Гейденъ, по приказанію военнаго министра, поручилъ мнѣ составленіе: «Полевой памятной книжки для офицеровъ». Богъ видитъ, какъ я обрадовался этой работѣ, она заняла мое свободное время и даже спасла мое здоровье отъ послѣдствій того глубокаго несчастія, которое я вскорѣ перенесъ, а именно: въ ноябрѣ мѣсяцѣ мой сынокъ, возвратившись съ гулянья, почувствовалъ боль въ горлѣ, и на другой день его задушили крупъ.

Между тѣмъ работы по книжкѣ при помощи приглашенныхъ мною молодыхъ офицеровъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ, шли успѣшно, а рисунки къ ней подготавливалъ почтенный нашъ граверъ Сѣряковъ, съ прекрасными качествами котораго, какъ человѣка, я имѣлъ тутъ случай близко познакомиться. Весною, когда уже трудъ мой началъ поступать въ печать, меня призвалъ къ себѣ графъ Гейденъ и предложилъ ѣхать по нашимъ крѣпостямъ для опредѣленія размѣра разныхъ интендантскихъ и другихъ складовъ, которые нужно держать въ нихъ на случай войны, или же принять на себя командировку по составленію стратегическаго обзора Финляндіи въ связи съ Балтійскимъ побережьемъ. Я отказался отъ перваго порученія и принялъ съ охотою второе, дававшее мнѣ возможность осмотрѣть Финляндію и работать въ сферѣ моей специальности, какъ офицера генеральнаго штаба.

Въ началѣ іюня я переѣхалъ на дачу въ Гельсингфорсъ и оттуда началъ свои экскурсіи по Финляндіи. Все лѣто я провелъ въ разъѣздахъ по новой для меня странѣ; дороги вездѣ были такъ хороши, что я съ женой и второй дочерью объѣхали край въ городскомъ экипажѣ; къ осени мы переплыли въ Ревель и оттуда въ сентябрѣ вернулись въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ я подалъ свою работу графу Гейдену. Въ ней было предложеніе мое упразднить Свеаборгъ, какъ не могуцій въ данномъ видѣ (укрѣпленія его были выстроены шведами для защиты отъ атаки съ сухаго пути, и многіе острова вовсе не были укрѣплены) оградить Гельсингфорсъ отъ нападенія съ моря.

Наступила осень, пошли толки о всеобщей воинской повинности. Составились разные редакціонные комитеты, и живо закипѣла работа.

Я сдалъ свою книжку, за которую графъ Гейденъ меня очень благодарилъ. Но въ одно прекрасное утро онъ прислалъ за мной фельд-егеря. Вхожу въ кабинетъ графа, и онъ озабоченно спрашиваетъ меня:

— Читали вы сегодняшній «Голосъ».

— Нѣтъ еще.

— Прочтите, тамъ есть ссылка на вашу книжку, которую фельд-маршалъ (Барятинскій) носилъ къ государю, чтобы убѣдить его въ крайнемъ самовластіи военнаго министра, объяснивъ, что книга печатана въ военной типографіи и составлена лицомъ официальнымъ.

*

— Позвольте узнать, въ чемъ заключается моя вина?

— Какъ же вы, описывая военное управленіе, говорите: «высочайшая воля по предметамъ, относящимся до военно-сухопутныхъ силъ, приводится въ исполненіе всеннымъ министерствомъ, которому подчинены войска, военныя управленія и военныя заведенія на всемъ пространствѣ Имперіи» ¹⁾. Вамъ слѣдовало прежде всего сказать, что верховный предводитель арміи есть государь императоръ. Какъ могли вы допустить такой пропускъ?

— Помилуйте, ваше сіятельство, кто же изъ насъ, военныхъ, не знаетъ, что высшій начальникъ арміи есть государь, а какъ я всѣми мѣрами старался сократить объемъ книги, чтобы сдѣлать ее компактной, и избѣгалъ всѣхъ излишнихъ объясненій и даже приведенныя вами выраженія взялъ пѣликомъ изъ военно-статистическаго обзорѣнія Россіи Обручева, какъ изданія, уже пропущеннаго цензурой.

— Это васъ не извиняетъ: военно-статистическій сборникъ—сочиненіе ученое, предназначенное для высшихъ начальниковъ и офицеровъ генеральнаго штаба, ваша же книжка назначается для всѣхъ офицеровъ, слѣдовательно, есть сочиненіе популярное.

— Потому-то я и составлялъ ее такъ, что она назначается для офицеровъ и для удобства справокъ должна быть какъ можно кратка.

— Объ этомъ теперь не будемъ говорить. Скажите мнѣ откровенно только одно. Излагая въ такой редакціи кругъ дѣйствій военнаго министерства, вы, дѣйствительно, опуская о верховномъ командованіи государя надъ арміей, полагали, что это обстоятельство и безъ того всѣмъ извѣстно и писали такъ для краткости.

— Полагаю, ваше сіятельство, что другой мысли у меня не могло и быть никакой. Смѣю васъ увѣрить моимъ честнымъ словомъ.

— Хорошо, я такъ и доложу военному министру.

Отъ Гейдена я перешелъ къ графу Шувалову, чтобы потолковать о настоящемъ дѣлѣ. Графъ встрѣтилъ меня съ улыбкой.

— Что, батюшка, попались?

— Помилуйте, ваше сіятельство, чѣмъ же я виноватъ? Наконецъ, нельзя изъ такихъ пустяковъ дѣлать чуть не государственное преступленіе.

— Это все фельдмаршалъ. Онъ показалъ государю и вашу книжку, и номеръ «Голоса», въ которомъ о ней говорилось.

Въ то время князь Барятинскій принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы возстановить государя противъ военнаго министра, но интрига его не удалась.

¹⁾ Стр. 137 Полевой памятной книжки.

Осенью того же 1872 года, графъ Гейденъ какъ-то разъ пригласилъ меня къ себѣ и далъ прочитать записку туркестанскаго генераль-губернатора Кауфмана объ экспедиціи въ Хиву, требуя моего мнѣнія. Высказавъ тогда свои взгляды, я потомъ и позабылъ объ этомъ дѣлѣ, однако же мѣсяца черезъ два получаю записку о назначеніи меня членомъ комитета по разсмотрѣнію туркестанскихъ предположеній съ извѣстіемъ, что комитетъ долженъ на другой же день собраться въ квартирѣ военнаго министра. По запискѣ Кауфмана, всю экспедицію предполагалось совершить войсками Туркестанскаго и Кавказскаго округовъ безъ всякаго участія со стороны Оренбурга. Крыжановскому, конечно, это было непріятно, и онъ всѣми мѣрами настаивалъ, чтобы и его войска приняли участіе въ экспедиціи.

— Я читалъ уже проектъ генерала Кауфмана,—сказалъ я Крыжановскому,—и думаю, что безъ участія оренбургскихъ войскъ экспедиція будетъ рискованною, что помимо всякихъ симпатій къ Оренбургу и заявлю въ комитетѣ.

Въ комитетѣ участвовали Кауфманъ, Крыжановскій, графъ Гейденъ, начальникъ штаба Кавказскаго округа Свистуновъ, я и полковникъ Проценко (завѣдывающій азіятскими дѣлами въ Главномъ штабѣ). Изъ первыхъ же переговоровъ стало видно, что Кауфманъ имѣетъ за собою, кромѣ меня и Крыжановскаго, голоса всѣхъ членовъ, не исключая и военнаго министра, и когда дѣло дошло до официальныхъ объясненій, то Кауфманъ смѣло, ясно изложилъ свои предположенія и рѣшительно опровергалъ необходимость участія оренбургскихъ войскъ. Послѣ Кауфмана говорили Гейденъ, ограничившійся лишь общими замѣчаніями на счетъ возможности успѣха экспедиціи, и Свистуновъ, очень рельефно и толково изложившій, какую помощь можетъ оказать экспедиціи Кавказскій округъ.

Очередь дошла, наконецъ, и до меня.

Я указалъ на картѣ предположенное направленіе войскъ Кауфмана и Кавказскаго округа и доложилъ комитету, что всѣ свѣдѣнія о путяхъ основаны на разспросныхъ данныхъ, а потому болѣе или менѣе гадательны, при чемъ войскамъ Кауфмана, чтобы подойти къ Хивѣ, предстоитъ еще переправиться черезъ такую рѣку, какъ Аму-Дарья, гдѣ при самомъ даже ничтожномъ сопротивленіи непріятели можно встрѣтить громадныя затрудненія. Какъ человекъ, лично бывший въ тѣхъ мѣстахъ, я сказалъ, что войска встрѣтятъ страшныя затрудненія въ довольствіи и водѣ, и могутъ легко погибнуть (что потомъ едва не оправдалось на отрядахъ Кауфмана и Кавказскаго округа), что для движенія оренбургскихъ войскъ мы имѣемъ вполнѣ изслѣдованный и надежный путь, по которому отрядъ навѣрное дойдетъ до Хивы,—обстоятельство, особенно важное въ томъ случаѣ, если по изложеннымъ мною

причинамъ войскамъ Туркестана и Кавказа не удастся добраться до столицы ханства, почему полагаю, что движеніе со стороны Оренбурга рѣшительно необходимо, даже въ тѣхъ видахъ, чтобы не усиливать существующаго въ Средней Азій мнѣнія о недоступности Хивы въ случаѣ задержки другихъ отрядовъ, и не кончить экспедиціи столь же плачевнымъ образомъ, какъ Перовскій въ 1839 году.

— Что вы возразите на это, Константинъ Петровичъ? — спросилъ военный министръ. — Я придаю особое значеніе мнѣнію генерала Залъсова. Это единственный человекъ, который бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ и можетъ судить о нихъ не по наслышкѣ. Дорога, имъ указанная, дѣйствительно изслѣдована, снята и описана. Онъ самъ ходилъ по ней. Ваши же свѣдѣнія о путяхъ, равно и Кавказа основаны только на разспросахъ. Богъ знаетъ, въ какой степени они вѣрны. Наконецъ, и переправа черезъ Аму-Дарью меня очень смущаетъ.

Кауфманъ отвѣчалъ, что разспросамъ своимъ онъ вѣритъ, что имъ будутъ приняты всѣ мѣры на счетъ случайностей и что хотя онъ остался при прежнемъ убѣжденіи, что для наказанія Хивы совершенно довольно и однихъ туркестанскихъ войскъ, но, не желая подвергать даже и малѣйшему сомнѣнію успѣхъ предложенной имъ экспедиціи, онъ не возстаегъ болѣе противу посылки отряда изъ Оренбурга.

Такъ кончилось это дѣло.

Въ продолженіе зимы я время отъ времени продолжалъ заходить къ графу Шувалову, чтобы навѣдаться о моемъ губернаторствѣ; онъ предложилъ мнѣ съѣздить къ Тимашеву. Отправясь въ Морскую, я въ большой пріемной министра встрѣтилъ нѣсколькихъ губернаторовъ.

Тимашевъ, котораго я помнилъ еще конно-гвардейскимъ офицерикомъ, принялъ меня любезно и предложилъ современемъ занять мѣсто въ одной изъ польскихъ губерній, но когда я ему откровенно замѣтилъ, что не симпатизирую полякамъ, тогда онъ отвѣтилъ, что въ русской губерніи мнѣ будетъ трудно, ибо тамъ требуются отъ губернатора большіе расходы. Затѣмъ онъ съ министерскою важностью началъ развѣивать передо мною взгляды свои на Польшу. Я попросилъ Тимашева о Рязани, но онъ не согласился и оставилъ во мнѣ надежду только на польскія губерніи. Вскорѣ въ Рязань былъ назначенъ Абаза, имѣвшій конечно болѣе правъ на полученіе этой должности.

XXV.

Красносельскій лагерь. — Приѣздъ императора Вильгельма и персидскаго шаха. — Поѣздка въ Старую Руссу и Къльцы. — Служба въ военно-ученомъ комитетѣ.

Къ веснѣ 1873 года Шуваловъ мнѣ посовѣтовалъ попрактиковать въ Красносельскомъ лагерѣ, на чтò я и согласился, нанявъ на лагерь дачу у священника противъ церкви.

Весной этого же года была торжественная встрѣча въ Петербургѣ императора Вильгельма и персидскаго шаха. Были парады, угощенія; императоръ щедро рукою раздавалъ ордена, а Бисмаркъ, Мольтке и К^о объѣдались нашей прекрасной земляникой до такой степени, что было трудно достать эту ягоду въ лавкахъ. Шахъ явился, навѣсивъ на себя всѣ свои брилліанты.

Я участвовалъ въ парадахъ, данныхъ Вильгельму и шаху. Для императора Вильгельма вызвали въ Петербургъ всѣ его полки: гренадерскій, драгунскій и Калужскій пѣхотный. На парадѣ государь салютовалъ своему дядѣ, дядя—племяннику. Шахъ на парадъ явился на своемъ конѣ-карликѣ. Государь везъ его со станціи желѣзной дороги въ особомъ шарабанѣ безъ кучера, такъ какъ этикетъ не дозволялъ, чтобы кто-нибудь сидѣлъ задомъ къ шаху. Онъ былъ очень скромень на раздачу своего Льва и Солнца.

Послѣ всѣхъ этихъ тревогъ мы перешли въ лагерь, и съ іюня начались у насъ ученія, смотры и, наконецъ, маневры. Я все время бился съ лошадыю и никакъ не могъ съ нею устроиться. На малыхъ маневрахъ мнѣ довелось дѣйствовать противъ генерала Гельфрейха, по окончаніи маневра великій князь велѣлъ намъ подать другъ другу руки и поцѣловаться. Вскорѣ я участвовалъ на ночныхъ маневрахъ и, скакавъ на бѣшеной уральской лошади, упалъ и повредилъ ногу, чтò заставило меня слечь, отказаться отъ большихъ маневровъ и переѣхать въ городъ. За службу въ лагерѣ великій князь былъ столь милостивъ, что представилъ меня къ наградѣ, и мнѣ дали старшинство въ чинѣ со дня производства.

Въ августѣ мѣсяцѣ я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 7-й дивизіи и хотя этимъ назначеніемъ былъ разжалованъ (послѣ мѣста начальника штаба округа) изъ поповъ въ дьяконы, но бѣдному человѣку нечего было разбирать, тѣмъ болѣе, что добрый графъ Гейденъ позволилъ мнѣ прожить зиму въ Петербургѣ и лѣтомъ слѣдующаго года съѣздить на воды въ Старую Руссу, т. е. отправиться въ бригаду почти черезъ годъ послѣ назначенія. Въ концѣ 1873 года я былъ назначенъ въ комитетъ по привлеченію башкиръ къ воинской повинности; мы

имѣли нѣсколько засѣданій, результатомъ которыхъ было образованіе Башкирскаго эскадрона, а нынѣ полка, а въ маѣ 1874 года, распродавъ всю свою мебель, отправился я на лѣто въ Старую Руссу.

Пробывъ два мѣсяца въ Руссѣ, мы возвратились въ Петербургъ. Въ это время шефъ жандармовъ Шуваловъ былъ уволенъ, и на его мѣсто назначили Потапова изъ Вильны, куда былъ посланъ Альбединскій.

15-го августа мы выѣхали черезъ Варшаву въ Кѣльцы, но въ Радомѣ жена моя опять сильно разболѣлась, и мы кое-какъ дотащились до мѣста. Мнѣ отвели квартиру въ гостиницѣ, пока отстроивался домъ одного русскаго купца, куда я потомъ и перешелъ.

Маленькій, чистенькій городокъ Кѣльцы скорѣе напоминалъ дачу, чѣмъ губернской городъ. 7-й дивизіей тогда командовалъ генералъ Сарачинскій, извѣстный храбрець.

Въ Кѣльцахъ я усердно занялся службою, но сразу увидѣлъ, что при всемъ стараніи ничего изъ этого не выйдетъ при тѣхъ ничтожныхъ правахъ, которыми пользовались бригадные командиры. Разъ убѣдившись въ этомъ, оставаться въ Кѣльцахъ при моей жадѣ дѣятельности я уже не могъ и, пробывъ тамъ до января, поѣхалъ въ Петербургъ.

Поѣздку мою ускорило еще и письмо Клугина, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что открылось мѣсто атамана Оренбургскаго казачьяго войска и что графъ Гейденъ хлопочетъ о предоставленіи его мнѣ. Приѣхавъ съ частью семьи въ Петербургъ и доложивъ начальнику Главнаго штаба о положеніи бригаднаго командира, я прямо объявилъ, что въ бригаду ни за что не поѣду. Такое рѣзкое заявленіе раздражило Гейдена; онъ вспылывъ и сказалъ, что никакого мѣста и содержанія больше мнѣ не дастъ, но такова была доброта этого человѣка, что черезъ день онъ самъ же мнѣ передалъ, что будетъ просить за меня Тимашева. Дѣло казалось-было устроено. Тимашевъ заявилъ военному министру, что выбираетъ меня, но послѣдній посоветовалъ ему спросить еще согласія на мое назначеніе генералъ-губернатора Крыжановскаго. Зная, что Крыжановскій давно обѣщалъ мнѣ это мѣсто и, какъ оказалось по справкѣ въ Главномъ штабѣ, спустя два года по выѣздѣ моемъ изъ Оренбурга официально просилъ назначить меня атаманомъ, я былъ почти увѣренъ, что мое назначеніе состоится. Прошло нѣсколько дней, явилась сначала телеграмма, а потомъ и письмо Крыжановскаго къ военному министру, гдѣ онъ просилъ назначить вмѣсто меня атаманомъ Зенгбуша, а я черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора былъ отчисленъ отъ должности командира бригады, а спустя полгода былъ прикомандированъ къ военно-ученому комитету и кромѣ того назначенъ членомъ главнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Независимо отъ официальныхъ за-

нятій я занялся и частною работою у добраго моего пріятеля редактора «Военнаго Сборника» Лаврентьева, помогая ему въ трудахъ по редакціи. Въ военно-ученомъ комитетѣ я работалъ подъ руководствомъ генерала Обручева и занимался составленіемъ плана войны на случай разрыва съ Австріей, ибо тогда уже началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ.

XXVI.

Назначеніе въ Вильну.—Состояніе 27-й дивизіи.—Мѣры, принятыя мною къ устройству дивизіи.—Устройство лагеря.—Высочайшій смотръ.

Весною 1876 года я поѣхалъ на морскія купанья и поселился на все лѣто съ семьей въ Ревелѣ. Тамъ, живя около прелестнаго Екатерининскаго парка, я съ любопытствомъ слѣдилъ за развивавшейся борьбой на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствіями Черняева въ Сербіи и отправкой туда нашихъ добровольцевъ. Энтузіазмъ къ славянамъ даже въ этомъ по преимуществу нѣмецкомъ городѣ все болѣе и болѣе разгорался.

Въ половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ, и спустя недѣлю или двѣ за мной пріѣхалъ фельдъегерь отъ графа Гейдена.

— Гдѣ вы пропадаете? что васъ нельзя сыскать?—встрѣтилъ меня графъ.

— Жилъ съ вашего разрѣшенія въ Ревелѣ, а на-дняхъ возвратился въ Петербургъ.

— Я телеграфировалъ ревельскому губернскому воинскому начальнику, но онъ отвѣчалъ, что васъ нѣтъ въ Ревелѣ. Пожалуйста, запишите вашу квартиру. Я васъ звалъ, чтобы предупредить, что вы назначены въ дѣйствующую армію начальникомъ 33-й дивизіи, списки на утвержденіе пошли уже въ Ливадію. Вы человекъ бывалый въ походахъ и дѣлахъ, поэтому я васъ выбралъ.

Мнѣ оставалось только благодарить графа и поторопиться домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

Дней чрезъ десять графъ вновь призвалъ меня и объявилъ, что списки возвращены изъ Ливадіи, но съ перемѣнами и между прочимъ въ 33-ю дивизію назначенъ генералъ Тимошеевъ, а я въ 27-ую — въ Вильну.

— Не горюйте,—прибавилъ графъ.—дѣло можетъ дойти и до васъ; Тимошеева же государь избралъ, вѣроятно, потому, что онъ его знаетъ

съ молодыхъ лѣтъ, когда они вмѣстѣ бывали у Паткуля, тогдашняго командира Павловскаго полка.

Такимъ образомъ вмѣсто дѣйствующей арміи я попалъ въ Литовскій край подъ команду генераль-адъютанта Альбединскаго. Сборы мои были недолги. Въ половинѣ ноября я явился къ Альбединскому въ гостиницѣ «Демуть», который принялъ меня весьма любезно.

21-го числа я съ старшей дочерью выѣхалъ изъ Петербурга.

Вагоны были запружены ѣхавшими въ Кишиневъ интендантскими чиновниками и топографами, и всѣ эти храбрые воины не пропускали ни одной станціи, чтобы не сходить въ Сербію; такъ они называли буфеты, въ которыхъ все время нагружались водкой.

Альбединскаго я уже засталъ въ Вильнѣ и въ первый же воскресный день, когда у него бывали приемы, явился къ нему и познакомился съ его супругой, урожденной княжной Долгоруковой. И хозяйнѣ, и хозяйка встрѣтили меня крайне привѣтливо, съ тою деликатностью, которая вообще характеризуетъ людей высшаго круга, получившихъ хорошее воспитаніе.

По прибытіи въ Вильну, я тотчасъ началъ осмотръ ротъ. Во всѣхъ полкахъ я нашелъ полный наружный порядокъ, щегольство даже въ одеждѣ, но когда я разстегнулъ мундиры у людей, открылъ тюфяки и посмотрѣлъ, что лежитъ подъ подушками и подъ нарами, то большей грязи, вони, всякой мерзости рѣдко можно было встрѣтить.

О такомъ безобразіи я немедленно доложилъ Альбединскому и принялся оздоравливать людей и казармы. Строгія приказанія, частые, внезапные наѣзды, выговоры полковымъ командирамъ, которымъ я не подавалъ руки, произвели гвалтъ. На меня посыпались обвиненія въ излишней строгости, въ пренебреженіи къ частнымъ начальникамъ. Заѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба округа съ намекомъ на мое обращеніе, давая понять, что все это неприятно командующему войсками. Дѣло видимо пошло на интриги, но я ихъ кончилъ разомъ. На другой же день я поѣхалъ къ Альбединскому и, повторивъ ему еще разъ о порядкахъ въ полкахъ, заявилъ, что пока служу, не допущу, чтобы люди жили въ грязи и морились голодомъ, и что буду подавать полковому командиру руку только тогда, когда онъ своею честною дѣятельностью будетъ этого заслуживать. Къ чести Альбединскаго я долженъ сказать, что онъ внимательно меня выслушалъ и, признавъ доводы мои уважительными, поблагодарилъ меня, сказавъ: «всегда такъ дѣйствуйте». Эта поддержка сразу прекратила всѣ нашептыванія, и дѣло пошло успѣшно. У солдатъ явились чистые тюфяки, подушки, бѣлье, въ казармахъ опрятность, хорошая пища.

Затѣмъ я обратилъ вниманіе на хозяйство полковъ, которымъ полковые командиры распорядились безконтрольно. Подвергнувъ смѣты хо-

зайтвенныхъ распоряженій строгому просмотру, я предписалъ полкамъ распоряжаться только въ предѣлахъ помянутыхъ смѣтъ, всю же затѣмъ экономію въ деньгахъ отобралъ въ свое распоряженіе и образовалъ въ полкахъ оборотныя капиталы. Они дали мнѣ возможность постоянно улучшать бытъ солдатъ и офицеровъ. На нихъ были заведены въ полкахъ умывальники, желѣзныя кровати, кухонная и столовая мѣдная посуда, чайныя; улучшалось довольствіе людей, поддерживалось дивизионное собраніе, бывшее въ долгахъ, выдавались пособия бѣднымъ офицерамъ, выстроились конюшни, цейхгаузы и кухни въ лагерѣ и проч. Все это не нравилось полковымъ командирамъ, они роптали вслухъ, но я не обращалъ никакого вниманія и шелъ своею дорогою.

Отъ внутренняго быта полковъ слѣдовалъ переходъ къ ихъ строевому и научному образованію. Обученіе нижнихъ чиновъ, благодаря заботамъ Альбединскаго, было поставлено въ округѣ на основаніи строгой системы, но нельзя было сказать того же объ образованіи офицеровъ. Здѣсь я употребилъ уже свой личный трудъ, занимаясь два раза въ недѣлю съ офицерами самъ и измѣнивъ совершенно методъ занятій. Я сталъ въ роль противника и заставилъ офицеровъ баталіонными группами рѣшать противъ меня тактическія задачи на планѣ, при чемъ присутствовали всѣ другіе офицеры; я привлекъ къ этимъ занятіямъ безусловно всѣхъ ротныхъ командировъ, чего до сихъ поръ не было; всѣ занятія сталъ вести изустно, отбросивъ вовсе письменныя работы, изгналъ военную игру и впослѣдствіи ввелъ въ употребленіе вмѣсто плановъ раскрашенныя доски, которыя всѣ могли видѣть, и которыя потомъ вошли въ употребленіе почти повсюду.

Рядомъ съ этими мѣрами было обращено строгое вниманіе на нравственную сторону солдатъ и офицеровъ. Повсемѣстное введеніе солдатскихъ чайныхъ сразу уменьшило процентъ пьяницъ, а отсюда и преступленій. Выгонъ изъ службы нѣсколькихъ негодныхъ офицеровъ далъ острастку другимъ, а запрещеніе въ офицерскомъ собраніи азартныхъ игръ показало офицерамъ, что и такая профессія не безопасна. Съ цѣлью доставить развлеченіе офицерамъ, я обратилъ вниманіе на ихъ бібліотеки и собраніе. Первыя были пересмотрѣны, а второе выпутано изъ долговъ. Офицерское собраніе занимало грязное помѣщеніе въ казармахъ и не имѣло никакихъ средствъ. Я сталъ каждый разъ самъ посѣщать вечера собранія, привозя туда дочь, изгналъ изъ него разныхъ арфистокъ и проч., оплатилъ долги изъ полковыхъ суммъ и постоянно требовалъ отъ офицеровъ строгаго благоприличія.

На Рождество я объѣхалъ загородныя роты, вводя тамъ тѣ же порядки, а за симъ представилъ самый подробный отчетъ Альбединскому о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, указавъ съ полною откровенностью на нѣкоторыя сдѣланныя мною ошибки. Петръ Павловичъ прочиталъ мою

записку, облобызаль меня, просилъ такъ и впредь дѣйствовать и съ тѣхъ поръ до самаго отъѣзда изъ Вильны удостоиваль меня самаго полнаго довѣрія и теплой дружбы.

Служебныя занятія и жизнь въ Вильнѣ пошли обычнымъ порядкомъ. Къ веснѣ 1877 г. все мое семейство переѣхало въ Вильну, и мы поселились на дачѣ Распопова.

Въ августѣ 1878 г. я былъ произведенъ внѣ правилъ въ генераль-лейтенанты, а въ январѣ 1879 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за занятія въ дивизіи, сказавъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени лично посмотрѣть ее. Слова государя я тотчасъ же телеграфироваль Альбединскому, который остался этимъ очень доволенъ.

Помимо чисто фронтовыхъ занятій, вниманіе мое было обращено въ это время главнымъ образомъ на переустройство лагеря и дивизионаго офицерскаго собранія. Первый, воздвигнутый предметникомъ моимъ Криденеромъ, состоялъ изъ землянокъ, бывшихъ по своей сырости источникомъ сильной болѣзненности, а второе помѣщалось въ низенькихъ мрачныхъ казарменныхъ комнатахъ, перегороженныхъ досками. Передѣлки эти требовали однако же большихъ денегъ, и только мои добрыя отношенія къ Альбединскому и постоянныя предъ нимъ ходатайства могли привести къ тому, что на переустройство лагеря самими войсками мнѣ дали 34.000 р., а на собраніе 18.000 т. руб., возложивъ однако же передѣлку послѣдняго на инженеровъ.

Войска на отпущенныя деньги передѣляли всѣ землянки на крестьянскіе домики, провели водопроводъ, выстроили особое помѣщеніе для начальника дивизіи и его штаба, и произвели много другихъ работъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1904.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1904.

По поводу записокъ Н. Г. Залѣсова.

Въ запискахъ Н. Г. Залѣсова, помѣщенныхъ въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины», по поводу представленія государю императору генерала Романовскаго и депутаціи изъ Туркестанской области, сказано слѣдующее: «Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ научилъ), чтобы онѣ заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранее, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ жалобу на русское управленіе. Такого сообщенія было достаточно для Крыжановскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнія наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребованы къ его высочеству и черезъ Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскій былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена».

Изъ этого видно: что Романовскій обвиняется во лжи, что онъ зналъ заранее о приносимой на него жалобѣ, и что переводчикъ умышленно перевелъ неправильно заявленіе депутаціи.

Романовскій былъ не въ ладахъ съ округомъ, и всѣ это знали. Интрига противъ Романовскаго велась очень усердно, и не мудро, если нѣкоторые малые чины реусердствовали.

Изъ фразы, цитируемой выше, самъ авторъ записокъ не высокаго мнѣнія о Бекчуринѣ, такъ какъ онъ допускаетъ, что онъ самъ могъ поговорить своихъ соплеменниковъ на подобное заявленіе.

Если авторъ, хорошо знавшій Бекчурина, допускаетъ возможность подговора Бекчуринымъ своихъ соплеменниковъ, то отчего не допустить возможности неправильнаго перевода заявленій Бекчуринымъ при представленіи наслѣднику?

Насколько мнѣ извѣстно изъ писемъ по этому поводу отъ лица, интересовавшагося этимъ дѣломъ, и который, по обстановкѣ своей, могъ знать все это болѣе подробно, дѣло произошло такимъ образомъ:

При первомъ представленіи депутаціи наслѣднику, въ присутствіи Романовскаго, находившійся при этомъ К. заподозрилъ неправильность перевода, о чемъ и доложилъ наслѣднику, который, въ виду этого, потребовалъ къ себѣ вторично эту депутацію на другой день, но безъ Романовскаго.

Объ этомъ писалось мнѣ 4-го апрѣля, а вотъ выдержка изъ письма отъ 5-го апрѣля:

«Я бы долженъ былъ по-настоящему разорвать первый листъ и начать письмо съизнова и все потому, что никогда человекъ не можетъ добиться правды, слушая рассказъ изъ однихъ устъ и отъ одной стороны. Я сегодня былъ у Сеидъ-Азиса ¹⁾, который видѣлъ меня у великаго князя, а потому, вѣроятно, не побойтся мнѣ высказать всю правду о случаѣ съ депутаціей у Александра Александровича. Дѣло было такъ: Александръ Александровичъ обратился съ вопросомъ къ одному киргизу, числящемуся маіоромъ нашей службы уже довольно давно. Сеидъ-Азисъ сказалъ мнѣ, что киргизскій языкъ очень безтолковъ, да и говорятъ-то они безтолково, и при этомъ привелъ, какъ образецъ безтолковости, все то, что этотъ киргизъ сказалъ Александру Александровичу. Тутъ было и величіе бѣлага царя, и богатство края, и счастье быть подданными нашими и, наконецъ, большая похвала Черняеву, и признаніе въ томъ, что они никогда не видали Романовскаго и не знаютъ его.

«Къ этой путаницѣ словъ онъ прибавилъ, кажется, что всѣ желали бы имѣть Черняева, но что они не прочь и отъ Романовскаго, если царь того захочетъ.

«Переводчикъ половины его рѣчи не понялъ и перевелъ только, что они желаютъ Романовскаго.

«Когда узнали, что перевели невѣрно, то это приняли за умыселъ, котораго въ сущности совсѣмъ и не было. Когда второй разъ призвали депутацію, то они стали смѣлѣе высказывать свои желанія и уже прямо объявили, что дѣйствительно весь народъ желалъ бы имѣть Черняева, а не Романовскаго ²⁾, хотя при первомъ представленіи объ этомъ ни слова не было сказано. Сеидъ-Азисъ мнѣ лично сказалъ, что по его мнѣнію Черняевъ далеко выше Романовскаго и что дѣйствительно народъ его желаетъ, а что ему самому рѣшительно все равно, какого ни пошли генерала, потому, что мы, торговые люди, всегда сойдемся съ русскимъ начальствомъ, которое всегда покровительствуетъ торговлѣ.

«Изъ этого видно, что простое недоразумѣніе, пустая ошибка переводчика повела къ весьма важнымъ результатамъ и даже накинула новую тѣнь на Д. И. (Романовскаго). Вотъ этотъ рассказъ, кажется, вѣренъ, а по первому можемъ судить, какъ всѣ объ этомъ дѣлѣ толкуютъ».

А. Литвиновъ.

¹⁾ Видный представитель г. Ташкента.

²⁾ На этотъ разъ переводчикомъ былъ Бекчуринъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1904.

ОКТАБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1904.

Нѣсколько словъ по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова.

Въ добавленіе къ письму Г. А. Литвинова по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова, помѣщенному въ январской книгѣ «Русской Старины» 1904 года, позволяю себѣ въ видахъ выясненія истины сказать еще нѣсколько словъ.

Упомянутый Сеидъ - Азимъ - Мухаметъ - Баевъ состоялъ во главѣ русской партіи г. Ташкента и занималъ должность старшаго совѣтника при завѣдующемъ ташкентскимъ населеніемъ, войсковомъ старшинѣ Сѣровѣ; но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ злоупотребленій, былъ съ этой должности смѣщенъ. Кромѣ того въ числѣ туркестанскихъ депутатовъ было нѣсколько духовныхъ лицъ; Романовскій же среди нихъ особенной популярностью не пользовался, такъ какъ его дѣятельность была направлена къ ослабленію ихъ вліянія; особенно же вооружилъ онъ противъ себя духовенство учрежденіемъ такъ называемаго мектема (народнаго суда), тогда какъ до сихъ поръ вся судебная власть сосредоточивалась въ рукахъ Баева и часто служила источникомъ различныхъ злоупотребленій. Ослабленіе же вліянія духовенства являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно отражалось весьма вредно на русскую политику: такъ, на примѣръ, ташкентскій казы-клянъ (главное духовное лицо) относился весьма сочувственно къ эмиру бухарскому и былъ даже уличенъ въ сношенія съ нимъ.

Небезынтересно поведеніе нѣкоторыхъ депутатовъ по возвращеніи въ область. Вотъ чтѣ пишетъ по этому поводу генераль Мантейфель, замѣстившій въ области Романовскаго, въ одномъ изъ своихъ писемъ послѣднему:

«Сеидъ-Азимъ, негодяй первостепенный, писалъ уже изъ Петербурга своей партіи, Богъ знаетъ какія нечѣности; между прочимъ, что онъ назначенъ вали (правителемъ) Ташкента и взволновалъ мнѣ цѣлый городъ.

«Когда онъ прибылъ, то я его принялъ чрезвычайно сурово и сказалъ ему, чтобъ онъ себя держалъ типе травы, а въ противномъ случаѣ посажу его до прибытія новаго начальника. Байтыкъ на лѣвомъ флангѣ тотчасъ по прибытіи изъ Петербурга набралъ шайку въ нѣсколько тысячъ человекъ и напалъ на бея Рустамъ - Бека, ограбилъ его родъ до тла и ушелъ со всѣмъ родомъ и ограбленнымъ имуществомъ въ горы. Ярошхинъ, котораго я послалъ для производства слѣдствія, давъ ему полномочіе съ отрядомъ двинуться въ горы, успѣлъ его схватить и заключить въ Аудіе-ата.

«Депутатъ отъ киргизъ ташкентскаго района то же самое вообразилъ, что онъ начальникъ всѣхъ киргизъ, и началъ возбуждать киргизъ противъ управляющаго».

Коснувшись записокъ Залѣсова, необходимо ввести въ нихъ нѣкоторыя поправки для болѣе вѣрнаго освѣщенія дѣятельности г. Романовскаго.

Какъ-то странно звучитъ фраза: «Для Барятинскаго было хорошо пользоваться наставленіями простаго рядоваго или офицера младшихъ чиновъ, ибо никто не могъ заподозрить, чтобы всемогущій наместникъ могъ жить умомъ такого маленькаго смертнаго, какъ Романовскій».

Заслуги Барятинскаго въ всякаго сомнѣнія, ему мы обязаны быстрому замиренію Кавказа и плѣненію Шамиля, и конечно для памяти Романовскаго было бы весьма лестно играть въ этой плодотворной дѣятельности руководящую роль, если бы вышесказанное въ запискахъ было справедливо.

Дѣйствительно, Романовскій пользовался большимъ расположеніемъ Барятинскаго, и покойный фельдмаршалъ часто бесѣдовалъ съ нимъ о Кавказѣ, такъ какъ оба были преданы ему всей душою, но лично при Барятинскомъ Романовскій состоялъ съ августа 1856 по апрѣль 1858 года, когда былъ переведенъ въ Петербургъ. Если бы Барятинскій такъ нуждался въ умѣ Романовскаго, то держалъ бы его постоянно при себѣ и не разставался съ нимъ въ эпоху своей самой напряженной дѣятельности. Г. Залѣсовъ пишетъ, что Романовскій былъ назначенъ въ 1865 г. редакторомъ газеты «Русскій Инвалидъ», въ дѣйствительности же послѣдній состоялъ на этой должности съ 1862 г. по апрѣль 1865 г., и въ указываемое въ запискахъ время уже сдалъ ее.

Затѣмъ въ запискахъ говорится: Романовскій разбилъ войска бухарскаго эмира, потерявъ не больше, кажется, 8 человекъ за что, однако же, получилъ Георгія 3-й степени. Развѣ результатъ сраженія измѣняется потерей? Основной принципъ военнаго дѣла съ возможно меньшими потерями достигнуть наибольшихъ результатовъ Залѣсовъ, какъ близко знакомый съ положеніемъ дѣла въ области, не могъ не знать, что результаты Ирджардскаго боя были весьма существенны.

Послѣ отступленія г. Черняева отъ Джизака (вслѣдствіе недостатка продовольствія) дерзость эмира достигла небывалыхъ размѣровъ, и отступленіе это объяснялось имъ, какъ наше пораженіе; престижъ нашъ въ Азіи былъ въ значительной степени поколебленъ, ибо эмиръ въ глазахъ азіатовъ пользовался громаднымъ авторитетомъ, тѣмъ болѣе, что ему еще не приходилось испытать на себѣ тяжесть русскаго оружія. Самое сраженіе, въ которомъ участвовало русскихъ 3.000, а бухарцевъ свыше 40.000 при 21 орудіи, нельзя не признать блестящимъ дѣломъ; погромъ бухарской арміи былъ полный, почти вся артиллерія попала въ наши руки, такъ что орденъ Георгія 3-й степени вполне заслуженъ по статуту.

Взятіе такихъ сильныхъ крѣпостей, какъ Джизакъ и Ура-Тюбе, съ весьма незначительными потерями также обращаетъ на себя вниманіе, если мы вспомнимъ, что наши дѣйствія въ Средней Азіи не всегда были удачны (неудачный штурмъ Акъ-Мечети въ 1852 г. и первый Черняевскій штурмъ Ташкента).

Вообще оцѣнка дѣятельности генерала Романовскаго въ запискахъ носитъ нѣсколько пристрастный характеръ. Если нѣкоторыя его административныя распоряженія, быть можетъ, подлежатъ критикѣ (хотя много ли могъ онъ сдѣлать въ 8 мѣсяцевъ, изъ коихъ 4 были проведены въ походахъ, область же онъ принялъ далеко не въ блестящемъ состояніи), то военныя его заслуги вѣдъ всякаго сомнѣнія.

Ю. Р.

О п е ч а т к а.

Въ ноябрьской кн., въ стат. «Іоаннъ Грозный и Россія XVI вѣка», на сгран. 435, 16 строка снизу, напечатано: Станиславъ Августъ, слѣдуетъ читать: Сигизмундъ-Августъ.

В. Т.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1905.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

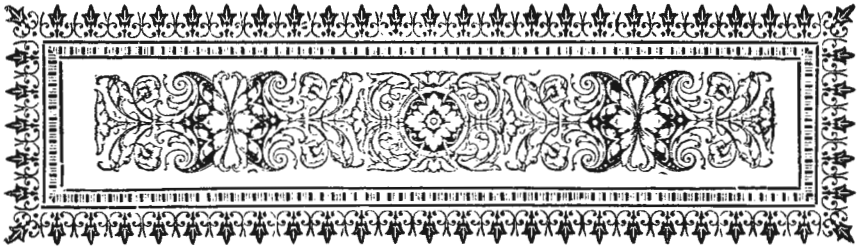

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1905.

Записки Н. Г. Залѣсова ¹⁾.

XXVII.

Возвращеніе въ Оренбургъ.—Послѣдняя тамъ служба и окончательный выѣздъ.—При штабѣ гвардіи.—Изданіе памятной книжки.—Командировка въ Финляндію.—Услуга Крыжановскому.—Красносельскій лагерь.—Пріѣздъ Вильгельма и персидскаго шаха.—Поступокъ со мною Крыжановскаго.—Назначеніе въ Вильну.—Столкновенія съ Самсоновымъ.—Генераль Никитинъ.

Какъ разъ въ субботу передъ масляницей я возвратился въ Оренбургъ, обрадованный встрѣчей за станцію отъ города со старшею моею дочкой, тогда 12-лѣтней дѣвочкой, выѣхавшей ко мнѣ съ одною изъ нашихъ родственницъ. На другой день я разсказалъ Крыжановскому подробно объ исполненіи всѣхъ порученій и былъ имъ весьма обласканъ. На прощанье онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я радъ, какъ радъ, что вы возвратились, любезный Николай Гавриловичъ, я всѣ наряды войскъ въ степь и всѣ награды велѣлъ отложить до вашего пріѣзда, потому что не вѣрю вашему помощнику (полковникъ Христіани), да при томъ онъ такъ глупъ, что не въ состояніи ничего доложить.

Я принялся за работу съ прежнимъ рвеніемъ. Степь, вопреки донесеніямъ, оказывалась далеко не успокоенною; потребовалось вновь высылать отряды, ассигновать суммы.

Къ довершенію всего самъ Крыжановскій, нуждаясь въ деньгахъ, наставлялъ у правительства на необходимости личнаго обзора

¹⁾ См. ноябрь 1903 года.

степи и послѣ долгихъ отказовъ настоялъ таки на томъ, что ему разрѣшили поѣздку и дали на это 19.000 руб. сер.

Весною я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца за границу и просилъ черезъ Крыжановскаго дать мнѣ пособіе изъ казачьихъ суммъ, по примѣру бывшихъ начальниковъ штабовъ, но отпускъ мнѣ разрѣшили, а пособія не дали, несмотря на то, что это былъ первый мой отпускъ за всю службу. Крыжановскому мой отпускъ очень не понравился, и онъ сталъ меня уговаривать отложить его, объясняя, что за отъѣздомъ въ степь ему положительно не на кого оставить край и что онъ сдать мнѣ должность командующаго войсками въ округѣ; я однако же не согласился на это и убѣдилъ Крыжановскаго не сдавать мнѣ этой должности, а поручить только предсѣдательство въ окружномъ совѣтѣ, давъ обѣщаніе до возвращенія его изъ степи не уѣзжать въ отпускъ.

Съ огромной свитой и взявши къ себѣ за начальника походнаго штаба зятя своего, подполковника Тилло, Крыжановскій тронулся въ путь, но какъ окружающіе его люди знали степь только по бумагамъ, то по моему настоянію онъ взялъ съ собою двухъ весьма опытныхъ людей: начальника оренбургскаго укрѣпленія полковника Яковлева и чиновника областного правленія Плотникова. Въ отсутствіе Крыжановскаго дѣла шли заведеннымъ порядкомъ; я именемъ его давалъ разрѣшенія, посылая къ нему каждую недѣлю нарочныхъ съ донесеніями о болѣе крупныхъ событіяхъ, а онъ присылалъ мнѣ постоянно весьма любезныя письма съ отчетомъ о всемъ имъ найденномъ въ степи. Въ это же время я началъ распродалу своего небогатаго имущества, напечатавъ ему списокъ. Продавъ небольшой свой домикъ за полцѣны, я живо сбылъ и всѣ другія вещи, такъ что къ возвращенію начальства въ началѣ іюля мѣсяца былъ совсѣмъ наготовѣ къ выѣзду. Крыжановскій, узнавъ на обратномъ пути о моихъ сборахъ, встрѣтился со мною довольно холодно, но послѣ небольшого разговора вновь повелъ рѣчь о томъ, что онъ осенью поѣдетъ въ Петербургъ и что для меня, какъ небогатаго человѣка, будетъ, вѣроятно, очень хорошо получить аренду, о чемъ онъ имѣеть въ виду непременно хлопотать, что должность свою онъ тогда сдать мнѣ, почему и просить непременно возвратиться къ октябрю мѣсяцу. Затѣмъ, сказавъ „до свиданія“, онъ распрощался со мною.

Сборы мои были коротки. Помолвившись на могилѣ дѣтей, отслуживъ молебень и пообѣдавъ въ послѣдній разъ съ чинами моего штаба, я выѣхалъ изъ Оренбурга 16-го іюля, напутствуемый слезами сильно любившей меня сестры.

Съ грустью я расстался съ Оренбургомъ, много испыталъ я здѣсь горя, но за то здѣсь же протекли лучшіе годы моей молодости. Здѣсь

я воспитывался, здѣсь начал службу бѣднымъ линейнымъ прапорщикомъ и черезъ 22 года кончалъ ее генераломъ и начальникомъ штаба округа, прослуживъ въ этотъ разъ въ Оренбургѣ съ лѣта 1856 по лѣто 1870 года—14 лѣтъ. Я извѣздилъ вдоль и поперекъ весь край, зналъ отлично его топографію, жителей и всѣ особенности ихъ, зналъ всѣ дѣла и потому могъ приносить краю большую пользу, но, служака въ душѣ, я трудно мирился съ произволомъ главныхъ начальниковъ, особенно, когда онъ коснулся семейнаго моего очага. Съ чистою, безупречною совѣстью я покидалъ родной край и если служба въ немъ выдвинула меня впередъ, то въ свою очередь и я послужилъ ему вполне добросовѣстно и принесъ посильную пользу. Пробѣгая дорогой въ Петербургъ мысленно всю свою службу въ краѣ и опуская мелкія работы, я невольно вспоминалъ, сколько терпѣливаго и смѣю сказать честнаго труда было положено мною на систематическое обозрѣніе Самарской губерніи, на походъ и ознакомленіе со степью и ханствами Хивой и Бухарою въ то время, когда мы еще не смѣли носу показать далѣе форта Перовскаго, на съемки Башкиріи и земель Оренбургскихъ и Уральскихъ казачьихъ войскъ и Киргизской степи, при самыхъ ничтожныхъ расходахъ казны, на переустройство Оренбургской кордонной линіи, давшее войску ежегодно 36.000 руб. сбереженія; мною же были составлены новые штаты военнаго управленія краемъ и степью при ген.-ад. Безакѣ, произведены розысканія по Оренбургской желѣзной дорогѣ, розысканія каменнаго угля, устройство Оренбургскаго юнкерскаго училища, Аральской флотилии, не считая ежегодной почти въ послѣднее время формировки новыхъ войскъ для Туркестана и другихъ работъ. И во все это время пользовался весьма часто неограниченною властью, въ распоряженіяхъ я не сдѣлалъ ни одного человѣка несчастнымъ и уѣхалъ изъ края только съ деньгами, полученными за распродажу вещей, да 500 руб., данными мнѣ на дорогу Крыжановскимъ изъ экстраординарныхъ суммъ. Но самую дорогою жертвою, которую я только могъ принести краю—это была смерть 3 моихъ дѣтей, похищенныхъ оренбургскими жарами, и наконецъ жертва моимъ здоровьемемъ. Походы, развѣзды и климатъ убили его совершенно, и я выѣхалъ изъ Оренбурга полуразвалиной, съ окончательно разбитыми силами, которыхъ уже не могли возстановить впослѣдствіи ни воды, ни петербургскіе и заграничные доктора.

Я вель въ Оренбургѣ по преимуществу замкнутую жизнь служебную и семейную, званныхъ обѣдовъ и вечеровъ не любилъ, въ карты не игралъ и потому обширнаго знакомства не имѣлъ, но тѣмъ не менѣе обязанъ сказать, что и въ небольшомъ кружкѣ, въ которомъ я вращался, я нашелъ людей истинно добрыхъ и благородныхъ, па-

мять о которыхъ сохранится во мнѣ навсегда. Къ числу такихъ лицъ я долженъ отнести начальника инженеровъ Е. И. Биршерта, командира бригады генерала Федяя, начальника крѣпостной артиллеріи Найлавова, дежурнаго штабъ-офицера майора Холецкаго, такъ рано похищеннаго смертью и др. Считаю долгомъ поминуть также добромъ бывшихъ моихъ начальниковъ генераловъ Данзаса и Дандевила, и почтеннаго секретаря штаба Г. Р. Семенова. Всѣ они были прекрасные, честные люди. Не могу также не вспомнить постоянного нашего дачнаго мѣстопробыванія—казачьяго селенія Берды, знаменитой когда-то резиденціи Пугачева. Тамъ каждое лѣто въ крайней къ рѣкѣ Сакмарѣ избушкѣ я размѣщался съ своей семьей, и сколько пріятныхъ дней и въ особенности полныхъ нѣги оренбургскихъ вечеровъ провели мы въ кругу пріѣзжавшихъ къ намъ изъ города знакомыхъ. Тамъ иногда по цѣлымъ днямъ мы рыбачили съ удочкой и бреднемъ, гуляли, катались и бѣгали, какъ дѣти, проводя постоянно вечера на открытомъ воздухѣ. И что это были за чудные вечера, что за безоблачное вѣчно синее небо, подъ которымъ прямо передъ нами скользила быстрая Сакмара, окаймленная на противоположной сторонѣ густою зеленью роци, какая ласкающая теплота распространялась въ воздухѣ послѣ заката солнца, какой миръ, тишина спускались въ это время на бѣдную деревушку, и какъ благодѣтельно дѣйствовали они на покой моей души. Только въ дни семейныхъ нашихъ праздниковъ, наша дачка оживлялась: пріѣзжала изъ города военная музыка, и любезные артиллеристы всегда появлялись къ намъ съ фейерверкомъ.

Но довольно будить дорогія воспоминанія, они болью отзываются въ моемъ сердцѣ и прошлаго не вернуть.

Мы выѣхали изъ Оренбурга въ 11 часовъ и черезъ 20 минутъ были уже на Сакмарѣ; здѣсь я послѣдній разъ взглянулъ на городъ, на Маячную гору, гдѣ нерѣдко жилъ въ лагерѣ, поклонился церквямъ, и черезъ минуту густой лѣсъ скрылъ отъ меня навсегда все, что было дорого сердцу.

Черезъ полчаса мы были уже на первой станціи Чернорѣчья. Здѣсь къ немалому изумленію я нашелъ прекрасно сервированный столъ и радушнаго хозяина. Сюрпризъ этотъ устроилъ почтенный начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ Котовъ, съ которымъ мы открывали училище и жили въ большомъ согласіи. Мы съ женою, поблагодаривъ добраго Котова за его любезность, черезъ полчаса ѣхали уже дальше.

Въ Бузулукѣ мы остановились ночевать и наняли одну изъ двухъ комнатъ станціи, въ другой же помѣстился еще раньше насъ проѣзжій изъ Ташкента офицеръ. Онъ пировалъ съ какимъ-то чиновни-

комъ, слышалось чоканье стакановъ, раздавались пѣсни. Я попросилъ черезъ смотрителя эту компанію не шумѣть въ уваженіе того, что рядомъ помѣщаются дамы и дѣти, но просьба осталась безъ вниманія. Покорившись несчастной необходимости терпѣть на станціяхъ всѣ невзгоды, я принялся за чай, когда дверь растворилась и изъ сосѣдней комнаты вышелъ въ разстегнутомъ сюртукѣ съ красной фізіономіей офицеръ и прямо подошелъ ко мнѣ. Я былъ въ сюртукѣ безъ погоны, подорожная моя не была еще предъявлена, а обстановка моей семьи ничѣмъ не давала знать о моемъ служебномъ положеніи.

— Вы откуда ѣдете?—обратился ко мнѣ офицеръ.

— Изъ Оренбурга

— Чортъ знаетъ, что у васъ тамъ за порядки! Просилъ денегъ на дорогу, да вашъ начальникъ штаба не далъ ни копѣйки.

— Вы лично просили?

— Вотъ пойду я къ нему... Онъ, говорятъ, меня сейчасъ выслалъ бы изъ города, а послѣ Ташкента, знаете, хотѣлось... Я докладную подавалъ.

— Вы гдѣ служите?

— Я въ интендантствѣ. А вы кто такой?

— Я начальникъ штаба Оренбургскаго округа.

Офицеръ оторопѣлъ и мгновенно исчезъ за дверью станціи; гдѣ онъ ночевалъ?—не знаю, но ночь мы провели совершенно покойно. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ просвѣтителей Ташкента, которые явились изъ Россіи для насажденія европейской цивилизаціи между дикими народами Средней Азіи. Эти цивилизаторы, по большей части фантазеры и негодлы, такъ мѣтко очерченные Щедринымъ въ его сатирѣ „господа Ташкентцы“, проѣздомъ черезъ Оренбургъ, всегда безобразничали и просили денегъ и конечно получали отказъ, а часто—самыя энергическія съ моей стороны побужденія, въ образѣ арестовъ или жандарма, къ немедленному выѣзду изъ города.

Переночевавъ затѣмъ въ Самарѣ, мы живо добрались на „Самолетъ“ до Нижняго и затѣмъ, не останавливаясь въ Москвѣ, прибыли 26-го іюля въ 9 часовъ утра въ Петербургъ.

Еще изъ Оренбурга я списался съ Мозелемъ объ оставленіи его квартиры за мной и потому, переодѣвшись въ „Знаменской гостиницѣ“, тотчасъ же поѣхалъ на Васильевскій островъ и засталъ Мозеля выѣзжающимъ на желѣзную дорогу. Въ этотъ же день мы перебрались въ наше помѣщеніе, состоявшее изъ 4 маленькихъ комнатъ деревяннаго домика Александровскаго во 2 линіи напротивъ академіи. Дурно и тѣсно намъ было тутъ послѣ 14 комнатъ казеннаго дома въ

Оренбургѣ, а впослѣдствіи зимою мы всѣ переболѣли въ этой квартирѣ и чуть не замерзли, но что дѣлать? не имѣя средствъ, надо было обречь себя и на нужду, тѣмъ болѣе, что она приходила по собственной моей волѣ и если эта лачуга-квартира отзывалась такою сильною болью въ моемъ сердцѣ, то главнымъ образомъ изъ опасенія за здоровье дѣтей и въ особенности доброй моей жены, которая такъ безропотно согласилась промѣнять прежнюю привольную нашу жизнь на неизвѣстную будущность и скитальчество.

Устроившись на квартирѣ, первымъ моимъ дѣломъ было явиться начальству и хлопотать о пособіи на поѣздку за границу, изъ казачьихъ суммъ, по примѣру предшественника моего Левенгофа. Гейденъ принималъ меня любезно, но о какомъ-либо дальнѣйшемъ моемъ назначеніи ни полслова, сказавъ только: „живите здѣсь и отдыхайте“. О пособіи нужно было хлопотать у тогдашняго начальника Главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ Карлгофа; я отправился къ нему на дачу въ Царское Село, но ничего не могъ добиться отъ этой развалины, выглядѣвшей уже тогда полуидіотомъ. Привелось остаться въ Петербургѣ.

Послѣ неустанной живой дѣятельности Оренбурга страшно тяжело и тоскливо показалось мнѣ настоящее бездѣлье. Затерянный въ громадномъ городѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ, разбѣжавшихся по дачамъ, я сразу какъ-то почувствовалъ всю тяжесть одиночества и весь тотъ жесткій эгоизмъ, которымъ такъ рѣзко отличается столичная жизнь отъ провинціальной. Подошла осень, я сталъ хлопотать объ опредѣленіи старшей дочери въ Смольный монастырь, ѣздилъ въ 4-ое отдѣленіе, просилъ, но добился отъ тамошнихъ нѣмцевъ только того, что ее приняли на мой счетъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцъ кончился мой отпускъ, и въ Петербургъ пріѣхалъ Крыжановскій. Еще изъ Оренбурга онъ писалъ ко мнѣ, прося возвратиться съ тѣмъ, что онъ сдастъ мнѣ на время поѣздки свою должность, но я отклонилъ это желаніе и потому встрѣча наша была очень суха. 16-го ноября я былъ отчисленъ отъ должности начальника штаба и на другой день поѣхалъ откланяться Крыжановскому. Онъ просилъ меня указать ему на преемника, и я посоветовалъ избрать на мѣсто мое генерала Звѣрева, что и было исполнено, а затѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что скоро послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе на продажу башкирскихъ земель служившимъ въ Оренбургскомъ краѣ лицамъ и что я болѣе чѣмъ кто-нибудь имѣю право на такую землю и прежде всѣхъ получу ее. На вопросъ, не пожелаю ли я вновь когда-нибудь служить въ Оренбургскомъ краѣ, я отвѣчалъ, что можетъ быть, если поправлю свое здоровье и при томъ только въ должности наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, что Крыжановскій и объ-

шалъ съ удовольствіемъ исполнить, но впоследствии, разумѣется, обманулъ и даже наклеветалъ на меня.

Отвратительная до крайности погода, а главное совершенное бездѣлье начало видимо гнесте мое здоровье; тщетно я просилъ у Гейдена какого-нибудь назначенія или работы, онъ постоянно въ отвѣтъ на это улыбался и говорилъ: „вы живете въ Петербургѣ безъ службы, получаете все содержаніе и скучаете, да тысячи лицъ только и мечтаютъ о томъ положеніи, какъ ваше, удивляюсь, чего вамъ еще надо“.

На Рождество добрыйшій Гейденъ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 1.500 руб. на поѣздку за границу, но эта милость мало утѣшила меня; нравственное мое состояніе было уже сильно потрясено. Съ осени еще заболѣла жена и болѣзнь ея принимала все болѣе и болѣе опасное положеніе; я платилъ огромныя деньги докторамъ, но толку не было; послѣ Рождества заболѣлъ опасно единственный мой сынъ, привелось опять тащить знаменитости. Наступили морозы, квартира оказалась до безобразія сырой и холодной, мы буквально мерзли день и ночь; все это, вмѣстѣ взятое, такъ подѣйствовало на меня, что наконецъ я и самъ слегъ, со мной сдѣлался сильный нервный припадокъ, отъ котораго я еле-еле поправился въ три мѣсяца. Не дай Богъ никому пережить такое время, какъ я тогда пережилъ, и только неисчерпаемая милость Божія спасла меня отъ сумасшествія. Въ веснѣ наконецъ мы стали мало по малу поправляться, сынъ выздоровѣлъ, жену спасъ профессоръ Горвиць, но за то дочка моя въ Смольномъ сильно заболѣла, и я взялъ ее оттуда. Доктора гнали насъ на воды.

Я забылъ сказать, что еще передъ Рождествомъ, вслѣдствіе моихъ просьбъ о службѣ, графъ Гейденъ выхлопоталъ мнѣ прикомандированіе къ 37-й дивизіи, стоявшей въ Петербургѣ, но какъ тамъ я тоже не имѣлъ никакого дѣла, то бывший тогда начальникъ штаба гвардіи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, весьма милостиво ко мнѣ отнесшійся, съ разрѣшенія великаго князя Николая Николаевича, прикомандировалъ меня къ гвардейскому штабу.

Въ маѣ мѣсяцѣ я взялъ заграничный отпускъ на 28 дней, а добрый графъ Шуваловъ разрѣшилъ мнѣ жить въ отпуску въ Россіи до самой осени, и въ началѣ іюня мы отправились на Друскеникскія воды. Пробывъ около мѣсяца на водахъ, мы поѣхали въ Вѣну, откуда, по совѣту докторовъ, переѣхали для купанья въ Триестъ. Неимовѣрно жаркое лѣто скоро однакожь погнало насъ назадъ, и черезъ мѣсяцъ мы опять были въ Друскеникахъ. Дачная сельская жизнь, путешествіе и хорошій воздухъ благотѣльно подѣйствовали на всѣхъ насъ, и въ половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ. Я возобновилъ свою просьбу о работѣ, и графъ Гейденъ, по приказанію военного министра,

*

поручилъ мнѣ составленіе „Полевой памятной книжки для офицеровъ“. Богъ видитъ, какъ я обрадовался этой работѣ, она заняла мое свободное время и даже спасла мое здоровье отъ послѣдствій того глубокаго несчастія, которое я вскорѣ перенесъ, а именно: въ ноябрѣ мѣсяцѣ мой сынъ, возвратившись съ гулянья, почувствовалъ боль въ горлѣ, и на другой день его задушилъ крупъ.

Въ началѣ зимы я былъ назначенъ членомъ комитета по пересмотру штатовъ и устройству генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, образованнаго подъ предсѣдательствомъ генерала Непокочичкаго. Въ комитетѣ участвовало около 14 генераловъ и съ первыхъ же засѣданій сдѣлалось яснымъ единогласное убѣжденіе всѣхъ членовъ о необходимости имѣть особаго начальника для генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, которыми теперь управлялъ начальникъ главнаго штаба. Какъ только это убѣжденіе выяснилось, такъ сейчасъ же засѣданія комитета прекратились и дѣло застряло; ясно было, что нашъ взглядъ не понравился.

Между тѣмъ работы по книжкѣ при помощи приглашенныхъ мною молодыхъ офицеровъ артиллерійскихъ и инженерныхъ шли успѣшно, а рисунки къ ней подготавливалъ почтенный нашъ граверъ Сѣряковъ, съ прекрасными качествами котораго, какъ человѣка, я имѣлъ тутъ случай близко познакомиться. Весною, когда уже трудъ мой началъ поступать въ печать, меня призвалъ къ себѣ графъ Гейденъ и предложилъ ѣхать по нашимъ крѣпостямъ для опредѣленія размѣра разныхъ интендантскихъ и другихъ складовъ, которые нужно держать въ нихъ на случай войны, или же принять на себя командировку по составленію стратегическаго обзора Финляндіи въ связи съ Балтійскимъ побережьемъ. Я отказался отъ перваго порученія и принялъ съ охотою второе, дававшее мнѣ возможность осмотрѣть Финляндію и работать въ сферѣ моей спеціальности, какъ офицера генеральнаго штаба.

Въ началѣ іюня я переѣхалъ на дачу въ Гельсингфорсъ и оттуда началъ свои экскурсіи по Финляндіи. Все лѣто я провелъ въ разѣздахъ по новой для меня странѣ, дороги вездѣ были такъ хороши, что я съ женой и второй дочерью объѣхали край въ городскомъ экипажѣ; къ осени мы переплыли въ Ревель и оттуда въ сентябрѣ вернулись въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ я подалъ свою работу графу Гейдену, присоединивъ къ ней особую секретную записку объ отношеніяхъ финляндцевъ къ Россіи, особенно такъ называемой шведской партіи. Графъ Гейденъ разблагодарилъ меня за работу и передалъ ее Милютину, но послѣднему, какъ оказалось, не совсѣмъ понравилось предложеніе мое упразднить Свеаборгъ, какъ не могущій въ данномъ видѣ (укрѣпленія его были выстроены шведами для

защиты отъ атаки съ сухаго пути и многіе острова вовсе не были укрѣплены) оградить Гельсингфорсъ отъ нападенія съ моря, но зато онъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ тому значенію, которое я придавалъ Выборгу, и къ тѣмъ недостаткамъ, которые выяснены были мною въ расположеніи Тронзундскихъ укрѣпленій и сухопутной обороны Выборга, проектированной Тотлебенемъ. Вслѣдъ за этой работой я сдалъ и книжку, за которую графъ Гейденъ меня не только разблагодарилъ, но и объявилъ, что военный министръ приказалъ представить меня къ лентѣ, взамѣнъ которой я однакожь получилъ только монаршее благоволеніе по особой впрочемъ причинѣ, о которой скажу ниже.

Наступила осень, пошли толки о всесословной воинской повинности, о введеніи которой Д. А. Милютинъ давно уже настаивалъ у государя, но напрасно. Судьбѣ однако же угодно было, чтобы государь; принимая возвратившагося изъ-за границы Валуева, вступилъ съ нимъ, по этому предмету въ разговоръ, и когда Валуевъ подробно коснулся отбыванія воинской повинности въ иностранныхъ государствахъ и вполне призналъ полезнымъ ввести ее и въ Россіи, тогда государь согласился, и дѣло было рѣшено. Составились разные редакціонные комитеты, и живо закипѣла работа, тѣмъ болѣе, что за такую реформу предстояло участникамъ ея получить хорошія награды. Но рядомъ съ реформой или, лучше сказать, подъ покровомъ ея затѣвалась и другая игра — напускалась шефомъ жандармовъ Шуваловымъ травля на военнаго министра съ цѣлью столкнуть его съ мѣста. Я близко зналъ ходъ этой интриги, ибо многое объ этомъ дѣлѣ слышалъ отъ графа Павла Шувалова, бывая у него каждую недѣлю за справками, а бывалъ я часто потому, что Шуваловъ предложилъ мнѣ, не пожелаю ли я занять гдѣ-нибудь мѣсто губернатора, и обѣщалъ въ такомъ случаѣ похлопотать у своего брата и Тимашева, на что, конечно, я согласился. Во главѣ интригующей партіи былъ поставленъ фельд-маршалъ Барятинскій, вызванный по случаю изданія законовъ о воинской повинности для совѣтовъ въ Петербургъ, но конечно душою интриги былъ шефъ. Не ограничиваясь Барятинскимъ, Шуваловы находились тогда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и къ германскому посланнику принцу Рейсу, какъ извѣстно, имѣвшему значительное вліяніе на государя и дѣйствовавшему именемъ императора Вильгельма. Въ сущности же говоря, вся эта партія, сама, можетъ быть, того не сознавая, работала по дудкѣ Бисмарка, боявшагося развитія военныхъ силъ Россіи и національнаго направленія ея политики. За свои услуги въ такомъ дѣлѣ Шуваловъ (шефъ) пользовался огромнымъ расположеніемъ Бисмарка, а черезъ него и императора Вильгельма, что въ свою очередь сильно поддерживало положеніе его при госу-

дарѣ, т. е. было совершенно на руку тому же Бисмарку. Главныя столкновенія этихъ партій съ Милютинымъ начались, конечно, на столбцахъ газетъ: „Русскій миръ“, редактируемой генераломъ Черняевымъ, врагомъ Милютина, и „Голоса“, помѣщавшаго статьи и про и contra: послѣднiя писалъ подъ диктовку Барятинскаго генералъ Яковлевъ, дѣлопроизводитель комитета по устройству и образованiю войскъ. Яковлеву за эту полемику было обѣщано мѣсто губернатора въ Польшѣ, но вполнѣдствiи его, конечно, надули. Статьи для Милютина составлялъ Аничковъ и, кажется, Обручевъ, и потомъ неожиданно негаданно въ эту полемику попалъ и я, какъ жертва искупленiя.

Я сдалъ свою книжку, за которую графъ Гейденъ меня очень благодарилъ. Но въ одно прекрасное утро графъ Гейденъ прислалъ за мной фельдъегеря. Вхожу въ кабинетъ графа, и онъ озабоченно спрашиваетъ меня:

— Читали вы сегодняшнiй „Голосъ“?

— Нѣтъ еще.

— Прочтите, тамъ есть ссылка на вашу книжку, которую фельд-маршалъ (Барятинскiй) носилъ къ государю, чтобы убѣдить его въ крайнемъ самовластiи военнаго министра, объяснивъ, что книга печатана въ военной типографiи и составлена лицомъ официальнымъ.

— Что же отвѣчалъ на это военный министръ?

— Дмитрiй Алексѣевичъ доложилъ государю, что изданiе книги—ваше частное дѣло, только вы и отвѣчаете за ея редакцiю.

— Позвольте узнать, въ чемъ заключается моя вина?

— Какъ же вы, описывая военное управленiе, говорите: „высочайшая воля по предметамъ, относящимся до военно-сухопутныхъ силъ, приводится въ исполненiе военнымъ министерствомъ, которому подчинены войска, военныя управленiя и военныя заведенiя на всемъ пространствѣ имперiи“¹⁾. Вамъ слѣдовало прежде всего сказать, что верховный предводитель армiи есть государь императоръ. Какъ могли вы допустить такой пропускъ?

— Помилуйте, ваше сиятельство, кто же изъ насъ военныхъ не знаетъ, что высшiй начальникъ армiи есть государь, а какъ я всѣми мѣрами старался сократить объемъ книги, чтобы сдѣлать ее компактной, и избѣгалъ всѣхъ излишнихъ объясненiй и даже приведенныя вами выраженiя взялъ цѣликомъ изъ военно-статистическаго обозрѣнiя Россiи Обручева, какъ изданiя, уже пропущеннаго цензурой.

— Это васъ не извиняетъ: военно-статистическiй сборникъ—сочиненiе ученое, предназначенное для высшихъ начальниковъ и офице-

¹⁾ Стран. 137 Полевой памятной книжки.

ровъ генеральнаго штаба, ваша же книжка назначается для всѣхъ офицеровъ, слѣдовательно, есть сочиненіе популярное.

— Потому-то я и составлялъ ее такъ, что она назначается для офицеровъ и для удобства справокъ должна быть какъ можно кратка.

— Объ этомъ теперь не будемъ говорить. Скажите мнѣ откровенно только одно. Излагая въ такой редакціи кругъ дѣйствій военнаго министерства, вы дѣйствительно, опуская о верховномъ командованіи государя надъ арміей, полагали, что это обстоятельство и безъ того всѣмъ извѣстно и писали такъ для краткости?

— Полагаю, ваше сіятельство, что другой мысли у меня не могло и быть никакой. Смѣю васъ увѣрить моимъ честнымъ словомъ.

— Хорошо, я такъ и доложу военному министру... Но зато теперь вы уже не можете рассчитывать на награду за ваши труды.

Тѣмъ кончился нашъ разговоръ. За всѣ работы по книгѣ и въ Финляндіи я получилъ только монаршее благоволеніе и непріязнь Д. А. Милютина.

Отъ Гейдена я перешелъ къ графу Шувалову, чтобы потолковать о настоящемъ дѣлѣ. Графъ встрѣтилъ меня съ улыбкой.

— Что, батюшка, попались?

— Помилуйте, ваше сіятельство, чѣмъ же я виноватъ? Наконецъ нельзя изъ такихъ пустяковъ дѣлать чуть не государственное преступленіе.

— Это все фельдмаршалъ. Онъ показалъ государю и вашу книжку и номеръ „Голоса“, въ которомъ о ней говорилось.

— Значить, въ глазахъ государя я одинъ и остался виноватымъ?

— Государь у насъ добрый. Наконецъ, васъ можетъ и Милютинъ оправдать, прибавилъ съ ироніей Шуваловъ.

— Это значить вышло въ чужомъ пиру похмѣлье?

— Понимайте, какъ хотите, но только не падайте духомъ, прибавилъ съ участіемъ графъ, Богъ дастъ, все поправится.

Такимъ образомъ со стороны противной Милютину партіи употреблялись всѣ средства, чтобы уронить его въ мнѣніи государя, и одно время Бярятинскій, казалось, былъ близокъ къ своей цѣли: сдѣлаться при государѣ начальникомъ главнаго штаба въ родѣ Дибича и ограничить дѣятельность военнаго министерства только хозяйственными дѣлами. Бярятинскій приглашалъ уже нѣкоторыхъ лицъ (какъ напри- мѣръ Албединскаго) занять мѣста въ новомъ военномъ управленіи, но интрига его, какъ увидимъ, не удалась.

Осенью того же 1872 года графъ Гейденъ какъ-то разъ пригласилъ меня къ себѣ и далъ прочитать записку туркестанскаго генераль-губернатора Кауфмана объ экспедиціи въ Хиву, требуя моего мнѣнія. Высказавъ тогда свои взгляды, я потомъ и позабылъ объ

этомъ дѣлѣ, однако же мѣсяца черезъ два получаю записку о назначеніи меня членомъ комитета по разсмотрѣнію туркестанскихъ предположеній, съ извѣстіемъ, что комитетъ долженъ на другой же день собраться въ квартирѣ военнаго министра Милютина. Въ назначенное время пріѣзжаю къ военному министру и застаю въ пріемной Крыжановскаго, который немедленно заключилъ меня въ объятія; на эту сцену вышелъ изъ кабинета Милютинъ и невольно улыбнулся, смотря на такія изліянія ласки бывшаго моего начальника. Дѣло однако же для меня было ясно, что не замедлилъ подтвердить и самъ Крыжановскій, когда мы опять остались одни. По запискѣ Кауфмана всю экспедицію предполагалось совершить войсками Туркестанскаго и Кавказскаго округовъ безъ всякаго участія со стороны Оренбурга. Крыжановскому, конечно, это было неприятно, и онъ въ виду будущихъ наградъ всѣми мѣрами настаивалъ, чтобы и его войска приняли участіе въ экспедиціи, но, не надѣясь на силу своихъ доводовъ, сталъ теперь умолять меня, чтобы я, изъ любви къ Оренбургу, поддержалъ его въ комитетѣ и тѣмъ оказалъ ему огромную услугу, что онъ любить меня, готовъ все для меня сдѣлать и прочее.

— Я читалъ уже проектъ генерала Кауфмана, сказалъ я Крыжановскому, и прежде вашей просьбы, Николай Андреевичъ, рѣшилъ, что безъ участія оренбургскихъ войскъ экспедиція будетъ рискованною, что, помимо всякихъ симпатій къ Оренбургу, и заявлю въ комитетѣ. Крыжановскій еще разъ меня облобызалъ, и мы отправились въ кабинетъ Милютина.

Въ комитетѣ участвовали Кауфманъ, Крыжановскій, графъ Гейденъ, начальникъ штаба Кавказскаго округа Свистуновъ, я и полковникъ Проценко (завѣдывающій азіатскими дѣлами въ главномъ штабѣ). Изъ первыхъ же переговоровъ стало видно, что Кауфманъ имѣетъ за собою, кромѣ меня и Крыжановскаго, голоса всѣхъ членовъ, не исключая и военнаго министра, но когда дѣло дошло до официальныхъ объясненій и военный министръ предложилъ Крыжановскому первому высказать свои предположенія, то Николай Андреевичъ до такой степени растерялся и повелъ такую безсвязную школьническую рѣчь въ доказательство необходимости участія оренбургскихъ войскъ въ экспедиціи, что невольно вызвалъ улыбку на лицѣ Милютина. При этомъ всего досаднѣе было то, что, говоря нечѣлости, онъ часто въ подтвержденіе ихъ ссылался на меня, какъ на знатока Оренбургскаго края. Признаюсь, я дивился Крыжановскому: онъ былъ краснобай, и всѣ мѣстные условія на столько хорошо ему были извѣстны, что онъ могъ разсуждать о нихъ съ полнымъ авторитетомъ.

За Крыжановскимъ повелъ рѣчь Кауфманъ, онъ смѣло, ясно изложилъ свои предположенія, спорилъ съ военнымъ министромъ, отно-

силса съ ироніей къ словамъ Крыжановскаго и рѣшительно опровергалъ необходимость участія оренбургскихъ войскъ. Послѣ Кауфмана говорили Гейденъ, ограничившійся лишь общими замѣчаніями на счетъ возможности успѣха экспедиціи, и Свистуновъ, очень рельефно и толково изложившій, какую помощь можетъ оказать экспедиціи Кавказскій округъ.

Очередь дошла наконецъ и до меня.

Я указалъ на картѣ предположенное направленіе войскъ Кауфмана и Кавказскаго округа и доложилъ комитету, что всѣ свѣдѣнія о путяхъ основаны на разспросныхъ данныхъ, а потому болѣе или менѣе гадательны, при чемъ войскамъ Кауфмана, чтобы подойти къ Хивѣ, предстоитъ еще переправиться черезъ такую рѣку, какъ Аму-Дарья, гдѣ при самомъ даже ничтожномъ сопротивленіи непріятеля можно встрѣтить громадныя затрудненія. Какъ человѣкъ, лично бывший въ тѣхъ мѣстахъ, я сказалъ, что войска встрѣтятъ страшныя затрудненія въ довольствіи и водѣ и могутъ легко погибнуть (что потомъ едва не оправдалось на отрядахъ Кауфмана и Кавказскаго округа), что для движенія оренбургскихъ войскъ мы имѣемъ вполне изслѣдованный и надежный путь, по которому отрядъ навѣрное дойдетъ до Хивы, обстоятельство, особенно важное въ томъ случаѣ, если по изложеннымъ мною причинамъ войскамъ Туркестана и Кавказа не удастся добраться до столицы ханства, почему полагаю, что движеніе со стороны Оренбурга рѣшительно необходимо, даже въ тѣхъ видахъ, чтобы не усиливать существующаго въ Средней Азіи мнѣнія о недоступности Хивы въ случаѣ задержки другихъ отрядовъ и не кончить экспедиціи столь же плачевнымъ образомъ, какъ Перовскій въ 1839 году.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, лицо военнаго министра дѣлалось серьезнѣе, а Крыжановскій сталъ расцвѣтать; по окончаніи же рѣчи Милютинъ, обратясь къ Кауфману, сказалъ:

— Что вы возразите на это, Константинъ Петровичъ? спросилъ военный министръ. Я придаю особое значеніе мнѣнію генерала Залъсова. Это единственный человѣкъ, который бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ и можетъ судить о нихъ не по наслышкѣ. Дорога, имъ указанная, дѣйствительно изслѣдована, снята и описана. Онъ самъ ходилъ по ней. Ваши же свѣдѣнія о путяхъ, равно и Кавказа, основаны только на разспросахъ. Богъ знаетъ, въ какой степени они вѣрны. Наконецъ, и переправа черезъ Аму-Дарью меня очень смущаетъ.

Кауфманъ отвѣчалъ, что разспросамъ своимъ онъ вѣритъ, что имъ будутъ приняты всѣ мѣры на счетъ случайностей и что хотя онъ остался при прежнемъ убѣжденіи, что для наказанія Хивы совершенно довольно и однихъ туркестанскихъ войскъ, но, не желая подвергать

даже и малѣйшему сомнѣнію успѣхъ предложенной имъ экспедиціи, онъ не возстае болѣе противу посылки отряда изъ Оренбурга.

Такъ кончилось это дѣло. Крыжановскій былъ обезпеченъ насчетъ разныхъ предстоящихъ ему по экспедиціи денежныхъ расходовъ, что при его стѣсненныхъ обстоятельствахъ было ему на руку, а близкіе его и родные получили возможность украситься разными боевыми наградами.

Возвращаясь отъ министра, Крыжановскій пошелъ со мною пѣшкомъ до своей квартиры, спрашивая, кого бы выбрать ему начальникомъ отряда, приглашалъ къ себѣ и вообще не зналъ, какъ благодарить меня, но, зная истинное значеніе этой дружбы, я отнесся совершенно хладнокровно ко всѣмъ его изліяніямъ.

Въ продолженіе зимы я время отъ времени продолжалъ заходить къ графу Шувалову, чтобы навѣдаться о моемъ губернаторствѣ; онъ предложилъ мнѣ съѣздить къ Тимашеву. Отправясь въ Морскую, я въ большой пріемной министра встрѣтилъ нѣсколькихъ губернаторовъ, а у косяка двери, ведущей въ кабинетъ, неизмѣннаго Молчалина—Макова въ такомъ же неизмѣнномъ форменномъ фракѣ и сѣренскихъ шароварахъ съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ такъ мизерно, гадливо выглядывалъ, что даже курьеръ, стоявшій у дверей кабинета, и тотъ считалъ себя какъ будто вправѣ третировать его по-товарищески и, вызывая губернаторовъ къ министру, словами: „министръ проситъ такого-то губернатора“, когда очередь дошла до Макова, сказалъ: „Левъ Савичъ, васъ зовутъ“. И этотъ Молчалинъ ворочалъ тогда всѣмъ министерствомъ, а впоследствии, въ самое трудное время, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, котораго въ Олонецкой губерніи крестьяне встрѣчали, танцуя передъ нимъ лансѣ; правда и то, что сила Макова отчасти основывалась и на нѣкоторыхъ бывшихъ когда-то интимныхъ отношеніяхъ къ государю.

Тимашевъ, котораго я помнилъ еще конно-гвардейскимъ офицерикомъ, принялъ меня любезно и предложилъ современемъ занять мѣсто въ одной изъ польскихъ губерній, но когда я ему откровенно замѣтилъ, что не симпатизирую полякамъ, тогда онъ отвѣтилъ, что въ русской губерніи мнѣ будетъ трудно, ибо тамъ требуются отъ губернатора большіе расходы. Затѣмъ онъ съ министерскою важностью началъ развивать передо мною взгляды свои на Польшу, при чемъ я не могъ безъ внутренняго смѣха слушать этого по уму и свѣдѣніямъ болѣе чѣмъ зауряднаго министра, вполне зависѣвшаго отъ Шувалова (шефа) и Макова и способнаго лишь на одну скульптуру. Въ данное время очистилось мѣсто рязанскаго губернатора, женатаго на фрейлинѣ графинѣ Гендриковой. Шуваловъ давно уже предупреждалъ меня объ этомъ мѣстѣ, говоря, что жена губернатора бомбар-

дируетъ шефа жандармовъ просьбами о поддержкѣ ея мужа, но что, несмотря на это, мужъ ея будетъ все-таки смѣненъ. Основываясь на этомъ я попросилъ Тимашева о Рязани, но онъ не согласился и оставилъ во мнѣ надежду только на польскія губерніи. Вскорѣ въ Рязань былъ назначенъ Абаза, имѣвшій конечно болѣе правъ на полученіе этой должности.

Подходила весна, приближалась развязка интриги Бяратинскаго, Шуваловъ сталъ чаще и чаще мнѣ говорить, что проекты Милютина и Обручева по военной реформѣ и повинности, хоть и очень хороши, но что государь положительно ихъ не понимаетъ. Такъ наступилъ день 25-го марта, Благовѣщенія, — полковой праздникъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. Я поѣхалъ въ манежъ на парадъ вмѣстѣ съ Махотинымъ, помощникомъ Шувалова. Бяратинскій къ параду не явился, на лицѣ Шувалова было смущеніе. Пріѣхалъ государь и видимо не въ духѣ, такъ что, несмотря на блестящій видъ полка, онъ разбранилъ его командира, графа Протасова, досталось и великому князю Николаю Николаевичу. Начался молебень, и я увидѣлъ, какъ Шуваловъ сталъ безпрерывно подбѣгать къ Д. А. Милютину, почтительно прикладывая руку къ козырьку; военный министръ сіялъ, всѣ съ умиленіемъ съ нимъ кланялись. Дѣло объяснилось; въ это утро государь рѣшилъ споръ между Милютинымъ и Бяратинскимъ: система Милютина взялъ верхъ. Бяратинскій вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга.

Къ веснѣ 1873 года Шуваловъ мнѣ посовѣтовалъ попрактиковать въ Красносельскомъ лагерѣ, на чтó я и согласился, нанявъ на лагерь дачу у священника противъ церкви.

Весной этого же года была торжественная встрѣча въ Петербургѣ императора Вильгельма и персидскаго шаха. Были парады, угощенія, императоръ щедрою рукою раздавалъ ордена, а Бисмаркъ, Мольтке и К^о объѣдались нашей прекрасной земляникой до такой степени, что было трудно достать эту ягоду въ лавкахъ. Шахъ явился, навѣсивъ на себя всѣ свои брилліанты. Ему очень понравилась тогдашняя цесаревна, и онъ сильно за ней ухаживалъ, не мало возбуждая смѣха въ придворной свитѣ.

Я участвовалъ въ парадахъ, данныхъ Вильгельму и шаху. Для Вильгельма вызвали въ Петербургъ всѣ его полки: Гренадерскій, Драгунскій и Калужскій пѣхотный. На парадѣ государь салютовалъ своему дядѣ, дядя — племяннику. Шахъ на парадѣ явился на своемъ кофѣ-карликѣ, государь везъ его со станціи желѣзной дороги въ особомъ шарабанѣ безъ кучера, такъ какъ этикетъ не позволялъ, чтобы кто-нибудь сидѣлъ задомъ къ шаху. Онъ былъ очень скроменъ на раздачу своего Льва и Солнца.

Послѣ всѣхъ этихъ тревогъ мы перешли въ лагерь и съ іюня

начались у насъ ученя, смотры и, наконецъ, маневры. Я все время бился съ лошадыю и никакъ не могъ съ нею устроиться. На малыхъ маневрахъ мнѣ довелось дѣйствовать противъ генерала Гельфрейха, по окончаніи маневра великій князь велѣлъ намъ подать другъ другу руки и поцѣловаться. Вскорѣ я участвовалъ на ночныхъ маневрахъ и, скакавъ на бѣшеной уральской лошади, упалъ и повредилъ ногу, что заставило меня слечь, отказаться отъ большихъ маневровъ и переѣхать въ городъ. За службу въ лагерь великій князь былъ столь милостивъ, что представилъ меня къ награждѣ, и мнѣ дали старшинство въ линѣ со дня производства.

Въ августѣ мѣсяцѣ я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 7-й дивизіи и хотя этимъ назначеніемъ былъ разжалованъ (послѣ мѣста начальника штаба округа) изъ поповъ въ дьяконы, но бѣдному человѣку нечего было разбирать, тѣмъ болѣе, что добрый графъ Гейденъ позволилъ мнѣ прожить зиму въ Петербургѣ и лѣтомъ слѣдующаго года съѣздить на воды въ Старую Руссу, т. е. отправиться въ бригаду почти черезъ годъ послѣ назначенія. Въ концѣ 1873 года я былъ назначенъ въ комитетъ по привлеченію башкиръ къ воинской повинности; мы имѣли нѣсколько засѣданій, результатомъ которыхъ было образованіе Башкирскаго эскадрона, а нынѣ полка, а въ маѣ 1874 года, распродавъ всю свою мебель, отправился я на лѣто въ Старую Руссу.

Не помню, весной этого или прошлаго года я какъ-то разъ зашелъ къ графу Шувалову навѣдаться о мѣстѣ губернатора. Павелъ Андреевичъ по обыкновенію встрѣтилъ меня очень любезно, но сказалъ, что онъ на-дняхъ два раза заѣзжалъ къ своему брату, и къ удивленію шефъ жандармовъ его не принималъ, будучи занятъ весьма важнымъ дѣломъ. Дѣло это вскорѣ разъяснилось.

.....

Пробывъ два мѣсяца въ Руссѣ, мы возвратились въ Петербургъ. Въ это время столь ненавистный публикѣ шефъ жандармовъ Шуваловъ былъ уволенъ, и на его мѣсто назначили Потапова изъ Вильны, куда былъ посланъ Альбединскій.

Остановясь не надолго въ Петербургѣ, я еще разъ поѣхалъ къ Шувалову въ Красносельскій лагерь, чтобы окончательно узнать отъ него о моемъ губернаторствѣ. Шувалова я нашелъ въ мрачномъ настроеніи духа, смѣна брата на него очень подѣйствовала, онъ сѣтовалъ на придворныя интриги, съ горечью говорилъ, что на другой же день по смѣнѣ братъ его началъ получать разные колкіе запросы по разнымъ дѣламъ отъ такихъ министровъ, которые наканунѣ еще считали закономъ всякое слово, сказанное шефомъ.

Возвратясь на станцію, я долженъ былъ ждать здѣсь около часа приходящаго изъ Гатчины поѣзда.

15-го августа мы выѣхали черезъ Варшаву въ Кѣльцы, но въ Радомѣ жена моя опять сильно разболѣлась, и мы кое-какъ дотащились до мѣста. Мнѣ отвели квартиру въ гостиницѣ, пока отстроивался домъ одного русскаго купца, куда я потомъ и перешелъ.

Маленькій, чистенькій городокъ Кѣльцы скорѣе напоминалъ дачу, чѣмъ губернской городъ; 7-й дивизіей тогда командовалъ генераль Сарачинскій, извѣстный храбрецъ. Назначенный на это мѣсто по родству съ варшавскимъ генераль-губернаторомъ Коцебу, онъ, кромѣ лагеря, и не видалъ своей дивизіи, живя постоянно въ Варшавѣ, а если и пріѣзжалъ въ свой штабъ, то только для того, чтобы поиграть въ карты, съ кѣмъ попало.

Въ Кѣльцахъ я усердно занялся службою, но сразу увидѣлъ, что при всемъ стараніи ничего изъ этого не выйдетъ при тѣхъ ничтожныхъ правахъ, которыми пользовались бригадные командиры. Разъ убѣдившись въ этомъ, оставаться въ Кѣльцахъ при моей жаждѣ дѣятельности я уже не могъ и, пробывъ тамъ до января, поѣхалъ въ Петербургъ.

Поѣздку мою ускорило еще и письмо Клугина, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что открылось мѣсто атамана Оренбургскаго казачьяго войска и что графъ Гейденъ хлопочетъ о предоставленіи его мнѣ. Пріѣхавъ съ частью семьи въ Петербургъ, я сдѣлалъ оплошность, что заѣхалъ сначала къ графу Шувалову попросить его замолвить словечко обо мнѣ Макову, а затѣмъ явился уже къ Гейдену, что послѣднему не понравилось. И доложивъ начальнику главнаго штаба о положеніи бригаднаго командира, я прямо объявилъ, что въ бригаду ни за что не поѣду. Такое рѣзкое заявленіе раздражило Гейдена; онъ вспылить и сказалъ, что никакого мѣста и содержанія больше мнѣ не дастъ, но такова была доброта этого человѣка, что черезъ день онъ самъ же мнѣ передалъ, что будетъ просить за меня Тимашева. Дѣло казалось было устроено, Тимашевъ заявилъ военному министру, что выбираетъ меня, но послѣдній посоветовалъ ему спросить еще согласія на мое назначеніе генераль-губернатора Крыжановскаго. Зная, что Крыжановскій давно обѣщалъ мнѣ это мѣсто и, какъ оказалось по справкѣ въ главномъ штабѣ, спустя два года по выѣздѣ моемъ изъ Оренбурга официально просилъ министра назначить меня атаманомъ, я былъ почти увѣренъ, что мое назначеніе состоится. Прошло нѣсколько дней, явилась сначала телеграмма, а потомъ и письмо Крыжановскаго къ военному министру, гдѣ почтенный Николай Андреевичъ просилъ назначить вмѣсто меня атаманомъ Зенгбуша и, не ограничиваясь этимъ, описывалъ самыми черными

красками и мой болѣзненный, неуживчивый характеръ, и незнаніе дѣль, и говорилъ о какихъ-то обстоятельствахъ, не позволяющихъ мнѣ служить въ краѣ. Такая низость со стороны Крыжановскаго взбудоражила не только меня, но и всѣхъ честныхъ людей въ главномъ штабѣ. Немедленно былъ составленъ докладъ военному министру на основаніи всѣхъ имѣвшихся въ штабѣ заявленій и писемъ Крыжановскаго о моей отличной 14-лѣтней службѣ въ краѣ, о моихъ нравственныхъ качествахъ, къ которому были приложены и всѣ подлинныя отзывы Крыжановскаго. Милютинъ положилъ резолюцію, что во избѣжаніе столкновеній моихъ съ генераль-губернаторомъ, что неминуемо бы произошло при назначеніи моемъ вопреки его желанія, онъ не считаетъ удобнымъ предоставлять мнѣ мѣсто атамана, но что я при моихъ отличныхъ способностяхъ, лично ему извѣстныхъ, всегда могу разсчитывать на полученіе соответствующаго мѣста въ Россіи. То же самое повторилъ мнѣ Д. А. Милютинъ при личномъ свиданіи у себя въ кабинетѣ, добавивъ: „Я затрудняюсь назвать поступокъ съ вами Крыжановскаго и удивляюсь малой серьезности челоуѣка, у котораго на одной недѣлѣ семь пятницъ, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ ко мнѣ кромѣ общихъ возраженій онъ не приводитъ противъ васъ никакого факта. Будьте увѣрены, мы васъ не оставимъ такъ, а теперь пока живите спокойно“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я былъ отчисленъ отъ должности командира бригады, а спустя полгода былъ прикомандированъ къ военно-ученому комитету и, кромѣ того, назначенъ членомъ главнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Независимо отъ официальныхъ занятій я занялся и частною работою у добраго моего пріятели редактора „Военнаго Сборника“ Лаврентьева, помогая ему въ трудахъ по редакціи. Въ военно-ученомъ комитетѣ я работалъ подъ руководствомъ генерала Обручева и занимался составленіемъ плана войны на случай разрыва съ Австріей, ибо тогда уже началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, а въ статистическомъ комитетѣ спорилъ часто съ предѣдателемъ его, который, подобравъ безголовыхъ членовъ, проводилъ въ комитетѣ безпрекословно все, что ему приходило въ голову относительно статистическихъ работъ въ Россіи, главнымъ же образомъ то, чтобы ему поручили то или другое изслѣдованіе въ Россіи, особенно въ подмосковныхъ губерніяхъ, гдѣ у него были помѣстья, а слѣдовательно и выдали прогоны на разѣзды.

Весною 1876 года я поѣхалъ на морскія купанья и поселился на все лѣто съ семейю въ Ревелѣ. Тамъ живя около Екатеринентайскаго парка, я съ любопытствомъ слѣдилъ за развивавшейся борьбой на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствіями Черняева въ Сербіи и от-

правкой туда нашихъ добровольцевъ. Энтузіазмъ къ славянамъ даже въ этомъ по преимуществу нѣмецкомъ городѣ все болѣе и болѣе разгорался.

Въ половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ, и спустя недѣлю или двѣ за мной пріѣхалъ фельдъегерь отъ графа Гейдена.

— Гдѣ вы пропадаете? что васъ нельзя сыскать? — встрѣтилъ меня графъ.

— Жилъ съ вашего разрѣшенія въ Ревелѣ, а на-дняхъ возвратился въ Петербургъ.

— Я телеграфировалъ ревельскому губернскому воинскому начальнику, но онъ отвѣчалъ, что васъ нѣтъ въ Ревелѣ. Пожалуйста, запишите вашу квартиру. Я васъ звалъ, чтобы предупредить, что вы назначены въ дѣйствующую армію начальникомъ 33-й дивизіи, списки на утверженіе пошли уже въ Ливадію. Вы—человѣкъ бывалый въ походахъ и дѣлахъ, поэтому я васъ выбралъ.

Мнѣ оставалось только благодарить графа и поторопиться домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

Дней чрезъ десять графъ вновь призвалъ меня и объявилъ, что списки возвращены изъ Ливадіи, но съ перемѣнами и, между прочимъ, въ 33-ю дивизію назначенъ генералъ Тимофеевъ, а я въ 27-ю въ Вильну.

— Не горюйте, прибавилъ графъ, дѣло можетъ дойти и до васъ Тимофеева же государь избралъ, вѣроятно, потому, что онъ его знаетъ съ молодыхъ лѣтъ, когда они вмѣстѣ бывали у Паткуля, тогдашняго командира Павловскаго полка.

Такимъ образомъ, вмѣсто дѣйствующей арміи я попалъ въ Литовскій край подъ команду генералъ-адъютанта Альбединскаго. Сборы мои были недолги. Въ половинѣ ноября я явился къ Альбединскому въ гостиницѣ „Демуть“ и встрѣтилъ въ немъ браваго стараго гусара, принявшаго меня весьма любезно, а 21-го числа съ старшей дочерью выѣхалъ изъ Петербурга.

Вагоны были запружены ѣхавшими въ Кишиневъ интендантскими чиновниками и топографами, и всѣ эти храбрые воины не пропускали ни одной станціи, чтобы не сходить въ Сербію; такъ они называли буфеты, въ которыхъ все время нагружались водкой.

Альбединскаго я уже засталъ въ Вильнѣ и въ первый же воскресный день, когда у него бывали приемы, явился къ нему и познакомился съ его супругой, урожденной княжной Долгоруковой. И хозяйинъ, и хозяйка встрѣтили меня крайне привѣтливо, съ тою деликатностью, которая вообще характеризуетъ людей высшаго круга, получившихъ порядочное воспитаніе.

Еще въ Петербургѣ до меня доходили слухи, что предметникъ

мой баронъ К—ръ очень запуталъ свои денежные дѣла, но по прибытіи въ Вильну я тотчасъ же узналъ, что долги барона очень близко касаются дивизіи. Я началъ осмотрѣть ротъ. Во всѣхъ полкахъ я нашелъ полный наружный порядокъ, щегольство даже въ одеждѣ, но когда я разстегнулъ мундиры у людей, открылъ тюфяки и посмотрѣлъ, что лежитъ подъ подушками и подъ нарами, то большей грязи, вони, всякой мерзости рѣдко можно было встрѣтить въ послѣднемъ кабакѣ.

О такомъ безобразіи я немедленно доложилъ Альбединскому и принялся оздоровлять людей и казармы. Строгія приказанія, частые, внезапные наѣзды, выговоры полковымъ командирамъ, которымъ я не подавалъ руки, произвели гвалтъ. На меня посыпались обвиненія въ излишней строгости, въ пренебреженіи къ частнымъ начальникамъ. Заѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба округа генералъ Казимирскій, пустая, выжившая изъ ума личность, съ тонкимъ намекомъ на мое обращеніе, давая понять, что все это неприятно командующему войсками. Дѣло видимо пошло на интриги, но я ихъ кончилъ разомъ. На другой же день я поѣхалъ къ Альбединскому и, повторивъ ему еще разъ о долгахъ К—ра и порядкахъ въ полкахъ, заявилъ, что къ К—ру я ни за что не поѣду, что пока служу, не допущу, чтобы люди жили въ грязи и морились голодомъ и что буду подавать полковому командиру руку только тогда, когда онъ своею честною дѣятельностью будетъ этого заслуживать. Къ чести Альбединскаго я долженъ сказать, что онъ внимательно меня выслушалъ и, признавъ доводы мои уважительными, поблагодарилъ меня, сказавъ: „всегда такъ дѣйствуйте“. Эта поддержка сразу прекратила всѣ напѣтыванія, и дѣло пошло успѣшно. У солдатъ явились чистые тюфяки, подушки, бѣлье, въ казармахъ опрятность, хорошая пища.

Затѣмъ я обратилъ вниманіе на хозяйство полковъ, которымъ полковые командиры при К—рѣ распоряжались безконтрольно. Подвергнувъ смѣты хозяйственныхъ распоряженій строгому просмотру, я предписалъ полкамъ распоряжаться только въ предѣлахъ помянутыхъ смѣтъ, всю же затѣмъ экономію въ деньгахъ отобралъ въ свое распоряженіе и образовалъ въ полкахъ обратныя капиталы. Они дали мнѣ возможность постоянно улучшать бытъ солдатъ и офицеровъ. На нихъ были заведены въ полкахъ умывальники, желѣзныя кровати, кухонная и столовая мѣдная посуда, чайная; улучшалось довольствіе людей, поддерживалось дивизионное собраніе, бывшее въ долгахъ, выдавались пособія бѣднымъ офицерамъ, выстроились конюшни, дейстаузы и кухни въ лагерѣ и проч. Все это не правилось полковымъ командирамъ, они роптали вслухъ, но я не обращалъ никакого вниманія и шелъ своею дорогою.

Отъ внутренняго быта полковъ слѣдовалъ переходъ къ ихъ строе-

вому и научному образованію. Обученіе нижнихъ чиновъ, благодаря заботамъ Альбединскаго, было поставлено въ округѣ, на основаніи строгой системы, но нельзя было сказать того же объ образованіи офицеровъ. Здѣсь я употребилъ уже свой личный трудъ, занимаясь два раза въ недѣлю съ офицерами самъ и измѣнивъ совершенно методъ занятій. Я сталъ въ роль противника и заставилъ офицеровъ баталіонными группами рѣшать противъ меня тактическія задачи на планѣ, при чемъ присутствовали всѣ другіе офицеры; я привлекъ къ этимъ занятіямъ безусловно всѣхъ ротныхъ командировъ, чего до сихъ поръ не было, всѣ занятія сталъ вести изустно, отбросивъ вовсе письменныя работы, изгналъ военную игру и въ послѣдствіи ввелъ въ употребленіе вмѣсто плановъ раскрашенныя доски, которыя всѣ могли видѣть и которыя потомъ вошли въ употребленіе почти повсюду.

Рядомъ съ этими мѣрами было обращено строгое вниманіе на нравственную сторону солдатъ и офицеровъ. Повсемѣстное введеніе солдатскихъ чайныхъ сразу уменьшило процентъ пьяницъ, а отсюда и преступленій. Выгонъ изъ службы нѣсколькихъ негодныхъ офицеровъ далъ острастку другимъ, а запрещеніе въ офицерскомъ собраніи азартныхъ игръ показало офицерамъ, что и такая профессія не безопасна. Съ цѣлью доставить развлеченіе офицерамъ, я обратилъ вниманіе на ихъ библіотеки и собраніе. Первые были пересмотрѣны, а второе выпутано изъ долговъ. Офицерское собраніе находилось подъ управленіемъ полковника Панютина, занимало грязное помещеніе въ казармахъ и не имѣло никакихъ средствъ. Я сталъ каждый разъ самъ посѣщать вечера собранія, привозя туда дочь, изгналъ изъ него разныхъ арфистокъ, содержанокъ и проч., оплатилъ долги изъ полковыхъ суммъ и постоянно требовалъ отъ офицеровъ строгого благоприличія; полковника же Панютина, любившаго по своей славянской широкой натурѣ тратить деньги и свои, и чужія, я пригласилъ къ самой строгой экономіи.

На Рождество я объѣхалъ загородныя роты, вводя тамъ тѣ же порядки, несмотря на явное противодѣйствіе во всемъ командира 106 полка полковника Коммиссарова, а засимъ представилъ самый подробный отчетъ Альбединскому о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, указавъ съ полною откровенностью на нѣкоторыя сдѣланныя мною ошибки. Петръ Павловичъ прочиталъ мою записку, облобызалъ меня, просилъ такъ и впредь дѣйствовать и съ тѣхъ поръ до самаго отъѣзда изъ Вильны удостоивалъ меня самаго полного довѣрія и теплой дружбы.

Служебныя занятія и жизнь въ Вильнѣ пошли обычнымъ порядкомъ. Къ веснѣ 1877 г. все мое семейство переѣхало въ Вильну, и мы поселились на дачѣ Распопова. Къ веснѣ же состоялось назначе-

ніе моего корпуснаго командира генераль-лейтенанта С—ва, дотолѣ командовавшаго 25-ю дивизією.

Старый преображенецъ, порядочный деспотъ по манерѣ царствованія Николая I-го, врагъ всякихъ нововведеній въ тактикѣ, С—овъ не могъ сойтись со мной, а долгая привычка слушать во всемъ полковыхъ командировъ, которые, конечно, были мною недовольны, и нашептыванія со стороны Панютина сразу поставили насъ съ С—овымъ въ самыя натянутыя отношенія.

Въ то время, когда слѣдовало только учить новобранцевъ, С—овъ сталъ дѣлать дивизіи смотры и церемоніалы—я протестовалъ; по примѣру 25-й дивизіи онъ потребовалъ, чтобы у него постоянно на дворѣ стояла четверка полковыхъ лошадей для его разѣздовъ; я ихъ не далъ, какъ незаконное требованіе; въ его глазахъ Панютинъ, какъ бывший преображенецъ, былъ примѣрный офицеръ и игралъ съ нимъ въ карты, по моему же мнѣнію Панютинъ былъ вертопрахъ. Придирки дошли до того, что С—овъ сталъ учить меня, какъ я долженъ подходить къ фронту, какъ здороваться съ людьми, какую имѣть при этомъ улыбку на лицѣ—я отвѣчалъ смѣхомъ на эти замѣчанія, объяснивъ, что, прослужа 28 лѣтъ офицеромъ въ строю, и самъ знаю, какъ вести себя. Наконецъ, неприязнь ко мнѣ достигла такой степени, что командиръ корпуса дошелъ до мелочей и сталъ ѣздить жаловаться на меня Альбединскому, что я не такъ стою передъ нимъ, не такъ кланяюсь, не такъ держу руки, сталъ пугать меня, что удалить отъ командованія дивизіей, дополняя все это, по поводу того же Панютина, самыми незаконными ко мнѣ предписаніями, на которыя я отвѣчалъ вѣжливыми, но самыми уничтожающими его рапортами.

При такой борьбѣ все отшатнулось отъ меня въ Вильнѣ, по польской привычкѣ, вошедшей въ натуру и здѣшнихъ русскихъ людей, почитать только силу, а силу, конечно, всѣ предполагали на сторонѣ начальника, т. е. С—ова. Полковые и бригадные командиры неохотно стали исполнять мои приказанія. Начальникъ штаба моего полковникъ Дроздовичъ съ испугу отказался подписывать рапорты мои къ С—ову, даже посторонняя военная публика и та какъ бы стала сторониться отъ меня, выжидая, что скажетъ командующій войсками. Альбединскій, однако же, взглянулъ на дѣло иначе; мои труды были у него передъ глазами, всю переписку свою съ С—овымъ я представилъ ему черезъ начальника окружнаго штаба и ни одного столкновенія не оставлялъ безъ того, чтобы лично не доложить ему объ этомъ; все, что онъ съ своей стороны нашелъ нужнымъ мнѣ замѣтить—это была просьба быть какъ можно осторожнѣе съ С—овымъ. На требованіе С—ова удалить меня отъ командованія

дивизією Альбединскій не согласился, отвѣтивъ, что законъ даетъ это право и самому корпусному командиру. Переписку мою съ С—овымъ было приказано отправить въ военное министерство, тогда какъ С—овъ послалъ на меня доносъ прямо къ министру, находившемуся съ государемъ въ Турціи.

Въ ноябрѣ 77 года государь возвращался въ Россію черезъ Вильну; съ нимъ ѣхалъ и Милютинъ. Дивизія моя была расположена шпалерами около станціи желѣзной дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ сытымъ видомъ людей, прекрасною одеждою и разблагодарилъ Альбединскаго, а тотъ меня. Въ то время, когда государь оставался на виленской станціи, куда выѣхала къ нему навстрѣчу супруга Альбединскаго съ дѣтьми, Милютинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я получилъ странное письмо отъ С—ова и переговорилъ уже съ Петромъ Павловичемъ, который вполне доволенъ вашей службой; благодарю васъ; служите по-прежнему и ничѣмъ не тревожьтесь.

Такъ кончилась эта исторія, и вскорѣ С—овъ былъ отчисленъ отъ должности корпуснаго командира; еще ранѣе его, въ началѣ осени, ушелъ и Панютинъ, получивъ полкъ въ дѣйствующей арміи. Передъ отъѣздомъ Панютинъ роздалъ въ долгъ своимъ офицерамъ около 600 руб. казенныхъ денегъ, на которыя эти бѣдняки устроили ему и женѣ его прощальный обѣдъ и поднесли какую-то серебряную вещь въ подарокъ. Вотъ съ какими людьми судьба привела мнѣ служить и бороться.

Между тѣмъ война шла своимъ чередомъ; мы пекли сухари, посылали на укомплектованіе офицеровъ и людей и болѣли сердцемъ за наѣздъ Гурко за Балканы и за Плевно. Большинство секретовъ главной квартиры я имѣлъ случай узнавать заранѣе и вотъ какимъ образомъ. Телеграфное управленіе въ Вильнѣ считало своимъ долгомъ всѣ нешифрованныя телеграммы, идущія изъ арміи въ Петербургъ, принимать на свою ленту и изъ угодливости подносить ихъ генералъ-губернатору. А какъ рѣдкій день проходилъ, чтобы главнокомандующій не посылалъ телеграммъ Ч—ой, въ которыхъ зачастую излагалъ съ свойственной ему откровенностью и свои военные планы, то, благодаря этому, Альбединскій зналъ заранѣе о нападеніяхъ на Плевну, печальномъ положеніи арміи и даже зимнемъ походѣ на Балканы и, по личному ко мнѣ довѣрію, свѣдѣнія эти передавалъ мнѣ, горюя о такой простоватости, которая, конечно, доходила до свѣдѣнія нашихъ враговъ.

На мѣсто С—ова командиромъ 2-го корпуса былъ назначенъ начальникъ штаба Виленскаго округа, генералъ Никитинъ, въ началѣ кампаніи ѣздившій формировать сербскую армію, а затѣмъ командо-

*

вавший войсками, собранными на австрийской границѣ. Это былъ старый штабный чиновникъ, искусный въ интригахъ, но вовсе не знавшій строя и при томъ безъ всякаго характера, а какъ при этомъ онъ былъ страшный лѣнтяй, то мнѣ никто не мѣшалъ управлять дивизіею по моему усмотрѣнію.

Въ 1878 году, лѣтомъ, я поѣхалъ на купанье въ Либаву, но тамъ получилъ отъ начальника штаба Звѣрева письмо, что по высочайшему повелѣнію для осмотра моей дивизіи пріѣзжаетъ генераль-адъютантъ Драгоміровъ и Альбединскій просить меня вернуться въ Вильну.

Мои отношенія къ Драгомірову въ то время не были хороши вслѣдствіе весьма рѣзкихъ съ моей стороны нападокъ въ печати на его черезчуръ оригинальныя идеи объ образованіи солдата. Альбединскій зналъ объ этомъ и, когда пріѣхалъ Драгоміровъ и остановился у него во дворцѣ, самъ повелъ меня къ нему для представленія. Встрѣтились мы, однако же, весьма любезно. Драгоміровъ осмотрѣлъ дивизію во всей подробности, изслѣдовалъ весь методъ моего обученія и остался имъ вполне доволенъ. Послѣ маневровъ онъ пришелъ въ такой восторгъ, что заплакалъ и публично заявилъ Альбединскому, что онъ не можетъ даже выразить всего удовольствія, доставленнаго ему превосходнымъ обученіемъ войскъ.

На бывшемъ, вслѣдъ за этими маневрами, обѣдѣ во 2-й бригадѣ, когда я предложилъ тостъ за здоровье 14-й и 27-й дивизій, Драгоміровъ опять заплакалъ, расцѣловался со мною, и мы перешли на ты.

Послѣ обѣда Альбединскій тоже расцѣловалъ меня, разблагодарилъ за труды и, усѣвшись со мной и Никитинымъ на диванчикѣ, сказалъ:

— Благодарю васъ, Николай Гавриловичъ, вы мой истинный другъ. Вотъ говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, что васъ любитъ очень моя жена, что потому и я къ вамъ отношусь благосклонно, но кто васъ ближе узнаетъ и узнаетъ вашу службу, тотъ невольно васъ полюбитъ и будетъ уважать ваши труды. Александръ Павловичъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ Никитину,—намъ всё говорили, что Николай Гавриловичъ человѣкъ раздражительный, что съ нимъ нельзя служить по его неуживчивости, а вотъ видите, какъ у насъ съ нимъ все идетъ хорошо и въ какомъ прекрасномъ состояніи его дивизія.

Вечеромъ Драгоміровъ смотрѣлъ тактическія занятія офицеровъ и пришелъ въ восторгъ отъ моего метода, заявивъ Альбединскому, что онъ ему и въ голову не приходилъ и онъ даже не воображалъ встрѣтить что-либо подобное.

Такъ кончились смотры, о результатѣ которыхъ Драгоміровъ донесъ въ Ливадію государю, послѣдствіемъ чего было письмо Милютина къ Альбединскому, въ которомъ государь разблагодарилъ Аль-

Бединскаго и меня, а копію съ донесенія Драгомірова о состояніи 27-й дивизіи приказалъ разослать въ назиданіе ко всѣмъ командующимъ войсками въ округахъ.

Въ августѣ 1878 г. я былъ произведенъ внѣ правилъ въ генераль-лейтенанты, а въ январѣ 1879 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за занятія въ дивизіи, сказавъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени лично посмотрѣть ее. Слова государя я тотчасъ же телеграфировалъ Альбединскому, который остался этимъ очень доволенъ.

Помимо чисто фронтowychъ занятій, вниманіе мое было обращено главнымъ образомъ на переустройство лагеря и дивизионнаго офицерскаго собранія. Первый, воздвигнутый предмѣстникомъ моимъ Криденеромъ, состоялъ изъ землянокъ, бывшихъ по своей сырости источникомъ сильной болѣзненности, а второе помѣщалось въ низенькихъ мрачныхъ казарменныхъ комнатахъ, перегороженныхъ досками. Передѣлки эти требовали, однако же, большихъ денегъ, и только мои добрыя отношенія къ Альбединскому и постоянныя предъ нимъ ходатайства могли привести къ тому, что на переустройство лагеря самими войсками мнѣ дали 34 т. р., а на собраніе 18 т. руб., возложивъ, однако же, передѣлку послѣдняго на инженеровъ.

Войска на отпущенныя деньги передѣляли всѣ землянки на крестьянскіе домики, провели водопроводъ, выстроили особое помѣщеніе для начальника дивизіи и его штаба и произвели много другихъ работъ, а инженеры на 18 т. р. сломали только потолокъ и нѣкоторые столбы въ бывшей залѣ собранія и выписали для него люстры. Добрая треть этихъ денегъ легла въ карманы строителей.

XXVIII.

Санъ-Стефанскій договоръ и Берлинскій конгрессъ.—Графъ П. А. Шуваловъ.—Его карьера.—Вліяніе Бисмарка.—Перемѣна виленскаго генераль-губернатора.—Назначеніе графа Тотлебена.—Морганатическій бракъ.—Супруга Альбединскаго.—Ея благородный характеръ.—Нигилисты.—Катастрофа 1-го марта.—Перемѣна высшей администраціи.—Скобелевъ и его рѣчь.

Увлечшись разговоромъ объ устройствѣ дивизіи, я опустилъ передать о другихъ обстоятельствахъ, интересовавшихъ тогда русскій кружокъ въ Вильнѣ.

Въ предшествовавшихъ описаніяхъ я упоминалъ о моемъ знакомствѣ и службѣ съ бывшимъ посломъ нашимъ въ Константинополь Н. П. Игнатьевымъ. Съ своей стороны Альбединскіе мнѣ рассказывали, что и они находятся въ добрыхъ отношеніяхъ съ Игнатьевымъ

и что послѣдній, проѣзжая съ женою Вильну, каждый разъ обѣдаетъ у нихъ. Въ концѣ войны, однако же, эти добрыя отношенія къ Игнатъеву стали переходить у Альбединскихъ въ натянутыя, особенно послѣ каждаго проѣзда черезъ Вильну графа Шувалова, посла нашего въ Лондонѣ, большаго пріятеля Альбединскаго, къ которому послѣдній всегда выѣзжалъ навстрѣчу на станцію. Стали подвергаться критикѣ и Санъ-Стефанскій договоръ Игнатъева, и его поѣздка въ Австрію, и поѣздка въ Парижъ и Лондонъ.

Разными происками Игнатъева оттерли отъ двора, а главное, отъ руководящей дипломатической роли, которая всецѣло перешла къ Шувалову. Заѣздилъ послѣдній изъ Лондона въ Петербургъ и обратно черезъ Вильну, и начали расти слухи, что мы погибаемъ, что вся Европа противъ насъ, что только усердіе Шувалова и его связи въ Лондонѣ могутъ спасти Россію, и потому надо безусловно согласиться на то, что выхлопочетъ Шуваловъ у Биконсфильда, какъ бы это ни было горько для насъ.

Первыя двѣ поѣздки въ Петербургъ Шувалова, вполнѣ осѣдланнаго и одураченнаго Биконсфильдомъ, не удались, однако же, и царь, поддерживаемый Милютинимъ, не соглашался на большія уступки, но когда Шуваловъ поѣхалъ въ третій разъ, побывавъ предварительно у Бисмарка, который тоже выдѣлывалъ изъ него, что хотѣлъ, тогда царь сдался.

Я помню этотъ послѣдній проѣздъ Шувалова изъ Петербурга въ Берлинъ. Я нарочно пошелъ на станцію желѣзной дороги, чтобы посмотрѣть на графа. Онъ гордо вышелъ изъ вагона и направился въ царскіе покои, гдѣ ожидалъ его Альбединскій. Когда ушелъ поѣздъ, то на мой вопросъ: ну, что сказалъ графъ? Альбединскій мнѣ отвѣчалъ: „Что, графъ? Онъ не то, что прежде, королемъ теперь ѣдетъ, онъ получилъ отъ государя *carte blanche* дѣйствовать на конгрессѣ, какъ признаетъ возможнымъ“.

При такихъ-то условіяхъ, т. е. при совершенномъ подчиненіи Бисмарку, Биконсфильду, Андраши, бѣдненькаго знаіемъ русскаго народа нашего жандармскаго либерала графа Шувалова и при полномъ уничтоженіи передъ Европою и собственномъ самооплеваніи подобныхъ же Шувалову русскихъ европейцевъ вродѣ графа Валуева и другихъ, обмороченный, если не страхомъ, то ложнымъ подчиненіемъ авторитетамъ той же Европы, нашъ добрый, но сбитый съ толку тѣми же доморощенными либералами государь далъ согласіе на несчастный и постыдный для Россіи Берлинскій трактатъ.

Послѣ этого трактата Альбединскому стало какъ-то совѣстно, и даже Вильна, которая иллюминировалась при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, только подъ натискомъ полиціи зажгла кое-гдѣ

свѣчки при празднованіи берлинскаго мира. Недовольство берлинскимъ трактатомъ было всеобщее, за исключеніемъ нашей либеральной партіи, и въ числѣ причинъ, доведшихъ до катастрофы 1-го марта, злосчастный трактатъ этотъ игралъ немаловажную роль.

Весною 1879 года я собрался за границу, чтобы доставить старшимъ дочерямъ возможность поѣхать по Европѣ съ научною цѣлью, да и самому посоветоваться съ медиками. У меня были уже взяты заграничныя билеты, и я предварительно только поѣхалъ въ Либаву покупаться; но не успѣлъ пробить здѣсь и двухъ недѣль, какъ получилъ извѣстіе изъ Вильны, что въ августѣ мѣсяцѣ пріѣзжаетъ туда государь и дѣлаетъ смотръ войскамъ. Привелось измѣнить всѣ предположенія и скакать обратно въ Вильну.

Въ это время и печать и общество были страшно возбуждены противъ Бисмарка за берлинскій трактатъ, въ свою очередь и послѣдній не оставался въ долгу и, какъ честный маклеръ, отдѣлывалъ Россію; къ этому присоединились личныя размолвки Бисмарка съ княземъ Горчаковымъ, и отношенія наши къ Германіи вдругъ стали очень натянутыми. Государь ѣхалъ на смотръ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ возможности борьбы съ Германіей и былъ невесело настроенъ.

Возвратясь въ Вильну, я осмотрѣлъ въ подробности дивизію, исправилъ ея обмундировку, занялся строемъ, и въ началѣ августа она была готова къ смотру.

Пріѣхавшему въ Вильну Драгомірову такъ же, какъ и Альбединскому, хотѣлось показать государю методъ обученія въ дивизіи, для чего и приготовлена была особая рота, сформированная изъ людей всѣхъ полковъ. Съ своей стороны корпусный командиръ Никитинъ сталъ пороть горячку и потерялъ голову, я, однако же, не измѣнялъ распоряженій по дивизіи, дабы не запутать войска, и не обращалъ вниманія на ежеминутныя приказанія Никитина.

Дней за пять до пріѣзда государя Альбединскій осмотрѣлъ войска въ Динабургѣ и Гроднѣ и, какъ говорили, не совсѣмъ остался ими доволенъ. Наступилъ день и моего смотра; съѣхалось на него все генеральство изъ Гродно, Ковно, Динабурга и Вильны взглянуть, какъ, они выражались не безъ ироніи, на образцовую дивизію.

Въ жаркій день состоялся смотръ Альбединскаго. Людей своихъ я вывелъ за полчаса. Никитинъ, который командовалъ всѣми войсками, съ самаго пріѣзда началъ отдавать мнѣ приказанія и придираться, но я не обращалъ на это вниманія. Въ 1½ часа по полудни пріѣхалъ Альбединскій, и начался объѣздъ войскъ. Дивизію я вывелъ во вторыхъ мундирахъ, но они казались какъ новые; выровнена была дивизія прекрасно, люди смотрѣли сыто и весело. Начался церемоніаль. Никитинъ, стоя около Альбединскаго, непрерывно вслухъ

дѣлалъ мнѣ замѣчанія, что то не такъ, другое не такъ, а между тѣмъ люди проходили такими молодцами, что все, что стояло за Альбединскимъ изъ постороннихъ генераловъ, громко выражало свое удовольствіе, многіе же старыя служаки подѣзжали ко мнѣ, пожимали мнѣ руки и удивлялись. Самъ Альбединскій пришелъ наконецъ въ восторгъ и, громкимъ голосомъ обратясь къ начальнику штаба Звѣреву, крикнулъ: „Николай Яковлевичъ! Каковы молодцы! встрѣчали ли вы что-нибудь подобное?—Я ничего подобнаго и въ гвардіи не видалъ“. Когда же прошла послѣдняя рота, онъ со слезами на глазахъ, сидя на конѣ такъ же, какъ и я, обнялъ меня и расцѣловалъ при всѣхъ. Никитинъ смолкъ, затѣмъ началось ученіе роты, которая представилась также безукоризненно. По окончаніи смотра командующій войсками еще разъ разблагодарилъ и расцѣловалъ меня.

16-го августа передъ вечеромъ пріѣхалъ въ Вильну государь въ предшествіи нѣсколькихъ царскихъ поѣздовъ, такъ что въ сущности никто не зналъ, въ какомъ именно поѣздѣ онъ находится. Мы встрѣтили его во дворцѣ при почетномъ караулѣ. Сказавъ каждому нѣсколько словъ, государь удалился въ свои покои, а затѣмъ по иллюминированнымъ улицамъ отправился на дачу къ супругѣ Альбединскаго въ Звѣринецъ. Возвратясь около полуночи во дворецъ, государь неприятно былъ пораженъ повсемѣстною темнотою, ибо кто-то изъ надзирателей газа распорядился его погасить, что, при тогдашнихъ покушеніяхъ на государя, не могло его не встревожить.

Въ 9 часовъ утра 17-го августа состоялся смотръ. Погода въ это утро дождливая съ пріѣздомъ государь разъяснилась, и взошло солнышко. Обѣхавъ дивизію, государь вполне остался доволенъ видомъ, правдой людей и одеждой. Послѣ же церемоніала очень благодарилъ меня, расхвалилъ полки, особенно Уфимскій. Смотръ роты окончился тоже прекрасно, и затѣмъ государь, сопровождаемый Альбединскимъ, поѣхалъ прямо на станцію желѣзной дороги и далѣе въ Гродно. Никакихъ наградъ и никому не было; всѣ были изумлены сдержанностью государя, несмотря на прекрасный смотръ, но все это впоследствии объяснилось крайнею натянутостью отношеній къ Пруссіи, и лицо государя прояснилось не ранѣе какъ послѣ поѣздки его изъ Варшавы въ Александрово на свиданіе съ императоромъ Вильгельмомъ.

Впоследствии, при проѣздѣ черезъ Брестъ на югъ онъ очень благодарилъ Альбединскаго, а когда въ январѣ 1880 г. я представлялся ему въ Петербургѣ, то государь въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свою благодарность, дважды протягивалъ руку, пожелавъ, чтобы и на будущее время мы въ Виленскомъ округѣ слѣдовали всегда такому прекрасному направленію въ образованіи людей и офицеровъ.

Въ настоящихъ запискахъ мнѣ не рѣдко приходится упоминать о гр. П. Андр. Шуваловѣ. Нелишнимъ считаю привести о немъ нѣсколько подробностей, отецъ гр. Шувалова былъ оберъ-гофмаршалою двора Николая I. Какъ всѣ Шуваловы, онъ былъ честолюбивъ, искателенъ и вкрадчивъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ, чтобы упрочить свое положеніе при Александрѣ I, задумалъ жениться на побочной дочери государя отъ извѣстной М. Ант. Нарышкиной (рожд. кн. Четвертинской), и только смерть невѣсты помѣшала его намѣренію. Когда не удался этотъ проектъ, онъ исканіе связей промѣнялъ на богатство и женился на вдовѣ фаворита Екаторина II князя Зубова, простой виленской шляхтянкѣ—Валентиновичъ, которая однако же принесла ему болѣе милліона приданнаго и польско-католическія тенденціи.

Сыновья этого-то Шувалова, Петръ и Павелъ, росли и воспитывались съ сыновьями императора Николая и тѣмъ главнымъ образомъ были обязаны быстрой своей карьерѣ. Графъ Петръ былъ въ особенности приближенъ къ наслѣднику, впоследствии императору Александру II, какъ товарищъ вмѣстѣ съ кн. Барятинскимъ. При поѣздкѣ въ Парижъ для заключенія мира, гр. Орловъ, зная вкусы императрицы Евгеніи, взялъ къ себѣ въ свиту трехъ самыхъ красивыхъ флигель-адъютантовъ Шувалова, Альбединскаго и Левашова, дабы черезъ нихъ вліять на всемогущую тогда красавицу императрицу Евгенію, а черезъ нее конечно и на Люи Наполеона. Сколько извѣстно, изъ нихъ наиболѣе счастливымъ оказался Альбединскій, но, позволивъ себѣ по просьбѣ Евгеніи на придворномъ балу закостюмироваться вмѣстѣ съ нею въ парѣ въ польскій костюмъ и протанцовавъ мазурку, онъ вскорѣ былъ переведенъ изъ Парижа. Сдѣланный по заключеніи мира оберъ-полицеймейстеромъ Петербурга, а затѣмъ и генераль-губернаторомъ остзейскихъ провинцій Петръ Шуваловъ, послѣ покушенія Каракозова, занялъ мѣсто шефа жандармовъ и съ того времени явился всемогущимъ фаворитомъ во всѣхъ дѣлахъ внутренней, а отчасти и внѣшней политики къ горю и посрамленію бѣдной Россіи. Посадивъ на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ безголоваго Тимашева, а юстиціи гр. Палена и держа въ рукахъ генераль-губернаторовъ, онъ сталъ громадною силою въ Россіи. Доведя до самаго тонкаго совершенства запугиваніе добраго императора красными призраками революціи и возможностью повторенія исторіи Каракозова съ одной стороны, а съ другой сводничая царю и прикрывая всѣ его любовныя похождения, Шуваловъ достигъ того, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ едва-ли чье-либо назначеніе на высшія должности послѣдовало безъ предварительной его, Шувалова, аттестаціи. И надо удивляться, какъ въ эту пору сумѣли сохранить нѣкоторую долю самостоятельности даже такіе министры, какъ Милютинъ и Горчаковъ.

Напитанный тенденціями своей матери, Шуваловъ съ тѣмъ ложнымъ либерализмомъ, который такъ легко прививается къ нашей аристократіи, повелъ польское дѣло и вмѣсто твердой національной политики явилась на нашихъ западныхъ окраинахъ политика примиренія, ухаживанія за панами и бичеваніе всего русскаго, всего того, за сохраненіе чего мы только-что пролили потоки нашей крови. Намѣстѣ Муравьева и Кауфмана въ Западномъ краѣ явился совершенно отупѣвшій Потаповъ, на мѣстѣ умнаго энергичнаго Безака, спасеннаго отъ оналы только смертію, возсѣлъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ. Поляки вздохнули свободно, и русское дѣло въ Литвѣ и отчасти на Подолѣ пошло быстро вспять. Во внѣшней политикѣ мы униженно послѣдовали во всемъ за Бисмаркомъ, который, какъ я уже говорилъ выше, черезъ князя Рейса ворочалъ Шуваловымъ какъ пѣшкой.

Не составляетъ тоже тайны, что кампанія наша въ Турціи 77—78 гг. помимо славянофильскихъ вліяній на императрицу главнымъ образомъ была подготовлена Бисмаркомъ. Страшась постоянно за союзъ Россіи съ Франціей, ловко играя на достоинствѣ Россіи, требовавшемъ возвращенія части Бессарабіи, уступленной по Парижскому трактату, Бисмаркъ незамѣтно прочищаль путь къ столкновенію Россіи съ Турціей, видя въ этомъ, какъ это и оказалось впоследствии, радикальное средство къ обезсиленію сѣверной сосѣдки.

Если до сихъ поръ еще гадательно, кто первый возбудилъ волненія въ Босніи и кто интриговаль потомъ въ Сербіи, то достаточно уже выяснено, что Россіи даны были увѣренія, что нерасположенная къ ней Румынія не только безъ протеста пропуститъ черезъ свои земли русскую армію, но даже присоединитъ къ русскимъ и свои войска. Не даромъ же король румынскій служилъ поручикомъ въ прусскихъ войскахъ; онъ былъ очень хорошо выдрессированъ, чтобы осмѣлиться ослушаться Бисмарка. Была науськана на этотъ тонъ и всегда злобная къ намъ Австрія, хотя конечно и не безъ нѣкоторой подачки: предоставить ея вліянію впоследствии бѣдную Сербію и устройство дѣлъ въ Босніи. Такъ заманивалась по свободной дорогѣ Россія на Балканскій полуостровъ съ мечтами объ освобожденіи христіанъ, что очень льстило покойному государю, съ надеждой на образваніе преданнаго намъ большаго Болгарскаго государства, а тамъ вдали какъ бы въ туманѣ показывались по временамъ кресты Константинопольскихъ церквей, рисовался Босфорскій проливъ съ возможностью сдѣлать Черное море моремъ русскимъ. Искушеніе было слишкомъ велико и не для одного добросердечнаго государя, какъ Александръ II, безусловно вѣрившаго вдобавокъ въ честность намѣренія своего дяди императора Вильгельма (едва-ли впрочемъ и знававшаго всю тонкость интриги Бисмарка). Шувалова впрочемъ пе-

редъ войной уже не было въ Петербургѣ и въ то время, когда Швейницъ, Вернеръ и другіе ловко натравливали государя на Турцію, онъ не менѣе полезно для Бисмарка работалъ въ Лондонѣ, сдерживая Израэли и Салисбюри, могшихъ своей неумѣренной горячностью испортить все дѣло, т. е. удержать государя отъ войны. Какими приемами и общаніями онъ умиротворялъ тогда англійскихъ государственныхъ людей, показали послѣдствія, когда мы, побѣдоносно дойдя до воротъ беззащитнаго Константинополя, не осмѣлились войти туда, а затѣмъ подписали, какъ виноватые, злосчастный Берлинскій трактатъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ войны, я слышалъ, какъ вел. кн. Николай Николаевичъ едва не со слезами говорилъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ понять, какимъ образомъ не дошла до него въ свое время телеграмма государя, сдѣлавшаяся тотчасъ извѣстной въ Лондонѣ, съ приказаніемъ занять Константинополь, что потомъ было отмѣнено. Ни одинъ генераль-губернаторъ, являясь въ Петербургъ, не рѣшался представиться къ государю, не побывавъ предварительно у Шувалова и не выслушавъ его взглядовъ или наставленій. Даже публика, особенно служащіе въ разныхъ министерствахъ, произносили фамилію его не иначе, какъ шепотомъ. Всѣ, кто почему-либо были недовольны своимъ министерствомъ или начальствомъ или наконецъ семейною жизнью, всѣ обращались съ просьбами къ Шувалову, какъ высшему и окончательному рѣшителю судебъ. Такъ и Черняевъ, разсорившись съ Д. А. Милютинымъ, счелъ возможнымъ обратиться къ тому же Шувалову съ жалобою, и его жалобы были доложены государю. Когда умеръ гр. Бергъ, Шувалову очень хотѣлось посадить въ Варшаву кого-либо изъ своихъ приближенныхъ, онъ же въ особомъ комитетѣ у государя настаивалъ, чтобы холмскіе уніаты были оставлены въ покоѣ и чтобы имъ была предоставлена свобода окатоличиваться и ополячиваться, и только благодаря Милютину былъ назначенъ въ Варшаву Коцебу, а уніаты впоследствии склонены къ принятію православія. Этотъ же Шуваловъ, какъ самый близкій къ государю человѣкъ, былъ посланъ въ Лондонъ, для успокоенія англичанъ, взбудоражившихся при извѣстіи о походѣ Кауфмана на Хиву. Не видя возможности бороться съ возростающимъ вліяніемъ на государя Трепова, Шуваловъ вошелъ съ нимъ въ дружбу и такимъ образомъ вдвоемъ окончательно стали опутывать царя. Единственный противовѣсъ своему вліянію встрѣчалъ Шуваловъ со стороны наслѣдника, когда послѣдній сталъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, но прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ удалось цесаревичу удалить этого господина отъ государя, а именно въ 72 или 73 году, когда Шуваловъ былъ назначенъ наконецъ посломъ въ Лондонъ.

Къ веснѣ 80 г. стали ходить слухи о переводѣ Альбединскаго

въ Варшаву на мѣсто Коцебу. Я освѣдомился по этому случаю у Петра Павловича, но онъ отвѣтилъ уклончиво, а черезъ нѣсколько дней подарилъ мнѣ свой портретъ съ надписью въ знакъ дружбы, что уже мнѣ показало, что онъ оставляетъ Вильну. Назначеніе его однако же состоялось не безъ интригъ. Дѣло въ томъ, что мѣсто въ Варшавѣ государь обѣщаль еще во время войны Тотлебену, повторялъ потомъ это обѣщаніе нѣсколько разъ, и въ данное время Тотлебенъ даже былъ вызванъ въ Петербургъ съ прямою цѣлю посылки въ Варшаву. Но желаніе Альбединскаго попасть на мѣсто Коцебу, дружба его съ Лорисъ-Меликовымъ и Валуевымъ и поддержка, оказанная ему Д. А. Милютинымъ, то есть всѣми тогда вліятельными лицами, не терпѣвшими Тотлебена и считавшими его сумасбродомъ, переломили государя и онъ, хотя съ большимъ трудомъ, но объявилъ Тотлебену, что по особымъ политическимъ соображеніямъ вынужденъ вмѣсто Варшавы послать его въ Вильну, что по близости его имѣнія къ Вильнѣ (Кейданы) вѣроятно его устроить. Тотлебенъ отвѣчалъ, что онъ какъ солдатъ готовъ служить вездѣ, гдѣ прикажетъ государь, даже хотъ командовать бригадой.

Съ этого времени Тотлебенъ и Альбединскій сдѣлались окончательно врагами. Вскорѣ послѣ Пасхи скончалась императрица Марія Александровна. Альбединскаго стали непрерывно вызывать въ Петербургъ. Сначала все это прикрывалось новымъ его назначеніемъ въ Варшаву, а потомъ все заговорило, что онъ былъ въ числѣ свидѣтелей при совершеніи морганатическаго брака государя съ княжной Долгорукой.

Свадьба эта не была особой неожиданностью для людей, близко стоявшихъ ко двору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года я выдалъ разомъ обѣихъ старшихъ дочерей замужъ, старшую за офицера Оренбургскаго полка Длусскаго, а вторую за офицера же Уфимскаго полка Апухтина и затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, окончивъ проводы Альбединскаго, которому войска поднесли великолѣпный серебряный альбомъ и стипендію, отправился въ Либаву, куда раньше сего переѣхала на лѣто Александра Сергѣевна Альбединская съ дѣтьми и вскорѣ прибылъ изъ Варшавы и Петръ Павловичъ. Здѣсь, не стѣсняясь официальнымъ положеніемъ, эти добрые люди принимали насъ весьма радушно и также за просто бывали у насъ. Свадьба государя, какъ мнѣ показалось, не осталась безъ вліянія на Александру Сергѣевну, и она какъ-то еще больше опустилась и постарѣла, тогда какъ онъ былъ бодръ и смотрѣлъ впередъ весело и увѣренно. Теперь разставшись съ этими всегда добрыми, по крайней мѣрѣ ко мнѣ, людьми, позволю сказать о нихъ нѣсколько словъ. Кто былъ отецъ Альбединскаго, не знаю, слышалъ

только отъ него, что онъ воспитывался въ Москвѣ у своей бабушки княгини Багратіонъ, а затѣмъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, откуда и поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Альбединскій былъ замѣчательно хорошъ; черты его лица въ изящномъ видѣ напоминали Грузію. Въ бытность мою въ академіи онъ славился побѣдами надъ женщинами, въ томъ числѣ и надъ извѣстной тогда поэтессой граф. Растопчиной, отъ которой онъ имѣлъ мальчика, впоследствии усыновленнаго покойнымъ государемъ съ фамиліей Альбединскаго. Женщины, кутежи, долги не покидали его, но все это не удовлетворяло честолюбія молодого офицера, ему хотѣлось выйти на болѣе широкую дорогу, быть ближе ко двору. Въ то время гремѣла въ Питерѣ своимъ значеніемъ извѣстная фаворитка министра двора графа Адлерберга, знаменитая Мина Ивановна; около нея вертѣлась гвардейская молодежь, ища всякой благодѣтели. Мина преспокойно приставляла рога своему министру и дѣлала изъ него что хотѣла. Красавецъ Альбединскій не замедлилъ вступить съ нею въ связь и, какъ тогда говорили, черезъ это попалъ въ флигель-адъютанты. Въ крымскую войну онъ состоялъ при Меншиковѣ въ Севастополѣ и получилъ чинъ полковника, послѣ же войны былъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ и сошелся съ императрицею Евгеніей такъ близко, что Наполеонъ конфиденціально просилъ убрать его. Въ чинѣ уже генерала Альбединскій опять явился при дворѣ, запутанный окончательно въ долги, но съ тѣмъ же честолюбіемъ. Надо было выбраться изъ грустнаго положенія во что бы то ни стало, и опять ему помогла въ этомъ женщина.

Сколько помню, въ началѣ 60-хъ уже годовъ я разъ какъ-то, сидя у генерала Безака, прочиталъ въ „Инвалидѣ“, что Альбединскій получилъ л.-гв. гусарскій полкъ, и на выраженное по этому случаю изумленіе, Безакъ мнѣ замѣтилъ, что вы удивляетесь? Альбединскому самъ государь сказалъ: я даю полкъ, чтобы ты поправилъ свои обстоятельства, и при этомъ Безакъ какъ-то двусмысленно улыбнулся, а затѣмъ мѣсто начальника штаба гвардіи, званіе генераль-адъютанта и наконецъ послѣ каракозовской исторіи, мѣсто остзейскаго генераль-губернатора и командующаго войсками Рижскаго округа. Карьера была сдѣлана быстро.

Александра Сергѣевна Долгорукая въ молодые годы была замѣчательно красавицей въ чисто русскомъ вкусѣ. Совершенная блондинка, прекраснаго роста, она обладала тою представительностію кровной аристократки, которая невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе всякаго мужчины, если же къ этому добавить необыкновенно сильный и бойкій умъ, заразительную веселость, смѣшанную съ осойбой, ей присущей граціею и нѣкоторымъ кокетствомъ, то смѣло

можно сказать, что она могла произвести сильное впечатлѣніе на всякаго. Если бы Александра Сергѣевна рѣшилась передать когда-нибудь бумагѣ свою тогдашнюю интимную жизнь, то многое, многое изъ благой дѣятельности покойнаго государя, въ началѣ его царствованія, явилось бы въ новомъ свѣтѣ, немалая доля котораго конечно принадлежала бы княжнѣ Долгорукой. Но къ чести Александры Сергѣевны надо сказать, что несмотря на свое положеніе она никогда не выставляла его на показъ и держала себя съ такимъ умомъ и тактомъ, что даже самый придирчивый человекъ не могъ бы замѣтить какого-либо ея вліянія на государственныя и служебныя дѣла. Заслуга, въ которой ей не отказывали никогда даже самые ярые ея враги и ненавистники.

Дочь небогатой семьи князей Долгорукихъ (мать ея урожденная графиня Апраксина) то есть не богатыхъ, какъ она сама мнѣ рассказывала, въ смыслѣ совершенно разоренныхъ, хотя и значительныхъ ихъ помѣстій, она, кромѣ изученія языковъ, не получила никакого серьезнаго, систематическаго образованія и какъ вольное дитя природы съ самыхъ юныхъ лѣтъ пополняла свои знанія только чтеніемъ, но зато безъ всякаго надзора и разбора, читая, по ея словамъ, въ 13—14 лѣтъ рѣшительно все, то есть и философскія теоріи Канта, Гегеля и т. п., и французскіе романы, не исключая произведеній Поль-де-Кока.

Я не знаю, когда именно она обратила на себя вниманіе государя, но помню множество подробностей изъ отношеній ея къ государю, переданныхъ мнѣ разными лицами и особенно во время похода моего въ 1858 году въ Хиву и Бухару сожителемъ моимъ по походной палаткѣ лейтенантомъ Можайскимъ. Можайскій имѣлъ возможность близко и незамѣтно наблюдать за этою связью во время переѣздовъ по Балтійскому морю царской фамиліи изъ Кронштадта въ Штетинъ въ 1856 или 57 году на какой-то яхтѣ, на которой Можайскій состоялъ старшимъ офицеромъ. Связь эта затѣмъ обратилась въ самую горячую дружбу, которую до самой смерти выказывалъ къ ней покойный государь. Приѣзжая въ Вильну, онъ ѣздилъ постоянно къ ней на дачу, игралъ съ дѣтьми и вообще проводилъ у нея время, какъ въ родной семьѣ. Въ свою очередь Александра Сергѣевна при разговорахъ со мною съ видимымъ благоговѣніемъ вспоминала душевную доброту государя, часто намекая, что его истинныя намѣренія мало цѣнятся въ Россіи и что вообще этого человека мало знаютъ. Несмотря на такія отношенія, поддаваясь съ лѣтами, все болѣе и болѣе религиозному настроенію и ища въ религіи разъясненія тѣхъ сомнѣній, которыя волновали видимо ея душу, Александра Сергѣевна нерѣдко въ дружескомъ разговорѣ со мною старалась разъяснить

правильность вѣрованій нашего православнаго исповѣданія и убѣдиться въ милосердіи Божіемъ. Разъ во время такого разговора она спросила меня неожиданно: А будетъ ли Богъ столь милосердъ, чтобы принять полное раскаяніе и простить грѣхъ, можетъ быть невольный, но сдѣланный во имя блага и добра? Я успокоилъ ее сколько могъ, хотя видимо она не совсѣмъ довѣряла моимъ доводамъ, и затѣмъ никогда уже не возобновляла подобнаго разговора.

Проникшись вполне интересами своего мужа, она слѣдила ежеминутно за всею его дѣятельностію, направляла ее, не подавая видимо никакого знака своего надъ нимъ руководительства, а напротивъ старалась передъ другими угодить ему во всякой мелочи, подчиниться всѣмъ его часто весьма поверхностнымъ сужденіямъ и даже выказывать родъ нѣкотораго страха передъ нимъ. По всей вѣроятности она его нисколько не стѣсняла во всѣхъ его любовныхъ похиженіяхъ, особенно при постоянныхъ страданіяхъ своихъ нервовъ и потери движенія ногъ. Только одно, что она рѣзко и положительно выдѣлила изъ его вліянія и исключительно взяла къ себѣ,—это воспитаніе дѣтей, и въ этотъ міръ самъ Альбединскій не смѣлъ такъ сказать совать носа. Она также ввела строжайшую экономію въ домъ, одѣвалась дома въ ситцевыя платья, покрыла всѣ долги мужа и въ то время, когда я ихъ зналъ, Альбединскіе имѣли уже около 300 тысячъ капитала.

Назначеніе Тотлебена въ Вильну, конечно, не могло быть особенно ему приятно послѣ званія главнокомандующаго, и главнымъ виновникомъ такой перестановки разумѣется онъ считалъ Альбединскаго. Отсюда само собою слѣдовало и нерасположеніе его ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя были близки къ его предмѣстнику, въ томъ числѣ и ко мнѣ. Я помнилъ Тотлебена еще со времени кампаніи 53 года, когда онъ въ чинѣ подполковника, состоя при Шильдерѣ, часто забѣгалъ къ намъ въ штабъ въ Букарештѣ, за разными справками. Съ тѣхъ поръ много утекло воды, и, конечно, онъ встрѣтилъ меня какъ незнакомаго.

Сынъ бѣднаго остзейскаго купца, Тотлебенъ всею своею карьерою обязанъ личной своей храбрости и можно сказать геніальнымъ сапернымъ способностямъ; далѣе этого онъ не шель и во всѣхъ другихъ служебныхъ положеніяхъ, особенно по гражданской части, равно и въ частной жизни былъ человѣкомъ самаго зауряднаго разбора. Женившись на дочери одного второстепеннаго нѣмецкаго банкира въ Петербургѣ, онъ взялъ за женою около 800 т. р., затѣмъ приобрѣта на льготныхъ условіяхъ имѣніе графовъ Чапскихъ—Кейданы, сдѣлался землевладѣльцемъ Западнаго края. Многіе инженеры мнѣ рассказывали, что устройство въ Кейданахъ громаднаго дворца и парка было имъ тотчасъ же возложено на инженерныхъ офицеровъ, которые подъ

видомъ казенной командировки жили тамъ и строили при помощи солдатъ саперъ, за чтò конечно и сдѣлали быструю карьеру. Подробности объ этомъ въ особенности я слышалъ отъ весьма молодаго тогда инженернаго генерала Фролова (начальника инженеровъ въ Финляндіи, а потомъ на Кавказѣ). Служа въ Вильнѣ, Тотлебенъ проводилъ почти все время въ Кейданахъ за исключеніемъ зимы.

Къ осени 1880 г. прибылъ въ Виленскій округъ великій князь Николай Николаевичъ для осмотра войскъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ присутствіи его состоялись у насъ въ окрестностяхъ Новыхъ Трокъ большіе маневры. Я былъ на сторонѣ барона Деллингаузена, командира 3-го корпуса, и командовалъ особымъ отрядомъ. За эти маневры мнѣ объявили высочайшую благодарность.

Наступила зима. Приближалось время моей обыкновенной поѣздки въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы мои путешествія туда всегда совпадали почему-то съ какою-либо катастрофой въ этомъ городѣ со стороны социалистической партіи. Такъ послѣдовалъ выстрѣлъ Засуличъ въ Трепова, а на другую зиму, годъ 25-лѣтія царствованія государя, которому особенно въ годъ юбилея, социалисты грозили смертію,—взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Странное наступило время: какая-то темная партія, ничтожная по числу, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ Россіи, дѣйствовала почти въ явь, печатала безнаказанно свои прокламаціи и держала въ страхѣ все правительство и какое правительство, въ полномъ смыслѣ самодержавное, не встрѣчавшее для проявленія своей власти никакихъ препонъ. Вся тогдашняя да и послѣдующая печать старалась изъ всѣхъ силъ выяснитъ причины такого явленія и, къ сожалѣнію, кончала тѣмъ, что обвиняла попеременно то правительство, то общество, то свою же собратію журналистовъ, не открывъ въ сущности ничего и не выработавъ никакого положительнаго рецепта противъ точившей Россію язвы. Несомнѣнно, однако же, было то, что покушеніе Каракозова, произведя огромный переворотъ въ направленіи дѣятельности государя, было одной изъ важныхъ причинъ появленія партіи недовольныхъ, служившихъ впрочемъ первоначально орудіемъ нашихъ эмигрантовъ и иноземныхъ социалистовъ. Собственно покушеніе Каракозова не могло и представлять чего-либо особеннаго: всѣ великіе перевороты въ жизни народовъ, несмотря на всю ихъ благотѣльность, никогда почти не проходили даромъ для ихъ виновниковъ. Такъ вышло и у насъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, такъ случилось вполнѣдствіи и съ Линкольномъ, но важна была та обстановка, которою со времени покушенія окружилъ себя государь, важна была та правительственная дѣятельность, которая возымѣла съ той поры силу. Я говорилъ уже о появленіи въ главѣ правительства

графа Шувалова и о той остановки въ реформаторской дѣятельности императора Александра II, которая, возбудивъ въ началѣ массу самыхъ горячихъ ожиданій, снизошла потомъ на полный произволь шефа жандармовъ—человѣка, пренебрегавшаго всѣмъ національнымъ, преклонявшагося передъ всѣми иностранными авторитетами и въ то же время старавшагося передъ публикою (ссылаюсь на всѣхъ просителей, массою тогда валившихъ къ Шувалову) показать себя человѣкомъ въ высшей степени либеральнымъ, прогрессивнымъ. Невольно отсюда дѣлался выводъ, что если, несмотря на всю гуманность такого всемогущаго человѣка, какъ Шуваловъ, Россія не идетъ по пути реформъ, то значить виновать въ этомъ уже одинъ царь, онъ деспотъ. А между тѣмъ этого деспота этотъ же Шуваловъ запугивалъ и отстранялъ отъ народа. Потворствуя мелкимъ страстямъ государя, Шуваловъ въ то же время во всемъ другомъ дѣйствовалъ въ чисто личныхъ цѣляхъ, завершивъ свою государственную дѣятельность постыднымъ, окончательно уронившимъ достоинство государя, берлинскимъ трактатомъ. Безпристрастная исторія въ свое время раскроетъ вполне и оцѣнитъ всю систему дѣйствій этого фаворита, и, конечно, не малая доля вины за катастрофу 1-го марта 1881 года должна пасть на его голову.

Въ январѣ 1881 года я по обыкновенію представлялся государю въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ выглядѣлъ свѣжо и бодро, но при приѣмѣ какъ будто чѣмъ-то былъ озабоченъ. Въ Петербургѣ казалось все было тихо, всѣ разсчитывали на гуманность и дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, говорили даже, что уже онъ очень бережетъ государя, держитъ его взаперти, не допуская даже выѣзжать на разводы, что лишеніе воздуха вредно дѣйствуетъ на здоровье государя, что социалисты совсѣмъ почти истреблены, а съ ожидаемыми реформами (свобода прессы, созывъ выборныхъ людей изъ провинціи послѣ ревизіи сенаторовъ и даже дарованіе конституціи) и окончательно прекратятся всѣ ихъ дѣйствія, и тогда миръ и свобода вполне наступятъ у насъ. Болтали также, что подъ напоромъ напускаемаго со всѣхъ сторонъ на государя страха, онъ утратилъ и послѣднюю силу воли и что если и сохраняетъ еще нѣкоторую дозу царскаго достоинства и власти, то лишь благодаря своей морганатической супругѣ, постоянно его ободряющей и поддерживающей. При такихъ вѣяніяхъ я возвратился въ концѣ января въ Вильну, но какое-то зловѣщее предчувствіе по примѣру прошлыхъ лѣтъ о томъ, что вскорѣ что-то страшное должно совершиться въ Петербургѣ, — не давало мнѣ покою.

1-го марта въ воскресенье на первой недѣлѣ поста я пошелъ въ оперетку, которую давали въ пользу учениковъ реальной гимназіи. Театръ былъ полонъ, шла „Перикола“. Послѣ перваго акта губернаторъ

всталъ въ ложѣ своей и, обратясь къ публикѣ, объявилъ, что государь скончался и что поэтому онъ закрываетъ спектакль. Всѣ были поражены какъ громомъ, и только спустя нѣсколько минутъ публика начала выходить изъ театра, но уже на лѣстницѣ слышались рассказы, что государь убитъ злодѣйскимъ образомъ. На другой день стали извѣстны и всѣ подробности катастрофы. Такъ погибъ одинъ изъ самыхъ добрыхъ и свободолюбивыхъ государей Россіи, котораго весь порокъ состоялъ въ недостаточной силѣ характера.

Наступило томительное ожиданіе, чѣмъ займется новое царствованіе. Носились слухи, что новый государь держится чисто русскаго направленія, что онъ экономенъ и не любитъ нѣмцевъ. Вскорѣ дворъ заперся въ Гатчинѣ, а затѣмъ пошли и перемѣны въ личномъ составѣ: возвысились Воронцовъ - Дашковъ, Побѣдоносцевъ, Рихтеръ; пошелъ въ гору и Катковъ. У Д. А. Милютина тотчасъ же вышло недоразумѣніе съ государемъ; послѣдній приказалъ состоявшимъ при немъ какъ при наслѣдникѣ лицъ назначить флигель и генераль-адъютантами, а Милютинъ включилъ въ это число и тѣхъ, которые состояли при государѣ по званію командующаго войсками Петербургскаго округа, такимъ образомъ и Галль, и другіе попали тоже въ свиту. Выплыла наружу хищническая продажа земель въ Оренбургскомъ краѣ, и полетѣлъ министръ государственныхъ имуществъ князь Ливень. Не сошлись въ воззрѣніяхъ съ новымъ государемъ Абаза, Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ и добровольно подали въ отставку, послѣдній дождался только исполненія своего 20-лѣтняго юбилея по управленію военнымъ министерствомъ. Мѣсто Д. А. Милютина занялъ Ванновскій, человѣкъ весьма обыкновенныхъ способностей, знающій хорошо хозяйство войскъ, экономный, но безъ всякаго государственнаго взгляда, что необходимо для военнаго министра такой обширной державы, какъ Россія. По своей копотливости и мелочности Ванновскій носилъ въ арміи кличку „командира 64 ротъ“ (по счету ротъ въ дивизіи), такъ какъ, командуя дивизіею, постоянно путался лично въ дѣла каждой роты. Мѣсто Лорисъ-Меликова занялъ Игнатъевъ чисто русскаго, московскаго направленія человѣкъ, со всѣми недостатками и качествами русскаго ума. Во главѣ финансовъ въ замѣнъ Абазы сталъ профессоръ Кіевскаго университета Бунге, а министра двора Адлерберга замѣнилъ Воронцовъ-Дашковъ.

Въ то же время продолжались розыски заговорщиковъ, и кромѣ казненныхъ убійцъ покойнаго государя было обнаружено много и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и морской офицеръ Сухановъ.

Начались сокращенія расходовъ. Ванновскій, испросивъ прежде всего прибавки къ своему содержанію 6 т. р. кромѣ 10 т. на подъемъ при переѣздѣ въ Петербургъ, усердно сталъ обрѣзывать военное

вѣдомство. Первый ударъ палъ на мѣстныя войска, и вскорѣ вмѣсто прекрасно приноровленныхъ для мобилизаціи резервныхъ баталіоновъ получились раздробленныя части, которыя въ случаѣ войны, особенно на западѣ, сильно отдалять готовность нашу для дѣйствій. Эта реформа дала возможность увеличить, хотя въ ничтожной самой мѣрѣ, содержаніе маленькихъ офицеровъ. За этими сокращеніями пошли и другія, такія же безвѣтныя урѣзки. Наконецъ заговорили о реформѣ всего военно-административнаго строя, созданнаго съ такими усиліями Милютинимъ. Все военное министерство измѣнило вскорѣ своихъ представителей: ушли Гейденъ, Баранцевъ, Философовъ, Исаковъ и Мордвиновъ; явились Обручевъ, Софіано, Имеретинскій, Махотинъ и Яфимовичъ.

Осенью 1881 года мы маневрировали: 27 дивизія противъ 28—я противъ Квитницкаго. На мою долю пала защита Вильны и, признаюсь, я ее исполнилъ весьма недурно, хотя и отступилъ отъ традиціоннаго мнѣнія нашихъ виленскихъ стратеговъ, то-есть отъ обороны р. Вакаи и Понарскихъ высотъ.

Зимою 1882 года я по обыкновенію поѣхалъ въ Петербургъ. Ванновскій встрѣтилъ меня довольно сухо, спросилъ, почему въ ротяхъ покупаютъ капусту, и, сказавъ нѣсколько любезностей относительно моихъ занятій съ дивизіей, отпустилъ. Въ Гатчинѣ при представленіи государю насъ угостили чаемъ и завтракомъ и доставили во дворецъ со станціи въ придворныхъ экипажахъ. Новый государь принималъ очень просто и любезно.

Въ это время Петербургъ былъ полонъ слуховъ о скандалахъ и т. п.

По возвращеніи въ Вильну, я поѣхалъ къ дочери въ Варшаву и завернулъ въ Альбединскимъ. Они по-прежнему приняли меня радушно, но Петръ Павловичъ очень измѣнился. Онъ совершенно упалъ духомъ, сталъ боязливъ, апатиченъ, жаловался на Петербургъ, на отсутствіе оттуда всякихъ указаній, на непрерывныя пререканія съ министрами и т. п. Видно, что пора его значенія прошла, не стало его благодѣтеля государя, ушли друзья министры, повѣяло народнымъ направленіемъ вмѣсто столь любезнаго ему Шуваловскаго либерализма. Александра Сергѣевна осталась неизмѣнной.

Пора моего прибытія въ Варшаву совпала съ проѣздомъ Скобелева изъ Парижа въ Петербургъ. Вся пресса гремѣла тогда знаменитою его рѣчью къ сербскимъ студентамъ въ Парижѣ. „Голосъ“, органъ либераловъ, мѣшалъ съ грязью Скобелева, задавая постоянно вопросъ: „а что скажутъ за Эйдкуненомъ“. Газеты народнаго направленія славилы Скобелева, также какъ и вся армія, кромѣ нѣмцевъ. Тотлебенъ рвалъ на себѣ волосы отъ злости, что русскій позволилъ себѣ

*

такую дерзость противъ нѣмцевъ, проклиналъ Скобелева, котораго ненавидѣлъ всѣми силами души, то же дѣлали и всѣ его приближенные. Альбединскій, забывши, казалось, прежніе свои восторги отъ Скобелева, отзывается также о немъ съ большою желчью. Онъ мнѣ разсказалъ, что Скобелевъ прибылъ въ Варшаву почти одновременно съ Орловымъ, посломъ нашимъ въ Парижѣ, которому поручено было выпроводить Скобелева въ Россію и при томъ, во избѣжаніе оскорбленій со стороны нѣмцевъ, направить его черезъ Петербургъ, на что Скобелевъ и согласился. Но къ удивленію всѣхъ Скобелевъ, измѣнивъ свой маршрутъ, явился въ Варшавѣ. Альбединскій съ нимъ не видался, но поручилъ полиціи слѣдить за нимъ въ Варшавѣ, донеся въ то же время телеграммою въ Петербургъ объ остановкѣ Скобелева и испрашивая указаній, что ему съ нимъ дѣлать. Между тѣмъ Скобелевъ побывалъ въ цитадели у бывшаго своего полковаго командира Панютина, говорилъ съ офицерами, посѣтилъ кофейную и держалъ тамъ рѣчь къ нѣкоторымъ польскимъ литераторамъ, а вечера проводилъ въ разныхъ домахъ, возвращаясь оттуда въ 6 ч. утра въ весьма растрепанномъ видѣ. Такъ доносила ежедневно Альбединскому полиція, а онъ посылалъ телеграммы къ Ванновскому, испрашивая, что дѣлать, но не получилъ никакого отвѣта, наконецъ на третій день пребыванія въ Варшавѣ, когда Альбединскій рѣшился уже съ помощію жандармовъ выслать своею властью Скобелева, послѣдній уѣхалъ самъ; при чемъ отдано было негласное приказаніе по войскамъ отнюдь не провожать его на станцію.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, конечно, сейчасъ же отреклось отъ всякой отвѣтственности за рѣчи Скобелева, и такимъ образомъ былъ заглушенъ единственный мужественный русскій голосъ, рѣшившійся честно, безъ униженія и трусости, высказать свой взглядъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1905.

ОКТАВРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

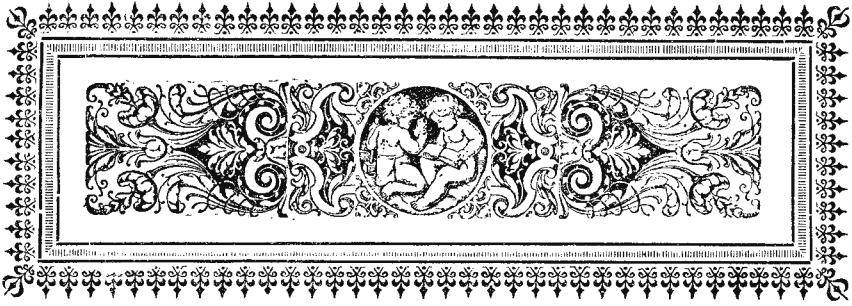

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1905.

Записки Н. Г. Залёсова ¹⁾.

XXIX.

Еврейскіе погромы.—Скобелевъ.—Нападки на генеральный штабъ.—Генералъ Кахановъ.—Епископъ Грипевецкій.—Высочайшій смотръ.—Афганскій вопросъ.—Баттенбергъ.—Болезнь и смерть Каткова.—Смерть гр. Шувалова и графа Д. А. Толстаго.—Нешокойчицкій и Росицкій.—Барановъ.—Вильгельмъ на нарвскихъ маневрахъ.—Выстрѣлъ въ Баранова.

Въ весны 1881 года начались въ Россіи еврейскіе погромы. Начавшись на югѣ, они навели панику на евреевъ и другихъ мѣстностей. Тотлебену вообразилось, что въ Вильнѣ тоже послѣдуетъ избіеніе сыновъ Израиля, несмотря на то, что ихъ въ этомъ городѣ на 80.000 жителей приходится 50 тыс. и при томъ въ Вильнѣ не только нѣтъ приплага рабочаго элемента, но и отсутствіе фабричныхъ и заводскихъ людей. Когда же въ Вильнѣ появились подметныя письма объ истребленіи жидовъ, тогда Тотлебенъ совсѣмъ загорячился. Вся моя дивизія была поднята на ноги, усилены обходы, высланы въ предмѣстія роты, а съ выходомъ дивизіи въ лагерь цѣлый полкъ поне-дѣльно сталъ наряжаться въ городъ для окарауливанія евреевъ. Всѣ Мошки, Ицки и проч. подняли голову, а солдаты и офицеры, изнывая отъ бесполезной службы (они были заперты въ городѣ въ казармахъ), ругали на чемъ свѣтъ стоитъ и начальство и жидовъ. Осенью 81 года состоялись маневры моей дивизіи противъ 28-й. Генералъ Квитницкій наступалъ отъ Ковно, а я отходилъ къ Вильнѣ. Простоватый Квитницкій замучилъ свои войска обходами, тогда какъ мы, не торопясь,

¹⁾ См. „Русская Старина“ июнь 1905 г.

отступали и подъ Вильною встрѣтили противника на такой позиціи, которую онъ не могъ одолѣть. Я не сталъ защищать излюбленную виленскими стратегами позицію на р. Вакѣ и отошелъ къ с. Слободѣ, на позицію, у которой Квитницкій ничего не могъ мнѣ сдѣлать, и такимъ образомъ Вильна была защищена. По окончаніи маневровъ я получилъ Владимірскую звѣзду.

Весной 82 года Тотлебенъ отправился въ Петербургъ, и временно въ управленіе округомъ вступилъ Скобелевъ. Я представлялся къ нему и получилъ отвѣтный визитъ. Казалось, онъ былъ бодръ и свѣжъ, только нѣсколько водянистый, какъ бы отекавшій видъ лица указывалъ на нѣкоторое нездоровье; онъ былъ веселъ и разговорчивъ, а недѣли черезъ двѣ его не стало. Хотя мы въ Вильнѣ не служили по немъ панихиды, но пѣмцы во главѣ съ Тотлебеномъ не скрывали своей радости и имъ вторила ихъ свита. По моему личному убѣжденію Скобелевъ, если бы не умеръ естественною смертію, то рано или поздно кончилъ бы самоубійствомъ. Онъ былъ рожденъ для бури и славы и, испытавъ то и другое въ очень молодыхъ годахъ, онъ естественно не могъ помириться съ сравнительной апатіей мирнаго времени. Ему, человѣку богатому, была нужна вѣчная тревога, постоянно сильныя ощущенія, а гдѣ ихъ взять во время мира лицу все-таки подчиненному. Будь онъ главнокомандующій или военнымъ министромъ, онъ что-нибудь придумывалъ бы или переустраивалъ, но чѣмъ же было ему себя занять, стоя въ захолустномъ Минскѣ и дѣйствуя въ тѣсныхъ рамкахъ мирной практики корпуснаго командира и при томъ подъ начальствомъ врага своего. Единственнымъ исходомъ для такого характера, какъ Скобелевъ, могъ служить еще семейный очагъ, но и эта надежда была утрачена, такъ какъ Скобелевъ былъ въ разводѣ; жена его была жива, а грѣхъ развода онъ принялъ на себя. Онъ хотѣлъ было жениться въ Минскѣ на классной дамѣ, но гордая его родня, боясь потерять его наслѣдство и забывая свое солдатское происхожденіе, возстала противъ такой невидной партіи и устроила такъ, что государь не разрѣшилъ этого брака, да и самъ Скобелевъ при непостоянствѣ своемъ скоро забылъ бѣдную жертву своего минутнаго увлеченія.

Осенью 82 года Тотлебенъ произвелъ смотръ моей дивизіи и затѣмъ маневръ. На смотръ я вывелъ дивизию, не дѣлая ни одной репетиціи, а на маневры собрали ко мнѣ какъ на зрѣлище всѣхъ сосѣднихъ начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ. То и другое прошло хорошо и, несмотря на неприязнь ко мнѣ, Тотлебенъ вынужденъ былъ благодарить меня. Осень я проработалъ въ Вильнѣ въ качествѣ председателя особой комиссіи по устройству врачебной части въ военное время. Въ этой комиссіи медики чуть не до драки

спорили съ строевыми начальниками, поднимая разные дрызги, и только мое спокойствіе водворяло между ними должную тишину. Въ концѣ осени Тотлебенъ уѣхалъ за границу, и мы поступили подъ начальство нашей старой бабы въ военномъ сюртукѣ, Никитина. 28-го ноября, день пятидесятилѣтняго юбилея академіи генеральнаго штаба, насъ собралось въ Вильнѣ человекъ 30-ть со всего округа, и мы отпраздновали этотъ день общимъ обѣдомъ въ военномъ собраніи. Никитинъ разослалъ въ этотъ день поздравительныя телеграммы чуть не ко всему генеральному штабу, только телеграмма Милютину никакъ ему не давалась. За обѣдомъ онъ присталъ ко мнѣ съ просьбою сочинить поздравленіе бывшему военному министру, и я волей-неволей долженъ былъ набросать нѣсколько строкъ, которыя тутъ же и были отправлены къ Дм. Алекс. въ Ялту. Глядя на прожитое генеральнымъ штабомъ пятидесятилѣтіе, невольно является мысль, что, несмотря на нѣкоторые пробѣлы въ нашемъ образованіи, все-таки слѣдуетъ сказать по правдѣ, что въ царствованіе Николая и даже Александра II корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба являлся почти единственною военно-строевою интеллигентною силою, которая по своему развитію заслуживала уваженія и по силѣ возможности проводила въ арміи честный взглядъ на службу. Нерѣдко слышался ироническій упрекъ тогда и теперь, что академики генеральнаго штаба оказываются специалистами по всѣмъ отраслямъ управленія, что ихъ дѣлаютъ губернаторами, педагогами, правителями канцелярій и инженерами, таможенными начальниками и чуть-ли не архіереями. Спрашивается, чѣмъ же тутъ виноватъ генеральный штабъ? Развѣ ихъ вина, что министры не брали своихъ людей, а обращались къ офицерамъ генеральнаго штаба, вѣдь не очертя же голову они дѣйствовали и конечно имѣли какую-нибудь резонную причину брать именно этихъ офицеровъ, а не другихъ.

Въ январѣ 83-го года я по обыкновенію поѣхалъ въ Петербургъ. Съ военнымъ министромъ на этотъ разъ бесѣдовалъ недолго. На другой день былъ у государя въ Анничковомъ дворцѣ. Государь, если можно, еще больше поздоровѣлъ противу прошлаго года; онъ принялъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ 13-ть лѣтъ назадъ я докладывалъ ему какъ наслѣднику о дѣлахъ въ киргизской степи Оренбургскаго округа. Весь разговоръ при приѣмѣ состоялъ изъ самыхъ обыденныхъ фразъ.

Въ этотъ приѣздъ я, какъ всегда, просилъ о пособіи на воспитаніе дочери, ожидая во всякомъ случаѣ, что его сократятъ противу прежнихъ лѣтъ. Дѣйствительно, получая постоянно по 800 руб. въ годъ, въ минувшую зиму я получилъ только 250 и уже никакъ не ожидалъ, что цифра эта еще упадетъ, однако же вышло такъ, и мнѣ дали только 150 руб. Спрашивается, что я могъ сдѣлать на эти деньги,

когда въ Вильнѣ на 150 руб. едва можно найти порядочнаго лакея, не то, что гувернантку. Такова была экономія, вводимая Ванновскимъ, и не только въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, но и вообще въ отношеніи всего военнаго хозяйства и содержанія частей. Охотно мирюсь съ такой экономіей, если ея требуютъ государственные интересы и если она идетъ на что-либо полезное, но какъ рядомъ со мною выдавались значительныя пособія лицамъ, имѣвшимъ какую-либо протекцію, и если самъ Ванновскій, о чемъ говорилъ весь Петербургъ, за представленіе сокращенной смѣты расходовъ по военному вѣдомству не отказался получить отъ государя 10.000 руб., то позволительно усумниться въ честности такихъ распоряженій военнаго министра и припомнить Дмитрія Алексѣевича Милютина, который никогда такихъ суммъ не получалъ, да вѣроятно и не взялъ бы.

Весною 83 года я ѣздилъ къ дочери въ Варшаву, но не могъ даже видѣть П. П. Альбединскаго, онъ съ осени 82 года болѣлъ и болѣлъ тяжело каменною болѣзнію. Наступила весна, а съ нею и приготовленія къ предстоящей въ маѣ мѣсяцѣ коронаціи; насъ почему-то вывели ранѣе этого числа въ лагерь, и городской думѣ запрещено было Никитинымъ угощать войска. Въ силу какихъ соображеній онъ это сдѣлалъ, для меня было непонятно. Коронація принесла массу наградъ, все, что имѣло какую-либо протекцію, ихъ получило. Мы сдѣлали парадъ въ лагерь, куда пріѣхалъ подкутившій уже командиръ корпуса старикъ Баумгартенъ и съ нимъ начальникъ штаба Паренсовъ; коронацію въ лагерь мы отпраздновали параднымъ обѣдомъ цѣлой дивизіей, на которомъ предсѣдательствовалъ баронъ Деллингаузенъ, замѣнявшій Никитина, поѣхавшаго на коронацію въ Москву. Во время коронаціи скончался бѣдный Альбединскій, и на его мѣсто назначили изъ Одессы Гурко. Одновременно съ коронаціей открылась въ Москвѣ и огромная выставка русскихъ произведеній, но ни выставка, ни коронація не подняли нашего курса, который все падалъ и падалъ. Во время коронаціи же выяснилась та затаенная злоба, которую питалъ князь Болгарскій къ Россіи и которая подвинула этого проходимца на всевозможныя гадости впоследствии. Лагерь этого года мы провели мирно и тихо и въ свое время разошлись по зимнимъ квартирамъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ я по обыкновенію поѣхалъ съ семьею въ Петербургъ, военный министръ принималъ у себя на квартирѣ, по случаю болѣзни и былъ до крайности со мною любезенъ, особенно когда я заявилъ ему, что мои солдаты ѣдятъ хорошо. Вѣроятно, этотъ отзывъ былъ причиною, что я получилъ любезное приглашеніе пожить въ Питерѣ сколько хочу. Государь по обыкновенію ограничился нѣсколькими фразами, спросивъ меня, какія именно стоятъ войска въ Вильнѣ,

изъ чего я заключилъ, что намъ вѣроятно предстоитъ отбыть высочайшій смотръ. Физиономію Петербурга я нашель на этотъ разъ самую обыкновенной. Во внѣшней политикѣ не предвидѣлось ничего активнаго, во внутренней же шли разные вопросы касательно устройства евреевъ, отѣны подушной подати и увеличенія налоговъ, такъ какъ, несмотря на то, что во главѣ финансовъ стоялъ ученый профессоръ и специалистъ Бунге, мы никакъ не могли свести смѣту безъ дефицитовъ. О нашемъ командующемъ войсками (временномъ) Никитинѣ ходили въ это время по Петербургу самые ужасные слухи, вѣроятно пущенные Бунаковымъ, говорили, что онъ пьяница, картежникъ, дѣлшій, что у него началось разжиженіе мозга и проч. Недолго дѣйствительно пришлось ему губернаторствовать. Подчинившись совершенно своему правителю канцеляріи барону Гревеницу, онъ поссорился съ гродненскимъ губернаторомъ Цеймерномъ, за что послѣдній, прибывъ въ Петербургъ, не пожалѣлъ красокъ для описанія Никитина передъ министромъ въ самомъ ничтожномъ видѣ. Послѣдствіемъ всего этого было назначеніе въ Вильну исправлять должность генералъ-губернатора бывшаго въ Піотроковѣ губернаторомъ генералъ-лейтенанта Каханова. Гвардейскій артиллеристъ, вѣчно улыбающійся, Кахановъ по наружности не давалъ никакихъ данныхъ серьезности для правителя такого края, какъ Сѣверо-Западный, и вступительная рѣчь его, въ которой говорилось о золотой колесницѣ (то есть о поддержкѣ мѣстной аристократіей вновь назначеннаго епископа католическаго), не удовлетворила ни русскихъ, ни поляковъ. Съ назначеніемъ Каханова совпала наша мировая съ Римомъ. Папа назначилъ чуть не дюжину новыхъ епископовъ въ Польшу, Литву, Подолію и Волинь. Эта свѣжая поддержка воинствующаго у насъ католицизма смутила всѣхъ русскихъ людей и заставила поляковъ высоко поднять голову, тѣмъ болѣе, что о введеніи русскаго языка при богослуженіи у русскихъ католиковъ, въ этомъ соглашеніи съ папой, не было и помину. Послѣдствія такого назначенія не замедлили вскорѣ оказать свое дѣйствіе. Администраторъ Виленской епархіи, извѣстный съ времянъ Муравьева своею преданностію Россіи, прелатъ Жилинскій, далъ публичное печатное покаянiе передъ папой въ своей прежней дѣятельности и клялся, что будетъ съ этого времени служить исключительно интересамъ католичества, а два епископа, луцкій Козловскій и виленскій Гриневецкій, не замедлили и фактически доказать свою преданность польскому католицизму. Козловскій удалилъ отъ службы ксендза за то, что тотъ принялъ въ костелѣ кiевскаго митрополита Платона съ крестомъ, хотя за это онъ и былъ оштрафованъ убавкой жалованья на половину, а Гриневецкій пошелъ далѣе. Онъ по приѣздѣ тотчасъ же сталъ удалять всѣхъ ксендзовъ, казавшихся ему почему-либо

преданными Россіи, сталъ требовать обученія гимназистовъ закону Божію на польскомъ языкѣ и наконецъ совершенно сталъ игнорировать власть генераль-губернатора въ выборѣ и назначеніи ксендзовъ на должности. Человѣкъ очень молодой, полный энергіи, подускиваемый польскою знатью въ Вильнѣ и прекрасно владѣя русскимъ языкомъ, скромный и тихій по виду, онъ могъ бы натворить много бѣдъ въ Литовскомъ краѣ, если бы былъ терпѣливѣе. Съ самаго вступленія въ должность у него возникли разногласія съ Кахановымъ, которыя шли чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Осенью Кахановъ препроводилъ къ нему списокъ ксендзовъ съ своими отмѣтками и требовалъ его мнѣнія, Гриневецкій не обратилъ на это вниманія и объявилъ по паствѣ назначенія по своему выбору. Тогда Кахановъ потребовалъ отъ него списокъ съ отмѣтками своими, но, не получивъ, послалъ его просить къ себѣ, то Гриневецкій не поѣхалъ, а собрался въ Петербургъ съ жалобой, но затѣмъ, когда Кахановъ послалъ полицеймейстера позвать еще разъ Гриневецкаго къ себѣ, тогда послѣдній объявилъ, что онъ не пойдетъ, сказавъ, что Кахановыхъ много, а виленскій епископъ только одинъ и зависитъ исключительно отъ папы. Черезъ нѣсколько дней вечеромъ его отправили съ жандармами въ Петербургъ; дорогой по городу, идя подъ Остробрамой пѣшкомъ, онъ хотѣлъ устроить манифестацію къ сопровождавшему его простому народу, но жандармы не позволили ему этого сдѣлать, точно такъ же, какъ и на дебаркадерѣ желѣзной дороги, гдѣ онъ успѣлъ однако же сказать: „любите и надѣйтесь только на императора“. Замѣчательно, что родные Гриневецкаго—православные (изъ бывшихъ униатъ), а онъ ярый католикъ, и русское начальство въ Петербургѣ, особенно Кантакузинъ, не могли его раскусить и сами настоятельно ходатайствовали у папы о его посвященіи, такъ какъ папа не соглашался сначала на это, считая его по родству преданнымъ русскимъ. Гриневецкаго выслали въ Ярославль, а потомъ въ Вологду.

Весной 1884 года мы начали готовиться къ смотрамъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, и въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ Ригѣ. Въ то же время стали доходить въ Вильну болѣе и болѣе безотрадныя вѣсти о здоровьѣ Тотлебена, а наконецъ пришла вѣсть и о его кончинѣ и препровожденіи тѣла въ Вильну. Въ это время я вступилъ во временное командованіе 2-мъ корпусомъ, на меня возложилъ Никитинъ всѣ заботы и командованіе войсками при отдачѣ послѣдней почести. Присутствовать на похоронахъ былъ назначенъ великій князь. Я выстроилъ шпалерами войска, подаль великому князю рапортъ, и вообще вся церемонія прошла очень хорошо, и великій князь остался очень доволенъ видомъ войскъ и ихъ одеждою. Послѣ отправленія тѣла въ Кейданы великій князь пригласилъ насъ

къ завтраку на станціи, гдѣ его свита упивалась отличнымъ венгерскимъ. Послѣ я узналъ, что отличный завтракъ на 14 человекъ и вино были поданы на счетъ Никитина и стоили ему изъ экстраординарныхъ суммъ 200 рублей.

Распущенная свита, отличаясь большимъ нахальствомъ, была часто еще недовольна тѣмъ, что ей давали даромъ, и заявляла претензію то на то, то на другое, а порціонныя деньги свои клала въ карманъ. По ея же, вѣрно, почину намъ, начальникамъ, было заранѣе сообщено конфиденціально, какія кушанья готовить, какое вино и какое нужно помѣщеніе для него и его свиты.

Одновременно съ прїѣздомъ въ Вильну великаго князя пришла къ намъ вѣсть и о предстоящемъ высочайшемъ смотрѣ. Проснулся Никитинъ, засуетился окружный штабъ, и пошла суматоха. Плохо, когда начальникъ теряетъ голову, надо много имѣть въ данномъ случаѣ самообладанія подчиненному, чтобы не заразиться тревогой начальника и не передать ее войскамъ. Мнѣ пришлось теперь испытать это на дѣлѣ, такъ какъ я командовалъ корпусомъ и долженъ былъ представлять войска государю. Я рѣшилъ не ѣздить къ Никитину и вообще съ нимъ не встрѣчаться, строго въ то же время преслѣдуя всякую суету въ войскахъ. Въ замѣнъ этого окружной штабъ послѣдніе три дня передъ смотромъ замучилъ меня телеграммами, которыя не давали мнѣ ни днемъ, ни ночью покою. Подъ моею командою кромѣ моей дивизіи собрались 5-я стрѣлковая бригада, 2-я кавалерійская дивизія и полкъ 3-й. Начальникъ штаба, Бунаковъ, употреблялъ все усилія, чтобы выдвинуть на первый планъ стрѣлковую бригаду, которой командовалъ его тесть, финляндецъ Мексмонтанъ, но все его хлопоты оказались непригодными.

Я сдѣлалъ двѣ репетиціи, Никитинъ—3-ю и нашелъ войска только удовлетворительными, изобразивъ на своемъ лицѣ свойственную ему плачевную гримасу, которая меня однако не тронула, ибо я былъ увѣренъ, что царю войска покажутся лучше.

Наконецъ, насталъ день смотра 26-го августа. Мнѣ сообщили, что царь прїѣзжаетъ въ 10-ть часовъ утра, и потому въ 9^{1/2} часовъ утра войска стояли уже на военномъ полѣ. День былъ солнечный, до крайности жаркій, и мы съ приходомъ на поле чувствовали уже истому. Бьетъ 10-ть часовъ, а царя нѣтъ; наконецъ, прїѣзжаетъ адъютантъ окружнаго штаба сказать, что поѣздъ опоздалъ на часъ, я далъ людямъ вольно, велѣлъ подвезти имъ воды, сѣсть на землю, кто усталъ, а кавалеріи и артиллеріи слѣзть съ коней. Такъ мы простояли подъ жгучимъ солнцемъ еще 1^{1/2} часа, когда наконецъ крикнули, что ѣдетъ царь. Отрапортовавъ государю, я поѣхалъ за коляскою императрицы и тутъ только замѣтилъ, какая огромная свита сопровождала царя и

сколько съ нимъ прїѣхало критиковъ и соглядатаевъ. Тутъ былъ съ своимъ начальникомъ штаба великій князь Владиміръ Александровичъ, только лишь получившій благодарность за отличное обученіе войскъ Красносельскаго лагеря и особенно за введеніе въ лагерѣ маневровъ малыми частями, то есть то, что я практиковалъ изъ году въ годъ— 9 лѣтъ. Имъ конечно хотѣлось сравнить гвардейскія войска съ глубокой арміею; въ свитѣ находился и военный министръ, жадно всматривавшійся въ одежду и лицо каждаго солдата, послѣ обрѣзываній, сдѣланныхъ имъ въ довольствіи войскъ; тутъ же былъ и вел. кн. Николай Николаевичъ Старшій со свитою, министръ двора и начальникъ главной квартиры, неизвѣстно почему-то особенно интересовавшійся видомъ моихъ людей, и наконецъ здѣсь торчалъ вѣчный соглядатай Пруссіи, генераль-адъютантъ Вердеръ.

Послѣ объѣзда начался церемоніаль, государь сталъ у коляски императрицы, а я сбоку его. 1-я рота Оренбургскаго полка, ходившая на всѣхъ репетиціяхъ плохо, послѣ сдѣланныхъ мною нагоняевъ прошла на этотъ разъ блистательно, смѣло и громаднымъ шагомъ. Государь хвалилъ, проходили рота за ротой также хорошо, и постепенно ироническое выраженіе лица у окружающихъ государя замѣнялось серьезнымъ взглядомъ, а у нѣкоторыхъ перешло въ восторгъ. Что особенно обратило вниманіе государя и всѣхъ присутствующихъ, это смѣлый, бойкій шагъ и полнѣйшее спокойствіе людей, которые шли такъ, какъ будто они каждый день видятъ государя и совершенно увѣрены въ своей исправности. По окончаніи смотра государь трижды протягивалъ мнѣ руку и благодарилъ и, подѣхавъ къ полковымъ командирамъ, сказалъ, что подобное обученіе, шагъ, покой онъ нигдѣ кромѣ гвардіи не встрѣчалъ и что вообще люди ходятъ, какъ гвардія, даже лучше. Министръ двора и Рихтеръ съ Вердеромъ сказали Никитину то же самое и удивлялись обученію людей. Послѣ осмотра былъ завтракъ у государя, и онъ сказалъ, что черезъ два года прїѣдетъ къ намъ на маневры; здѣсь же военный министръ благодарилъ меня, сказавъ: „всѣ полки блестящимъ образомъ представились, но если мнѣ позволено будетъ высказать личный взглядъ, то мнѣ кажется, щеголеватѣе всѣхъ былъ послѣдній полкъ, то есть Саратовскій“. Никитинъ, совершенно расцвѣтшій отъ смотра, былъ однако же очень огорченъ военнымъ министромъ, который на вокзалѣ сказалъ ему: „предлагаю вамъ любой корпусъ на выборъ, ибо очень можетъ быть, что командующимъ войсками будетъ назначено лицо по выбору государя и моложе васъ въ чинѣ“. Въ Вильнѣ тогда настойчиво ходили слухи о назначеніи графа Павла Шувалова, который и самъ желалъ сильно получить Виленскій округъ.

За нами пошли смотры и маневры въ Варшавѣ и отчасти благо-

даря вѣчной суетѣ весьма неудачные, затѣмъ свиданіе императоровъ въ Скерневицахъ, гдѣ еще больше неудачи потерпѣли войска 3-ей гвардейской дивизіи, вслѣдствіе путаницы въ командахъ Дандевіля и Панютина, за чтó у послѣдняго и былъ отнятъ полкъ. Скерневицкое свиданіе не дало активной роли Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, и онъ по-прежнему былъ предоставленъ хищничеству Австріи. Поохотившись послѣ этого съ недѣлю въ Польшѣ, государь вернулся въ Петербургъ, а тѣмъ временемъ Никитинъ, чтобы избѣжать неприятнаго своего удаленія изъ Вильны, взялъ 2-хъ мѣсячный отпускъ и собрался ѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ получился высочайшій приказъ о назначеніи его командующимъ войсками Виленскаго округа, чтó его совершенно ошеломило. Дѣло было такъ: Ванновскій представилъ 3-хъ кандидатовъ въ командующіе войсками и главнымъ образомъ своего пріятели Ганецкаго, который былъ и старше Никитина, но государь сказалъ: „за что же обижать старика (Никитина), когда его войска представились въ такомъ блестящемъ видѣ“.

Такъ состоялось назначеніе Никитина, котораго онъ и самъ не ожидалъ, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе о представленіи къ наградамъ офицеровъ представлявшихъ войскъ и двухъ генераловъ. Я все время не видалъ Никитина, да и не хотѣлъ этого. Я настоялъ, чтобы были представлены къ наградамъ оба мои бригадные командира, но для полковыхъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ Никитинъ боялся ихъ представить къ генеральскому чину. Представленія пошли, Бунаковъ помѣстилъ въ нихъ и своего тестя Мексмонтана, хотя его бригада на смотру оказалась хуже всѣхъ, помѣстилъ и себя, такъ какъ тотчасъ же получилъ Владимірскую звѣзду, но обо мнѣ ни полслова. Признаться сказать, я отъ этихъ людей и не ожидалъ ничего хорошаго для себя, тѣмъ болѣе, что о наградахъ своихъ я никогда не просилъ. Передъ Рождествомъ однако же я получилъ записку отъ Бунакова, въ которой онъ писалъ, что командующій войсками сказалъ, что считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ вознаграждать мои труды по смотру, и поэтому велѣлъ представить меня къ наградѣ. На праздникъ самъ Никитинъ въ офицерскомъ собраніи сказалъ мнѣ: „Николай Гавриловичъ, я вамъ много обязанъ и считаю, что я получилъ мѣсто командующаго войсками, только благодаря вашему блестящему представленію войскъ на высочайшемъ смотрѣ“.

Вскорѣ послѣдовало и назначеніе командира корпуса генераль-адъютанта Дризена. Не обладая ни большими дарованіями, ни блестящимъ умомъ, а лишь одною напускною важностью, Дризенъ былъ бы, въ ряду ему подобныхъ людей, довольно сноснымъ начальникомъ, если бы не состоялъ въ полной зависимости у своей жены, урожденной Штрандманъ. Жѣнщина эта, славившаяся когда-то своей красо-

той, держала почтеннаго супруга, что называется, подъ башмакомъ. До старости лихая наѣздница, вѣчно затянутая, она издали казалась лѣтъ 40, хотя, въ сущности, имѣла за 60 и постоянно любила окружать себя молодежью; жена его, пробывши ползими въ Вильнѣ, заболѣла, у ней сдѣлался ракъ на деснѣ, и она принуждена была уѣхать въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умерла.

Осенью же этого года возникъ такъ называемый Афганскій вопросъ. Дѣло въ томъ, что, занявъ Мервъ—мы взбудоражили подозрительность англичанъ, ставъ въ близкомъ разстояніи отъ Герата. Этого достаточно было, чтобы англичане закричали объ опасности для Индіи, о нарушеніи границы ихъ союзника—афганскаго эмира, границы, которую никто не проводилъ и о которой самъ эмиръ не имѣлъ никакого понятія. Еще ранѣе этого крика было условлено высылать разграничительную комиссію въ Мервскій оазисъ, съ обѣихъ сторонъ для рѣшенія спора, съ какою цѣлью со стороны Англій былъ посланъ съ огромнымъ конвоемъ генераль Лемсденъ, а отъ насъ былъ назначенъ генераль Зеленый, но, прежде чѣмъ его послать, пришла кому-то въ голову, рѣдкая для министерства иностранныхъ дѣлъ, здравая мысль потребовать топографическія свѣдѣнія о новыхъ нашихъ владѣніяхъ и выяснить, какія именно пастбища находились и нужны для новыхъ нашихъ подданныхъ туркменъ.

Оказалось, что всѣ мѣста, которыя англичане хотѣли отрѣзать для Афганистана, искони были занимаемы туркменами, не платившими даже дани никому за право владѣнія; тогда рѣшили, прежде послышки Зеленаго, предъявить всѣ эти требованія въ Лондонъ и, условившись тамъ предварительно, произвести уже затѣмъ разграниченіе на мѣстѣ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ страшный шумъ, заговорили въ палатахъ, газетахъ, раздались крики „къ оружію!“, и миролюбивое министерство Гладстона прибѣгло къ старой, всегда удававшейся уловкѣ противъ Россіи, то есть запугиванію ея. Къ счастью, нашелся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ способный и самостоятельный чело-вѣкъ, директоръ азіатскаго департамента Зиновьевъ, который удержалъ маріонетку Гирса отъ расшаркиваній и извиненій передъ Англійей, къ которой, по традиціямъ нашей жалкой дипломатіи, онъ хотѣлъ было уже обратиться.

Взглядъ Зиновьева встрѣтилъ поддержку и въ самомъ государѣ, честь и слава ему, и мы рѣшились на этотъ разъ не пугаться Европы и настоять на нашихъ требованіяхъ къ великой радости всѣхъ русскихъ людей. Для поддержки нашего весьма недалекаго посланника въ Лондонѣ, котораго я знаю съ молодыхъ годовъ,—Сталя, послали расторопнаго и смѣлаго инженера Лессара, извѣздившаго вдоль и поперекъ всю Туркменію, но дѣло не выгорало. Начали кее-какія

приготовленія къ отпору англичанъ въ Закаспійской области и съ нашей стороны, несмотря на то, что къ новому 1885 году смѣта нашихъ предстоявшихъ обыкновенныхъ на этотъ годъ расходовъ была утверждена съ огромнымъ дефицитомъ.

Въ январѣ 1885 года я по обыкновенію былъ въ Петербургѣ, но въ пріемный день военного министра не видалъ, онъ праздновалъ свою серебряную свадьбу. Разстроенное мое здоровье заставило меня лѣтомъ этого года взять заграничный отпускъ и ѣхать къ Шарко въ Парижъ. Городъ этотъ не произвелъ на меня особенно сильнаго впечатлѣнія, а неряшество на улицахъ заставляло не разъ вспоминать нашъ опрятный Петербургъ. Я остановился въ улицѣ Ришелье близъ Палерояля и Лувра и отсюда дѣлалъ экскурсіи по городу. Послѣ визита къ царю нервовъ Шарко, я выѣхалъ тотчасъ же изъ Парижа и остальное время отпуска провелъ у дочери въ Варшавѣ. Въ сентябрѣ я вернулся въ Вильну, а вслѣдъ за дружескимъ свиданіемъ нашего государя въ Кремзирѣ съ австрійскимъ императоромъ разразилась трагикомедія, устроенная въ Болгаріи прусскимъ поручикомъ Баттенбергомъ. Наша милая и ничего не знающая дипломатія проглядѣла переворотъ въ Филлиполѣ, и мы очутились въ преглупомъ положеніи, не зная, какъ намъ поступить съ Баттенбергомъ, то есть поддержать его или разсердиться. Избрали послѣднее и сейчасъ же отозвали оттуда нашихъ офицеровъ и военного министра Кантакузина, между тѣмъ Баттенбергъ и зная насъ не хотѣлъ, и, закусивши удила, пустился во всевозможныя политическія приключенія, поддерживаемый въ тайнѣ королевой Викторіей, изъ любви къ старшему брату Баттенберга, только лишь женившемуся на ея дочери.

Князь Миланъ, науськиваемый нашимъ другомъ Австріей, не долго думая, поставилъ на ноги свою карточную армію и полѣзъ на Баттенберга. Въ то же время торгошаи-греки подняли шумъ и стали показывать изъ кармана кукишъ Турціи; словомъ, разыгрался такой кардавакъ на Балканскомъ полуостровѣ, какого едва-ли могли ожидать самыя заклятые враги наши въ Европѣ. При видѣ такой картины мы еще болѣе разсердились на Баттенберга и въ одинъ день исключили его изъ списковъ нашей арміи и, признаться, неудачно, такъ какъ этотъ авантюристъ въ то время вздуть мужицкую армію Милана, прогналъ ее изъ Болгаріи и самъ ворвался въ Сербію, а такъ какъ Австріи вовсе не было выгодно, чтобы ея креатуру—Милана, забили въ конецъ, то она по соглашенію съ Россіею прикрикнула на обоихъ пѣтуховъ: Баттенберга и Милана, пославъ къ нимъ вмѣсто арміи своего агента (очень ловкаго и толковаго человѣка) въ Сербію гр. Кевенгюллера, и пѣтухи сейчасъ же прекратили драку, а затѣмъ и помирились. Баттенбергъ сталъ ге-

роемъ дня; всѣ опасенія умереть вмѣстѣ съ отцомъ голодною смертію, въ случаѣ изгнанія изъ Болгаріи, исчезли, напротивъ, въ перспективѣ явилась въ рукахъ соединенная Болгарія, съ которой не только можно было тащить, сколько угодно, на прожитокъ отца, не только пить грошевое пиво, какъ подобало прусскому поручику, но и убогаторить себя всѣми яствами, да и сбить хорошій капиталець для будущности, дѣйствуя совершенно въ конституціонномъ духѣ. Мы вздумали было опять посердиться, но, получивъ въ подачку утвержденіе Баттенберга въ Восточной Болгаріи только на пять лѣтъ генераль-губернаторомъ, очень этому обрадовались и сочли за благо успокоиться.

Что бы почувствовалъ покойный государь при взглядѣ на всѣ эти дѣла, если бы онъ могъ воскреснуть. Силою навязанный имъ, болгарамъ юноша, нѣмецъ по воспитанію, по службѣ и душѣ, вытасченный изъ поручиковъ во владѣтельнаго князя, благодаря только родству и то съ лѣвой стороны, такъ зло неблагодарно насмѣялся надъ простотою и добротой своего дяди, поругалъ русскую честь и кровь и порвалъ почти всѣ связи между единоплеменными народами.

Вотъ что значитъ присущее намъ въ высшихъ сферахъ заблужденіе или самообольщеніе: полагать, что достаточно какому-нибудь авантюристу принадлежать къ родовитой крови, чтобы считать его способнымъ управлять народомъ. Конечно, было бы не то, если бы исполнили желаніе болгаръ избрать себѣ въ князья, какъ они хотѣли, Дондукова-Корсакова или Игнатѣева, но вѣдь какъ можно было допустить простому смертному и подданному сѣсть на болгарскій престоль, да наконецъ и Европа бы на насъ сейчасъ прикрикнула.

Въ такихъ представленіяхъ болгарскихъ и сербскихъ маріонетокъ прошла вся зима 85—86 г., тѣмъ временемъ мы вмѣстѣ съ англичанами выслали въ Афганистанъ разграничительную комиссію и ни сномъ, ни духомъ не вѣдавшій афганскій эмиръ получилъ въ свое владѣніе массу земель, никогда не признававшихъ его власти, и мы успокоились на постановкѣ пограничныхъ столбовъ тамъ, гдѣ они не имѣютъ никакого значенія, ибо граница среди полудикихъ племенъ не можетъ существовать, что доказала наша граница въ Киргизской степи и Туркестанскомъ краѣ.

Во внутреннемъ строѣ Россіи все шло въ 85 г. тихо и безцвѣтно. Лица, стоявшія у кормила правленія, оставались все тѣ же, за исключеніемъ вновь назначеннаго министра юстиціи сенатора Манасеина, а слѣдовательно, и ожидать отъ нихъ какого-либо свѣжаго, живучаго почина въ государственной дѣятельности было трудно. Поэтому опять начали раздаваться въ обществѣ сѣтованія на то, что у насъ нѣтъ способныхъ людей, подобно тому, какъ во время Крымской кампаніи

раздавались крики, что у нас нѣтъ способныхъ генераловъ. Но эта всегдашняя ложь конечно и останется ложью. Послѣ Крымской войны повѣяло въ арміи свѣжимъ воздухомъ, и нашлись даровитые генералы; перестанетъ правительство выбирать на высшія административныя мѣста людей только изъ тѣсной клики придворныхъ, изъ петербургскихъ франтовъ высшаго полета, и найдутся способные министры. Вся бѣда и состоитъ въ томъ, что изъ 100 мил. населенія Россіи ограничиваютъ свое знаніе знакомствомъ съ двумя или тремя сотнями лицъ, толкающихся въ ихъ свитѣ или передней.

Афганская разграничительная коммиссія, дойдя до Аму-Дарьи, за-спорила о ничтожномъ пунктѣ на этой рѣкѣ и разошлась, рѣшивъ окончить споры переговорами между Лондономъ и Петербургомъ, а мы между тѣмъ продолжали Закаспійскую желѣзную дорогу и въ слѣдующемъ 1887 году довели ее до Аму-Дарьи при г. Чарджуѣ.

Баттенбергъ послѣ сербской войны въ одинъ прекрасный день былъ арестованъ юнкерами въ своемъ дворцѣ и быстро отправленъ на пароходѣ въ нашъ г. Рени. Здѣсь, признавая деньжовокъ, онъ былъ отправленъ совершенно сконфузившейся отъ неожиданнаго его появленія русской администраціей по юго-западнымъ дорогамъ въ г. Львовъ, а отсюда, не долго думая, опять махнулъ въ Болгарію и съ береговъ Дуная прислалъ государю слезную телеграмму о дозволеніи ему продолжать управление Болгаріей. Но отвѣтъ былъ данъ отрицательный. Вся эта комедія разыгрывалась въ то время, когда войска Виленскаго и Варшавскаго округовъ собирались къ Высоко-Литовску для розыгрыша большого маневра, долженствовавшего представить наступленіе пруссаковъ и нашъ имъ отпоръ. На маневрѣ этомъ очень настаивалъ генераль Куропаткинъ, который безъ практическаго примѣра не рѣшался сдѣлать окончательный выводъ по порученному ему дѣлу о стратегической оборонѣ западной нашей границы.

Я на маневрѣ не былъ, дивизія моя охраняла желѣзную дорогу отъ Корсовки до Вильны, и я, находясь въ Динабургѣ, видѣлъ, какъ проѣзжали всѣ наши воротилы. Я видѣлъ торжествующаго веселаго Гирса, находившагося въ умиленіи отъ посѣщенія его Бисмаркомъ въ Франценсбадѣ, гдѣ онъ пилъ воды и отдавалъ замужъ дочь; тутъ же на станціи я пробесѣдовалъ съ часъ съ нашимъ берлинскимъ посломъ Шуваловымъ, выѣхавшимъ изъ имѣнія встрѣтить радостнаго Гирса. На маневрахъ же, не знаю, по чьему выбору, состоялась посылка въ Болгарію нашего военнаго агента въ Вѣнѣ К—а, почему-то думавшаго, что Болгарію можно привести въ порядокъ одними миролюбивыми совѣтами, особенно ему, какъ бывшему посреднику при заключеніи мира между Сербіей и Болгаріей. Я зналъ его съ молодыхъ

чиновъ; это былъ довольно скромный нѣмецъ, безъ сильнаго характера и при томъ воспріявшій въ Вѣнѣ взгляды, не всегда соответствующіе достоинству Россіи. Поведеніе его въ Болгаріи лучше всего доказало его несостоятельность. Всѣ, знавшіе его тогда же, пожимали плечами въ изумленіи отъ такого выбора, тѣмъ болѣе, что посылка даже и болѣе самостоятельнаго человѣка казалась въ то время совершенно непригодной и ненужной.

Кончились маневры. Они конечно въ стратегіи ничего не выяснили, ибо велись безтолково, безъ соответствующей боевой обстановки и стоили около милліона рублей; кавалерія же наша, мыкаясь безъ толку, испортила массу лошадей и въ тактическомъ смыслѣ выказалась въ самомъ неприглядномъ видѣ.

Проводивъ государя обратно, дивизія ушла на зимнія квартиры. Вскорѣ уѣхалъ и К—ъ изъ Болгаріи, потерявъ всякое значеніе въ этой странѣ, а вмѣстѣ съ отъѣздомъ его прекратились и наши дипломатическія сношенія съ этою странюю, ибо всѣ наши консулы были тоже отозваны въ Россію.

Странное дѣло, со временъ Екатерины наша дипломатія совершенно потеряла свой національный характеръ, да и представителями ея почти постоянно являются лица нѣмецкаго происхожденія, или хотя и доморощенные дипломаты, но съ космополитическимъ характеромъ и безусловнымъ поклоненіемъ Европѣ. Стоить прочесть мемуары Меттерниха, Бейста, Татищева и другихъ, чтобы убѣдиться, какъ насъ всегда и во всемъ одурачивали, заставляли для другихъ таскать каштаны и обходились съ нами зачастую какъ съ лакеями. Отчасти это происходило отъ ложнаго нерусскаго воспитанія нашихъ пословъ и посланниковъ, а отчасти и отъ личныхъ взглядовъ, а также отъ личныхъ симпатій или антипатій. Вспомнимъ, какъ Александръ I-й въ послѣдніе свои годы и еще болѣе самый абсолютный самодержецъ въ свѣтѣ Николай I-й направлялись Меттернихомъ, даже болѣе мелкими заправилами европейской политики; позднѣе Александръ II направлялся Бисмаркомъ и кончилъ знаменитымъ Берлинскимъ трактатомъ. У теперешняго государя ¹⁾ сильно развито національное чувство и твердость характера. А кто же теперь представители нашей національности въ главныхъ европейскихъ столицахъ?

Кто же блюдетъ такимъ образомъ въ дѣйствительности въ нашей дипломатіи за національными интересами Россіи? Во-первыхъ, какъ и всегда, Николай Чудотворецъ, во-вторыхъ, твердость воли государя, въ-третьихъ, два можетъ быть и ультра, но все-таки глубокихъ чест-

¹⁾ Императоръ Александръ III.

ныхъ патріота, изъ коихъ одного теперь уже нѣтъ въ живыхъ—это Аксаковъ и Катковъ. До тѣхъ поръ пока вліяніе послѣдняго еще не подкопано окончательно анти-національной партіей, до тѣхъ поръ мы можемъ быть еще кое-какъ и удержимся въ достойной роли передъ Европой.

Публицистическая дѣятельность Аксакова и Каткова такъ всѣмъ извѣстна, что говорить объ ней было бы излишне, и въ то время, когда Аксаковъ былъ самымъ яркимъ славянофиломъ и отличался крайней прямою и рѣзкостію своихъ воззрѣній на положеніе и задачи Россіи, Катковъ нерѣдко измѣнялъ свои взгляды и изъ англофила перешелъ въ поклонника Бисмарка до тѣхъ поръ, пока не разочаровался въ немъ. Заслуга того и другаго состояла и состоитъ въ томъ, что они ничѣмъ не стѣснялись, всегда высказывали въ лицо нашимъ управителямъ горькую истину относительно ихъ дѣятельности и направленія внутренней и внѣшней политики Россіи. Всѣмъ памятны статьи „Руси“ Аксакова о Берлинскомъ трактатѣ и въ особенности, о Скерневицкомъ и Кремзирскомъ свиданіяхъ. Хорошенько не помню гдѣ Россія сравнивалась съ Иванушкой-дурачкомъ, котораго, несмотря на его богатырскую силу, всѣ обижали и обирали. Не менѣе памятны и статьи Каткова во время повстанія 61—63 г.г. и статьи 1887 года относительно политики Гирса. Достаточно однѣхъ этихъ статей, чтобы заслужить авторамъ ихъ глубокую благодарность со стороны всѣхъ честныхъ русскихъ людей, у которыхъ національное чувство еще не окончательно ступшевалось слѣпымъ поклоненіемъ Европѣ.

XXX.

Назначеніе Вышнеградскаго.—Переворотъ въ Болгаріи.—Каравеловъ и Стамбуловъ.—Принцъ Кобургскій.—Смерть Каткова.—Государь въ Берлинѣ.—Назначеніе командиромъ 17-го корпуса.

Постоянное возрастаніе дефицита въ государственной смѣтѣ и неудачи разныхъ палліативныхъ мѣръ, принимаемыхъ Бунге къ управленію нашихъ финансовъ, заставили наконецъ государя пожертвовать своимъ бывшимъ профессоромъ и назначить въ новомъ 1887 году министромъ финансовъ Вышнеградскаго, тоже бывшего когда-то профессоромъ въ технологическомъ институтѣ и затѣмъ счастливаго поправителя дѣлъ Рыбинско-Бологовской и Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Нельзя еще сказать, какаѣ финансовая система будетъ усвоена

*

новымъ министромъ, такъ какъ до сихъ поръ дѣло ограничилось установленіемъ массы мелочныхъ косвенныхъ налоговъ и протекціонною пошлиною на нѣкоторые привозные изъ-за границы предметы, имѣющею по преимуществу видъ боевой пошлины противъ Германіи въ отместку Бисмарку за такія-то распоряженія противъ Россіи. Результатомъ такой экономической войны до сихъ поръ было только странное пониженіе нашего курса, но это не бѣда, если намъ удастся только встать на свои ноги и выйти изъ подчиненія жидовской Берлинской биржи.

Удалился Баттенбергъ изъ Болгаріи, но оставилъ тамъ своихъ друзей регентами и министрами, и агитація противъ Россіи пошла еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Все русское изгонялось и преслѣдовалось. Мы пожинали плоды нашей близорукой дипломатіи и нашего либеральничанія. Едва высвободившимся изъ пятилѣтняго рабства пастухамъ болгарамъ мы, по своей волѣ, навязали нѣмца князя, душой и тѣломъ преданнаго западной Европѣ, и даровали наиберальнѣйшую конституцію, которая въ пору была какой-нибудь издавна свободной и развитой націи. Но таковъ былъ императоръ Александръ II, что при его благодущіи окружавшіе его наши Лафайеты и Мирабо могли проводить всевозможные либеральные эксперименты. Болгарское мужичье и торгаши не могли взять въ толкъ, да и до сихъ поръ не взяли сути своей конституціи, и въ то же время не мало оказалось въ той же Болгаріи недоучившихся господъ, нахватавшихъ въ наукѣ только верхушки, да при томъ самой соціальной окраски, приобрѣтаемой въ разныхъ кофейняхъ и на бульварахъ Европейскихъ столицъ. Эти передовые, какъ они себя называли, люди, пользуясь безгласностію народа, сейчасъ же стали ловить въ мутной водѣ рыбу, заняли министерскія и другія мѣста и быстро повели свою страну къ прогрессу, то есть къ разграбленію, революціи и террору, все во имя той же европейской цивилизаціи и независимости Болгаріи. Явился первый министръ Каравеловъ,—воспитанникъ Москвы,—наперсникъ Баттенберга, а когда этихъ друзей прогнали, выступилъ на сцену недоучившійся нашъ семинаристъ Стамбуловъ и въ качествѣ регента и почти диктатора, при помощи разныхъ бывшихъ пастуховъ и воспитанниковъ Парижскихъ и Вѣнскихъ бульваровъ, занявшихъ видныя должности, всталъ на ножи съ Россіей. Грустнѣе всего было то, что всѣ эти управители Болгаріи, въ сущности, играли только роль маріонетокъ въ рукахъ Австріи и Англіи, имѣвшихъ за собою Бисмарка и ведшихъ игру съ цѣлью вытѣснить вліяніе Россіи съ Балканскаго полуострова, хотя бы цѣною поголовнаго разоренія и развращенія славянъ. Болгарскій народъ коснѣлъ въ своемъ смиреніи передъ регентами, а послѣдніе дошли до полного самообольщенія, воображая, что они дѣйствительно

своимъ умомъ управляютъ Болгаріей и даютъ тонъ всей восточной политикѣ Европы.

Пламенные, почти ругательныя рѣчи, произнесенныя зимою въ парламентахъ Венгріи и Австріи противъ Россіи, заставили насъ подумать о нѣкоторыхъ мѣрахъ осторожности на нашей западной границѣ. Мы немножко зашевелились по устройству укрѣпленій у Ковно, Осовца и Гродно и стали къ веснѣ 1887 года какъ будто готовиться къ мобилизаціи, но эта тревога продолжалась недѣли три, и затѣмъ все замерло и затихло до поры до времени. Тѣмъ временемъ Шува-ловъ проскакалъ нѣсколько разъ изъ Берлина въ Петербургъ и обратно, Катковъ получилъ отъ государя замѣчаніе за слишкомъ рѣзкія нападки на нашихъ бывшихъ друзей въ Вѣнѣ и Берлинѣ, отчего слегъ въ постель, а англичане прислали въ Петербургъ полковника Риджвея для окончательныхъ переговоровъ о нашей границѣ съ Афганистаномъ.

Въ началѣ лѣта былъ изданъ наконецъ такъ долго ожидаемый всѣми русскими людьми законъ о прекращеніи германизаціи нашей западной окраины и о выселеніи изъ этой полосы нѣмцевъ, не желающихъ принять русское подданство. Эта мѣра озлобила Берлинъ, а вмѣстѣ съ нежеланіемъ нашимъ по-прежнему идти на поводу Бисмарка повела къ тому, что этотъ милый человекъ черезъ свою прессу началъ проповѣдывать о неминуемомъ банкротствѣ Россіи съ совѣтомъ нѣмцамъ спускать имѣвшіяся у нихъ въ рукахъ наши процентныя бумаги, вслѣдствіе чего всѣ наши фонды хотя и не надолго разомъ полетѣли внизъ и дошли до небывало-малой стоимости. Такъ шло дѣло до конца іюня, когда созданное въ Тырновѣ Болгарское народное собраніе подъ палками регентовъ провозгласило княземъ болгарскимъ австрійскаго гусарскаго поручика и родственника австрійскаго дома принца Фердинанда Кобургскаго. Эта новая мода выбирать чуждыхъ странъ и ничего не смыслящихъ въ администраціи драгунскихъ и гусарскихъ поручиковъ была какъ нельзя болѣе на руку Австріи и такъ называемой пресловутой лигѣ мира, то есть Германіи, Италіи и Австріи.

Среди этой вновь начавшейся комедіи разомъ разнеслась по Россіи вѣсть о серьезной болѣзни Каткова; говорили, что онъ страдаетъ ракомъ, но что болѣзнь значительно вдругъ усилилась вслѣдствіе рѣзкихъ замѣчаній государя по поводу статей его о вѣшной политикѣ Россіи. Какъ бы то ни было, но 20-го іюля Каткова не стало, и эту потерю почувствовало все, что любило Россію сильнымъ національнымъ чувствомъ. Въ Катковѣ Россія потеряла единственнаго писателя, котораго слушали люди власти, съ которымъ считались самыя высокія особы. Во всю почти свою литературную жизнь Катковъ представлялъ оппозиціонную сторону въ управленіи Россіей, и въ этомъ

отношеніи талантъ его не имѣлъ соперниковъ. Страстно любя родину онъ съ непрерывной зоркостью слѣдилъ за всѣми распоряженіями власти, громилъ все то, что выходило или изъ ложнаго либерализма, или слѣпаго поклоненія Европѣ съ забычивостію русскихъ интересовъ. Не имѣя подобно Аксакову своей опредѣленной какой-нибудь системы, не будучи слѣпымъ поклонникомъ славянофильства и мѣняя свои убѣжденія, если только находилъ ихъ непригодными для Россіи, Катковъ ежеминутно стоялъ насторожѣ русскихъ интересовъ, готовый ринуться въ борьбу, не разбирая ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ враговъ, кто бы они ни были. Потеря великая для Россіи, особенно въ ту пору, когда и обыкновенныхъ выдающихся людей у насъ такъ мало.

Мѣры, принятыя Вышнеградскимъ, по увеличенію доходовъ и покровительству отечественной промышленности, принесли свою пользу уже тѣмъ, что государственная роспись на 1888 годъ вышла безъ дефицита. Спасибо и за это, особенно принявъ во вниманіе страшное паденіе нашего курса.

Осенью 1887 года была принята въ первый разъ благоразумнѣйшая мѣра, какую только могъ придумать нашъ военный министръ— это созывъ для обученія запасныхъ нижнихъ чиновъ и особенно однолѣтковъ. Успѣхъ дѣла превзошелъ всѣ ожиданія. Въ три недѣли всѣ эти полумужички стали такими бойкими, ловкими солдатами, что ихъ нельзя было отличить отъ настоящихъ. Да много, много можно сдѣлать изъ нашего дорогаго солдата, если толково вести его образованіе и умѣючи съ онымъ обращаться. Это такой неопѣненный матеріалъ для боя, какого не можетъ дать ни одна европейская нація.

Осень этого года государь съ семьей провелъ въ Копенгагенѣ и, по болѣзни дѣтей не могшій возвратиться моремъ, принужденъ былъ ѣхать черезъ Берлинъ. Не думаю, чтобы встрѣча его съ Бисмаркомъ была пріятна для обоихъ. Бисмаркъ старался увѣрить государя въ дружбѣ Германіи, а государь показалъ ему письма принца Рейса (германскаго посла въ Вѣнѣ), явно свидѣтельствовавшія объ интригахъ Германіи противъ Россіи. Конечно, Бисмаркъ отъ этихъ документовъ отрекся, и они были объявлены подложными послѣ обнаруженія союзнаго договора Германіи съ Австріей—этою лиги мира. Конечно, трудно было ожидать, чтобы отношенія наши съ Германіей поправились, несмотря и на все благодушіе и сердечность при пріемѣ императоромъ Вильгельмомъ государя. Старичекъ этотъ давно уже утратилъ всякую инициативу по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, предоставивъ ее всецѣло въ руки Бисмарка, тѣмъ болѣе, что наследный принцъ страдалъ ракомъ гортани, жилъ въ Санъ-Ремо, и Бисмаркъ усердно хлопоталъ тогда о замѣнѣ его въ замѣстительствѣ императора

внукомъ Вильгельмомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ скончался императоръ Вильгельмъ, этотъ старый другъ Россіи, завѣщавъ внуку своему Вильгельму жить въ дружбѣ съ Россіей, и въ то же время не медля прибылъ изъ Санъ-Ремо больной Фридрихъ, чтобы вступить на престолъ. Гуманный, честный человѣкъ, руководимый своею высокообразованною женою Викки (такъ она называлась въ своей англійской семьѣ), императоръ Фридрихъ сразу явился противникомъ и стремленій Бирмарка въ запугиваньи войною, и деспотическихъ мѣръ его по внутреннему управленію Пруссіей; истощенный недугомъ, бѣдный императоръ не могъ провести своихъ взглядовъ въ жизнь и въ іюнѣ его не стало, германскій тронъ занялъ сынъ его подъ именемъ Вильгельма II. Новый императоръ вскорѣ нашель полезнымъ сдѣлать визиты сѣвернымъ державамъ и въ іюль мѣсяцѣ прибылъ съ эскадрою въ Россію и былъ встрѣченъ и чествованъ въ Петергофѣ съ необычайнымъ торжествомъ и радушіемъ.

Едва-ли не наканунѣ его пріѣзда разыгрался въ Висбаденѣ скандалъ, горько отозвавшійся въ Россіи. Цѣломудренная красавица, королева сербская Наталія была оскорблена германскою полиціею, силою взявшей у нея сына, наслѣднаго сербскаго принца, и отправившей его къ отцу, извѣстному по своему распутству—Милану. Всѣ честные люди въ Европѣ были возмущены подобнымъ поступкомъ, за исключеніемъ мадыро-германской печати.

15-го іюня состоялось торжество въ Кіевѣ въ честь 900-лѣтняго крещенія Руси, на которое впрочемъ съѣхалось весьма ограниченное число славянскихъ гостей. Несмотря на это, австро-мадырская печать подняла страшный гвалтъ, обвиняя Россію въ панславизмѣ. Отпраздновали и мы этотъ день въ Вильнѣ большимъ парадомъ, на которомъ я командовалъ войсками и страшно истомился.

Осенью этого 1888 года государь съ государыней посѣтили маневры Харьковскаго и Одесскаго округовъ и затѣмъ посѣтили Кавказъ, гдѣ путешествіе ихъ было рядомъ непрерывныхъ овацій и восторговъ. Въ половинѣ октября войска встали на охрану дороги по случаю возвращенія государыни въ Петербургъ, я по-прежнему помѣстился въ Динабургѣ. Наступалъ день проѣзда, а приказанія о занятіи 3-го положенія не было, между тѣмъ, между желѣзнодорожниками уже ходили свѣдѣнія о катастрофѣ съ поѣздомъ; видимо начальникъ охраны генералъ Черевинъ растерялся, и мы почти сутки оставались въ неизвѣстности. На дворѣ стояла слякоть, холодъ, мало того шелъ то снѣгъ, то дождь, и я распорядился подъ своей отвѣтственностью снять людей съ 3-го положенія. На другой день все разъяснилось; произошла знаменитая катастрофа 17-го октября. Провидѣніе чудеснымъ образомъ спасло царскую семью, государь поѣхалъ черезъ Москву.

Возвратившись въ Вильну и окончивъ сборъ запасныхъ, съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ прошломъ году, я началъ уже готовиться къ обыденнымъ зимнимъ занятіямъ, когда мое мирное настроеніе неожиданно было нарушено. Дѣло вотъ въ чемъ. Ганецкій послѣ катастрофы очень желалъ заявить государю свои соболѣзнованія, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ государь повернулъ на Москву. Тогда онъ написалъ частное письмо къ Ванновскому, въ которомъ самымъ сильнымъ образомъ высказывалъ вѣрноподданническія чувства и сожалѣніе, что не успѣлъ заявить ихъ государю. Изъ дружбы къ Ганецкому, Ванновскій показалъ это письмо хитраго старика государю, и послѣдовалъ отвѣтъ, что очень будутъ рады видѣть его въ Петербургѣ, чѣмъ Ганецкій немедленно и воспользовался. Ничего не предполагая, я 6-го декабря, послѣ молебна, раскланялся въ церкви съ Ганецкимъ, который, приостановивъ меня, сказалъ: „а вы ничего не получили о вашемъ назначеніи?“—Ничего. „Заѣзжайте ко мнѣ послѣ церкви“. Приѣхавъ къ нему, я узналъ, что начальникъ главнаго штаба—Обручевъ объявилъ ему, что меня хотятъ скоро взять изъ Вильны для назначенія генераль-губернаторомъ Западной Сибири (степной). Прошло недѣли двѣ, когда разъ вечеромъ я получилъ отъ генерала Каханова любезную записку съ поздравленіемъ и телеграмму Сѣвернаго агентства о назначеніи моемъ 8-го ноября командиромъ 17 армейскаго корпуса. Такое назначеніе послѣ разговора съ Ганецкимъ и, принявъ во вниманіе, что было еще два генерала старше меня для назначенія въ корпусные командиры, очень меня удивило, и для разъясненія этого дѣла я рѣшился поѣхать въ Петербургъ. Изъ разговора съ Обручевымъ оказалось, что у генераль-губернатора Сибири Колпаковскаго вышли пререканія съ губернаторомъ Ивановымъ, при чемъ дѣйствіями Колпаковскаго въ главномъ штабѣ были такъ недовольны, что уже былъ составленъ докладъ государю о моемъ назначеніи, когда получилось оправдательное письмо Колпаковскаго и затѣмъ просьба его о дозволеніи прибыть въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, что ему и разрѣшили. Такимъ образомъ вопросъ былъ отложенъ, что же касалось до причины обхода двухъ старшихъ меня генераловъ, то этого мнѣ никто кромѣ военнаго министра объяснить не могъ, а я, разумѣется, не имѣлъ права его допрашивать. На этотъ разъ государь принималъ въ Гатчинѣ только корпусныхъ командировъ, и мы вдвоемъ съ Дандевилемъ отправились туда. Дорогой Дандевилъ повѣдалъ мнѣ о своей печальной судьбѣ. Неудовольствіе противъ него Гурко дошло до такой степени, что онъ приѣхалъ въ Петербургъ просить о переводѣ его изъ Варшавы въ другой какой-либо корпусъ, что однако ему пока не удалось. Государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за

старую службу, говорилъ, какъ онъ остался доволенъ маневрами въ Харьковскомъ округѣ, и видимо хотѣлъ перейти къ бывшей съ нимъ катастрофѣ, но я не поднималъ этого вопроса, который и безъ меня, конечно, ему надоѣдалъ. Вообще его лицо и разговоръ сіяли такою добротою, сердечностію, что безъ особаго чувства нельзя было на него смотрѣть. Принималъ онъ меня въ тужуркѣ. Къ императрицѣ я не пошелъ. Но Дандевиль говорилъ, что она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ катастрофы и всякому являющемуся къ ней принималась объ этомъ рассказывать. Позавтракавъ хорошо въ Гатчинѣ, мы часа въ 3 вернулись въ Петербургъ. Пробывъ здѣсь четыре дня, я возвратился въ Вильну и сталъ понемногу готовиться къ отъѣзду въ свой корпусъ, квартира котораго была назначена въ Нижнемъ-Новгородѣ. Между тѣмъ слухи о моемъ назначеніи въ Сибирь распространялись и въ Вильнѣ и даже Москвѣ; ко мнѣ стали являться лица, желавшія служить въ Сибири, и не вѣрили мнѣ, когда я говорилъ, что въ Сибирь не назначенъ. Вообще положеніе мое вышло нѣсколько неловкимъ. Предъ отъѣздомъ мнѣ были предложены офицерами и полковыми командирами два обѣда, но я рѣшительно отказался отъ нихъ во избѣжаніе напрасныхъ расходовъ; точно также я тихонько собрался и неожиданно выѣхалъ 4-го января изъ Вильны, дабы избѣжать обѣдовъ у Ганецкаго и Дризена, о которыхъ они сами мнѣ говорили заранѣе. Получивъ два чрезвычайно лестныхъ приказа по округу и корпусу на счетъ моей 12-тилѣтней службы въ Вильнѣ, я направился къ новому мѣсту служенія; остановившись въ Москвѣ и явившись къ командующему войсками генералу Костандѣ, я былъ опять встрѣченъ вопросомъ о моемъ назначеніи въ Сибирь.

Въ Нижнемъ я былъ встрѣченъ съ особою торжественностію губернаторомъ Барановымъ (извѣстный командиръ парохода „Веста“), властями и кое-какъ устроился, на первое время, въ почтовой гостиницѣ.

Штабъ мой, составленный изъ расформированнаго штаба Харьковского округа, еще не собрался, и потому я посвятилъ время на обзоръ войскъ, стоящихъ въ Нижнемъ. Я нашелъ войска сильно распущенными, начальство пребывающимъ въ полной апатіи и начальника дивизіи, генерала Корево, въ состояніи младенчества и при томъ млѣющаго передъ каждой сколько-нибудь хорошенькой женщиной, съ которыми онъ позволялъ себѣ обращаться безъ всякихъ церемоній, что, какъ видно, очень нравилось нижегородскимъ барынямъ. Въмѣсто грязи и беспорядка, я потребовалъ чистоты и строгаго исполненія правилъ внутренней службы и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ донесъ Костандѣ, отъ котораго и получилъ благодарность. Въ знаком-

ствѣ съ обществомъ я ограничился только официальными визитами и даже, при этомъ условіи, не избѣгъ всевозможныхъ, свойственныхъ провинціи, сплетень. Въ началѣ марта я объѣхалъ войска во Владимірѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ и Костромѣ и, къ удовольствію, нашелъ уже многія изъ моихъ требованій исполненными. Мнѣ очень понравился Ярославль по своей опрятности и расположенію, и я удивляюсь, почему московское начальство не избрало его штабъ-квартирою корпуса. Тамъ я нашелъ губернаторомъ стараго своего знакомаго по Ташкенту генерала Фриде. Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, волновавшихъ въ это время общество, можно отмѣтить лишь самоубійство наслѣднаго Австрійскаго принца Рудольфа, вслѣдствіе романической его связи съ баронессою Вечера, окончившей тоже трагически свою жизнь; бомбардированіе французами нашей духовной миссіи отца Паисія, посланнаго въ Абиссинію, и сопровождавшаго ее вольнаго казака саратовскаго мѣщанина Ашинова; отреченіе Милана Сербскаго отъ престола и смерть бывшаго шефа жандармовъ графа Петра Шувалова.

Вслѣдъ за Шуваловымъ, принесшимъ, можетъ быть и неумышленно, такъ много зла Россіи, скончался и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой. При обширномъ образованіи, настойчивомъ, почти непреклонномъ характерѣ Толстой представлялъ одну изъ выдающихся личностей въ Россіи, особенно въ шаткое время минувшаго царствованія. При небольшомъ кружкѣ лицъ, знакомыхъ нашимъ государямъ, выборъ человѣка на важный постъ всегда бываетъ сопряженъ съ затрудненіями и по большей части оказывается неудачнымъ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, когда приходилось замѣнить столь сильный и цѣльный характеръ, какъ Толстаго. Министромъ назначили Дурново, когда-то бывшаго екатеринославскимъ губернаторомъ, человѣка богатаго и, какъ говорятъ, хорошаго ¹⁾. Все лѣто шли толки о женитьбѣ наслѣдника на княжнѣ Черногорской, но дѣло кончилось пока женитьбой великаго князя Петра Николаевича и принца Лейхтенбергскаго на княжнахъ Милицѣ и Анастасіи, послужившей поводомъ къ произнесенію государемъ тоста за единственнаго своего князя Николая Черногорскаго, надѣлавшаго страшнаго шуму въ Европѣ.

Въ половинѣ іюля я былъ вызванъ на полигонъ въ Клементьево, гдѣ Костанда производилъ смотры собранной тамъ артиллеріи въ числѣ 56 батарей. Три дня производилась и денная и ночная пальба безъ всякой по-моему пользы, ибо другихъ родовъ войскъ не было и мѣста для пальбы изучены артиллеристами, какъ пять пальцевъ,

¹⁾ Онъ былъ докладчикомъ по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи.

между тѣмъ, одинъ только день этой забавы, когда стрѣляли всѣ батареи, стоилъ казнѣ 12—15 тыс. рублей.

Послѣ трехдневныхъ ученій и сытныхъ обѣдовъ, предложенныхъ послѣ артиллеристами, мы на послѣдній день уѣхали на станцію Можайскъ, чтобы оттуда слѣдовать по желѣзной дорогѣ въ Москву. Въ Можайскѣ мы застали въ вокзалѣ сильно кутившую компанію, состоящую изъ нѣсколькихъ штатскихъ и одного флигель-адъютанта. Шампанское лилось черезъ край; оказалось, что можайскіе помѣщики чувствуютъ новаго своего собрата, купившаго въ Можайскомъ уѣздѣ большое имѣніе, — Н—го. Входя въ вагонъ, Костанда сказалъ мнѣ вполголоса: „Н—ій то имѣніе купилъ, вотъ когда оно сказалося“. „Этого и слѣдовало ожидать“, отвѣчалъ я. Дѣйствительно, покойный Н—ій долженъ былъ оставить большой капиталъ.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

По возвращеніи изъ Клементьева, пришлось готовиться къ корпусному маневру, который былъ назначенъ въ окрестностяхъ гор. Шуи. Я выѣхалъ нѣсколько раньше, чтобы посмотреть на частные маневры, которые оказались изъ рукъ вонъ плохими, по распушенности войскъ и по малому числу руководителей. Въ 2-хъ дивизіяхъ корпуса оставалось только два генерала. Въ концѣ августа пріѣхалъ въ Шую Костанда, присутствовалъ на маневрѣ и церемоніалѣ и, несмотря на проливные дожди, остался вполнѣ доволенъ войсками. Здѣсь онъ опять повторилъ мнѣ, что недавно видѣлся съ военнымъ министромъ и что онъ по-прежнему думаетъ назначить меня генераль-губернаторомъ въ Сибирь, о чемъ писалъ мнѣ и Мирковичъ ¹⁾. Пришло 30-ое августа, я не получилъ никакой награды, хотя она мнѣ и слѣдовала, а вслѣдъ затѣмъ и генераль-губернаторомъ Сибири былъ назначенъ генераль Таубе, помощникъ командующаго войсками Кіевскаго округа. Мнѣ это было очень непріятно, ибо награду я заслужилъ, а назначеніемъ Таубе меня заставили восемь мѣсяцевъ жить въ обманѣ и бивакомъ въ Нижнемъ, тѣмъ болѣе, что я этого мѣста не искалъ, а мнѣ его само министерство предложило. Объ обходѣ меня наградою я заявилъ Костандѣ и къ чести Апостола Спиридоновича долженъ сказать, что онъ горячо принялъ это дѣло къ сердцу и тотчасъ же представилъ меня къ наградѣ внѣ правилъ. О Таубе же выяснилось впоследствии, что его взяли изъ Кіева по требованію Драгомірова, но я полагаю, что, при моемъ самостоятельномъ характерѣ, военный министръ самъ не захотѣлъ дать мнѣ отдѣльнаго назначенія.

¹⁾ Помощникъ начальника Главнаго штаба.

Наступилъ 1890 годъ, я получилъ Александра Невскаго и поѣхалъ въ Петербургъ благодарить за награду. Являюсь къ министру, онъ прямо заявилъ мнѣ претензію; спрашиваю, въ чемъ виновать? На васъ жалуются въ Нижнемъ, что вы не приняли по пріѣздѣ вице-губернатора и городского голову и попросили ихъ, чтобы они у васъ расписались. Объясняю, что правила вѣжливости знаю и соблюдаю, что, пріѣхавъ съ семьею въ номера гостиницы, я только лишь началъ разбираться, какъ стали ко мнѣ пріѣзжать съ визитами, которыхъ ясно я не могъ принять въ двухъ комнатахъ. Наконецъ, меня ничто и не обязываетъ, какъ и всякаго человѣка, принимать визиты, которые однако же я на другой же день отплатилъ. Ясно было, что это наслетничалъ, по привычкѣ, Барановъ, тѣмъ болѣе, что когда я хотѣлъ поѣхать къ Дурново, чтобы выяснить это дѣло, министръ сталъ меня увѣрять, что слышалъ все это не отъ Баранова и что самъ переговорить съ Дурново.

Возвратившись въ Нижній, я передалъ все это Баранову и объявилъ, что въ другой разъ я вынужденъ буду принять уже другія мѣры противъ нижегородскихъ сплетниковъ, чѣмъ онъ былъ не мало сконфуженъ. Вся сила этой исторіи заключалась въ томъ, что, увлекаемая примѣромъ Игнатьева, Барановъ самъ хотѣлъ попасть генералъ-губернаторомъ въ Сибирь на предназначавшееся мнѣ мѣсто. Министръ меня спрашивалъ также, отчего старые генералы, когда ихъ обходятъ, не обижаются и не выходятъ въ отставку? Отвѣчалъ, что хотятъ ѣсть, а потому и служатъ, иначе съ ничтожной пенсіей придется чуть не умирать съ голоду.

Государь, при представленіи, необыкновенно былъ со мною милостивъ. Въ продолженіе зимы, меня два или три раза вызывали въ Москву, какъ старшаго корпуснаго командира, исправлять должность Костанды, уѣзжавшаго въ Петербургъ. Наконецъ, къ 21-му апрѣля мы, начальники войскъ, собрались туда же, чтобы праздновать 50-лѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ того же Костанды. Я, какъ старшій, поднесъ юбиляру сдѣланную по подпискѣ икону Иверской Божіей Матери и сказала за обѣдомъ небольшую рѣчь. На обѣдѣ я встрѣтился съ начальникомъ Главнаго тюремнаго управленія Галкинымъ-Врасскимъ, котораго не видалъ 30 лѣтъ. Мы встрѣтились дружески, хотя конечно только по наружности.

. . . . .

Окончивъ съ юбилеемъ, я поѣхалъ въ слободу Павловскую, осматривать 3-ю артиллерійскую бригаду, которую еще не видѣлъ.

Поѣздка эта, совершенная въ прекрасную погоду, служила для

меня прогулкой. По возвращеніи въ Москву, пришлось еще присутствовать на отвѣтномъ обѣдѣ, который давалъ у себя на квартирѣ Костаца всѣмъ начальникамъ. Обѣдъ былъ съ княземъ Долгорукимъ, спичами, и надо сказать, что въ кулинарномъ отношеніи составлялъ верхъ совершенства. Распростиаясь въ тотъ же день съ любезными, какъ всегда, хозяевами, я, переночевавъ, отправился въ свой Нижній.

Еще въ бытность въ Петербургѣ, я просилъ Ванновскаго о пособіи, предполагая лѣтомъ съѣздить за границу. Просьба моя была уважена, и въ началѣ юня, осмотрѣвъ предварительно войска корпуса, я выѣхалъ съ семьею изъ Нижняго. Далекій мнѣ предстоялъ путь изъ этого захолустнаго города. Третій разъ я ѣзжу за границу и долженъ по справедливости сказать, что нигдѣ я не встрѣчалъ такихъ удобствъ и такой предупредительности со стороны желѣзнодорожнаго персонала, какъ въ Россіи. Правда, указываютъ на скорость ѣзды за границей, но Богъ съ ней совсѣмъ, когда въ вагонахъ нѣтъ даже клозетовъ и понятный дорожный аппетитъ, за исключеніемъ рѣдкихъ мѣстъ, приходится удовлетворять только самымъ спѣснымъ проглатываніемъ пива и кофе съ прибавкой закорузлой колбасы. На обратномъ пути я пробылъ въ Вильнѣ около 3-хъ недѣль. Нашъ военный міръ былъ занятъ разговорами о Нарвскихъ маневрахъ и приготовленіями къ маневрамъ на Волыни.

Очевидцы рассказывали, что императоръ Вильгельмъ былъ чрезвычайно предупредителенъ не только къ императрицѣ, но и къ государю, которому онъ не разъ даже помогалъ надѣвать плащъ, но въ то же время, высадясь въ Ревелѣ и любезно поздоровавшись съ городскими властями изъ нѣмецкихъ бароновъ, онъ едва обратилъ вниманіе на представителей русской администраціи, какъ-то: губернатора князя Шаховскаго и другихъ. На Волыни должны были сразиться Гурко и Драгоміровъ, первый сначала отказывался отъ командованія, боясь, какъ онъ говоритъ, критики всякаго капитана генеральнаго штаба, но въ главномъ штабѣ рѣшили такъ, что главными посредниками будутъ высказаны мнѣнія только по совершенномъ окончаніи маневровъ, во время же его никто изъ посредниковъ не будетъ имѣть права что-либо поправлять или критиковать, и тогда Гурко согласился. Кто остался побѣдителемъ и распоряжался рациональнѣе, не знаю, но военный министръ впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что войска Гурко дѣйствовали ловчѣе и чище, жаль только, что главный посредникъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій въ это время уже былъ нездоровъ, выказывая по временамъ признаки умственнаго разстройства, и вскорѣ былъ отправленъ для излѣченія въ Крымъ.

Передъ отъѣздомъ въ Нижній, въ газетахъ появилось извѣстіе о покушеніи на жизнь нижегородскаго губернатора Баранова какого-

то писца. Напрасно Барановъ силился придать этому покушенію политическую подкладку, какъ противъ лица, отличающагося строгую преданностью монархизму—слѣдствіе показало, что покушавшемуся, въ принадлежѣ психопатіи,—было все равно, въ кого ни стрѣлять, лишь бы только въ лицо извѣстное по своему официальному положенію, и поэтому онъ сначала хотѣлъ убить министра финансовъ, бывшаго въ то время въ Нижнемъ, но когда это не удалось, то, за неимѣніемъ другаго болѣе подходящаго лица, онъ стрѣлялъ въ Баранова. Раздутая Барановымъ исторія вышла пустяками. Едва я вернулся въ Нижній, какъ получилъ телеграмму, вызывавшую меня въ Москву, для командованія округомъ, на мѣсто Костанды, отъѣзжавшаго въ отпускъ въ Одессу. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Москву, пріѣхалъ туда военный министръ, возвращавшійся съ маневровъ въ Петербургъ.

Я встрѣтилъ Ванновскаго на станціи, и потомъ при почетномъ караулѣ, онъ обошелся со мною холодно, вѣжливо, былъ у меня съ визитомъ и очень хвалилъ только-что окончившіеся маневры. По возвращеніи Костанды, вернувшись въ Нижній, я пробылъ въ немъ до 14-го ноября и все это время чувствовалъ какую-то постоянную тоску и недомоганіе; 14-го числа я вновь былъ въ Москвѣ для замѣны Костанды, уѣхавшаго въ Петербургъ. На другой день съѣздилъ къ знаменитому доктору Захарьину, чтобы потолковать о своемъ здоровьѣ, и въ 7-мъ часовъ вечера, возвратясь домой, почувствовалъ, что у меня отнялась правая нога и помутился правый глазъ. Такъ началась тяжкая болѣзнь, продержавшая меня въ Москвѣ, въ гостиницѣ, до половины марта.

XXXI.

Назначеніе вел. кн. Сергія Александровича генераль-губернаторомъ Москвы.—Смерть Долгорукова.—Смерть принцессы Александры Георгіевны.—Холера.—А. П. Костанда.—Назначеніе меня членомъ Военнаго совѣта.

Къ концу феврала болѣзнь моя нѣсколько облегчилась, хотя нога все еще плохо двигалась, а правый глазъ плохо видѣлъ, тѣмъ же менѣе я явился къ Костандѣ и вступилъ въ исправленіе его должности, когда онъ ко дню рожденія государя поѣхалъ въ Петербургъ.

Наступилъ мартъ, повѣяло весной, и Костанда сталъ ясно намекать мнѣ о необходимости отправиться къ корпусу, чего я и самъ горячо желалъ. Собравъ всѣ силы, я въ половинѣ марта рѣшился

выѣхать въ Нижній, по прибытіи куда и съ наступленіемъ тепла, мое здоровье дѣйствительно стало поправляться, я сталъ гулять и воскресать духомъ, но, увы, не надолго. Простоявъ какъ-то съ полчаса у обѣдни, я по приходѣ домой опять лишился употребленія ногъ. Такъ протянулось время до іюня мѣсяца, когда и рѣшился взглянуть на войска своего корпуса. Дурная погода преслѣдовала меня до Рыбинска, и только съ приѣздомъ въ Москву погода стала лучше. На этотъ разъ я нашелъ полки 35-ой дивизіи въ очень хорошемъ состояніи въ отношеніи фронта, вида и одежды. Здѣсь надо сказать, что еще въ 90 г. произошла у командира Моршанскаго полка полковника Ляпунова исторія въ полку. Трое подкутившіе офицеры поссорились между собою и одному изъ нихъ приказано было уйти изъ полка, а на другаго было наложено дисциплинарное взысканіе; въ полку образовались партіи, и одна заявила о пристрастіи полковаго командира къ одному изъ помянутыхъ офицеровъ. Полковаго командира поддержалъ начальникъ дивизіи. Пошли анонимные доносы Ванновскому, которые онъ такъ любилъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что мнѣ военный министръ сдѣлалъ замѣчаніе за слабость взысканія, а начальнику дивизіи выговоръ, послѣдствіемъ чего былъ выходъ въ 1881 г. въ отставку генерала Данилова и назначеніе на его мѣсто генерала Риттиха. Два молодыхъ офицера прогнаны въ отставку, изъ которыхъ одинъ юноша за то, что не вызвалъ на дуэль обидѣвшаго его товарища. Послѣдній однако по ходатайству моему черезъ годъ былъ вновь принятъ на службу.

Еще въ минувшемъ году московскій генераль-губернаторъ князь Долгоруковъ отпраздновалъ свой 25-ти-лѣтній юбилей по званію московскаго генераль - губернатора и получилъ отъ жителей массу подарковъ, такъ что въ его квартирѣ была устроена выставка этихъ подношеній, которую всѣ ходили смотрѣть. Но это была его послѣдняя лебединая пѣсня. Къ веснѣ, несмотря на расположеніе къ нему и поддержку императрицы, онъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначили великаго князя Сергія Александровича, командовавшаго дотолѣ Преображенскимъ полкомъ. Бѣдный Долгоруковъ, погрязшій въ долгахъ у жидовъ, которымъ онъ такъ протезировалъ въ Москвѣ, кое-какъ собравъ свои скудные позитки, отправился за границу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Послѣ смотровъ войскъ въ Нижнемъ и Владимірѣ я въ августѣ мѣсяцѣ опять поѣхалъ въ Москву замѣнять Костанду. На этотъ разъ я побывалъ у великаго князя и былъ встрѣченъ очень любезно, а семья за это время занималась осмотромъ французской выставки.

Этимъ лѣтомъ послѣдовало замѣтное сближеніе Франціи съ Россіей, какъ противовѣса тройственному союзу, и лѣтомъ французская эскадра адмирала Жерве посѣтила Кронштадтъ и была предметомъ

большихъ овацій. Адмиралъ и офицеры прїѣзжали не надолго и въ Москву, гдѣ ихъ поили и кормили на славу.

На частныхъ маневрахъ этого года въ августѣ мѣсяцѣ, за отъѣздомъ начальника 3-й дивизіи генерала Наз—ва въ отпускъ, командованіе 3-й дивизіей я поручилъ начальнику своего штаба генералу Макшееву, но едва только Наз—въ узналъ объ этомъ, какъ явился изъ отпуска и немедленно вступилъ въ командованіе дивизіей. Послѣдствіемъ такого поступка было то, что Макшеевъ подалъ въ отставку.

Надо сказать, что вскорѣ послѣ крушенія императорскаго поѣзда въ Боркахъ и по вступленіи Наз—ва въ командованіе 3-й дивизіей, онъ безъ вѣдома моего и Костанды отправилъ государю телеграмму, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ заявленіемъ, что 3-я дивизія въ память избавленія царской фамиліи отъ опасности сооружаетъ для поднесенія государю икону. На письмо послѣдовалъ милостивый отвѣтъ государя съ благодарностью. Икона-картина заказана была въ огромныхъ размѣрахъ и потребовала на сооруженіе около 7-ми тыс. руб. сер., которыя надо было гдѣ-нибудь добыть. Наз—въ однако не смутился. Онъ уволилъ людей дивизіи на продолжительныя вольныя работы, устроилъ между офицерами подписку и кромѣ того забралъ въ полкахъ разныя экономическія и хозяйственныя суммы.

Когда наконецъ икона была готова, онъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ о назначеніи особой депутаціи отъ дивизіи съ нимъ во главѣ, для отправки въ Петербургъ съ иконою. Я донесъ Костандѣ, сообщивъ, что объ изготовленіи иконы мнѣ до сихъ поръ не было ничего извѣстно. Костанду эта исторія взволновала, и онъ испросилъ разрѣшеніе на представленіе иконы депутаціей, но безъ Наз—ва, въ то же время онъ приказалъ вытребовать отъ него всѣ деньги, взятыя имъ изъ экономическихъ суммъ полковъ. Послѣднія деньги были возвращены, но ему удалось таки добыть себѣ разрѣшеніе на личное представленіе иконы вмѣстѣ съ депутаціей.

При своемъ постоянномъ безденежьи онъ привыкъ таскать деньги у полковыхъ командировъ, которые безъ затрудненія давали ему съ тѣмъ, чтобы онъ не мѣшалъ въ свою очередь имъ свободно распоряжаться хозяйствомъ полковъ въ ихъ личныхъ интересахъ.

По возвращеніи изъ Москвы, служба моя потекла бы обыкновеннымъ порядкомъ, если бы и тутъ тотъ же Наз—въ не надѣлалъ исторій. Дѣло въ томъ, что, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ анонимнымъ письмомъ къ новому командиру 9-го полка полковнику Федорову предложилъ ему дать начальнику дивизіи, то есть себѣ 1¹/₂ т. р. сер., съ обѣщаніемъ, что тогда служба его пойдетъ хорошо. Федоровъ конечно этихъ денегъ не далъ, и тогда сразу на него нача-

лось гоненіе. Я принялъ сторону Федорова, челоѣка, обремененнаго огромною семью. Началось дѣло. Сначала Костанда поручилъ мнѣ сдѣлать дознаніе, а затѣмъ дѣло было передано генераль-лейтенанту князю Оболенскому и къ веснѣ, несмотря на всѣ клеветы и доносы на меня Наз—ва, онъ былъ отчисленъ отъ должности. Осенью этого же 1891 г. вышелъ изъ службы и мой начальникъ штаба Макшеевъ, на мѣсто котораго назначили начальника штаба гренадерскаго корпуса Иванкина, не поладившаго съ Малаховымъ, а Наз—въ былъ замѣненъ генераломъ Озеровымъ.

Зиму съ 1891 на 1892 г. я провелъ въ Нижнемъ и смотры войскъ отложилъ до весны, а въ Москвѣ, на время поѣздки Костанды въ Петербургъ, оставался за него генераль Малаховъ. Для развлеченія дѣти устроили домашніе спектакли, въ которыхъ участвовали чины моего штаба и ихъ семейства, я же время отъ времени принималъ личное участіе въ тактическихъ занятіяхъ офицеровъ, направляя эти работы на ту же практическую дорогу, которая принесла столько пользы офицерамъ 27-й дивизіи. Къ веснѣ явился въ Нижній офицеръ генер. штаба японскихъ войскъ Фукушима, ѣхавшій верхомъ отъ Парижа или Берлина въ свое отечество; я пригласилъ его къ себѣ вечеромъ; онъ оказался достаточно образованнымъ, говорилъ съ моими дочерьми по-французски, нѣмецки и англійски, очень недурно танцевалъ и вообще охотно участвовалъ во всѣхъ играхъ, которыя вела молодежь.

Такъ протянулось время до мая мѣсяца, когда я рѣшилъ поѣхать взглянуть на войска своего корпуса. Сѣвъ на пароходъ въ прекрасную погоду, мы въ первую же ночь почувствовали страшный холодъ. Подулъ жестокій, сѣверный вѣтеръ, посыпалась крупа. Такъ мы доплыли до Костромы, гдѣ былъ назначенъ первый смотръ. Со мной кромѣ старой шинели не было теплаго платья, и я вынужденъ былъ поѣхать на смотръ въ лагерь въ лѣтнемъ пальто. Все время смотра сыпала крупа, дулъ жестокій, холодный вѣтеръ, и не только я, но всѣ молодые офицеры промерзли до мозга костей, несмотря на то, что я велѣлъ имъ немедленно надѣть пальто. Возвратился я на пароходъ совершенно замерзшій, но благодаря Бога безъ всякихъ послѣдствій для своего здоровья. Смотры въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ прошли при хорошей погодѣ.

Риттихъ очень увлекался сооруженной по его указаніямъ складной лодкой. 35-я артиллерійская бригада представилась также хорошо. Несмотря на это, Костанда, осматривавшій спустя двѣ недѣли послѣ меня 35-ю дивизію и найдя ее въ такомъ же прекрасномъ состояніи, отдалъ весьма сухой приказъ изъ нерасположенія къ Риттиху, происходившему отъ того, что противъ Риттиха былъ восстановленъ ге-

нераломъ Гурко самъ военный министръ. Въ свою очередь въ этомъ нерасположеніи къ Риттиху подстрекала Костанду и Духовской, который, гоняся за карьерой, благоговѣнно вторилъ всѣмъ взглядамъ и словамъ Ванновскаго.

Къ веснѣ распространившаяся въ Баку холера перешла въ Астрахань, гдѣ страшно свирѣпствовала, возбудивъ волненіе среди населенія и затѣмъ двигаясь вверхъ по Волгѣ и, произведя безпорядки въ Саратовѣ, пошла къ Нижнему. Здѣсь начинался съѣздъ на ярмарку, собралась масса рабочаго народу, и пошли распространяться разные пелѣшые возбуждающіе слухи на счетъ докторовъ и разныхъ запретительныхъ мѣръ мѣстнаго начальства относительно зелени, сырой воды и пр.

Ко мнѣ явился губернаторъ Барановъ и потребовалъ содѣйствія войскъ къ предупрежденію какихъ-либо волненій среди населенія.

Не ожидая разрѣшенія Костанды, я въ тотъ же день выслалъ баталіонъ на ярмарку, отдалъ въ распоряженіе Баранова, для высылки въ какой-то торговый пунктъ внизъ по Волгѣ, роту, поставилъ въ самомъ Нижнемъ на дежурство двѣ роты съ подчиненіемъ ихъ губернатору, приказалъ въ лагерѣ постоянно быть въ готовности двумъ баталіонамъ на случай требованія ихъ Барановымъ, и самъ остался на всякій случай въ городѣ. Между тѣмъ холера начала усиливаться, но конечно далеко не въ такой степени, какъ напр. въ 1848 году. Барановъ распоряжался энергично, но и здѣсь, какъ и вездѣ, не могъ обойтись безъ шарлатанства и самохвальства; онъ открылъ холерные лазареты на баркахъ, занялъ помѣщенія подъ больныхъ въ предмѣстіяхъ города, выпросилъ у меня большую трехэтажную казарму, дабы поселить тамъ бѣднѣйшихъ жителей города, переселивъ ихъ изъ грязныхъ вонючихъ лачугъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Давно уже Баранову хотѣлось реставрировать дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, но правительство не давало на это денегъ, какъ потому, что въ Нижній весьма рѣдко приѣзжала царская фамилія, такъ и потому, что убранство и состояніе дворца были еще удовлетворительны. Отправивъ свою семью еще до холеры къ роднымъ, а самъ переселясь въ прекрасное помѣщеніе на ярмаркѣ, Барановъ, несмотря на то, что городъ предлагалъ подъ холерныхъ нѣсколько свободныхъ хорошихъ помѣщеній, въ одну прекрасную ночь перетащилъ чело- вѣкъ сто холерныхъ больныхъ во дворецъ подъ видомъ неимѣнія для нихъ въ городѣ удобныхъ помѣщеній. Хотя государь встрѣтилъ это распоряженіе съ неудовольствіемъ, сказавъ, что Барановъ не имѣлъ никакого права занимать безъ разрѣшенія его дворецъ подъ холерныхъ, тѣмъ не менѣе послѣ холеры было отпущено 40 тыс. руб.

на очитку и реставрировку дворца и мебели, что только и нужно было Баранову.

Еще осенью 1891 г. стали уже ходить слухи о переводѣ 13-го и 17-го корпусовъ къ сторонѣ нашей юго-западной границы, а съ весною 1892 г. этотъ слухъ перешелъ въ совершившійся фактъ. Мой корпусъ приказано было въ октябрѣ мѣсяцѣ передвинуть на новыя квартиры, а въ концѣ августа меня по обыкновенію вызвали въ Москву для замѣны Костанды, уѣхавшаго въ отпускъ. Я отправился со всей семьей и чувствовалъ себя довольно въ хорошемъ состояніи. Наступило 30-ое августа, я сталъ одѣваться, чтобы ѣхать въ соборъ, когда почувствовалъ, что лѣвая моя нога совсѣмъ не дѣйствуетъ. Послали за докторомъ, онъ далъ кое-какія средства, и я, собравъ всѣ силы, съ трудомъ спустился съ лѣстницы и поѣхалъ въ Храмъ Спасителя. Къ счастью, я пріѣхалъ уже къ концу молебна и хотя съ великимъ трудомъ могъ подойти къ митрополиту и къ великому князю, а затѣмъ поцѣловать руку у великой княгини. На грѣхъ мой великій князь вступилъ со мною въ разговоръ, дѣлая замѣчаніе, что, пріѣхавъ въ соборъ, онъ не встрѣтилъ никого изъ военныхъ, которые собрались только во время молебна. Но этимъ мои мученія не кончились. По отбѣздѣ великаго князя меня осадили начальники войскъ, съ разными вопросами по службѣ, и я, облокотясь спиной въ стѣну, долженъ былъ еще $\frac{1}{4}$ часа стоять на одной ногѣ и до того истомился, что, выйдя изъ церкви, въ сѣняхъ опустился на первую попавшуюся скамью, гдѣ меня ожидали пріѣхавшія за мной въ церковь дочери. Бывшій мой подчиненный, полковникъ Вытекъ предложилъ мнѣ свой экипажъ, и я кое-какъ дотащился до квартиры.

Прошла недѣля, моя нога не поправлялась, а между тѣмъ долженъ былъ проѣхать черезъ Москву военный министръ, возвращавшійся изъ Варшавскаго округа. Духовской выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ Тулу, а я къ часу пріѣзда его прибылъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, едва передвигая ноги. Подавъ рапортъ, я кое-какъ добрался за нимъ въ пріемную залу, гдѣ онъ меня тотчасъ же усадилъ, вѣроятно предупрежденный о моей болѣзни Духовскимъ, и поздравилъ съ производствомъ въ полные генералы. Чтобы попасть въ поѣздъ, отходящій въ Петербургъ, нужно было обойти кругомъ платформы, и военный министръ, не желая беспокоить меня, простился со мной на этой сторонѣ, прося не ходить за нимъ, но я все-таки при помощи дочерей перешелъ на другую сторону, чѣмъ министръ остался видимо доволенъ.

Черезъ недѣлю возвратился изъ Петербурга Костанда, я встрѣтилъ его на вокзалѣ съ рапортомъ, и онъ попросилъ меня къ себѣ на квартиру. При свиданіи командующій войсками все время смо-

*

трѣль, какъ я хожу, и заявилъ мнѣ, что военный министръ при такомъ состояніи моего здоровья находитъ невозможной службу мою во фронтѣ. Въ свою очередь я отвѣтилъ, что за фронтомъ вовсе не гонюсъ и если не подавалъ до сихъ поръ самъ къ отчисленію отъ должности, то лишь изъ свойственной всякому человѣку надежды на выздоровленіе, такъ какъ нога моя нѣсколько уже разъ то улучшалась, то ухудшалась. Костанда на это отвѣчалъ предложеніемъ оставить фронтъ, совѣтуя написать къ нему письмо, и онъ дастъ мнѣ слово о зачисленіи меня въ комитетъ о раненыхъ. Отвѣтивъ, что я сперва переведу корпусъ на новыя квартиры, а затѣмъ, если нога моя не поправится, я самъ безъ всякихъ предложеній буду просить о переводѣ изъ фронта, я простился съ Костандой и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Нижній.

Пробывъ въ Нижнемъ около мѣсяца и сдѣлавъ всѣ распоряженія по передвиженію корпуса, я направился съ семьей черезъ Москву въ Тулу. При свиданіи съ Костандой онъ вновь сдѣлалъ мнѣ предложеніе написать къ нему объ отчисленіи изъ строя, и я вновь отвѣчалъ, что сдѣлаю это, когда найду необходимымъ. По прибытіи въ Тулу и не видя улучшенія въ здоровьѣ, а также зная, что Костанда къ рожденію императрицы поѣдетъ въ Петербургъ, я послалъ къ нему письмо, въ которомъ, описавъ всю свою службу, просилъ ходатайства о назначеніи меня въ военный совѣтъ. По возвращеніи въ Москву, Костанда увѣдомилъ меня, что военный министръ отговаривается назначить меня въ совѣтъ, по неимѣнію вакансій, и потому совѣтовалъ мнѣ лично обратиться къ министру. Вслѣдствіе такого совѣта я написалъ къ Ванновскому письмо, въ которомъ, вкратцѣ изложивъ всю свою 44-лѣтнюю службу въ предѣлахъ Средней Азии и Россіи, заявивъ, что я безъ работы не могу существовать, просилъ о назначеніи въ военный совѣтъ. Вслѣдъ за такимъ письмомъ и послѣдовало мое назначеніе въ совѣтъ, въ концѣ ноября мѣсяца, но выѣхать скоро изъ Тулы однако же я не могъ. Зима стояла страшно суровая, а здоровье мое было такъ ненадежно, что я принужденъ былъ остаться въ Тулѣ декабрь и январь мѣсяцы и только въ февралѣ двинулся въ Москву. Въ Москвѣ однако же я задержался еще недѣли на двѣ, какъ потому, что не получалъ долго распоряженія о перевозкѣ меня на казенный счетъ по желѣзной дорогѣ, такъ и вслѣдствіе болѣзни всей моей семьи инфлуэнціей. На этотъ разъ Костанда встрѣтилъ меня очень официально и не отдалъ даже приказа за мою 4-хъ-лѣтнюю службу въ округѣ, что для меня было нѣсколько больно, такъ какъ начиная съ поручичьяго чина, гдѣ я ни служилъ, вездѣ при моемъ отъѣздѣ начальство выражало и словесно и въ приказахъ благодарность за мою служебную дѣятельность. Въ

это время умеръ внезапно въ Хабаровскѣ Корфъ, и я послалъ Духовскому записку съ поздравленіемъ, такъ какъ давно было извѣстно желаніе военнаго министра предоставить это мѣсто Духовскому.

Кстати нѣсколько словъ о Духовскомъ. Сынъ богатаго священника, онъ получилъ кадетское воспитаніе, служилъ въ конно-гренадерскомъ полку, затѣмъ прошелъ двѣ академіи, инженерную и генеральнаго штаба, и, наконецъ, чтобы отряхнуть съ себя поповскую кровь, женился на дочери изъ захудалаго рода князей Голицыныхъ. Безспорно, Духовской былъ человекъ очень не глупый, образованный, но въ силу что ли своего происхожденія—искательный и двуличный. Желая во что бы то ни стало выйти въ люди, онъ съ ловкостью дипломата велъ свою службу и, лада съ Костандой, въ то же время всѣми мѣрами втирался въ милость къ военному министру, чего вполне и достигъ.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о Костандѣ.

Апостолъ Спиридоновичъ Костанда, родомъ грекъ изъ нашихъ южныхъ губерній, началъ службу въ гвардейской конной артиллеріи и, несмотря на свой маленькій ростъ, отличался весьма красивой наружностью, такъ что въ альманахѣ 40 годовъ „Утренняя Заря“ въ честь его красоты были даже напечатаны стихи. Первое мое знакомство съ нимъ началось въ 1853 году въ Малой Валахіи, гдѣ онъ въ числѣ другихъ гвардейскихъ офицеровъ состоялъ въ отрядѣ графа Анрепа. Какъ теперь помню, при наступленіи нашемъ отъ Боэлешти къ Малдовитѣ, когда выскакали впередъ 4 конныхъ орудія для пораженія отступившихъ баши-бузуковъ, этими орудіями командовалъ Костанда и велъ живую перестрѣлку по непріятелю. Затѣмъ онъ былъ при осадѣ Силистріи и участвовалъ въ неудачной попыткѣ Орлова съ Сельваномъ завладѣть укрѣпленіями Абдуль-Меджидъ. Здѣсь онъ былъ раненъ. Послѣ кампаніи я потерялъ его изъ виду. Костанда былъ женатъ на дочери бывшего новгородскаго предводителя дворянства и имѣлъ одного сына, состоявшаго адъютантомъ при Ванновскомъ. Костанда былъ характера очень мягкаго, тихаго, заискивалъ постоянно при дворѣ, а особенно у императрицы, старался жить въ мирѣ съ военнымъ министромъ и легко поддавалъ подъ вліяніе окружавшихъ его лицъ, въ особенности такого ловкаго человека, какъ Духовской.

Наконецъ состоялась моя отправка изъ Москвы, и я съ полубольной семьей отправился въ Питеръ, провожаемый старикомъ Макшеевымъ на станцію, а сыномъ его, бывшимъ моимъ адъютантомъ, до самаго Петербурга. Но пріѣздѣ сюда мы долго оставались на станціи, пока наконецъ не нашли двухъ свободныхъ нумеровъ въ ближайшей къ вокзалу гостиницѣ „Знаменской“. Началось затѣмъ исканіе квар-

тиры, что было очень трудно, такъ какъ въ это время никто еще изъ города не выѣзжалъ. Наконецъ-то кое-какъ удалось занять сносное помѣщеніе на углу Николаевской и Колокольной улицъ. Собранный съ силами, я сдѣлалъ визитъ начальнику главнаго штаба и затѣмъ отправился къ министру. Въ пріемной я нашелъ массу представлявшихся и въ томъ числѣ Наз — ва и моего преемника Леонова. Ванновскій встрѣтилъ меня сурово, спросивъ, отчего я такъ долго не ѣхалъ? Я отвѣчалъ, что сначала мнѣ мѣшала слишкомъ суровая погода, а потомъ болѣзнь семьи въ Москвѣ. Этимъ и кончилось наше минутное свиданіе, объяснимое тѣмъ, что въ это время, за болѣзнью многихъ членовъ военнаго совѣта, тамъ съ трудомъ могли составить частное присутствіе. Черезъ нѣсколько дней я сдѣлалъ визиты моимъ сослуживцамъ, начиная съ предсѣдателя частнаго присутствія совѣта Мордвинова и окончивъ старикомъ Глинкою-Мавринимъ; вездѣ я былъ принятъ радушно и вѣжливо, а мнѣ больше ничего и не было нужно.

Въ минуту вступленія моего въ совѣтъ онъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ, въ чинахъ полныхъ генераловъ за исключеніемъ Черняева, бывшаго генераль-лейтенанта и въ совѣтъ никогда не пріѣзжавшаго. Генераль-адъютанты: Глинка-Мавринъ, Семека, Волковъ и Мордвиновъ. Полные генералы: Рѣзвой, графъ Сиверсъ, Ганъ, Нотбекъ, Яфимовичъ, Богуславскій, Кармилинъ, Колпаковскій, Аллертъ, Орловскій, Анненковъ, Дандевиль, Эллисъ, при начальникѣ канцеляріи военнаго министерства Лобко.

Изъ числа этихъ лицъ Глинка, Семека и Волковъ были люди уже совсѣмъ преклонныхъ лѣтъ и если вступали въ разсужденія, то кажется болѣе для того, чтобы показать, что они еще не утратили даръ слова. Графъ Сиверсъ вскорѣ по моемъ прибытіи умеръ; болѣе же свѣдущими и дѣльно разсуждавшими оказались бывшіе правители канцеляріи военнаго министра Мордвиновъ и Яфимовичъ. Анненковъ говорилъ нерѣдко, но большею частью вздоръ; остальные же, считая въ томъ числѣ и себя, говорили очень рѣдко и мало. Главнымъ докладчикомъ и ораторомъ былъ правитель канцеляріи министра и профессоръ академіи генеральнаго штаба Лобко. Онъ говорилъ хотя не краснорѣчиво, но съ большимъ знаніемъ дѣла и весьма резонно. Вскорѣ къ нашему числу прибавилось еще два новыхъ члена, генералы Рербергъ и Хлѣбниковъ.

Военный министръ присутствовалъ только въ общихъ собраніяхъ и то не всегда. Онъ говорилъ очень тихо, большею частью соглашался съ доводами Лобко и очень рѣдко дѣйствовалъ самостоятельно; въ послѣднемъ случаѣ никто изъ членовъ не рѣшался возражать противъ его мнѣнія.

